

НИЖНИЙ НОВГОРОД

N I Z H N Y N O V G O R O D 3 (5 6) / 2 0 2 4

СЕРГЕЙ
ШУПАКОВ
Москва

4

ЕВГЕНИЙ
МИРМОВИЧ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

46

ВЛАДИМИР
КУЗИН
ВЛАДИМИР

59

ЗВЕЛИНА
АЗАЕВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

65

БОРИС
СЕЛЕЗНЁВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

93

МАРИЯ
ВАТУТИНА
Москва

97

ИГОРЬ
МАЛЫШЕВ
НОГИНСК

106

МАРИНА
СОЛОВЬЕВА
НИЖНИЙ НОВГОРОД

128

НИКОЛАЙ
СИМОНОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

143

ОЛЕГ
ЗАХАРОВ
Кстово

158

ВЛАДИМИР
СЕДОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

162

ЕВГЕНИЙ
СТЕПАНОВ
Москва

175

ЯРОСЛАВ
КАУРОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

182

ВАЛЕРИЯ
БЕЛОНОГОВА
НИЖНИЙ НОВГОРОД

198

НИКОЛАЙ
РАЧКОВ
Тосно

221

16+

В НОМЕРЕ

Проза

Сергей ШУЛАКОВ	
333. Повесть	4
Евгений МИРМОВИЧ	
«ОДИНАКОВЫЕ ПУЛИ»	46
ДРУЖБА НАРОДОВ	53
Владимир КУЗИН	
ПУНЬКИНО СЧАСТЬЕ	59
ВАРЕЖКА	62
Эвелина АЗАЕВА	
НЕДОБИТКИ И ИЖЕ С НИМИ	65
Марина ГОРЕВА	
ГОЛУБАЯ ЛЕНТА	84

Поэзия

Борис СЕЛЕЗНЁВ	
ЭТО ПО ВОЛЕ БОГА – И ПЛАМЕНЬ, И ТУЧИ СМУТ...	93
Мария ВАТУТИНА	
УЛОВ	97
Елена КОЛЕСНИКОВА	
ЗА ТО, ЧТО С НЕБОМ – ТОЛЬКО О ВЫСОКОМ...	103

Проза

Игорь МАЛЫШЕВ	
МГНОВЕНИЕ	106
НА ЛЬДУ, ПОДО ЛЬДОМ, НАДО ЛЬДОМ	108
ВНЕ ВРЕМЕНИ	110
КОПАЮЩИЙ ЗЕМЛЮ	112
СТАРОЕ ЗЕРКАЛО	115
КАРЬЕРА МЕРТВЕЦА	118
МИНОТАВР В ЛАБИРИНТЕ	120
Александр ОРЛОВ	
ШИРОКИЕ И ТЕСНЫЕ ВРАТА	123
Марина СОЛОВЬЕВА	
ГОЛОС	128
Мария ДАВЫДЕНКО	
АЛЁНКА АРЗАМАС	134
ТОПОЛЬ-М	137
Сергей ХАУСТОВ	
MODERATO	140

Поэзия

Николай СИМОНОВ	
ИВАН, НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА. Поэма	143
Александр ЛОШКАРЕВ	
МЫ ЕХАЛИ С НИМ ПО РОДИНЕ...	151
Андрей КРЮКОВ	
И НЕВЕСОМ ПРОЗРАЧНЫЙ СЛЕД....	155
Олег ЗАХАРОВ	
ПАРОДИИ	158

Из будущих книг

Владимир СЕДОВ

«РУССКИЙ КЛУБ». *Фрагмент романа* 162

Стихи по кругу

Евгений СТЕПАНОВ 175

Евгений КУХТИН 176

Яков ШАФРАН 178

Виктория БЕЛЯЕВА 178

Аркадий ГОНТОВСКИЙ 179

Юрия ПРОНИН 179

Олег ИГНАТЬЕВ 180

Публицистика

Ярослав КАУРОВ

ГОРОД СЧАСТЬЕ. *Глава из очерка «Юродивый нашего времени»* 182

Александр ЛОМТЕВ

УЖАС 193

Вехи памяти

Валерия БЕЛОНОГОВА

НА КРЫЛЬЯХ ВЫМЫСЛА: ВООБРАЖЕНИЕ

В ТВОРЧЕСТВЕ И ЖИЗНИ ПУШКИНА. *Главы из книги* 198

Людмила КАЛИНИНА

«ПОМОГ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ»

Кто послужил моделью для изваяния А.С. Пушкина 212

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

«НЕТ ДРУГОЙ ДВЕРИ, КРОМЕ УКАЗАННОЙ ИИСУСОМ ХРИСТОМ»

215 лет со дня рождения Н. В. Гоголя 216

Николай РАЧКОВ

МЫ ШЛИ ЗА НИМ

85 лет со дня рождения поэта Юрия Адрианова 221

Литпроцесс

Елена КРЮКОВА

МЫСЛЬ, СЕРДЦЕ, ПАМЯТЬ. О книге Владимира Малягина «Глас вопиющего» 231

Владимир АВЕТИСЯН

«Я – РУССКИЙ!» О сборнике стихов Петра Родина «Стужа». 237

Сергей ШУЛАКОВ

Прозаик, литературовед, критик, переводчик. Родился в 1970 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар В.И. Гусева, специальность – литературная критика). Литературный редактор исторического альманаха «Кентавр», главный редактор журнала и интернет-сайта «Сельская молодежь» издательства «Подвиг».

Публиковался в «Книжном обозрении», «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Наш современник», «Москва», «Новый мир», «Русский колокол» и других изданиях.

Лауреат премии им. В.Я. Лакшина (2009) в номинации «Критика, литературоведение» литературно-художественного и общественно-политического журнала «Юность». Лауреат всероссийского конкурса «Вторая Отечественная» им. С.С. Бехтеева (2014) и всероссийского конкурса им. В.Г. Белинского (2023). Обладатель «Бронзового Витязя» и золотого диплома МСЛФ «Золотой Витязь» (2019).

Член Московской организации Союза писателей России. Живёт в Москве.

333

Повесть

Славик и поход на Ростов

В подвале бывшего сетевого универмага большого села Луганской области было то жарко, то холодно. Весна оказалась поздней, прохладной, лето становилось жарким, но погода была неустойчивой. Тепловые пушки, установленные в обоих концах длинного коридора, отключали и включали бойцы, располагавшиеся в помещениях склада. Узкие оконца, подходившие под цоколь, снаружи были заложены мешками с песком. Одним было жарко, другим холодно. Просыпались, беззлобно перебраниваясь, перетаскивали мощные обогреватели и кабели, терпели или спали сном праведника, ничего не чувствуя по причине самой возможности спокойно выспаться. Но в эту ночь никто не спал. Командир взводной группы военной компании «Шуберт» с позывным «Лис» собрал подчиненных прямо в коридоре, меж бетонных стен, напротив помещений, где ночевали обычно по двое или четверо.

– Получен приказ выдвигаться. С полным боекомплектом. – Лис обычно отдавал команды тоном, не допускающим возражений. Но теперь говорил на удивление сдержанно, словно советуясь. – По моим сведениям, выдвигаемся на Ростов. А потом, может, и дальше по М-4...

Было понятно, что речь идет о Ростове-на-Дону и, возможно, Москве.

Наступило молчание. Бойцы знали, что на высоком уровне у руководителя компании давно зрели противоречия. От этого было тревожно,

и даже в относительном тылу, куда их вывели после долгого, кровопролитного штурма одного из объектов, это ощущение только усиливалось.

Взводный командовал группой, в которую входили человек сорок. Одним из самых молодых был оператор беспилотников Славик. Он непроизвольно поежился, нарушил паузу первым:

– А чего мне там, в тылу, с моими птичками делать? – словно в раздумье, не особенно возражая, произнес он негромко. – Я уж лучше обратно, на передок.

– Ну, и я с тобой!

Ромка, механик, ровесник и помощник Славика, с нагледой ухмыльнувшись, переместился к товарищу и встал рядом, словно подпирая его плечом.

Через несколько мгновений к парням молча подошел длинный, молчаливый штурмовик с ветвистым, как молния, шрамом на щеке, с позывным «Сивый», оперся о стену. Ему не нужно было ничего говорить, и так было понятно – остается или на передовую. На их сторону коридора быстро переместился африканец, позывной – «Снежок»; виновато улыбнулся, бросив взгляд на взводного. Пожилой Василич только развел руками – я как все. Остальные стояли молча, потупясь или глядя в сторону. Полуприказ взводного выполнять не спешили.

– Понял, – резюмировал Лис. Это звучало почти как одобрение. – От греха, в ружье!

Взводный пошел к выходу. Славик несколькими шагами догнал командира.

– Разрешите связаться с Фрегатом?

– Только этим вашим нев... невозможным шифром.

– Есть шифром! – Славик быстро направился в свой кубрик, открыл полевой кофр, включил планшет. Над плечом навис Ромка:

– Кажись, влипли?..

– Ром, не каркай.

Добросовестный Ромка пожал плечами и принялся проверять оружие и магазины, броники и шлемы для обоих – все находилось здесь же, рядом с койками. При этом ухитрялся жевать овсяное печенье, переданное волонтерами, запихнул пачку в свой рюкзак. От ушей свисали черные проводки динамиков-таблеток маленького плеера, все команды слышно, а все-таки музыка... Славик жестом попросил один, сначала не узнал, потом удивился: Ромка слушал Blood red roses Стинга, старинную разухабистую пиратскую песню.

Позывным «Фрегат» пользовался капитан морской пехоты Тихоокеанского флота Бахметьев, запомнивший Славика больше двух месяцев назад. Толковый московский компьютерщик, хоть и служил в военной компании – не в армии, но по договоренности командиров выполнял поручения офицера разведки.

Ответ, несмотря на крайнюю сложность шифра, пришел минуты через три. Славiku возиться не пришлось – ключ был в голове:

«Знаю. Вооружиться, расположения не покидать. Довести до командиров. Поддержка будет».

Славик облегченно выдохнул. В коридоре слышался приглушенный гвалт. Прозвучала команда на построение. Парень быстро удалил переписку, заглушил планшет и выскочил из двухместного кубрика. За ним Ромка, обещанный оружием и защитой на двоих. Славик подобрался к Лису, тихо, почти на ухо, доложил. Лис быстро кивнул, пошел к ротному, который уже выходил к неровному, копошащемуся строю.

Выслушал, вышел к центру коридора. Люди притихли, прекратили возню со снаряжением.

Ротный был хладнокровен:

– Занять оборону по периметру расположения. Технику к бою готовить, выдвинуть боевое охранение. Экипажу «Панциря» и беспилотчикам – особое внимание. Без моей команды огонь не открывать. За расположение – ни шагу! Связисты, ко мне!

Бойцы, привычно после тренировок, заняли свои места. Ромка устроил во дворе стрелковую ячейку, притащил оборудование, и Славик поднял квадрокоптер: теперь он видел на экране все, что происходит за периметром расположения ротной группы.

Еще пару месяцев назад Славик сам себя не узнавал. Он никогда не думал, что такой азартный. Полз по-пластунски, не слишком умело, но довольно шустро. Чпок. Щелк. Рядом в едва подсыхающую землю впивались пули. Больно локтю, кто его знает, царапнуло или ушило о камень. Легкий, не сертифицированный Министерством обороны шлем с планками-креплениями – наушники сдвинуты к задней кромке – открывал уши, не мешал обзору и позволял видеть: впереди замирал винт крупного вражеского беспилотника.

Прошедшие несколько минут слились для него в одно мгновение. Вот, насуленный и сосредоточенный, в более или менее надежном, обшитом доской окопе, он скрючился над двумя полевыми планшетами. Через бруствер работала антенна, вроде спутниковой тарелки, только много меньше, складывающаяся зонтиком. Сердце билось неровно: он впервые в жизни перехватывал реальный боевой беспилотный летательный аппарат. Вот вражеская «птичка» ослепла, прервала передачу данных. А теперь перехвачен сигнал управления, начала слушаться, снижается. Вдруг сделала рывок, как живая, попыталась набрать высоту, но почти сразу уткнулась в землю. Прикинул – метров пятнадцать. На адреналине, как, бывало, нырял в Клязьму, только не вниз, а вверх, прыгучий Славик вылетел за бруствер, пополз за добычей.

– Куда, паршивец, мать-перемать! Быстро вернулся!

Славик слышал приказы и ругань командира взвода, но что-то мешало обычно дисциплинированному, бесконфликтному парню их выполнять. Дополз, перекинув на грудь АКСУ поверх бронежилета легкого класса, ужом перевернулся на спину, ногами в сторону противника. Короткий, чуть больше полуметра корпус, едва в обхват двумя ладонями, сверху толстая вертикальная стойка, на которой крепятся крылья и мотор с винтом, прямая, как черенок от швабры, балка, в конце которой V-образное хвостовое оперение... Ухватил беспилотник под крыло носом вверх, чтобы не повредить чувствительную камеру, пополз на спине назад, помогая себе берцами.

Щелк-щелк. Чпок.

Пыхтя, неосознанно крепко прижимая к себе трофей, весь мокрый и грязный – весенняя погода расквасила грунты, свалился в траншею. Уставился на холодно рассвирепевшего командира, на лице дурацкая мальчишеская полуулыбка.

– Знаешь, что у нас за неповиновение приказу?! Мне за тобой бойцов посылать, людьми рисковать, когда тебя подстрелят? А если дрон на самоподрыв установлен?

– Уже рванул бы. Там гироскоп нужен, разряд электрический, если перевернуть, тогда и... А он уже перевернутый...

Оба знали, что враг крайне редко программирует самоподрыв дронов – только если целит по городам. В поле пока что – вероятность меньше процента, то есть очень низкая.

– Перекаешься? – шипел старший. – Хохол в трехстах метрах, перемать! Ах ты, debil малолетний!

Лис, командир взводной группы военной компании «Шуберт», бывший кадровый старший лейтенант, замахнулся, но Славик знал – не ударит. Невдалеке заработал свой пулемет. Пользуясь моментом, согнувшись, прошмыгнул в ногах старлея, перенес дрон к своему имуществу – планшетам в кофрах. Вслед услышал негромкое:

– В другой раз при товарищах твоим же ремнем выпорю.

Вот это было уже серьезно. Славик откинул складной приклад своего калаша и изготовился к стрельбе.

Славик и капитан Бахметьев

Кабинет считался тесноватым для офицера такого ранга. Капитан ВМФ Бахметьев был командирован от одной из частей морской пехоты Северного флота, занимался разведкой и понимал, что помещение, возможно, придется покидать внезапно. Распатанный канцелярский стол, пара выдавших виды офисных кресел, на полу – небольшой сейф, несгораемый ящик, открываемый сверху, словно квадратная кастрюля на петлях. В углу койка, под ней – сетка волейбольных мячей, в спешке привезенных волонтерами, никак не дойдут руки, чтобы передать их луганским школьникам. Единственным находившимся непосредственно при нем военным был смысленный старший матрос, «сверчок»-контрактник, он и притащил всю эту нехитрую мебель, раздобыл электрический чайник, чашки из рекламного подарочного набора с логотипом производителя кофе, уговаривал начальника продовольственной службы на пачки чая и сахара, сушки. Нашел солдат, которые зашили полуразрушенную стену между комнатами гипсокартоном. За перегородкой разместился другой офицер, командир комендантской роты. Он постоянно переставлял свои, столь же неказистые, предметы быта. Вероятно, думал, что если передвинуть стол и койку так или сяк, это поможет унять тоску и беспокойство оттого, что о нем самом волнуются дома его близкие. Бахметьев хотел поговорить со старшим лейтенантом, но мысль эту отбросил: всякий устраивается психологически по-своему, лишь бы служба шла эффективно. Бахметьев был терпеливым, работоспособным офицером и мог переключить тумблер в своей голове, чтобы не слишком мешали даже разрывы снарядов «Хаймарса», что уж говорить о возне сослуживца за фальшивой стеной.

Так всегда бывает: когда вступишь в дело, проблемы нарастают. Помимо прямой информации о передвижении частей противника, бесконечных анализов перехватов, которыми перегружали связисты, сводок, через полтора часа ответов на запросы начальства, капитан имел дело еще и с проблемой, к которой его не готовили, о которой не предупреждали. Инженеры танковых частей, артиллеристы-самоходчики наваривали на башни машин рабицу, секции решетчатых заборов на арматуринах или стальных уголках, чтобы погасить мощность боеприпаса при ударе сверху. Танкисты даже активную защиту на такие сети укрепляют. На всякой войне экипажи совершенствуют свою технику: приваривают штанги на бамперы джипов, рвущие проволоку, протянутую

поперек дороги, крепят сети и решетки на бортах танков в противодействие кумулятивным снарядам, защищают двери внедорожников, борта «мотолыг» дополнительными стальными листами. Военные железнодорожники на месте собрали бронепоезд, скорее, состав охраны коммуникаций, большой огневой мощи и грозный на вид. Страшные, словно монстр-траки из фильмов постапокалипсиса или сирийские джихад-мобили, «тачанки» ополченцев чего стоят! Но начальство требовало от разведки найти вариант противодействия. Танкистам, например, с сеткой на «голове» безопаснее, но она лишняя нагрузка на привод башни – вес сравнительно небольшой, а поворачивается башня чуть-чуть медленнее и с отчетливо слышным скрипом...

«Все в порядке», – повторял, словно молитву, бреясь по утрам одноразовым станком капитан Бахметьев. «Все будет в порядке». Шарах! Разрыв неподалеку. Спокойный и уравновешенный, Бахметьев выходил в смежное помещение своего помощника, где старший матрос аккуратно сгреб в кучу битый желтый кирпич и осколки снарядов, поначалу ярко блестящие, но очень быстро покрывшиеся ржавым налетом, и прикрыл синтетическим синим мешком – когда-нибудь вынесет...

– Товарищ капитан, вы чай пили?

Бахметьев глянул на наручные часы. Скомандовал:

– Для разнообразия, за мной, на завтрак! От твоей, Чабаненко, стряпни с консервами оба язву заработаем...

Едва вернулись из офицерской столовой – Чабаненко пользовался некоторыми привилегиями – и капитан занялся оставшимися с ночи формальными отчетами, на пороге снова появился матрос.

– Разрешите? Сообщают, Шуберты под Олышанкой беспилотник посадили. Надо ехать, забирать...

Чабаненко знал, что еще ни разу они за такими трофеями не ездили, но ему хотелось лишний раз побывать на передке – давно не был. Вдруг сейчас удастся?

– Ты в уме? Пусть сами везут.

– Так положено же, тащ-щ капитан, нам на месте принять...

– Матрос, мне известно, что и кому положено.

– Или контрразведчиков проинформировать?..

– Я тебя так проинформирую!.. – Капитан не желал сразу делиться с дружественной службой.

– Тащ-щ капитан, может, я слетаю? Машину дадите? – Капитану Бахметьеву был предоставлен стандартный, не бронированный, но новый УАЗ-«козлик». Чабаненко его и водил. – Одна нога здесь, другая там...

– Инициативу проявляешь?

Чабаненко знал этот волчий взгляд своего начальника, от которого цепенеешь на доли секунды и только бы суметь глаза отвести. Развернулся кругом почти по-строевому, и пошел к себе, звонить «шубертам». Капитан добавил вслед:

– Чтобы вез тот, кто сажал, понял?

В середине дня доставили «птичку». Парень поначалу вызвал у Бахметьева раздражение. Импортный армейский шерстяной джемпер глубокого, почти как медицинская зеленка, цвета со вставками на плечах и локтях. На погончиках аккуратные лычки ефрейтора светло-зеленого галуна. «Липучка» для шеврона пуста. Из-под джемпера справа сзади едва виднеется нос малой зеленой полиамидной кобуры: видно, ГШ-18 на брючном ремне, понял капитан. Советской разработки пистолет, не большой и довольно капризный, но магазин на восемнадцать патронов,

а если в стволе еще один, то девятнадцать, в идеальном состоянии – отличное оружие самообороны, но не для передовой. Ладный, прочный, болотного оттенка рюкзак на левом плече, наверное, с электронным планшетом. Китайские тактические кроссовки. Несносимые российские армейские штаны с внешними карманами, но не в камуфляж – где только такие нашел? Горчичного цвета бейсболка, над длинным козырьком небольшой шитый знак, вроде вертикальной кокарды: виолончель с грифом, в нижней части деки – под рок-музыкальную стилистику белая черепушка. Еле уловимый запах дешевого стирального порошка. В руке бумаги, как всегда – рапорт и описание трофейного дрона. Опрятный и аккуратный, как новенький.

По парадной форме явился, подумал капитан Бахметьев. Бесполезный, хилый, одноразовый неумеха. Дома не сиделось, поиграть в войнушку захотел. А если, не дай бог, очередью из автоматической пушки бронетранспортера руку или ногу оторвет, уже не будет думать о портках и кепке... Хотя аккуратность, чистоплотность – дело необходимое и обязательное.

Юноша приосанился, доложил:

– Командир технической группы, младший специалист компании «Шуберт» прибыл.

– Тебе сколько лет, командир? – сразу наехал Бахметьев.

– Двадцать два неполных, товарищ капитан.

– Мамаша не говорила тебе, что старшим врать нехорошо?

– Говорила, товарищ капитан.

Бахметьев увидел: в глазах парня мелькнула и погасла дерзость. Не трогай меня – не ужалю. Змееныш, на равных себя ощущает... Но сдержался:

– Не наеживайся, я не являюсь твоим прямым начальником. Сотрудничает в рамках взаимодействия флота и вз-ка. Позывной?

– Две Луны.

– Я спрашиваю, каков твой позывной, солдат!

– Две Луны, товарищ капитан.

– Понаберут психов... Кому такое в голову пришло?..

– Самому пришло, товарищ капитан. Две Луны* – вождь индейцев шайеннов, с пятнадцати лет воевал с американцами. Я лингвист, диссертацию хотел писать по алгонкинским*** языкам...

Заметив недоверие пополам с насмешкой во взгляде Бахметьева, стал торопливо оправдываться:

– Нормальный позывной: всего три слога, а произносится быстро, как два – из-за фонетического падения безударного «у»... – И добавил: – Это для связи. А так – Славиком называют...

Бахметьев повеселел:

– А, и ладно, умник. Противнику голову дурить тоже нужно. Хол ничего такого и вообразить не сможет: какие такие луны? Почему две? А сумеешь небольшой словарь этого твоего алкогольского языка

* *Две Луны (1842–1917)* – вождь шайеннов, благородство которого в бою признавали американцы. После капитуляции был вновь назначен вождем правительством США, и индейцы охотно согласились. Неоднократно ездил в Вашингтон, в 1914 г. встречался с президентом Вудро Вильсоном, много сделал для своей племенной группы.

** *Алгонкинские языки* – одна из крупнейших языковых групп коренных народов Северной Америки. По сей день употребляются в районе Великих озер, северной части Атлантического побережья США, в центре и на востоке Канады.

составить? Для шифра. Числительные, простые понятия?.. Даже и американцы не сразу раскусят. – И добавил: – Я – Павел Николаевич. Позывной – Фрегат.

– Алгонкинского, – машинально поправил Славик, прокручивая в голове словарную систему. – Если и раскусят, все равно ничего конкретного не поймут. Это группа языков. И у каждого – большое диалектное дробление, сложные выражения – одно слово может иметь разные значения... Пока аэробэшникам, пока те в Мичиганский университет перешлют, пока там разбираться будут, мы уже ключ изменим. Да хоть раз в неделю. Без ключа к шифру, чих им собачий. Виноват, от бойцов набрался... Разрешите? – Славик указал на тонкую стопку бумаги на столе капитана.

Тот подумал: а парень-то отесался на передке. Кивнул. Славик взял лист, ручку, написал в столбик, разборчиво:

Ėše'he Ohnėšesėstse

Эчееше Ухнэчесистсе.

Две Луны.

Капитан прочел, одобрительно кивнул.

– Это на северном шайеннском, – пояснил Славик. – А есть еще куча диалектов, сами индейцы друг друга не понимают. Перемешать можно – никакой искусственный интеллект не возьмет.

– Договорились. Давай с дроном разбираться. Что притащил?

Парень посторонился, словно приглашая капитана в каморку Чабаненки, куда, прямо на кучу военного мусора, поместил привезенный на попутном грузовике беспилотник, заботливо укрыв своей курткой-бомбером. Из миниатюрного китайского радиоприемника тихо погромыхи-вала The Wheel Полли Джин Харви. Хор, баритон-саксофон, перкуссия хлопаньем в ладоши, само собой, гитары и звонкий голос Полли – как старший матрос мог оценить почти пять минут отменной музыки?

Офицеру оказалось достаточно одного взгляда, он сразу развернулся, и пошел к себе. Славик – за ним.

– Опять старого «китайца» приволок. Ну на кой этот хлам кому нужен! Тридцать три раза говорил вашим: трофейте украинские, «Лелеку» там, «Фурию». На худой конец, «Гарпию» эту их, полукитайскую, полуизраильскую. А такого добра у всех навалом. Если я сейчас буду его гражданским из оборонки передавать, бумаги писать, они взвоют. Пойми, им интересно, какими деталями, американскими, китайскими, может, еще какими, хохол насыщает свои собственные разработки. А с этим мне одна морока. Что лишил противника аппарата, хвалю. Возьми у матроса сухеш.

Славик был расстроен и зол. Ладно, взводный не оценил его подвига. А этот капитан, моряк, и – туда же! Сидит тут в кабинете, неудовольствие и разочарование выражает, насмехается... Славик понимал: аргументы капитана Бахметьева убедительны, но добытого беспилотника от этого стало еще жалче.

– Товарищ... Павел Николаевич! А разрешите мне его назад забрать? До ума доведу, будет у нас еще одна «птица».

– Да забирай, – с облегчением разрешил Бахметьев. – Чабаненко! Найди младшему специалисту транспорт. И это в печку брось.

Матрос взял протянутые Бахметьевым бумаги, что привез Славик, весело подмигнул парню, слегка подтолкнул к себе в помещение: «Жди здесь». И скрылся за дверью.

Ключ по времени меняли произвольно: проснется капитан Бахметьев, придет ему в голову, что пора, а остальное зависит от того, занят ли Славик на боевом задании и когда сможет прибыть. Славик писал по полторы-две сотни слов, одновременно в двух школьных тетрадках из гуманитарной помощи. Одна оставалась у Бахметьева, другая шла к Чабаненке, тот, матерясь вполголоса или едва сдерживая смех – сочетания попадались самые причудливые, – переписывал в третью и четвертую, все три передавались прибывающим офицерам разведки. Никто, включая Славика, объективно не смог бы вспомнить в подробностях, что именно он написал. Шифровки составлялись в русской транскрипции, получалась на первый взгляд, сушая белиберда – просто с ума сойти. Разведка морпехов Тихоокеанского флота занимала собственный нераскрываемый, живой шифр.

Славик и пропавшая картина

Обойти противника никак не удавалось. Славик сидел за огромным поворотным монитором, терпеливо и методично устраивая ловушки для партнеров по танковому шутеру. Компьютер стоял в комнате Киры, в его большой московской квартире.

Как и в любой тинейджерской компании, роли разделились по характерам и способностям. Кира, Кирилл Сташевский, был главарем, лидером. Длинный красавчик, светлый шатен, спортивный, молчаливый скорее не в силу зрелости, а просто мало было что сказать, Кира был одним из самых популярных в школе, девчонки старались улыбнуться, заговорить, парни заискивали, кто чаще, кто реже. Отец его работал в аппарате представителя президента округа страны на юге, приобрел квартиру в Москве, и, по слухам, не одну. Мать Киры оставалась с мужем, и просторное жилье в некогда очень престижном, а теперь слегка обветшалом кирпичном доме на Никитской, почти напротив церкви, где венчался Пушкин, оставалось в распоряжении сына.

К Кире часто заходил Ромка Фомин, невысокий крепыш, блондин прибалтийского типа, на лицо благообразный, только всего немного слишком: крупный курносый нос, уши слегка оттопырены, тяжеловатая нижняя челюсть и необычно длинные, заостренные клыки – зубы, что у стоматолога называются «шестерка» и «одиннадцать» – жутковато торчат, когда скалятся. Все это искупали большие наглые серые глаза. Шпанистый и драчливый Ромка учился на тройки и был руками и ногами Киры, с удовольствием и некоторым облегчением – не нужно самому думать, что сегодня делать, не все же время воркауты крутить – бегал по его поручениям. Давно разведенная мать Ромки трудилась в аэропорту Домодедово, формируя пищевые наборы для пассажиров разных классов, что стюардессы предлагают со своих тележек в полете. Перепадало и Ромке. Он был не избалован, довольствуясь ничтожными для Киры, но существенными для себя денежными подачками, почти не ношенными, еще с магазинными бирками в люверсе кроссовками, которые Кире разонравились, и, время от времени, кормежкой от стола нежадного друга.

На свой никнейм Кира не обижался, сначала было все равно, а потом Славик рассказал ему, что это прозвище героя манги, одной из самых хитовых. Славик Кудрявцев был мозгами компании.

Однажды Кира одним своим появлением, скорее всего, даже случайным, разогнал троих старшеклассников, которые захотели унижить

ботана, просто потому что он хорошо учится, и вообще, че он такой? С тех пор Славик прибился к свите Киры, в которой до этого состоял только Ромка. Делал Кире контрольные по истории и обществознанию, заставлял лично переписывать упражнения по русскому, английскому и испанскому, пересказывал литературу по программе, объясняя значение произведений, терпеливо вбивал в не слишком восприимчивую к знаниям голову чемпиона образовательного округа по волейболу ответы к тестам ЕГЭ. Кира получил бесплатного репетитора, всегда находившего нужный подход, чтобы Киру не тошнило при виде очередного параграфа учебника; его успеваемость повысилась, родители стали переводить еще больше денег – отпрыск, кажется, за ум взялся. И осмотрительного товарища, который удерживал компанию от самых рискованных хулиганств. Брюнет с широко расставленными, выразительными карими глазами, Славик на отсутствие внимания девчонок не жаловался, но смог бы отмахаться от троих обидчиков только ценой разбитого длинноватого носа и иных повреждений худой, бледной физиономии. А теперь возымел безопасность. Школьные буллеры знали: если обидят его, то Ромка по приказу Киры подстережет неожиданно, а с таким лучше не связываться, социализации учителя так и не привили, терять по жизни фактически нечего, может и покалечить, качок и беспредельщик.

– Ты мне тока скажи, я кому хоч-шь за всю мазуту объясню, – говорил Ромка Славiku, по-братски справляясь, не наехал ли кто.

– Да нормально все, Ром, – старался не обидеть нового товарища Славик, побаиваясь этакой дружбы.

За Кирой присматривала, готовила ему живущая в двух кварталах очень дальняя родственница на правах домработницы. Неопределяемого возраста таджичка-консьержка Киру и его одноклассников хорошо знала и впускала без проблем. У Киры всегда кто-то толокся, то очередная девчонка, то Ромка. Он практически не бывал один, но дискомфорта от этого не испытывал. У него словно не было личного пространства, или граница этого пространства поглощала все эффекты его нарушения без остатка.

Кира почти никогда не улыбался, на его лице застыло унылое выражение скуки от жизни вообще и от собственного неизбежного высокомерия. Друзья знали, что порой он впадает в необъяснимые депрессии, может долго лежать, глядя в потолок, не обращая внимания на нюни девушки, на то, что в его квартире шарится, что-то спрашивает Ромка или пожилая родственница предлагает покушать рыбы, которую купила, приготовила, принесла и разогрела. Товарищи по школьной волейбольной команде давно убедились, что если он вовремя не явился на тренировку, звонить бесполезно – не ответит. Славик чувствовал, что порой это его выражение – привычная маска, за которой Кира скрывает тоску и неуверенность. Но когда это приступ тоски, а когда – лени, понять по лицу Киры было невозможно.

Инстинктивно ощущая некоторую благодарность, он таскал Славика на волейбольные тренировки, несколько покровительственно озабочась поддержанием его физической формы. Раз на третий поставил Славика диагональным нападающим. Капитан команды соперников решил потроллить, крикнул:

– На спор? Мяч сожру, если дрищ забьет!

Не учел, что новичкам, бывает, и везет. Славик принял мяч от связующего и в панике так подпрыгнул, так послал мяч, что, сильно ушиб-

бив ладонь, неожиданно для самого себя, сразу забил. Кира профессиональным броском правой из-за спины, отправил другой мяч прямо в руки недалёковидного хвастуна:

– Ешь.

И направился в раздевалку. Чемпион закончил тренировку – унижение противника было полным и сокрушительным, а Кира понимал, что полезно покрасоваться перед школьницами, частенько собиравшимися в спортзале посмотреть на матчи парней.

Славик и Кира поступили в известное учебное заведение, располагавшееся в кичливом, под старину, новоделе на Мясницкой. Славик – на филологию, там сильная гуманитарная школа, а Кира, конечно, на государственное управление. Кроме Ромки, который глумливо, в непочтительных выражениях высказывал неприязнь к высшему образованию и его последствиям. Ромка работал то сторожем на кладбище, то логистом в супермаркете, но преимущественно бездельничал, ибо Кира, по старой памяти, без денег его не оставлял. Когда Ромкины просьбы становились чаще и дороже, впадал в грусть, но, больше в силу привычки, переводил другу на карту сколько тот просил. Иногда Ромка устраивал себе праздники непослушания, пропадал наглухо на три дня и появлялся с разбитой физиономией, но гордый и при деньгах. От ответов на не слишком настойчивые вопросы увиливал, сообщил однажды, что участвует в полуподпольных боях без правил при какой-то качалке. Славик спросил только:

– Без уголовщины? Ты не впутывайся давай.

– Не боись. Только спорт.

Что Кире хоть чуть-чуть нравилось, это его игрушка, винтажный скоростной «Форд-мустанг Кобра» 1981 года. Когда он поступил в академию, родители предложили выбрать машину в подарок. А когда Кира сказал, что хочет «Кобру», отец воззрился на сына едва ли не с возмущением. Но обещал так обещал. Кира нашел автомобиль в неплохом состоянии – просто потому, что знал: это модно. Папаше пришлось вложить немало денег, чтобы Ромка, который взялся за дело с восторгом, но и добросовестно, отыскал аутентичные детали, реставратора, и они привели Кирину «Кобру» в полный порядок. Алого цвета, сверкающая лаком, словно коллекционная машинка-модель, только настоящая, агрессивная, с плавными обводами к багажнику и ноздрями турбонаддува на капоте, «Кобра» работала как часы. Ромка, от рождения приспособленный ко всякой технике, научил Киру водить и облизывал машину как свою, был Кириным механиком. Киру немного смешило, когда Ромка, перемазанный черным отработанным маслом, пахнувший полировочной смесью, с гордостью докладывал, что машина бежит как новенькая. Кира не мог сдерживать кривоватой улыбки, что с ним случилось очень редко, а Ромка, с непривычки хлопая глазами, недоумевал: «Чего ржешь-то?» «Кобра» стояла в подземном гараже на площади Восстания, и Кира едва привык к тому, что нужно тащиться туда, осматривать и заводить машину – если Ромка не подгонит к подъезду на Никитской. К своим девятинадцати годам Кира никогда не знал, сколько у него денег, только приблизительно – за все платить всегда хватало, и оставалось, и прибывало; он понимал, что, в принципе, в его кармане намного меньше, чем у тех, кого называют какими-то олигархами, да ну и что? Если бы у Киры всерьез спросили, любит ли он кого-нибудь – родителей, девушку или кошку и если бы он взял труд покопаться в себе, пришлось бы отвечать: только самого себя. Кира органически не мог допустить мысли,

чтобы нанести вред своей персоне, поэтому сверхмощной машиной управлял аккуратно, старался не нарушать правил и на предложения стритрейсеров в соцсетях погонять по ночной Москве даже не отвечал.

Летом они иногда ездили купаться на Клязьму. Но после того, как Кира единственный раз побывал на старой, послевоенной даче Ромки в Тарасовке, всегда скупно отговаривался: «Не могу сейчас, езжайте без меня».

На первом этаже дома, где обитал Кира, с советских времен работал цветочный магазин. Продавщицы, Анька и Катька, девушки примерно на год постарше парней, после смены соглашались зайти в гости к Кире. Частенько Ромка самым ранним утром помогал с коробками удушливо пахнущих цветов – за стаканчик-другой кофе со свежей ватрушкой из соседней пекарни. Однажды в еще закрытый магазин, пока девчонки с увлечением формировали букеты, стали ломиться богатые хамы после суточной гулянки. Ромка приоткрыл стеклянную дверь, глянул со своим оскалом, и мужики в потных белых рубашках сделались вежливы, поскорей накупили цветов и поторопились обратно к машинам, где их ожидали ночные дамы, – да тут какой-то шиз чокнутый!.. Девушки оценили – Ромка еще и охранник. А у Киры водилась выпивка, он не считая оплачивал доставку еды по желанию гостей, поэтому симпатичные Анька с Катькой заглянуть к нему были вовсе не прочь.

Когда раздался звонок, Кира, конечно, даже не пошевелился – он платил за весь бардак. Плутоватого вида парня, развозившего пиццу и китайскую еду, пошла встречать Катька, натянувшая коллекционную Кирину футболку, специально, небольшим тиражом выпущенную для московского концерта старой серьезной американской рок-группы. Заехала в спальную, были слышны переговоры, возражения.

– Кира, ну, я могу заплатить, конечно... – полувопросительно сообщила Катька, возвратясь в гостиную.

– Ты че, мать? Оплачено вроде.

Девушка вернулась в спальную комнату, доставщик, поковырявшись в смартфоне, наконец подтвердил, что, да, оплачено, не удержавшись, кинул взгляд на босую Катьку и был таков со своим коробом.

Славика настойчиво отвлекал от танкового сражения Ромка. В синих спортивных плавках с изображением черной касатки с белым брюхом, наверняка купленных на Кирины деньги, он забежал в комнату. На стене прихожей висел сувенир: герб какого-то бывшего дружественного европейского города в виде щита с эмалевыми геральдическими знаками, на панели мореного дерева, а за щитом – два скрещенных декоративных меча никелированной стали, размером словно детские сабельки или ножи для конвертов. Когда-то отец Киры побывал в составе делегации в карликовой европейской стране, там и вручили. Ромка вытянул один из свободно крепившихся за щитом игрушечных мечей, надел на него Анькин лифчик, от коего она к тому времени уже освободилась, и носился по квартире с криками: «Под знаменем траха и чпока, за мной!» Анька, одной рукой безуспешно пытаясь прикрыть приличного размера грудь, а другой дотянуться до Ромки, гонялась за похитителем, громко требуя: «Ромка, скотина! Отдай бюстик! Порвешь, платить будешь!» Наверное, бюстгальтер достался Аньке недешево и надет был неслучайно, в расчете на Киру, а не на Ромкины выходки. На почти голой Аньке были кремовые, в комплект бюстгальтера, трусики, которые ничего не скрывали, и Славик, пока они носились за креслом, краем глаза успел разглядеть тонкое кружево на резинке вокруг Анькиных бедер.

Ему стало как-то не до игры. Славик автоматически принялся, но никакими запрещенными веществами не пахло. Подумал – чего это они уже так набрались? Наверное, у Киры там вкусного винца хлебнуть можно... Вышел из программы. С досады хотелось отобрать у Ромки его трофей и вернуть принцессе фей цветочного магазина, но подумалось, что Ромка в его состоянии будет сражаться за добычу всерьез. Пытаясь заглянуть в глаза вытянувшейся в струнку Аньке, которая не оставляла попыток сцапать предмет своего гардероба, который Ромка высоко поднимал на бутафорском клинке, предупредил:

– На технике не валяйтесь! Не расплатитесь.

И направился в гостиную. Лишившись последнего из зрителей, Ромка помчался в кухню, решив, наверное, сдать трофей на своих условиях. Анька вслед за ним:

– Ромка, чебурашка хренова! Тебе чего надо-то?..

В гостиной челкастый Кира в дорогуших черных боксерах развалился на диване под украшавшим стену очаровательным автопортретом Зинаиды Серебряковой в костюме Пьеро. Модельного сложения, но ростом покороче, длинноволосая, рыжая, глазастая Катька знала, что она ух как хороша. Едва прикрытая махровым полотенцем из Кириной ванной с изображением забавных новогодних гномов, она прильнула к его плечу. Катькины ногти с прозрачным лаком уже были на резинке Кириных трусов. Кира тоже не терял времени даром, его длиннопалая ладонь охватила почти половину Катьки. Широценная плазма показывала «Валериан и Город тысячи планет». Кира немного оживился на перформансе Bubble Dance Рианны, где она танцует в меняющихся костюмах под A Million On My Soul. И тут явился Славик.

Встречаются люди, напрочь лишенные эстетического чувства. Оно вовремя не воспитано родителями или вообще не нужно. Кире было все равно, что смотреть: корявый дешевый штатовский фильм ужасов или корейскую драму. Оставаясь один, он обычно включал порнуху, закачивая на секретную флешку некоторые эпизоды, или вполуха переключал на официальные новости, чтобы знать, что вообще происходит за окнами. Музыку качал только по информации из социальных сетей – она его не трогала, никакая. Просто чемпион должен быть чемпионом во всем, чтобы бросить похода: да, ничего трек, поновее, чем такой-то рэпак. Сейчас Катьке хотелось Люка Бессона, в фильмах которого всегда минимум один качественный музыкальный номер, ее натурального цвета рыжие волосы приятно щекотали Киру, а ему прямо сейчас хотелось Катьку, пахнущую чем-то цветочным, свежим, изящную и готовую на все. Вот он и вперился в экран, смотрел черт знает что.

– Ух-х! – Войдя, Славик смутился. – Это... Я не хотел...

– Брось, братан. Вон, попей, съешь чего-нибудь, – с ленцой ответил Кира.

Славик взял с картонки на журнальном столике треугольный кусок увядающей пиццы, согнувшись, ухватил стоявшую на ковре полупустую бутылку итальянского красного вина, одну из батарей, и развернулся к двери.

– Можно опять к тебе за комп? – Деликатный Славик всегда спрашивал разрешения.

Кира отлепил указательный палец от стройного Катькиного бока, указывая вперед, и подмигнул, мол, не зевай. Обхаживай компьютер, если не до девок.

Анька и Катька были добрыми девушками, немного жалели ботана и скромника Славика, поэтому тепла и ласки на его долю обычно тоже доставалось. Славик не был дрищем, как его, по старой памяти, иногда дразнил Ромка. Мало и что попало ел, порой бутылку молока с печеньем на день, и оставался подтянут до худобы. Он уселся было у Киринового компьютера с намерением продолжить битву танчиков, но тут в комнату тенью проникла Анька. По-видимому, она отвоевала потерянное, но признаков этого не наблюдалось. Девушка явилась совсем без одежды, но вела себя так, будто это ничего не значит. Ромка наверняка уже вручил ей подарок – пронесенный мимо кассы в торговом центре парфюм. Ромка порой занимался воровством не из корысти, а для адреналина и чувствуя моральное право отгрызть малую толику у толстосумов. Сейчас Анька излучала довольство – Ромка, видно, не ударил лицом в грязь прямо на теплом плиточном полу кухни, и теперь валялся там же в расслабухе, или бесшумно рыскал в поисках крепкого алкоголя Киринового отца, или потопал курить на лоджию.

Славик будто в первый раз увидел, какая Анька стройная, нежная... Парня даже слегка передернуло в плечах. Анька заметила это, подошла, взяв за руку, потянула из кресла. Славик поднялся, Анька уселась на диван. Комнату освещал лишь монитор с меняющимися пейзажными картинками, средневековыми замками, водопадами, пушистыми котами в сугробах, и уши в снегу... Девушка притянула Славика к себе, поцеловала в уголок губ, интригуя, без требования ответа, и принялась задира́ть на парне футболку. Славик быстро избавился от фирменной майки, поспешно прыгая то на одной, то на другой ноге, стащил джинсы. Спросил:

– Слушай, не хочешь чуть-чуть?

– Ага.

Славик оглянувшись, нашел Кирину чайную кружку, плеснул вина из бутылки.

Трусы в шотландскую клетку с пуговицами рассмешили Аньку. Хихикала она не вполне трезво, но движения, которыми быстро стащи́ла с парня белье, оказались уверенными. Подрагивая – у левой щиколотки еще висели «семейники», – Славик повалился на Аньку, задохнулся от запаха цветов, геля для душа... Вокруг будто закружились, мерцая, разноцветные светлячки. Оказавшись нос к носу с девушкой, он, как всегда, не мог найти ничего лучшего, чем повиноваться собственному организму, который и сам вступил в дело.

Ромка уже чем-то гремел на кухне. Славик проснулся, осознал, что наступило утро следующего дня. Анька, спавшая рядом в позе эмбриона, тоже выпростала голову из-под пледа, но жмурилась, намереваясь еще поспать. Наполовину одевшись, Славик отправился умываться. Кинул взгляд в кухню – там Ромка у открытой дверцы холодильника хлебал фермерское молоко прямо из бутылки. Подмигнул Славiku.

Кира по-взрослому устроился на разложенном диване-софе. Он лежал на спине, рыжая Катькина голова у него на груди. Всю ночь, когда Кира пытался перевернуться на бок, Катька бодала его макушкой в подбородок, парень аж зубами клацал, обхватывала крепче, и ему приходилось сохранять положение. Но даже так Кира ухитрялся выспаться. А теперь нужно было подниматься и снова привычно изображать короля тусовки.

По дороге в ванную Кира вдруг задержался у дверей спальни.

– А где мазня-то эта? Сшибли, что ли? – Кира указывал на обмедненный гвоздик в стене, на котором обычно висел небольшой эскиз маслом в старинном, слегка разрушившемся и потускневшем багете.

– Коровин, «Зима», – пробормотал Славик, слегка шепелявя, стараясь не сглатывать зубную пасту. Припомнил: на эскизе запряженная в сани понурая темно-гнедая лошадка стоит мордой к бедной избе, а вокруг снег...

– Любимая мамкина картина! Говорит, если под ней спать – головная боль проходит. – Обычно безэмоциональный Кира был будто в отчаянии. – Придурки, меня убьют на хрен...

– Этюд... – Славик машинально поправил друга. – Редкость для Коровина...

Кира вернулся в гостиную. Автопортрет Серебряковой висел на своем месте. Громко сообщил:

– Ну, и че? Вот!

– Да Серебряковой полно у всех... Много рисовала...

– Кончай умничать! – Кира неожиданно грубо оборвал Славика. – Где эта-то? Вот та?

Девушки молча переглянулись, принялись разбираться в валявшейся кучами одежде, отбрасывая Ромкины спортивные, чьи-то носки... Анька и Катька шустро облачились, и даже попытались прихорошиться, хоть и были явно встревожены.

– Спасибо, Кирюш... Мы пойдем, наверное...

Заперев за ночными гостями дверь, Ромка уставился на Киру:

– Ну, брателла, это ж не я?... Мне оно зачем?

– Да ты-то... – Кира махнул рукой. – Ищи, чтоб на месте висела.

Парни перерыли всю квартиру, Ромка натянул спортивные штаны и кроссовки, накинул в рукава «аляску» и сбежал посмотреть под балконом. Но коровинского этюда не нашли. Славика стало жаль Киру. Осознав, что его беззаботной жизни может прийти конец, что придут родители, и ладно бы скандал – но лишат денег, Кира выглядел удрученным, злым и беспомощным, чего с ним не бывало никогда.

Славик и непроглядная мгла

Отца своего Славик не знал, только по неохотным, смутным рассказам матери помнил, что родился от известного эпатажного писателя-эмигранта, в 1990-е вернувшегося в Москву. Потом писатель женился тоже на эмигрантке, которая к тому времени разошлась с итальянским графом-коммунистом. А потом – на бывшей подруге известного русского рокера. И о своей интрижке с матерью Славика писатель забыл. Разочарованная дама с тех пор воспринимала своих мужей только как источник дохода и на этот раз была замужем за турком, владельцем строительной компании. Славика турок нравился больше, чем грубый заместитель начальника знаменитого исторического СИЗО в Москве или толстый, слегка безумный депутат. Турок был без слащавости, повосточному почтителен с матерью и не обижался, когда Славик, порой юродствуя, изображая сыновнюю покорность, дразнил его «Энвер-пашой». Он вечно работал, но находил возможность пообщаться с приемным сыном, спросить об учебе, поговорить о футболе, и не нашел ли он девушку, и если да, то пусть приведет познакомиться, и вообще, не нужно ли чего? Славик вежливо отнекивался, он неплохо зарабатывал в киберспорте, летал на чемпионаты в страны СНГ и даже выдержал долгий полет в Китай. Их команда всегда возвращалась с наградами не ниже трех призовых, и однажды Славика торжественно поздравлял

заместитель руководителя Администрации Президента, ведающий воспитанием одаренной молодежи. Но отчим все равно открыл счет, из которого московский адвокат ежемесячно переводил пасынку приличную сумму. Не такую, конечно, как у Киры, но и потребностей у Славика было меньше. А потом в стране началось всякое, к чему, Славик был уверен, он не имеет никакого отношения. Отчиму пришлось вернуться в Турцию, и мать уехала с ним. Славик успел пожить и в загородном доме в элитном поселке за пятиметровым забором, и в городских апартаментах, где окна в пол и вид на Москву-реку. Но теперь оказался в небольшой, но с высоченными потолками квартире в доме близ старого Арбата, в которой прошло его раннее детство, и был чрезвычайно доволен.

Однако дальнейшее оказалось настолько неожиданным, что походило на дурной сон. Наряд полиции, совсем молодые парень и девушка в кокетливой форменной меховой шапочке, оба при оружии, дубинках и наручниках, отвезли его к усталому или равнодушному средних лет следователю, который предъявляет обвинение в похищении произведения искусства: немалой стоимости этюда Коровина.

Славик позвонил матери в Турцию. Ответ:

– Допрыгался, стервец! Как ребенок себя ведешь. Три раза говорила, держись подальше от этого твоего Киры! Ему-то все как с гуся вода! Прилететь не могу. Позвоню адвокату. Жди.

Снова вызов в следственный отдел. Появление безобидного на вид старичка, седоватая бородка, очки в золоченой оправе. Былая звезда, защищавший олигархов девяностых, имеющий тем не менее безупречную репутацию Генрих Янович Кладва обеспечил меру пресечения в виде подписки о невыезде.

Ранний, но темный вечер, под балконом вопит и паясничает Ромка:

– Все сычущь*? Самослился? А по девкам?

Ромка заходил с сикс-пеком пива, болтал что-то, пытаюсь поддержать друга, спал, просыпался, хозяйничал на кухне, дулся оттого, что Славик, будто в дурмане, сражался в свои игры, уходил, и так несколько раз, сколько – Славик не помнил. Плотные наушники и экран перед глазами обеспечивали мнимую, но эффективную изоляцию от внешнего мира. Вздрагивая от каждого звука, он ждал, что позвонит следователь. К двери по звонку шел, словно киборг – вроде сам, а будто бы ноги автоматически шагают. Открыв внутреннюю деревянную и внешнюю стальную двери, Славик отпрянул. На пороге стояли Генрих Янович и незнакомый длинный, костлявый мужик со шрамом на щеке, в полувоенной одежде и надвинутой почти на глаза вязаной шапке темно-оливкового цвета.

Адвокат непринужденно прошел в квартиру, длинный – за ним. Славику ничего не оставалось, как плестись вслед. Генрих Янович двинулся в кухню, как будто давно все здесь знал. Длинный остался подпирать шкаф в прихожей.

– А вы – кто? – скользя мимо, выдавил Славик.

– Проект «Свобода».

Подумал: как бы с ума не сойти... В кухне пожилой адвокат встретил его словами:

* Сыч – на молодежном жаргоне: человек, проводящий ночь за компьютером, имеющий почти зависимость, соответствует японскому термину «отаку» – заядлые поклонники.

– Ярослав, я не смог предупредить, но ничего не поделаешь. Вам нужно собраться, и побыстрее. Берите только паспорт, из вещей – самое необходимое.

– Генрих Янович... А подписка?

– Причина ускориться. Я улажу. Не стойте столбом, молодой человек!

Славик пошел в свою комнату, отключил компьютер, полез за спортивной сумкой. Вошедший следом адвокат мягко отобрал ее:

– Пакета будет достаточно. Вы, наверное, знаете о военной компании «Шуберт»?

– Конечно...

Движения Славика еще более замедлились.

– Собирайтесь, собирайтесь. Белье, предметы личной гигиены... – поторопил адвокат. – В этой организации законно и официально действует проект «Свобода». Заключение могут освободиться, отслужив шесть месяцев.

– Я – заключенный?

– А хотите? К сожалению, на этот момент флажки развешаны так, что выход остается лишь один. Вы отправитесь в зону боевых действий. Банковскую карту давайте сюда, вам выдадут другую. Нуждаться не будете. Ключи от квартиры тоже отдадите мне.

– Мать знает?

– Анна Викторовна считает, что это наилучший выход из создавшегося положения.

Сердце Славика на мгновение замерло. Что ж она, совсем чужой человек?!

Уже смерклось. Чувства опустошения, тоски и безысходности, которое возникло, когда Славик кинул взгляд на темные окна своей квартиры, он не испытывал никогда. Адвокат проводил до двери неприметного микроавтобуса. Его спокойный голос ненадолго вернул уверенность:

– Все будет в порядке. Езжайте. Вы быстро освоитесь. Время пройдет незаметно, поверьте. Вернетесь – продолжите образование...

Не считая водителя, в машине были только Славик и его провожатый. Ночная трасса М-4 казалась бесконечной. Ни огня вокруг, ни признаков жилья, только мытища – пункты сбора оплаты за проезд, стылый, темный лес, голые поля. Славик нащупал под сиденьем рычаг, откинул спинку – он уселся прямо у двери, упал в первое же кресло, едва вошел в салон. Полотно дороги было почти пустым, иногда водитель по скользкой дороге лихо обгонял караваны фур с открытыми платформами, уставленными бетонными пирамидами – противотанковыми надолбами. Со второго ряда кресел протянулась длинная рука, в ней – крупное зеленое яблоко. Славик обернулся:

– Спасибо. Меня зовут Ярослав. К вам как обращаться?

– Знаю. Сивый. Зачем обращаться?

Славик сгрыз яблоко, как всегда, с серединкой и семечками и постарался уснуть. Моральная усталость брала свое, сновидения были непосильными. Понурая лошадь у крыльца избы, запряженная в сани, как на эскизе Коровина, поворачивала плешивую до кости голову и пыталась углядеть его помертвелыми глазами. Ели из-за фонарей трассы тянули когтистые ветви. Наводил ствол орудия немецкий «тигр» из компьютерной игры, и Славика засасывало в черную воронку дула. Просыпался оттого, что, словно у ревматика, остро ныла правая коленка. Потом оттого, что больно сводило левую икроножную мышцу. Он с удивлением замечал, что, когда молчаливый водитель останавливался

заправиться и можно было размять ноги, даже от этого чувствовал радость. В пропахших дезинфекцией кафешках при заправках они втроем пили кофе. Сивый, который за все расплачивался, жестом предлагал выбрать бутерброд или маффин, Славик так же жестом отказывался, только рвал над своим картонным стаканом по два-три пакетика сахара.

В одном придорожном кафе услышал на какой-то радиоволне California Dream, и вновь нахлынула тоска. Пока водитель плескал на покрывавшиеся замерзавшей грязью фары антифриз, тер тряпкой, Сивый курил в стороне, у леса. Уезжая, Славик по инерции надел любимые кеды, для зимней Москвы – нормально, но здесь он немного мерз. Подошел по едва намеченной в снегу тропинке, попросил:

– Угостите?

– Ты ж не куришь.

И откуда только знает?..

– Иногда, немного.

– Травись на здоровье.

Сигареты были настоящими, качественными, как у Киры. Из дьюти фри, наверное. Славик понял, что хоть прошло всего несколько часов, он вспоминает о друзьях, о Москве и доме уже без надрывной тоски. Словно перевернута прочитанная страница и пора браться за новую.

В российский Донецк въехали, когда было уже светло. Пограничный контроль прошли мимо очереди, быстро – Сивый показал прапорщику какие-то бумаги. Луганская республика – уже Россия, но пограничные посты еще несли службу, и оттого Славик почувствовал себя на чужбине. Бескрайние, иногда чуть всхолмленные поля до горизонта. Десятки огромных светло-серых ветряков обманчиво медленно вращают тяжелые лопасти. Позади, за мостом, осталась полуизлучина Северского Донца, река уже вскрылась ото льда. По узкой дороге, навстречу и в обгон, – бэтэры, колонны грузовиков с крупными белыми тактическими знаками, бензовозы, инженерные машины...

Дорога и до того была плохой, а теперь ее почти не было, ямы и воронки военные инженеры наспех засыпали щебенкой, и для микроавтобуса все это было почти непроходимым. Перед частным сектором расположился блокпост. Поневоле проснешься: Славик с тревогой вглядывался через лобовое стекло, видел железобетонные блоки, установленные на проезжей части в шахматном порядке, за ними, у обочины, тоже блоки, на них зеленые мешки с песком, из щели меж мешками смотрит ствол РПК. Бойцы с трех сторон заняли позиции так, чтобы не попасть на линии огня друг друга, по полной боевой: шлемы, бронежилеты, приклады уперты в плечо. Водитель заглушил двигатель. Славик был едва ли не в ужасе: в него впервые целились из боевого оружия, предохранители наверняка сняты, изрешетить стекла и стенки микроавтобуса – делать нечего. В реальность вернул голос Сивого:

– Сидеть на местах! Открывай.

Дверь поехала по борту в сторону и назад, Сивому было тесно в салоне, сгибаясь, он выбрался наружу, внятно сообщил:

– «Шуберт».

Подошел старший, под бронежилетом не поймешь, в каком звании. Военные «Шубертов» не очень-то любят, понял Славик. А еще и с Сивым повезло: страшный как сатана. Но пропустили, Сивый показал свои бумаги. Старший махнул рукой, бойцы мгновенно синхронно опустили оружие стволами вниз, Сивый забрался в салон.

От некоторых домов не осталось ничего, другие стояли словно жилые, даже занавески виднелись в окнах, а вместо кровли – обугленный провал. Но были и вполне целые усадьбы. Возле одной из них водитель остановил машину. Перегнувшись сзади – при таком росте ему было нетрудно, – Сивый сам отодвинул дверь. Славик решил: приехали. Выбрался из микроавтобуса. Сивый дал время размяться и отдышаться, потом подбородком указал на калитку. Словно сирота с узелком на палке за плечом, Славик пошел к входной двери, в руке пакет с бельем, зубной щеткой, мылом и пастой, дорогим бритвенным станком, трениками очень известной фирмы спортивной одежды, и как это все теперь ненужно и чуждо...

Хозяева покинули дом, но новые обитатели не тронули ни единого предмета обстановки. Безвкусные диваны, разноцветные обои и плитка, казавшаяся, видимо, роскошной люстра, советские ходики на полке мебельной стенки... За столом в «зале» – вполне гражданского вида средних лет мужчина, только в полувоенной форме, и шеврон какой-то странный.

– Привез пополнение, – без физической силы, одним своим присутствием подталкивая Славика вперед, доложил длинный со шрамом.

– Сивый! – подняв на них взгляд, отозвался сидевший за столом, похожий на обычного менеджера мужчина. – Вот и ты. Как рука?

– Вылечили. – Провожатый достал из-за борта куртки сложенный пополам прозрачный файл с бумагами и протянул старшему, через Славика и через стол.

Тот бегло прочитал. Обратился к парню:

– Компьютерщик? Тебя-то мне и надо. Сивый, рекрута – на полигон, устрой его и погоняй сам.

– Я привез? Привез. А мне – на передок.

– Иди, иди. Руку свою подработаешь заодно. Все! Свободны.

Славик понял, что Сивый был в госпитале, а возвращаясь, захватил его с собой.

И началось. Утром – кросс по полю и неглубоким оврагам, Сивый неумоимо бежит рядом. Завтрак. Стрельба из калашникова и ПМ, Сивый сам показывает, как выполнять команды инструктора, терпеливого, но резкого, жесткого кавказца. Чистка оружия. Гранатомет ручной – хлоп! Пошатывает от выхлопа. Мимо цели – остова давно сожженной БРДМки. Хлоп! Уже ближе. Автоматический гранатомет на станке – когда, как лягушка, упираешься ногами в землю, а руками в рукояти подпрыгивающего на станинах, плюющего гранатами малого орудия. Обед. Зубрежка армейских уставов – это для Славика как отдых. Сон – полтора часа, как в полубреду. Беготня и подтягивание – Славик благодарил бога, что не толстый, летал на турнике почти без усилий. Подготовка оружия, получение боеприпасов, стрельба. Тактическая подготовка – у Славика своя, курсы беспилотчиков. Ужин.

Еда была неплохой, но Славик не мог на нее смотреть, только пил чай по три пластиковых стаканчика, жевал ломтики ветчины и сыра да нарезанные дольки огурцов, помидоров и болгарского перца.

– Ешь, – говорил сидевший рядом Сивый, указывая на густое мясное рагу в металлическом бачке.

Пахло вкусно, но Славик вспоминал Киру на волейбольной тренировке, отстраненно, словно пребывал сейчас в каком-то другом, параллельном мире. Мотал головой:

– Не-а...

– Ешь. Чтобы я видел. – Сивый плескал ему черпаком из бачка почти полную одноразовую миску.

Славик глотал сочную говядину с крепким, ароматным бульоном-соусом, мягкими ломтиками картофеля, лука, тушеных овощей. Становилось сонно.

– Скоро трескать будешь, как за себя метать.

– Сигарету дашь?

– Мал еще столько курить.

Славик думал, у кого спросить, где тут хоть ларек какой-то?..

– Бери одну, – Сивый протягивал пачку.

Душ. Отбой. Подъем. Кросс...

Славик и танки

– Товарищ Лис, вам надо посмотреть.

Славик поставил дрон-наблюдатель на восьмистах метрах и на километр вперед над развалинами поселка и обнаружил танки, целых три. Среди руин крупные машины особенно не спрячешь: вот из полуразрушенной подворотни орудие высунулось, вот танк загнали в небольшое строение, от которого остались одни стены, но крыши нет, и сверху его хорошо видно, и еще один, почти совсем открытый. Дистанция понятна. Из глубины расположения противника с возможной скоростью пробирается белый автомобиль скорой помощи.

Когда взводный подошел и заглянул в планшет, из «скорой» уже выскакивали танкисты противника и разбегались по своим машинам. Лис всмотрелся и взялся за рацию.

Ветер гнал густые, темные, плоские тучи.

– Белый, ответь Лису. Лис Белому: танки, три коробки, три коробки. Координаты... повторяю... Прошу поддержки Всемогущего! Знают, сволочи, что по «скорой» мы бить не будем, – зло бросил взводный. – Качай картинку Белому. Он пытался вызвать армейских летчиков-штурмовиков, а это уже Военно-космические силы Министерства обороны, и нужно через ротного...

– Белый уже получает изображение! – Славик не сплеховал. С сомнением поглядел на небо: – Нимбостратус.

– Я тебя когда-нибудь урою, – пообещал Молодой.

– Низкие слоистые облака, – пояснил Славик. – Латинское название.

На экране планшета было видно, что танки врага завелись, заворочались. «Скорая» умчалась. Вместо нее тем же маршрутом, но еще далеко подходили четыре БМП, вероятно, с десантом. Танки рывками двинулись вперед, на огневые позиции.

– В воздухе никого нет, поддержки сверху не будет. – Лис был напряжен. – Метеоусловия!..

Славик посерьезнел. Тихо обратился к сослуживцу:

– Василич, давай морковки.

Тот уже прикручивал зеленой изолентой к корпусу квадрокоптера пару боевых зарядов от РПГ – выстрелы опытный солдат уже отвинтил и пристроил иницирующие взрыватели – если не сработают штатные.

Славик переключился на другой планшет. Опасный коптер с двумя «морковками» Василич положил на плоский кусок бетона. Славик поднял аппарат, стараясь для начала увести подальше от своих. Увел. Сосредоточиться, успокоиться помогало воспоминание, искусственно

вызванное ощущение, будто он сидит за компьютером в московской квартире с ласковыми девушками. С разгоном скорости погнал к вражескому танку. Посчитал время, избрал курс, снижает высоту... Ух, два планшета, один – наблюдательного дрона, другой – боевого.

Противник включил станцию радиоэлектронной борьбы. Но Славик тоже подкрутил настройки чувствительности и сквозь сетку помех – пляшущих по всему экрану белых черточек – видит: танк с белым крестом в черном квадрате ползет к нашим позициям. Тихо, тихо, все в порядке, успокаивает себя Славик. Камера показывает ландшафт, корпус машины, и Славик методично направляет дрон точно под башню. Для верности нажимает на кнопку взрывателя. Славик ничего не слышит, на приемнике ударного беспилотника изображение полностью сменяется сеткой. Но разведчик продолжает трансляцию: башня отскакивает от вражеской машины, в черном дизельном дыму переворачивается, отлетает в сторону, обезглавленный танк замирает, ярко горит... Славик уводит дрон-разведчик в сторону и выше. И только потом выдыхает: победа! Ему ничего не надо. Ни бумаг от замороченного московского следователя, ни денег и наград, ни даже какой-нибудь еды или помыться – ведь Василич уже ладит к новому аппарату еще пару «морковок».

– Две Луны! – кричит взводный. – Быстро собирай свою хурду, и к арте! – Еще один танк, ерзая туда-сюда, пытаюсь спрятаться, уклониться, все же стреляет по позициям, что занимает взводная группа Лиса. Пока с большим недолетом. Славик видит: подходят еще три БМП, всего – целая рота! – Пушкاري ослепли! – кричит Лис.

– Товарищ Лис, а вы-то?..

– Приказы выполняются бегом! Пэтээрка, справлюсь.

Славик понял, что снова должен успокоиться. Привел свой дрон к себе, почти в огневую точку, дотянулся, достал рукой. Теплый! Но еще рабочий. Крикнул:

– Молодой, давай сюда!

Боец сразу не повиновался команде, обернулся, во взгляде возмущение: да ты кто вообще? Василич рявкнул:

– Ты, дятел! Тебе что еще говорить надо?

Молодой явно продемонстрировал обиду, но все сообразил, сделал контрольный выстрел – чтобы в канале ствола не осталось патрона, закинул свой выдавший виды калаш с обшарпанным березовым прикладом за спину, по-партизански, стволом вниз. Подобрался к Славику. Тот уже упаковал дрон в пленку с пузырьками, передвинул планшет на грудь бронжилета, схватил кофр, указал на второй:

– За мной!

Где бежали по окопам, где ползли, волоча надежные пластиковые ящики-кофры. Молодой сопел и матерился, но вполголоса, командам Славика подчинялся. Потные, измазанные грязью, пробрались к замаскированным позициям артиллеристов.

– Две Луны! – голосом обозначился Славик. Услышал ответ:

– Сюда давай! Где черти носят!?

Молодой устался на Славика: чего дальше-то? В перелеске не поймешь, где послезимняя, безлистная растительность, а где срубленные деревца, которыми артиллеристы замаскировали свои позиции. Рядом – ложные. Славик на одном колене открывает планшет, одновременно протягивая Молодому квадрокоптер. Тот вытягивает руку, коптер гадко, как тысяча собранных в банке комаров, визжит винтами

электромоторов, поднимается рывком. Славик успокаивает сердцебиение, дыхание, коптер плавно идет вверх и вперед. Оператор беспилотников артиллеристов, молодой, небритый дня три мужик, чуть старше их обоих, быстро освоился с притащенным Молодым оборудованием. Пара коптеров, ведомых опытными и сосредоточенными парнями, ушли по направлению к противнику.

– Командир! – зовет Славик. Слышит ответ:

– Ко мне!

На голос по глинистой почве, покрытой тающим снегом, иногда упираясь рукой в землю, но бережно сохраняя висящий на груди блок управления, разыскивает артиллерийского офицера. Тот стоит во весь рост, широко уперся ногами в слякоть, даже бронежилета нет, какая-то пилотская куртка кожаная, с выпушкой светлой овчины: вообще на все плевать, думает Славик. Молодой, пригибаясь, пыхтя, но не отставая, тащит за Славиком сундуки с аппаратурой. Славик поднимается, борясь со своей полиамидной портупеей, передает планшет артиллеристу в руки. Замечает невольно: перчатки у того светло-коричневые, замшевые, чистенькие. Вот пижон...

Славик невольно изучает, как устроились гаубичные расчеты: погребки под боеприпасы разбросаны там и сям, чтобы вместе не сдетонировали при попадании. Говорили, что снаряды 1980–1890-х годов, но бьют исправно. Подвозят и новые, с лазерным наведением, и помногу. Неподалеку – ложная огневая позиция. Пара трофейных орудий, механизмы искорежены так, что в полевых условиях не починить. Притащили, установили, замаскировали не слишком прилежно. Третий макет соорудили из трубчатого столба от дорожного знака, рваных покрышек и фанеры. Пару раз противник ложную позицию обстрелял – трофеи совсем уж пришли в негодность, но стволы прямые, а это главное. И их продолжали использовать, как отвлекающие цели.

– Батарея! Осколочно-фугасным! Доворот... – уверенно командует опытный артиллерист. – По ЛГБТ-войску! Триста! Тридцать! Три!!

– Выстрел! – орет наводчик ближайшей гаубицы, отбегая и дергая затворный шнур.

Хлоп! Земля под ногами вздрагивает, лопаты станин входят в грунт, колеса огромного лафета слегка подсакивают, Молодой, пригибаясь, инстинктивно закрывает уши руками в промокших грязью нитяных строительных перчатках с синими резиновыми пупырьками. Бамм! – звенит ствол. Дзынь! – желтого металла здоровенная гильза с белым дымом выскакивает из тыльной части ствола, заряжающий лихо поддевает ее длинным, выструганным здесь же из ольхи банником, отбрасывает в сторону. Через пороховую вонь наводчик заглядывает за затвор:

– Ствол чист, откат нормальный!

– Зарядить! – приказывает командир.

– Заряжено!

– Выстрел!

Хлоп! Хлоп! Хлоп!..

Славик думает, что сейчас оглохнет. Надевает наушники. На одно ухо – только хуже, тянет на оба, но и сквозь них глуховато, и все равно все слышно.

– Ствол чист!..

– Орудия замаскировать! Расчетам – в укрытие! – отдает приказы командир. – Передай картинку Буратине, пусть «Солнцепоком» ударит, у них там укреп... Я к их машине никого не подпущу.

Славик знал, что дальность огня тяжелой огнеметной системы намного меньше, чем у танка, огнеметчикам приходится рисковать, приближаясь к цели на сравнительно небольшое расстояние. Но артиллерист обещал уничтожить или отогнать танки, если они еще там еще остались.

– А ты лихой, гаврик! – В блиндаже, когда уселись на пахнувшие свежей сосной нары, командир батареи схватил его за загривок под легким бронежилетом, потрепал.

– Две Луны, – инстинктивно освободившись от хватки, поправил артиллериста Славик.

– Да хоть три.

Молодой, притащивший вслед кофры и все еще сидящий на коленках, хихикнул.

– Как вас увидел, – продолжал командир батареи, – подумал, вот Лис удружил! Прислал таких, что и себе-то сопли утереть не могут. А три танка и четыре бэхи точно наколотили. Ночью хохол корячиться будет, но на ремонт оттащить – хрен им... Ко мне пойдешь? – артиллерист протянул Славiku его планшет.

– Поймите верно, я своим нужен, – принимая свое имущество, пристраивая ремень через плечо, ответил Славик. – Укрепленный район наблюдаю. Картинка ушла.

Артиллерийский оператор дронов тоже видел то, что передавал дареный Славиком коптер. Командир батареи «прозрел» и мог следить, не угрожает ли опасность экипажу ТОС, да и за многим другим.

– Молодец, солдат. Передай старлею Лису: Длинные Руки настоятельно рекомендует поощрение тебе.

– Благодарю. Есть передать поощрение нам, – он подчеркнул множественное число интонацией, ведь Молодому тоже, – от позывного Длинные Руки. Мне – наблюдение поднимать, сейчас они свои беспилотники запускают, чтобы вас обнаружить.

– Действуй. Берег! – артиллерист вызвал одного из бойцов своего пехотного прикрытия. Явился взрослый дядька, увешанный снаряжением, как носорог. – Покажи ему все и прикрывай оператора стрелкотней, штатным оружием. – Глянул на Молодого: – Чего расселся? Давай, ноги в руки!

Славик двинулся к выходу из блиндажа:

– Я у вас еще побуду часа полтора, наверное. Один аппарат оставлю, но вы тоже найдите в ближайшее время своему оператору пару дронов.

– Далеко пойдешь! Уже мне приказы отдаешь?..

Молодой снова усмехнулся, негромко, но так, чтобы расслышали.

Но запустить с той стороны никто ничего не успел.

– Берег!.. – негромко обозначился провожатый, чтобы свое боевое охранение не нервировать. Спереди отозвались: – Колыма!

Славик с артиллеристом Берегом и Молодым подобрались на самые передовые позиции – он обычно стремился по возможности видеть не только картинку на мониторе, но и реальное поле боя. Едва устроились, воздух наполнился жутковатым, тревожным шуршанием.

– Приехали химики... – удовлетворенно сообщил дядька Берег. – Пошла бара.

Славик не любил высокопарных сравнений, но теперь понял: если и есть на земле ад, то вот он, перед глазами. Взрывы термобарических снарядов своих огнеметчиков, уничтожавших противника, не сотрясали землю, но производили сильное впечатление. Разрыв и пожар

распыленной смеси под высоким давлением выжигают все живое, даже и сам кислород. В покинутом жителями городке ни червяка, ни единой букашки не останется, думал Славик. Ну а кто этих кретинов сюда звал? Чтобы отвлечься, Славик запустил в голове Элисон Болсом, вторую сцену из мини-оперы «Королева фей» Перселла. При его воображении это было несложно. То нежная, то тревожная труба знаменитой англичанки, пусть и в воспоминании, отвлекла от ненужных мыслей.

– Спасибо, пацаны! – Артиллерийский беспилотчик, провожая Славика и Молодого, оставаясь при своем командире, радовался единственному низколетящему коптеру, как сокровищу, поправлял шлем, глядел в глаза. – Не забудем. Комбат говорит: махай руками, лети сам, задачу надо выполнять. Я уж свой калаш взял, за охранение полез, визуально наблюдать – что делать, «птицы»-то нету... Теперь повоюю.

Славик опять удивился: это я-то – пацан? Но неожиданно для себя ответил уже давними, как будто всплывшими из глубины памяти словами Киры:

– Брось, братан. Береги себя. Если нам чего добавят, доложу, чтобы с вами поделились. Ты у нас – бог войны...

Славик и Псих

Приводили себя в порядок на ПОБе. С занятий пришел Молодой. Снял шлем, поскреб затылок. Проговорил с деланным равнодушием:

– Там какой-то пацан приехал. Бесится, ругается. Славика Кудрявцева ищет. Щас наши его скрутят...

Славик заторопился на КПП, Молодой – следом. Грязный, но, видно, новенький светло-серый УАЗ-«полбуханка» – кабина на пятерых и небольшой кузов под тентом – пропустили на территорию. Рядом стояли вооруженные бойцы, но автоматы были на груди, не наизготовку. Неподалеку размахивал руками парень в такой же, как у Славика бейсболке и распахнутой куртке цвета хаки. Его поддерживала усталая дама-волонтер. Нагловатый, насмешливый говорок Славик узнал сразу.

– Ну, чего еще-то, товарищ взводный командир? Вот я, сотрудник «Шуберта», к вам перевели. Вот гуманитарка, человек от фонда. Вот бумаги. Зовите начальство и Кудрявцева или особисту вашему меня сдавайте!

Славик хотел перейти на бег, но сдержался. Крикнул за пару десятков шагов:

– Ромка!

Тот обернулся.

– Славик, брателла! Нашелся, пропащая твоя рожа!

Подлетел, обнял, приподнял от земли.

– Эй, хорош возиться! – остановил их взводный. Оборотился к Славiku: – Знаешь его?

– Угу, – Славик отдыхался.

– Земляки?

– Так точно, товарищ Лис. Учились вместе.

– Ну, пошли к ротному, раздолбаи московские.

Командир ротной группы, сидя за столом, изучил Ромкины бумаги.

– Технарь?

– Вроде того...

– Отвечайте конкретнее.

Ромка подсобрался:

– Работал с автомобильной техникой, электроникой. По строительству могу, электропроводка, сварка.

– Здесь сказано, что у тебя подготовка и две недели штурмовки. Но у нас – месяц штурмовки, как все. Еще две недели повоюешь, и определим по специальности.

– Я с ним пойду, – сообщил Славик.

– Еще чего! – встрял Ромка.

– Когда прикажу, пойдете, – оборвал их ротный.

– Так прикажите, товарищ Белый! – Славик проявлял настойчивость.

– Решение будет принято своевременно. – Ротный поднялся, глянул на Ромку. – За мной, принимать что привез.

Когда подошли к «полбуханке», Ромка, стараясь не улыбаться во весь уж рот, откинул задний борт, открыл тент. Стал выгружать коробки. Славик стоял в легком ступоре: сбывались его мечты. С десятков коптеров разных размеров и мощности, от совсем мелких, бытовых, до крупных, грузоподъемных. Аккумуляторы. Дизельный генератор. 3D-принтер и расходники к нему! Шикарный набор инструментов на все случаи жизни. И бензопила с запасными цепями. Наконец Ромка вытащил объемный, длинный кофр.

– Дробобойка! – радостно выпалил помогавший Ромке с коробками Молодой.

– Це мое! – покрепче ухватил кофр Ромка.

Ротный проговорил внятно:

– Тебе указать место в строю, боец? Прикажу – будет твое. – Глянул на бывшего старшину-каптерщика с позывным Хомяк: – Имущество принять по описи, включая антидроновое ружье.

С заметным огорчением Ромка бережно пристроил кофр на штабель уже выгруженного инвентаря. Но быстро повеселел, добравшись до других коробок в кузове. Бесконечного срока хранения галеты. Недешевые сласти – чернослив в шоколаде. Консервы: осетрина с гречкой, сгущенное молоко.

– Сгущенка по ГОСТу, – сообщил деловито.

Ротный глянул с проницательной насмешкой:

– Что заныкал?

Ромка, сдвинув бейсболку козырьком на затылок, прыгнул с кузова и, громко вздыхая и кряхтя, будто у нищего последние медяки отнимают, полез за пассажирские сиденья. Шурша черным пакетом, извлек непонятно откуда бутылку водки «Столичная» объемом 0,7. Не доставая, показал яркую, с золотыми звездами этикетку, протянул ротному:

– Только для нужд командования, товарищ Белый.

– С ходу дисциплину нарушаешь?

– Дыхнуть?

– Все?

– Осмотрите транспортное средство сами.

– Наглец. Здесь быстро отучишься... – Ротный едва заметно махнул рукой: – Командир взвода осмотрит. – Довольный уместно врученным подарком – не с пустыми руками новичок приехал, – обратился к стоящему при нем бойцу: – Заберите продовольствие.

Тот шагнул, ловко перехватил из Ромкиных рук пакет со «Столичной». Подмигнул одобительно.

Ромка положил ладонь на крыло «буханки».

– И вот: наша «Летучая мышь».

– Почему так? – уточнил взводный.

– Шустрая, незаметная и импульсы излучает. Будет излучать, если аппаратуру установить, – ответил Ромка. – А камуфляж по сезону наносить будем. – Он легонько ткнул мыском берца коробку с полиэфирными красками, какими графитчики расписывают стены в городах и ограждения железных дорог.

– Автомобиль зарегистрировать, передать взводу Лиса для нужд технической группы, – распорядился Белый.

– Пока, Лера. – Ромка, улыбаясь чуть смущенно, что было на него совсем не похоже, прощался с женщиной-волонтером. – Спасибо тебе.

Та взяла его за руку.

– Счастливо, Роман. Береги себя.

Валерия поговорила с командирами, что-то записывая в блокнот. С приветливой улыбкой кивнула бойцам, и те ощутили, что как-то всем сразу и – каждому лично. Направилась к «Уралу» с бронированным кузовом.

– Вода у тебя есть? Пока до Луганска не доедете, броник и каску не снимай! – крикнул вслед Ромка.

Солдат караула помог ей забраться в кузов, подал шлем, Валерия обернулась, молча помахала рукой.

– Откуда такое богатство? – спросил Ромку Славик.

– Да благотворительный фонд... Наклейки не видишь, что ли?

– Ром, не темни.

Тот окрысился:

– Тебе какая разница? Все исправно, работает и летает. Бери и пользуйся. Да я замучился, чтобы сюда все это приволочь! Спал на коробках, чтоб не растащили. Электромоторы, болты – все на интернет-платформах продается. Кабели здесь найдем. Основные детали на принтере напечатаем. И всегда у нас будут дроны.

Славик понял – Ромка не скажет. Может быть, когда-нибудь потом.

– У тебя какой позывной?

– Псих! – с вызовом ответил Ромка.

Славик рассмеялся.

Уговорил соседа по расположению поменяться местами с Ромкой. Это был узкий пенал в полуподвальном этаже почти целого двухэтажного дома, не слишком высокого, чтобы стать целью для украинских ракет и снарядов РСЗО. Окно было совсем небольшим, находилось под самым потолком, а койки стояли почти у самого входа. Только заселившись, Славик спросил соседа: почему? Ведь неудобно, непривычно.

– Стеклянным ежом будешь, – ответил пожилой боец с позывным Василич. Через мгновение до Славика дошло – чтобы спящих не посекло осколками стекла от взрывной волны. Хотя что эти несколько шагов для летящих с огромной скоростью острых стекляшек? Но традиция есть традиция. К тому же, случись что, можно скорее выскочить в коридор, в котором стены вообще глухие

Под окошком кухонный стол и две облезлые табуретки. Над железными сетчатыми кроватями в стены загнаны по ряду крупных саморезов – повесить одежду. Дверь не предусмотрена, входной проем закрыт здоровенным куском синтетического нетканого материала некогда белого цвета. В коридоре постоянно светло, там ходят, бегают, переговариваются, иногда орут во всю глотку, заглядывают за занавеску в поисках кого-то... Славик, как и другие бойцы, ко всему этому привык, спал чутко, но обычно высыпался.

Ромка вертелся перед отколотым снизу зеркалом, на бытовые мелочные суеверия здесь внимания не обращали. Уже больше месяца в «Шуберте» – и подготовка, и повоевать успел, но никак не может налюбоваться фирменной бейсболкой с черепом.

– Клевая шапка! А балаклава у тебя одна? Как бы раздобыть? Я свою где-то оставил. – Вытащил из кармана штанов, бросил на койку Славика плитку черного шоколада: – Лопай.

– Найдем тебе балаклаву... Ты чего приехал-то? Тоже проблемы?

Ромка принялся чистить свой ПМ.

– Не, у меня без проблем. Я к тебе когда шел на Сивцев Вражек, увидел, как ты выходил, вслед старикан в очках, – адвокат, думаю. И тот мужик костлявый тебя увез. Я смотрю – номера-то луганские. И допер. Адвокат уже в машину садился, я к нему допрыгнул, а он – ни в какую. Я ему говорю, друг я Кудрявцева, как помочь-то? Он скандалить не стал, типа да ты кто такой? Жуть умный дед! Прикинь, аж страшно стало, смотрит, как мозги твои просвечивает. Ничего вроде и не сказал, а у меня в голове осталось, что ты в вз-ка. Ну, и чего? Денег нету ни фига, Кира на дно залег. Я было на последние ударился во все тяжкие и в забор бетонный. Побухал маленько, короче. Потом, правда, Кира вынырнул, но я уже так и сяк, да и завербовался. И давай тебя искать.

– Ромка, ты что вечно вытворяешь? А если с тобой чего, ранение какое-нибудь, я же виноват буду! Оно мне надо? – Славик отбросил старый советский учебник по метеорологии, который изучал, из полужелезачего положения сел на койку, взгляд возмущенный. Ромка тоже разозлился:

– Да ты вообще кто? Лечишь тут меня! У тебя спросить забыл... Спи давай, сопи в две дырки.

– Вот, ты никогда о людях не думал! Только о себе.

– А че ты, Славик, плачешь-то? Ты, что ли, когда-нибудь обо мне подумал? Сыч!

– А ты что, телевизор смотришь?

Ромка несколько сбавил обороты:

– А что? Валялся как-то дома, каналы тыркал. Попал на церковную программу, интересно стало. А потом бац: дети больные, денег просят, родители слезы льют.

– Ну, это же церковь. Они людям помогают.

– Ну да, жалко девчонку малую, перевел немного денег. И тут же бац: реклама антикоррозийки, прикидываешь? Дадим аж целых три флакона вместо одного, если позвонишь прямо сейчас... Да я этой антикоррозийки, если понадобится, даром ведро надыбаю!

– Ром, им деньги нужны, на благотворительность и чтобы телеканал работал.

– Ага, чтобы работал бабки рекламные снимать... Да как же мне смотреть-то это? Ну, ладно. А тут по военному каналу песни поют, типа конкурс. Такое-е-э! Ну, я просто даже не знаю, товарищи! Попса невозможная, фанера лютая! Чего ж они иностранную попсу-то кроют? А сами? Да по военному каналу? А дальше р-раз, и сюрприз! Реклама газировки навозной!

– Куда ж без нее...

Закончив со своим пистолетом, Ромка, снисходительно глядя на Славика, сказал:

– Давай твой гэшашник почищу.

– Да я чистил недавно. И стреляю из него только на полигоне.

- Давай, давай.
- Обратно-то соберешь?

Ромка глянул с таким недоумением и обидой, что Славик полез за кобурой. Свое оружие никому доверять нельзя, но Ромку хлебом не корми, а подай поковыряться с железками...

– Нет, ты мне объясни! – Ромка снова завелся. – Вот здесь если чего иногда и смотришь, то телик. По федеральному каналу есть такой, под пиджаком футболка с тактическим знаком на все пузо. Говорит: «Вот, нас противник вынуждает, чтобы мы обсуждали его действия. Но, – говорит, – с другой стороны, надо их анализировать. Ведь не скажешь скороговоркой: да, произошли такие-то и такие события, а теперь новости спорта». И сам же – прикинь! – через малое время: «А теперь – реклама». «Факофф» – кредит наличными!»

– Ну как ты не понимаешь! В стране все должно действовать примерно как всегда. Чтобы все до единого колесики вертелось, в том числе и реклама. Это же занятость для людей, налоги...

– Этому вас в институтах ваших учат? Из-эх! Знаешь, – серьезно проговорил Ромка, – еще я никогда КВН не любил. Ни «белый», ни «черный». Что-то в них такое, шлюшеское. Приколами своими дебильными наверх прорываются. Вот и у хохла президент из этих. На фоне без штанов срамом играл. Тьфу, блин.

– Думаешь, за границей ти-ви лучше? Тебе осталось только в тик-ток.

Ромка вернул товарищу смазанный ГШ.

– Да там хоть девки голые, в тик-токе! Поскидывают тряпки и запыривают... И волосами мокрыми – вжух-х. Вот такое посмотреть, на это я согласен. Гля, кстати, как подкачался? – Ромка задрал казенную футболку.

– Да иди ты, Ром! Тебе пятнадцать лет, что ли?

– Дрищ ты и есть. Девайсы позабирали... Где тик-ток? Где мои голые девчонки? Пойду в душ, замочуся.

Пришлепав обратно, Ромка спросил, опять риторически:

– Ну что, массу задавим*? Хоч-шь? – Протянул древний, меньше спичечного коробка аудиоплеер. Всегда и везде мог раздобыть почти все что угодно.

– Спасибо! – Славик обрадовался, он давно ничего не слушал.

Ромка одним движением подвывернул лампочку из патрона под толком и почти сразу едва слышно засопел на своей койке.

Везет же, подумал Славик. Ничто его не берет. Предпочитает оставаться как будто подростком. Так, наверное, ему удобнее. Плохо будет, если здесь вдруг внезапно, рывком, повзрослеть придется.

Он лежал, глядя в потолок, и размышлял, где бы установить 3D-принтер, разместить расходники... Генератор, наверное, отберут...

Погонял, выбирая треки, и уснул под длинную старинную балладу «Там, где растут дикие розы» Ника Кейва с Кайли Миноуг.

Славик и Ромкина железка

«Цезарь» уходит, уворачивается от первого дрона, но его заносит, грузная машина ложится в кювет на бок. Славик наводит второй дрон между кабиной и стволом орудия неподвижной колесной артиллерийской установки, туда, где теоретически хранится боезапас. Плотно

* Давить массу – спать, военный жаргон.

сжал губы: на тебе! Трансляция теряется, дрон-наблюдатель показывает только клубы светло-серого дыма, но Славик знает: уничтожил навсегда, с водителем – точно, а то и вместе с орудийным расчетом.

Они с Ромкой затемно приползли в заранее выбранную глубокую воронку впереди своих позиций. Запустили беспилотники, пошла картинка.

Мина ударила практически рядом. Славик упрямо ковырялся с блоком управления, пытаясь сохранить контроль над своим дроном. Почуввав что-то, Ромка без слов, всем корпусом бросился, повалил его на дно окопа. Грохнул второй разрыв. Славик мотает головой в шлеме, разгоняя оглушающую тишину, пытаясь освободиться от непривычной тяжести. На нем висит Ромка, без сознания, оглушенный – закрыл собой. Славик выбирается из-под отяжелевшего Ромки, видит: в его бронежилете в районе лопаток торчит прямой, узкий, светящийся плавно рваными краями осколок мины. В ужасе орет:

– Триста!

Укладывает Ромку на бок, пытается освободить от бронежилета, рвет застежки аптечки.

– Ты че? – Ромка пришел в себя, даже пытается отмахиваться, как в драке. Славик думает: наверное, еще шок не наступил. Хочет убедиться, что в себе:

– Слышишь меня?

– Да слышу, слышу!

– У тебя в спине дыра! Триста! – снова во всю мочь кричит Славик, вызывая эвакуацию.

– Где дыра!? В башке твоей дыра! – Ромка поднимается на колени, отряхивается, правой рукой нащупывает свой калашников.

Оба немного контужены.

– Снимай броник! Дай посмотрю.

– Чего тебе броник-то мой?..

– Не дергайся, дурак!

Шарах! Еще разрыв. Откуда только силы взялись! Славик валит сопротивляющегося Ромку на дно воронки. Стараясь навести резкость в глазах, смотрит на Ромкину спину в легкой куртке. Раны и кровоподтека нет.

– Вот! – показывает Ромке его бронежилет с застрявшим в пластине осколком с две фаланги пальца длиной.

– Классная защита, – словно почесываясь, Ромка пытается ощупать свою спину.

– Чего на меня напрыгнул? Ром, а если мне тебя трехсотым тащить?

– Как так?.. Не помню я... – Ромка отводит глаза.

Еще до того, как Ромка повалил его, Славик заметил выпорхнувшую из посадки на той стороне стайку птиц. Слышно ничего не было, дыма миномет не дает, но по обратному от улетающей стаи направлению Славик вычислил минометный расчет. Артиллерист выдал пристрелочный, Славик скорректировал, после второго выстрела прилеты прекратились.

– Ром, лезут! – Славик показывает планшет, на котором в их направлении бегут, стреляя, украинские боевики, не меньше взвода. Шипит рация:

– Две Луны! Ответь Лису, ответь Лису!

– На связи, – отзывается Славик.

– Приказ: тяжелое оборудование оставить, бери Психа, отходить на позиции, отходить на позиции.

Надевать бронежилет времени нет, Ромка кладет его на бруствер, выглядывает из-за него, рвет затвор калаша, хладнокровно и точно, как учили, короткими очередями бьет по противнику.

– Поднимай птиц! Время дам!

Запустить три дрона, отвести – не так уж и просто. В воронке тесно, на груди автомат, в рации на чем свет ругается Лис...

– Отвожу аппараты, принимайте, – сообщает своим Славик.

Ромка точным движением хулигана метает оборонительную Ф-1, едва накинув бронежилет, перебирается по другую сторону от Славика, снова отстреливается:

– Обойти хотят!

– Птицы ушли!

Ромка выбрасывает один из кофров из воронки, по направлению к своим. Больно толкает Славика:

– Пошел!

Ну что тут остается? Ромка вроде верно командует. Да еще и везучий...

Славик, согнувшись, бежит к своим. Всего-то пятьдесят метров, но от собственного малодушия противно до жути. Сзади слышен хлопок. Сердце замирает: Ромка способен и подорвать себя, вместе с врагами. А если в плен? Оглядывается. Ромка кинул еще одну гранату, дал длинную очередь и по-пластунски, волоча второй кофр, догоняет. Орет:

– Пошел, чего встал!

Ушибив колено, Славик скатывается в траншею. Тянет, помогает Ромке. Не обращая внимания на убийственные взгляды, что мечет Лис, шлет картинку минометчикам. Те быстро начинают стрельбу осколочными.

– Укроп бежит! – докладывает взводному Василич. – С потерями!

Вроде бы невысокий и не очень мощный, Лис легко поднимает Славика, ухватив за верхнюю кромку бронежилета. Смотрит в глаза с холодной яростью:

– Ты когда научишься приказы выполнять?! Взыскание обоим!

Ромка морщится от боли в спине, но застывает:

– Столько с ними возились! И... отдать все летучки хохлу?

– Отставить брань! Строгое взыскание! А с тобой я вообще еще не решил! Доложу ротному – на зону пойдешь!

Славик сообщил:

– Он осколком контужен... Меня своим корпусом прикрыл.

– Он отродясь контужен!

Парни притихли.

– Строгое взыскание каждому, – повторил взводный. Подумав, прибавил – И денежная премия. А тебе, Псих, повезло, что ранение. И что более пятерых личного состава противника уничтожил. И что ты – Псих...

Ириска нашла на Ромкиной спине, там, где позвонки, ссадину, синяк от удара осколка разрастался. Поставила диагноз:

– Скорее всего, просто ушиб. Но возможен компрессионный перелом.

Продезинфицировала, смазала мазью, что используют спортсмены, туго перебинтовала и велела Лису отправить его в госпиталь в Луганск. Ромка противился, его почти насильно запихнули в попутный грузовик и сдали медикам.

Как обычно бывает, стресс у Славика только начинался. Он не мог избавиться от представлений о том, что могло бы случиться в худших

вариантах. Молодой смотрел на него с явным восхищением, приставал с вопросами, выпытывал в подробностях, как оно было. Василич глядел чуть ли не с отеческой жалостью, а во взгляде Сивого появлялось что-то похожее на уважение. Во время короткого отдыха помогал плеер, что перед отъездом сунул ему Ромка. Славик без конца гонял монотонную, отчаянно грустную песню November Тома Уэйтса, и немножко отлегалось.

Когда взводная группа Лиса прибыла на ротацию, Ромка уже встречал Славика в ПОБе. Успел сбегать к ремонтникам, те просверлили в его осколке отверстие, повесил на шею на шнурке, выдернутом из клипсы копченой колбасы. Ходил без футболки, красовался, на белых бинтах ржавеющий на глазах страшный осколок смотрелся эффектно, Ромка пытался выпятить грудь, но от ушиба в спине все еще становилось больно.

От гордости Ромка и раскололся. Вытащил из кармана несколько пятидесятирублевых купюр, сует Славика:

– Бери.

– С чего бы? – Пошутил: – Мародерствуешь?

– Иди ты! Знаешь, кто все это наше добро накупил?

– Догадываюсь. Кира?

– Ну. И налика передал. Я его, мудака, давно знаю. Он это не для нас – для себя.

– Он не такой, – возразил Славик. – Просто у человека очень узкий эмоциональный диапазон.

– Че ты сейчас сказал?

– Ну, мало что чувствует всерьез. Это, может, и хорошо.

– Как это?

– Дольше проживет. Понимаешь, стресс, переживания всегда на организм действуют...

– Да ну тебя! На меня вот не действуют.

– Везучий ты! – усмехнулся Славик.

Перед сном Ромка, покряхтывая, вешал свой осколок на вкрученный в стену саморез, почти над головой, оба засыпали на своих железных койках, и Славик чувствовал себя словно под исходящим от железки невидимым защитным полем.

Славик и Ириска

Фельдшер Ира с позывным «Ириска», студентка 3-го курса Луганского государственного медицинского университета, во дворе у переделанной в уличную печь двухсотлитровой бочки проводила инструктаж. Пользуясь случаем, распустила темно-каштановые волосы, которые обычно собирала в конский хвост, чтобы не мешали надевать шлем. Черные глаза, как всегда, серьезные. Бледная кожа, брови вразлет, копия Беллы Свон из киносаги «Сумерки», – когда изредка улыбалась, Славика едва ли не отказывал вестибулярный аппарат.

Брат Ирины, молодой интерн, работал на скорой помощи, его пока не призывали – эта работа была критически необходима. Потом луганские военные рассказали ей, что произошло. Украинские боевики начали массово терять дроны. Сообразили, что у луганчан появились группы борьбы с беспилотниками. Националисты одного из карательных батальонов обстреляли жилой дом, дождались приезда кареты скорой помощи и сбросили на нее боеприпас с дрона. Поступали так несколько

раз – хотели отвлечь противодронщиков с передовой, выманить, обнаружить и уничтожить. Брат Ирины был тяжело ранен – легкое пробито осколком, еле выходили. Рвется на ЛБС, но пока может лечить раненых только в стационаре. Как окрепнет, станет военным медиком в одном из луганских корпусов. А пока за него на передовую пошла Ириска. Брат сначала бесился, не пускал, но что он мог сделать? Оба взрослые. Смирился и старался быстрее выздоравливать.

Она говорила серьезно, едва ли не строго:

– Сначала проверять шею, потом подмышки. Затем пах, залезть в ботинки – и там и там может быть полно крови, которую под одеждой и снаряжением не заметите. Это стандартная, проверенная опытом процедура. И нечего корчить из себя брезгливых недотрог: не проверишь – будешь смотреть, как товарищ, который тебя прикрывал, погибает у тебя на руках. Если, допустим, рана в бедре – быстро наложить жгут на ширину ладони выше кровотечения, подписать маркером. Проверить руки. Если еще ранение – еще жгут.

Явился Ромка, распространяя запахи растворителя и хозяйственного мыла. Он закрашивал красные кресты в белых кругах на бортах и крыше медицинского броневедомобиля «Линза» – украинские боевики старались уничтожать санитарный транспорт в первую очередь. А потом отмывался от въедливой нитрокраски, что распылял из баллончиков.

Ириска, взяв нетолстое полено, показывала наглядно:

– Все жгуты подписываются: дата, время. Если при бойце нет ножниц, разрежьте одежду своими или любым ножом – Ириска продемонстрировала свой армейский нож в чехле. Одеть потеплее, даже разрезанной одеждой, скотчем там закрепить, чем придется. На месте жгутов на одежде снова пластырь или белый скотч, и снова надпись маркером: дата, время. Маркеры и портновские ножницы лучше всегда иметь при себе. У кого нет – выдам.

– Эх, скорее бы летние шубы выдали. А то уже жарковато таскать теплое и резать долго, если что.

– Это оксюморон, – заметил Славик.

– Говори понятно, – буркнул Молодой.

– Ну, летняя шуба. То, чего не может быть. – Славик на мгновение задумался. – Радикальный пацифист, например.

– Кто такой пацифист? – Молодой начинал нервничать.

– Который за мир без всяких условий. Лишь бы не было войны – в таком роде. У них еще значок – лапка голубя в срезе оружейного ствола.

– Тогда я – оксюморон! – заявил Ромка.

Славик, едва не прыснул, но сдержался:

– Это точно...

– А что?! Я за мир. Чтобы войны не было. Вот сейчас хохлу навалием, и не будет. Кому она, на фиг, нужна?

Пошли анекдоты, на взгляд Славика предсказуемые и пошлые. Наконец, дошла очередь и до него.

– Да я как-то ничего не вспомню...

– Че, совсем тупой? Анекдотов не знаешь? – беззлобно набросился на него Молодой.

Славик помолчал, потом отозвался:

– Вообще-то есть один... Только это, скорее, загадка...

– Смешная? – спросила Ириска.

– Наверное... Вот. Как называют дешевую, непонятно где и как изготовленную водку?

– Паленка! Паленая, – несколько голосов сразу слились в один.

Чуть погодя, Славик произнес:

– Правильный ответ: «не знаю».

На мгновение повисла тишина. Первым усмехнулся Сивый. Потом звонко рассмеялась Ириска. Когда дошло до Молодого, он – в глазах смесь гнева и обиды – стараясь уловить взгляд Славика, нагибаясь в его сторону всем корпусом, зашипел:

– Опять умничаешь, да? Че, типа крутой такой, богатый?

Василич, ухмыляясь, умиротворяющим жестом положил руку на плечо Молодого. Ириска поддержала:

– Но ведь смешно же! Неожиданно. И для пользы...

С тех пор от Славика с анекдотами отстали навсегда.

– А почему компания – «Шуберт»? – Славик спрашивает Василича.

– Наш главный композитора этого любит. Особенно одну песню. Короткую.

– «Горные вершины спят во тьме ночной...» Только по-немецки. На русский Лермонтов перевел, – добавила Ириска.

– Не только, – автоматически отозвался Славик. – «Подожди, уготован вечный отдых и нам»... Это Анненский. – Потом спохватился, что брякнул лишнее. – Эту вещь Гёте у нас не сосчитать, сколько раз переводили. Мережковский...

– Сейчас еще тридцать человек перечислять будет, – перебил впадавший в тоску Молодой. – Ириска, спой эту свою... Дизморальную*...

– Спой, дочка! – поддержал Василич.

Девушка пошла к себе в помещение, вернулась с качественной акустической гитарой, подарком Ильи Черта, лидера группы «Пилот», с его автографом. Чуть поднастроила, взяла первые ноты «Песни Мэри».

Было время, процветала в мире наша сторона,
В воскресение бывала церковь божия полна.
Наших деток в шумной школе раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле серп и быстрая коса...

Когда отзвенел последний аккорд, Славик почти невольно произнес:

– Благодарим, задумчивая Мэри**...

Снайпер с позывным «Змей», парень лет двадцати пяти, глянул в очистившееся небо, протянул Славiku свой сложный, отечественного производства, прицел.

– Бери ночник. Бережно! Повредишь, пальцы отрежу и уши надеру!

Славик взял.

– Смотри наверх.

Славик, думая, что ему нужно следить за тем, не появится ли вражеский дрон, поудобнее откинулся на забор, поднял прицел, взгляделся и застыл. В темном ночном небе, одна крупнее, другая мельче, сияли звезды. Они были рассыпаны, словно волшебные сокровища на черном бархате, близко друг к другу, человеческий глаз такого не воспринимает, эту картину видели звездочеты в свои трубы, а теперь ее наблюдают астрономы через телескопы. Славик почувствовал, что, по людским меркам вечные, бесконечно далекие, холодные и бесстрастные,

* *Дизморальность* – грустить, находиться в депрессии (молодежный сленг). К аморальности отношения не имеет.

** Строка, следующая сразу за «Песней Мэри» «Пира во время чумы» из «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина.

звезды словно наполняют его какой-то новой силой. Он не видел в своей жизни ничего более прекрасного. Когда Славик снова начал дышать, прошептал:

– Вот же ка-айф... Дашь Ире посмотреть?

Змей кивнул. Ириска присела поближе к Славику, аккуратно взяла прицел, навела и замерла...

Снайпер протянул руку за своим прицелом. Бойцы стали собираться на ночлег. Славик сидел, неподвижный от впечатлений. Ирина задержалась, будто нарочно. Славик встрепенулся, сказал полупшепотом:

– Пошли к тебе? Аскорбинку дашь...

Девушка внимательно и серьезно всмотрелась в его глаза, молча кивнула.

Рядом с отдельным кубриком Ириски был такой же, с дверью, – аптека и перевязочная. Ключ был только у нее и у Хомяка, даже у ротного не было. В пенале помещались шкафы с медикаментами и инструментами и узкая банкетка, покрытая одноразовой простыней. Славик стащил футболку, потянулся за поцелуем.

– Что ж ты такой тощий-то? – шептала Ириска.

– Не знаю... – наспех отвечал Славик. Он решительно сражался с Ирининым и со своим бельем. – А вот так – не тощий?

– Я с ума сойду...

– Тебе нельзя – с ума... Ты должна нас спасти...

Поцелуй. «Ух-х...» «А-ах-х...»

Когда Славик вернулся в свой кубрик, чутко спавший Ромка спросил:

– Где бродишь-то?

– Вот он я, здесь, – с сожалением ответил Славик.

Славик и вор

Город штурмовали уже который месяц. Продвинулись заметно, противник еще удерживал только западные окраины.

Специалист по работе с личным составом ротной группы, проще говоря, замполит, бывший майор с позывным «Грач» с тремя бойцами метался по подвалам, выводил оставшихся мирных. Прикрывали собой, вели к автобусу-«пазику». Когда, поторапливая, Грач вел их мимо Славика, у него сжималось сердце, парень раньше не замечал за собой такой острой жалости, такой ненависти к тем, кто все это сотворил. Что может быть ужаснее, чем неопрятная старушка, которая просто не могла привести себя в порядок в темном подвале? Ее, легкую, как девушку, почти что несет на руках боец. Ее дед, возможно, старый горняк – а глаз уже задорный, снова загорелся: еще проживем – тащит узел из пледа, в нем, наверное, последние пожитки. Молодая женщина с испуганной девчонкой на руках, рядом парнишка, лет десяти, но уже сосредоточенный и злой, нюни не распускает, ворочает баул, помогая матери. Другая старая женщина прижимает к себе притихшую всклокоченную кошку, сама, видно, немного в шоке, без конца повторяет:

– Родненькие, вот вы и пришли, вот и пришли, дождалась... Храни Господь!

– Давайте, бабушка, пойдемте, пойдемте, – торопит Грач. Указывает, куда ступить меж обломков: – Вот здесь...

Ромка не выдержал, бросил коротко: «Разреши?» Не дожидаясь ответа, распрямившейся пружиной вылетел из-за руины-укрытия, схва-

тил клетчатый баул за лямки, а невесомого мальчонку – левой рукой под мышку, побежал к автобусу. У дверей что-то доставал из карманов, передавал женщине. У Ромки с собой всегда сласти и наличные деньги. Квадратный, как чемодан, ПАЗ наконец двинулся по дороге в тыл. Славик наблюдал, не появится ли вражеский беспилотник – с другой стороны рады ударить по беженцам. Для себя принял решение – если заметит, будет таранить своим дроном, гугл с ним, Ромка еще раздобудет. Но в небе было тихо и пусто.

Соседи, ротная группа, получившая неофициальное прозвище «Траншейные коты», были специалистами по штурму полевых укреплений, древо-земляных огневых точек – дзотов, укрытых в лесопосадках блиндажей из нескольких секций... Позывной командира – «Кот», вот так и вышло. В поле научились воевать почти без потерь, а в городе «Котам» приходилось несладко, нужна была поддержка.

Ромка ударил разок берцем и играючи снял с петель узкую крашеную фанерную дверь в крохотную ванную разрушенной квартиры. Каблуком сбил дверную ручку, чтобы не мешала, подтащил полотно к окну, в котором уже не было рам, установил пару квадрокоптеров на конец двери, высунул в проем через подоконник: «Давай!» Операторы оставались под защитой бетонных перекрытий на втором этаже многоэтажки, в глубине наполовину обгорелой гостиной комнаты. Славик поднял дроны, Ромка затянул обратно дверь и устанавливал следующие.

К трофейному дрону прикрепил пару двойных выстрелов от гранатомета. Дело шло к вечеру – переставил режим на «ночь». Посмотрел на облака, выбрал режим «высокая кучевая». Ветерок чувствовался у правой щеки, пощелкал кнопками – «юго-восточные румбы». Дроны зажужжали двигателями, поднялись, стали набирать высоту. Теперь в зависимости от обстановки Славик мог выбрать режим наблюдения или ударный.

Назавтра Славик решил попробовать действовать малым роем. Оборудовал свою позицию в разрушенной квартире на первом этаже жилого дома. Поставил наблюдателя повыше. Ромка смонтировал на ударных коптерах портативные камеры с передатчиками. Славик облетел своим роем со стороны противника – чтобы те думали, что это их коптеры. Завел ударный над вражескими позициями, молниеносным маневром залетел в разбитое цокольное окно без рамы и подорвал. В дыму разрыва почти ничего не было видно, но разглядел, куда бросился уцелевший боевик. Понял – подземный ход, крысы чувствуют себя там как дома. Повел в подвальный лаз, и наступила темнота. Вел по прямой, вслепую, пока не увидел впереди вспышки выстрелов, искры рикошетов, мечущиеся лучи тактических фонарей – боевики били по залетевшему в подземелье Славкиному дрону из стрелкового оружия. Пробормотал:

– Отбегались.

Увеличив скорость на максимум, повел коптер на огни и нажал пуск. Представил себе, что сотворит осколочный боеприпас и взрывная волна в тесном пространстве подземного хода: бр-р...

– Товарищ Лис! Хохол по своим бьет!!

Согнувшись в три погибели, но удивительно резво перебирая ногами меж торчащих во все стороны арматурин и острых обломков бетона, одной рукой удерживая, чтобы не болтался, свой укороченный калаш, а другой – планшет, Славик бежал к взводному.

Он не верил своим глазам. На экране творилось невозможное: танки и БМП противника ворочались между разрывами снарядов, плотный

обстрел велся явно со стороны украинских формирований. Задымила одна бээмпэшка, пыталась развернуться, но потеряла ход другая. Третья полыхала так, что меж клубов черного солярного дыма вырывались яркие сполохи пламени. Завернуло танк – видно, гусеница перебита. Там и сям падали, пытаюсь свернуться носом в колени или уползти, раненые пехотинцы, убитые замирали меж обломков зданий. В компьютерной игре это выглядело по-другому, боевые единицы противника просто растворялись в пикселях, издав одинаковый для каждого короткий хрип. А здесь было даже смотреть страшновато... Уступ «свиньей» бронетехники противника встал, начал разбредаться.

Старлей Лис глянул на экран планшета, пояснил удовлетворенно:

– Молодец твой Фрегат. Все же выпросил, поставил «Красуху». Это наш комплекс радиоэлектронной борьбы их американские «умные» снаряды кладет на их же бошки. Считай, один наступ он за нас отбил, да как лихо! Уважаю.

Один танк ползет и ползет вперед. Дикость какая-то: башню развернули стволом назад, к корме, и мотают туда-сюда.

– Командир! – кричит Славик. – Тут вообще чего такое-то?!

Лис снова глянул на экран:

– Сдается, что ли? Картинка Белому идет?

Славик не успел ответить, у взводного захрипела рация:

– Лис, ответь Белому, ответь Белому. У тебя там что творится? Тэ семьдесят второй хохла видишь?

– Танк наблюдаю. Разрешите, дам им к нам выйти. Предполагаю, с машиной сдаются.

– А если тактику джихад-мобилей применяют?

– Смертник? Одного выстрела не успеет сделать. Не верю.

– Подпускай поближе и гусеницы рви. Встанет, видно будет, что там и как.

– Есть подпустить.

– Ром, готовь сброс! – командует Славик.

– Готов! – Ромка, припав на одно колено, уже держит в вытянутой вверх руке коптер с захватом, в котором укреплен граната из подствольника. Башню сверху не пробьет, но экипаж врага тряхнет да и своих, что вокруг, не покалечит.

Славик спускает наблюдателя пониже, настраивает оптику. Снова зовет:

– Командир! – И двигается к Лису. – Вижу швы, вот, в трех точках люк башни заварен. И у механика-водителя – тоже. Это что ж они творят?! Своих заварили!

– Прекратить истерику!

Танк медленно проходит между огневыми точками «Шубертов». Риск велик, но Лис на него идет – даже если начинен взрывчаткой, то сколько тонн надо, чтобы броню изнутри разорвало да еще и урон нашим нанести? Машина идет все медленнее и медленнее, башня, стволом назад, уже практически не вращается, изнутри отчетливый тройной стук: бум, бу-бум, бум, бу-бум. Ромка догоняет, вспрыгивает на дымящий выхлопом корпус, как обезьяна, забирается на башню. В руке штатный штык-нож от калашникова, стучит стальным навершием рукояти в люк, орет:

– Медленно вперед, двести метров! Двести метров вперед!

Оттуда, глухо:

– Сдаемся! «Волга»! «Волга»! Огня не откроем, сдаемся!

– Глуши! Глуши движок!

И тут начался обстрел. Противник стремился уничтожить своих сдающихся танкистов, да и наколотить «Шубертов», сколько получится. Ромка кубарем скатился с танка, вместо того чтобы инстинктивно искать ближайшую щель, укрыться, почти на четвереньках помчался обратно. Прилетел, переводит дыхание, таращится на Славику огромными глазами, зрачки расширены от адреналина и хулиганской гордости.

– Осмотрись! Не ранен? – спрашивает Славик.

– Цел! Куда им, кривым!

Согнулись, прижавшись к передней стенке укрепления. Ощупывают аптечки – на месте ли? На всякий-то случай. Славик побелевшими пальцами управляет своим наблюдателем. Взрывы, мерзкий свист осколков. Погнал картинку артиллеристам.

Командир взвода Лис времени не теряет. Орет из соседней ячейки:

– Две Луны!

– Я! – отзывается Славик.

– Живой?

– Так точно! Птица в небе, контролирую!

– Длинные Руки видит?

– Должен видеть!

– Ныкайтесь там, хохол пехоту на нас пока не погнал!

– Есть заныкаться!

Но Ромка все равно, услышав слово «пехота», сорвал из-за спины калаш, глядит из-за бруствера, готовый к ближнему бою. Славик одной рукой тянет его вниз: укройся.

Длинные Руки начал контрбатарейную дуэль. Сразу стало легче – вражеский минометный расчет, скорее всего, артиллерийский капитан убрал уже вторым пристрелочным. Потом отогнал или повредил и натовскую самоходную систему, стало тихо.

Ромка, без команды, снова взялся готовить ударный коптер... Долбанили еще один предполагаемый опорный пункт.

Нашли сварочный аппарат. Ромка, нацепив глухие черные очки, постучал по броне, крикнул: «Атас! Режу!» Газовой горелкой срезал куски прута арматуры, державшие люк мехвода. Оттуда полезли четверо, мерзко пахнущие, изможденные, бороды всклокоченные... Лет по пятьдесят, а может, просто старше выглядят.

Бойцы держали их на прицеле.

– Что, чучелá? Навоевались? Ручонки, ручонки поднял! – Взводный был спокоен. – Оружие где? Полк? Звание?

Лис кратко допросил сдавшихся танкистов, узнал, что ему было нужно. Сержант и трое рядовых, мобилизованные. Без личного оружия. Похоже на правду.

Приказали снять верх, экстремистских татуировок не оказалось, только один, видно, с малолетства проводил время в местах отдаленных. Но сейчас – смиренный, как и остальные.

– Вот только вора хохляцкого мне тут не хватало! – Лис смеялся. – Будто своих мало! – Обратился к Славику: – Бери Василича и двух бойцов, вези чертей бандеровских к своему Фрегату. Летучки свои и Психа мне оставь. И чтоб мигом назад! Сивый, ты тоже поедешь. Присмотри за Две Луны, он сейчас сопли распустит и в обморок хлопнется.

– Что вы, товарищ Лис, – ужаснулся Славик. – Их немного отмыть бы надо сначала!

– И за пивком сбегать? Отмывай... – Взводный пожал плечами и пошел распоряжаться на счет танка. В точности как Кира на волейболе.

Если бы не Ромка, задача оказалась для Славика непосильной. Он представлял себе, как поедет рядом с ними, пусть даже в открытом кузове грузовика, и от морального и физического отвращения ощущал рвотные позывы. А еще рапорт от Лиса Бахметьеву писать... Бесценный товарищ, Ромка нашел три ведра, под прицелом оружия, украинские вояки нагрели себе воды на запущенном танковом двигателе, здесь же, у катков, с заметным облегчением вымылись. Славик дал запасную футболку, что-то из своего пожертвовали Сивый и Василич. Последний видел в сдавшемся сидельце своего, но бдительности не терял. Славик собрал документы, мобильные устройства, сложил в попавшийся под руки пакет из луганского супермаркета, завязал, заклеил скотчем с запиской: дата, время, краткое описание. Ромка скалился на пленных зверем, те втягивали головы в плечи, опускали глаза вниз.

Грузовики по одному, чтобы не собираться в колонны, постоянно сновали от ПОБа к позициям, подвозили боеприпасы и продовольствие, забирали смены и легкораненых. Бойцы «Шуберта» загнали пленных в кузов, Сивый завязал глаза бинтами в несколько слоев, перехватил кабельными стяжками руки, усадил на пол. Навстречу двигался БТР с надстройкой за башней и двумя прямоугольными в сечении раструбами – штатная станция пропаганды и агитации. Когда тронулись, Славик услышал громкое обращение к противнику: «Даем полчаса на эвакуацию двухсотых и трехсотых, огня не открываем. Через десять минут начинаем отсчет времени. Предупреждаем: один выстрел с вашей стороны, и операция по эвакуации будет прекращена. Если хотите сохранить жизнь, сдавайтесь в плен. Частота 149 200, позывной “Волга”. Связывайтесь и следуйте указаниям». То же самое по-английски – Славик сам писал перевод. Запись повторилась несколько раз, а потом над изрытыми окопами и воронками равнинами Луганщины полилась безысходно грустная песня романтика Шуберта на стихи Гёте на немецком – «Ночная песнь странника». «Йен Бостридж, – вспомнил Славик. И подумал: – Грамотно рассчитано. Украинцы от такой музыки в тоску впадут, а для наемников смысл последних строк очевиден...»

– Теперь понял, почему «Шуберт»? – Сивый смотрел пристально.

– Понял.

Славик и осенняя Москва

Ресторан располагается во дворе одного из домов на Тверской. Ромка, как ни вертит головой, Кириной «Кобры» поблизости не замечает, даже за шлагбаумом, на месте чьей-нибудь парковки – Кира имеет какой-то универсальный радиоключ и собственной наглости просто не чувствует. Ромка приуныл:

– Тачку продал, что ли?..

– Кира? Никогда. На такси, наверное, приехал. Значит, алкоголь заказал...

Тяжелая, хоть и не широкая деревянная лестница, обожженного дуба панели по стенам, перемежаемые резными столбцами. Такая же мебель под «чиппендейл», угловатые, неподъемные стулья с навершиями, словно троны, огромная готическая барная стойка, будто англиканский алтарь. Второй этаж заведения по почти утреннему времени пуст,

Кира ждет их на открытой веранде, вид на парковку и забор полускрывают собранные тесьмами тяжелые портьеры. Девушки-официантки в черных брюках и жилетках, ослепительно белых рубашках приносят за единственный занятый стол закуски и напитки, горячее. Кира встречает друзей, с которыми не виделся больше полугода, привычно равнодушно:

– Привет! – Но выбор заведения говорит о том, что будто желает за что-то откупиться.

Ромка болтает:

– Да Славик... Че ему? Без ранений, только перекисью и зеленкой Ириска царапины на коленках и физиономии замазывала. Вот Молодому бы помочь, а, Кира? На «лепесток» наступил. Правильно, что берцы не зашнуровал намертво – так, полусвободно. Если бы законтровал башмак – все, нога отлетела бы, и – культяпка. Ногу спасли, но заново чинить надо. С палкой ковыляет.

– Какая ириска? Что за молодой? – Кира едва заметно хмурится, лишь для того, чтобы собеседники поняли: он не догнал и от того досадует, но совсем чуть-чуть.

Славик объяснил. Кира хотел было скривиться, и тогда все бы поняли, что это форма отказа. Но в его голову пришло, что помогать раненым бойцам сейчас очень даже ко времени.

Кира открыл свою риелторскую компанию. Отец сказал: сначала попробуй себя в бизнесе, а вдогонку, параллельно, учись. Рынок оказался относительно стабильным, отец поделился знающей дамой на должности управляющего, чиновники трепали нервы строго в рамках законов, Кира порой бывал в больших прибылях, но свои способности не переоценивал – просто из страха ответственности. Фирма была для него обузой, навязанной родителями, тем, что приходится тащить и вроде как не избавишься при первой возможности, да и начал привыкать...

– Перешли мне медицинские документы вашего... Как его...

– Молодой, – напомнил Ромка. – Контракт с Министерством обороны подписать не успел, кукует у себя в Тульской области... Военные доктора говорят, мол, к нам отношения не имеешь, вот тебе таблетки, а дальше – извини...

– Имя-то у него есть? Найдем клинику, будет как новенький. – Где-то в самой глубине непрозрачной души Кира почувствовал гордость за самого себя.

– Понял, я к нему завтра же метнусь, – обрадовался Ромка. Если Кира что-то обещал своим обычным кислым тоном, то выполнял.

Пришел администратор в профессорском пиджаке со вставками на локтях и седыми усами. Безошибочно обратился к Кире, почуяв того, кто платить будет.

– У вас все хорошо?

– Спасибо, отлично. – Когда нужно, Кира с видимым усилием может натянуть на лицо фальшивую вежливую улыбку.

– Можно, чтобы мазика дали? – воспользовался случаем Ромка.

Чтобы не закатить глаза, хорошо воспитанный Кира на мгновение устался в свою тарелку. Вот-вот подадут заказанные стейки, и портить их майонезом было выше его понимания. Метрдотель приподнял одну бровь, лишь этим выражая изумление и неодобрение, но отвечал:

– Конечно. – Потом спросил: – У нас есть стереосистема. Негромкую музыку?..

Славик ответил:

– Леонард Коэн, если можно, Varios Position, альбом 84-го года. – Знал, что Кире все равно, а Ромка, наверное, одобрит блюз-рок с налетом цыганщины и блатовщинки, мелодизм, хрипловатые тембры пожилого канадского еврея и вокалисток на подпевках.

– Сейчас найдем. Если что-нибудь понадобится, позовите. – Он поместил на стол радиозвонок, копию стального колпачка-полусферы с кнопкой на деревянной подставке, из тех, что раньше находились на стойке портье в гостиницах, и с достоинством удалился.

Зазвучала Dance Me To The End Of Love Коэна.

– Где мазик-то? – ерзал Ромка.

– Ты думал, они в магазин тебе побежали? – объяснил другу Славик. – Сами делают на кухне. Сейчас принесут твой майонез.

– Не, я такую дрянь есть не буду... Еще брюхо заболит. Люблю из пакета.

Кира подавил вздох.

– Сначала попробуй, – посоветовал Славик.

Напившись несколько раз старшекласником, Кира потом никогда много не пил – незачем, вечно был как будто слегка пьяный, алкоголь мешал ему воспринимать сложности действительности, и без того не слишком четко воспринимавшиеся. Сейчас лизал, даже порой только нюхал старый виски из стакана с тяжелым дном, мимолетным отрицательным жестом прекращая попытки официантки подлить ему из квадратного штофа побольше. Ромка захотел водки, ему принесли вспотевший графин, он налегал прилично, но все трое знали – у Ромки какой-то иммунитет по крепкому алкоголю, почти не берет. Славик пил белое вино, на его вкус резковатое, и если бы он попросил заменить, быстро получил бы послаще, но не хотелось капризничать, быть неблагодарным – компот и компот... К тому же приятно знать, что можно только намекнуть, и девушка нальет виски из объемистого флакона Кире.

Кира сидел напротив пришедших парней, поперек довольно длинного стола, но словно во главе. Принесли пледы в сине-зеленую клетку – на веранде было свежо, в октябрьской Москве, похоже, даже холодало. Ромка дернулся:

– Я че, девчонка?!

Кира непринужденно расправил плед на коленях, укрыл ноги. Славик поступил так же, улыбнулся девушке-официантке. Та ответила легкой профессиональной полуулыбкой и унесла плед, отвергнутый Ромкой.

Славик аккуратно жевал со своей тарелки морепродукты, думал про Киру. В перчаточной замши пиджаке и джинсах за двадцать тысяч, небольшие прямоугольные часы в дизайнерском корпусе стоят, сколько Ромка да и сам Славик за всю жизнь в руках не держали... Стрижка уже не молодежная, а чиновничья, исключительно тщательная. Что может быть хорошего в таком человеке? Даже из вежливости не поинтересовался: «Ну, как там бывало? Стрельба все же...» Вот просто в голову ему не пришло. Или знает, что Ромка сам все расскажет, его и спрашивать не надо... Конечно, Славик не ждал, что Кира будет возносить им хвалы как храбрецам, увенчанным славой, удостоенным серьезных наград, у Славика, например, «За отвагу», а Ромка выбрал лычки, теперь – целый сержант. Но даже чувства юмора у Кире напрочь нет – хоть бы пошутил черноватые, идиотские шутки... Славик постарался отогнать из ощущений нотку презрения, сознался себе, что по большей-то части

ему спокойно: все тот же Кира, отродясь самовлюбленный, снисходительный и щедрый.

И вдруг Кира выдал такое! Неожиданно искреннее, и, понял Славик, далось, ему это непросто. Долго собирался с духом, положил аккуратно нож и вилку, слишком тщательно поправлял прибор на бортах тарелки.

– Ты извини меня. Всегда старался поступать правильно... Только редко получается. С этим Саврасовым... Хотя что теперь...

Славик смутился. Слова пришли в голову сами, без размышлений.

– С Константином Коровиным, – поправил машинально. – Да не думай ты об этом! Брось, ты же мой старый дружище! И за подарки, что Ромка привез, спасибо! Знаешь как пригодились! – И свел разговор к шутке: – Романа вот пристроишь? Всегда хотел быть экскаваторщиком, говорит, за смену они кучу денег получают, даже если стоят. – Коротко рассмеялся.

Ромка, тоже опешивший от слов Киры, чтобы не подать виду, ухитрился одновременно поедать рыбную солянку и мясные закуски с приличных размеров стального блюда. Больно ткнул кроссовкой в щиколотку Славика под столом – ни к чему выдавать доверенные тебе детские мечты. Славик в отместку заметил:

– Перестань хомячить! Из голодного края, что ли? – Смысл: не позорься перед Кирой.

– А что?! – Ромка возмутился. – Я жрал последний раз – когда? А у них вкусно... – Прихлебывая из глубокой тарелки, смотрел на Киру снизу вверх: – Картину-то вернули?..

– Ну да, – нехотя промямлил Кира. – Этот чудик, доставщик, что еду нам тогда притащил, понес ее на Арбат, в самый известный антикварный салон. Там и повинтили. – Без особого энтузиазма предложил: – Надо помочь с работой? Что-нибудь приличное найдем...

– Прилично, блин, модно торговать в кофе-вейп-салонах. Помнишь «Шишки и орешки»? – Ромка обратился к Славiku.

Они возвращались в Москву по железной дороге, с пересадкой. В одной губернской столице, чтобы скоротать время до пересадки на поезд, на европейского ландшафта привокзальной площади нашли модное кафе – просто первое почти пустое, что на глаза попало, и заказали чайник китайского жасминного чая на двоих. Парнишка за стойкой из-за малого заказа окатил их таким презрением, что Славiku пришлось занимать друга разговором, просить выбрать столик: он живо представил себе, как Ромка сейчас отхлещет по холеной физиономии пачкой крупных купюр, просто чтобы посмотреть, что будет.

– Ладно бы девки, – с набитым ртом продолжал Ромка, – а то парни, разодетые, по-модному стриженные. Понаехал из дыры какой-то, татушку на шее до уха набил, придурок... Кофе дерьмовый тебе варит, подает, а смотрит так, как будто ты чмо беспонтовое. Вот тебе, прилично...

Кира чуть поморщился, будто случайно наступил в грязную лужу. Он и сам не любил таких и редко к ним заходил. Как увидят Кирина прикид, сразу начинают явно, очевидно раболепствовать. Хочется наругать в ответ, приходится сдерживаться, а испытывать какие-либо эмоции, в том числе злость, Кире всегда было в тягость. Когда за чем-нибудь нужно, ходил в пару безбжежно дорогих ресторанов, не из пижонства: вот, например, здесь профессиональные девчонки-официантки естественно доброжелательны, без суеты, без панибратства...

– Не, я дальше служить пойду, добивать гадов. – Тяжелая Ромкина нижняя челюсть перестала работать, взгляд замер, видно, вспомнил

что-то. Потом снова принялся за еду: – Звездочки-погоны не светят, да и не хочу, мороки много... И так платят нормально.

– Теперь все мы – контрактники Министерства обороны, – пояснил Славик. – Те, кто на Москву не двинулся, фактически военнотруженики. Звания присваивают.

– Не вечно же служить будешь...

Кира уже почти настаивал, по крайней мере оставлял дверь приоткрытой. Он хотел сохранить Ромку при себе: теперь опытный боец, да и не предаст ни за какие деньги. Оружие, даже отцовское охотничье, Кира терпеть не мог. Лет в четырнадцать на одном из островов Волги, кое-как разбуженный перед холодным осенним рассветом, он, неумело приладив здоровенный приклад, выстрелил куда-то в туман, отцовский егерь еле слышно шептал, что в спящих на воде уток. Едва не выронил словно старавшуюся вырваться из рук вертикалку, ныло все, от ребер до ключицы, синяк долго не сходил, а еще и эта пороховая вонь!.. Год за годом, выезжая на охоту, отец заставлял стрелять. Кира приноровился, привык – приклад нужно прижимать как можно плотнее, очень сильно. И даже кого-то сшиб влет, вскинув ружье, мгновенно прицелившись, выстрелом из второго ствола, – первый заряд пошел по туманной воде, утки вспорхнули, а потом Кирина, трепыхаясь, шлепнулась в воду. Азарта и удовольствия не чувствовал, принесенные мокрым спаниелем полудохлые птицы с застрявшими дробинами вызывали брезгливость, тем более что есть их было решительно невозможно: как ни старалась давнишняя сварливая домработница, крохи жесткого мяса, на Кирина вкус, отдавали школьной спортивной раздевалкой и псиной. Зато отец заметно радовался, резал, раскладывал по тарелкам убогие утиные ножки – сын добыл! Но сейчас в Кириной голове медленно вертелись мысли: мало ли чего в жизни случиться может? Ромка, конечно, изворотливый и находчивый, но и крови никогда не боялся, если что, горло кому хочешь перегрызет... Приказал:

– Дембельнешься, звони. И вообще, если что нужно... Ну, сам знаешь.

– Угу... – Ромка глянул благодарно, он не имел ничего против.

– «Кобра» еще бежит?

– Без тебя скоро ползать будет...

– Так я посмотрю, пока в Москве! Я с Анькой замутил, – чистосердечно ляпнул Ромка. – Все время глаза на мокром месте. Когда Славик угнали, я ей говорю: спорим, и я пойду? Она сопли распустила: я здесь, ты там... а ты мне там зачем? А вот узнаешь, дура, зачем! Не поймешь: уезжал – ревет. Приехал – опять ревет. С мамкой моей и то проще.

Когда принесли стейки, Ромка, глядя, как друзья действуют ножом и вилкой, пытался их копировать, но не получалось, и ему надоело. Удерживая большим и указательным, отпилил, почти оторвал столовым ножом кусок сочной говядины, залил майонезом из соусника, жует:

– Бабки ей отдаю, будет свой магазин открывать, цветочный. А там проблем до фига – поставщики, перевозка... Ну, посмотрим, так-то она девчонка бойкая. А ты че, как?

– Я женат, – нехотя бросил Кира. Кольца на пальце не было, в подробности вдаваться не стал, видно, все не так уж хорошо.

Такому эгоисту, наверно, не просто, с сочувствием подумал Славик.

Кира молча, полувопросительно взглянул на Славика. Тот ответил:

– Мне намекают, что вроде в Командование информационных операций... На карандаш взяли, но не дают. Но чтобы хоть старшим лейтенантом, нужно образование завершить. Буду экстерном сдавать.

– Сдашь.

Обещание Кире ничего не стоило, он знал, что даже без его помощи, связей зануда и зубрила Славик отсдастся с отличными оценками. А ему, Кире, скоро хотя бы введение к кандидатской диссертации писать. Не самому же? Славика терять из виду нельзя: не то чтобы очень умный – Кира не знал, как это, быть умным, и не хотел об этом думать, – а работоспособный и помогает всегда искренне.

– Дрищ у нас что надо, – поддакнул Ромка.

Он продолжал жевать, но Кира заметил: Ромкины глаза зажглись вдруг бледным светом, как фары «Кобры». Он уставился куда-то мимо Кирино уша и заговорил монотонно, словно индеец свое заклинание:

– Сжег, на хрен, три города вместе с упырями, что нас и Донецк мочили. Шастал ночью там, где и днем-то не пройдешь – везде смерть: вонь от трупиков хохла, мины и полно обдолбанных уроков, которые хотят тебя живьем на куски порвать. И девчонку заполучил, которая мертвых живыми делать умеет. А теперь пойдет в академию, изучать языки дикарские. Делов-то...

Славик давно понял, что Ромка вовсе не такой дурачок, каким прикидывается. Это тоже маска. Снова смутился от Ромкиной неожиданной похвалы. Бросил:

– Спасибо, конечно, но следи за тезаурусом.

– Сам за этим своим следи! – Ромка показывал зубы. – Договоришься у меня когда-нибудь!

– Тезаурус – индивидуальный набор специальных, часто употребляемых терминов. Короче, не бранись за столом.

Кира почувствовал, что столбенеет. В тех случаях, когда он боялся, что начнут точить появившиеся откуда-то издалека разные тревожные мысли, в данном случае – нечто отдаленно похожее на стыд и совесть, он либо лежал молча, пытаясь отключить сознание вообще, либо спасался сексом или алкоголем. Сейчас в его распоряжении был только алкоголь, и Кира сделал движение рукой туда, где находился его стакан. Откуда ни возьмись, появилась девушка в белой сорочке и черном жилете, мгновенно заменила стакан, наполнила на два пальца. Кира отхлебнул прилично, потом еще. Они, Славик и Ромка, там, где гибель и ужас, а он здесь, в спокойной Москве, чуть ли не бросается кусками, и вертлявых девчонок сколько хочешь кругом, да и со Славиком нехорошо вышло... Но вот неловкость отпустила, опустошенные, руинированные города, зомби в истлевшей военной форме, интуитивно чувствуемый запах перегретой стали и отстрелянных порохов отступили на периферию сознания.

– Ну, Кира, для тебя – рекорд! – Скалится, насмехается, как в прежние времена, Ромка. – По алкашке пошел?

– Уймись, Ром! – Звонкий голос Славика, как бывало и раньше, окончательно привел Киру в порядок. – Теперь нам нужно думать о том, что будет дальше.

Евгений МИРМОВИЧ

Родился в 1973 году в Ленинграде. По образованию юрист. В прошлом офицер силовых структур, подполковник, с 2012 года предприниматель, с 2019-го – один из редакторов литературного портала «Имба-Читальня». Выпускник литературных курсов при Литинституте им. Горького (курс секретаря Союза писателей России Андрея Воронцова).

Публиковался в «Литературной газете», журналах «Кольцо» (Москва), «Дрон» (Белгород), «Волга» (Саратов), «Невский проспект» (СПб), сборнике «Писатель года 2021», альманахах «Дороги жизни», «Притяжение». Автор сборника короткой прозы «Бессмертие» (СИНЭЛ, 2021). Лауреат ряда литературных конкурсов.

Живет в Санкт-Петербурге.

«ОДИНАКОВЫЕ ПУЛИ»

Полусгнившая жёлтая маршрутка, пахнувшая грязной ветошью и соляркой, тряхнула кузовом и завелась, подрагивая под мерный рокот неубиваемого японского дизеля.

– До города доеду? – спросил я, открыв переднюю дверь кабины.

– Конечно, доедешь, мой дорогой, садись, – ответил бородатый брюнет с лёгкой проседью в густых волосах и добродушной улыбкой.

Пока я рылся в бумажнике, оплачивая проезд, маршрутка пополнилась ещё несколькими пассажирами, и мы поехали.

За окнами понеслись вереницы тёмно-зелёных кипарисов, маленькие покосившиеся домики, утопающие в зарослях винограда, а вдалеке, за холмами, виднелись заснеженные вершины гор, сияющие на фоне прозрачного синего неба.

Бородатый водитель бесцеремонно курил в кабине и оживлённо разговаривал по телефону. Всё существо его изнемогало от потребности жестикулировать. Руки были заняты, и, чтобы выпустить эмоции, он раскачивал головой, добавляя к своей речи восклицания, которым каждый раз придавал разный оттенок.

Его протяжное «ай» то имело характер возмущения, то радости, то сожаления.

– Гоча, возьми за проезд, – послышалось из салона. Водитель протянул назад руку с телефоном и свободным пальцем подхватил протянутую ему купюру.

– Тебе у больницы остановить? – спросил Гоча, не оборачиваясь.

– Да, к дяде Артуру еду, – ответил голос.

– Скажи ему, пусть перестанет валять дурака и натирает колени настоящей из адамова яблока, а то его не выпишут и к свадьбе Марьяны. Дай бог ей вырасти первой красавицей!

– Обязательно передам. Брату твоему привет! – пассажир выскочил, хлопнув дверью.

Гоча объехал двух вальяжно лежащих прямо на дороге тёмно-бурых коров, и мы снова помчались меж кипарисов. Бородач по-прежнему беспечно болтал по телефону, успевая постоянно сигналить в знак приветствия проезжающим навстречу машинам. Заметив на обочине сгорбленную спину старика, с котомкой в руках, Гоча резко принял вправо и остановился. Дед, кряхтя и чертыхаясь, забрался в маршрутку.

– Ох, спасибо, сын. Возьми вот, пожалуйста, – дед протянул водителю измятую бумажку.

– Да что ты, отец? Тебе не надо платить. Скажешь, где выходить, я поближе подвезу.

– У дома Серго мне надо выйти. Знаешь? У водокачки.

– Конечно, знаю. Присядь, отец, сейчас быстро поедem.

За окном вновь замелькали деревья и горы. Наговорившись вдоволь по телефону, Гоча запел. Сначала тихо, как будто бы только для себя, сбиваясь и хрипя, потом всё громче, чисто и с душой. Покачивая головой, он выводил протяжный и грустный напев. Я не понимал слов, но если бы мне нужно было подобрать слова к этой мелодии, то это были бы слова об утраченном счастье, потерянной любви или далёкой родине.

Внезапно за моей спиной песню подхватил женский голос. Он бережно встроился в мотив, будто обвивая мужской вокал, как лоза винограда обвивает прочный ствол дерева. Через мгновение ещё несколько голосов слились в песне, сделав её широкой полноводной рекой.

Мне, столичному жителю, привыкшему к людской разобщённости и равнодушию, казалась добрым, сладким сном эта страна белоснежных гор, остроконечных кипарисов и простых, открытых людей, не ведающих высокомерия и взаимной вражды.

– Гоча, останови у старого вокзала, – слышался женский голос.

– А у вас здесь что, ещё и новый есть? – усмехнулся Гоча, недовольный тем, что пришлось прервать песню.

– Нового вокзала не увидят даже мои внуки, – слышалось в ответ, – но этот-то весь развалился, значит, он старый.

– Пусть будет по-твоему. Сейчас подъеду к самому вокзалу.

У вокзала вышло большинство пассажиров, и мы с Гочей остались в маршрутке вдвоём.

Вдоль дороги замелькали полуразрушенные постройки, корпус завода с выбитыми окнами и серый ангар с надписью «Автомойка», где буква «й» была написана с перекладиной в обратную сторону. Возле надписи, уткнувшись в мобильные телефоны, сидели на корточках два молодых парня.

Я невольно усмехнулся, заметив забавную неграмотную надпись. Гоча недовольно хмыкнул в ответ на мою улыбку.

– А что ты хотел? Они после войны родились. Школы все разрушены. Где им было толком учиться?

– Понимаю, – ответил я сочувственно.

– А тебе куда ехать-то? – спросил Гоча через некоторое время.

– Мне к дому доктора Давида. Знаешь?

Гоча от удивления перестал следить за дорогой.

– Ты с ним знаком? Он же никого к себе не пускает.
– И я не знаю, пустит ли. Читал его книгу. Написал ему письмо. Он ответил, что будет рад, если я заеду. Вот и всё.
– У нас не каждый может похвастаться тем, что видел доктора Давида. Он что-то вроде отшельника, почти святой.
– Возможно, я не всё знаю, но у него очень интересная книга о войне. Я читал её и хотел встретиться с автором лично.
– Люди говорят, что Давид лечит гипнозом. Правда, я в это не верю. Но если ты пойдёшь к нему и он тебя пустит, разреши мне пойти с тобой. У меня зуб по ночам ноет уже вторую неделю. Может, Давид снимет мне боль.

– Да пожалуйста.

Ещё какое-то время мы ехали молча. Потом внезапно Гоча сбавил скорость и начал протяжно сигналить. Я осмотрелся по сторонам, но никакой аварийной ситуации на дороге не заметил. Машины, следующие по трассе за нами, проделывали ровно то же самое. Сбрасывали скорость и сигналили.

– Что это значит? – спросил я из любопытства у Гочи.

– Вертолёт, – спокойно ответил он.

– Где вертолёт?

– Здесь. Ах, да, ты не местный, не знаешь. Во время войны враги сбили в этом месте наш вертолёт. В нём перевозили женщин и детей подальше от линии фронта. Там было тридцать восемь женщин и детей. Убийцы знали об этом и всё равно сбили. Вот здесь они все и погибли, – Гоча указал рукой на пригорок.

Оставшуюся часть пути мы не разговаривали. Вершины гор были, как прежде, величественны и прекрасны. Я смотрел на них и испытывал искреннюю симпатию к этому простому, открытому и дружелюбному народу, заплатившему немалую цену за свою независимость.

Через некоторое время мы подъехали к маленькому дому из красного кирпича, обвитому виноградом. Его окно, выходящее на улицу, было открыто. В нём развевалась на ветру белая занавеска. Кирпичная стена вокруг оконного проёма была вся сплошь изрешечена следами пуль. Видимо, по этому окну долго, хотя и не слишком прицельно, работал пулемёт.

Мы вышли из машины и подошли к маленькому, увитому плющом крыльцу. На пороге нас уже встречал невысокий человек лет семидесяти с белой от седины головой и большими живыми и невероятно глубокими чёрными глазами. Его взгляд не был враждебным, но был строг, печален и как будто заведомо знал о нас всё. Поверх его плеч было накинуто длинное чёрное пальто, полностью скрывающее под собой фигуру.

– Меня зовут Евгений, я писал вам о встрече, – начал я, протягивая руку для приветствия.

Давид ответил мне лишь неуловимым одобрительным движением глаз, но руки не подал. Гоча, увидев мою протянутую ладонь, поспешил меня одёрнуть за рукав. Не зная местных обычаев, я отнёсся к этому спокойно. Давид пригласил нас в дом, и мы прошли в маленькую, чисто убранную комнатку с железной кроватью и накрытым белой скатертью столом. В углу тлела лампада возле иконы Богородицы, а на стене висели несколько пожелтевших фотоснимков советских времён.

Мы сели за стол. Я заметил на лице Гочи сильное волнение. Он смущённо убрал свои руки под свисающую со стола белую скатерть и нервно подёргивал губами.

– На меня произвела большое впечатление ваша книга, – начал я, обращаясь к Давиду.

– Выбрось её, я написал дрянь, – сухо ответил Давид, но взгляд его оставался приветлив. – Если бы я не читал твоих рассказов, то вообще не стал бы с тобой на эту тему разговаривать.

– Я хотел спросить у вас, Давид, об эпизодах, которые, как мне показалась, не вошли в книгу.

– Послушай, ты же из Питера? – Глаза Давида оживились при этих словах и даже немного помолодели.

– Да.

– Я окончил Ленинградский медицинский институт в семьдесят шестом году. Мы очень любили гулять белыми ночами после экзаменов. Какое это было время, если бы ты знал! Одна гитара и пятнадцать голосов со всех республик Союза. Пели по ночам песни Визбора на стрелке Васильевского острова, – взгляд Давида устремился поверх моей головы и потерялся за окном.

На пороге комнаты появилась молодая женщина. В её руках был поднос, на котором стояли три стакана красного вина.

– Давид, мне кажется, что-то помешало вам написать в своей книге всё, о чём хотелось? Или у меня сложилось неправильное впечатление? – спросил я, желая вывести хозяина на интересующую меня тему.

– А ты сможешь ли написать? – воскликнул Давид. – Ты тоже не напишешь то, что нужно писать об этом.

Давид сделал глазами знак женщине с подносом, и та подошла ближе. Она поставила один стакан перед Гочей, другой передо мной, а третий продолжала держать в своих руках.

– За мирное небо над вашей Россией. Мудрости вашим детям и здоровья вашим старикам, – произнёс Давид.

Женщина поднесла стакан с вином к его губам.

Он запрокинул голову и выпил до дна. После этого его плечи дёрнулись, и чёрное пальто упало на пол. Я обомлел. Вместо рук висели худые обрубки, которые заканчивались чуть ниже локтя.

– Ты спрашиваешь, о чём я не написал? А о чём вообще говорить? Я – врач. Я не воевал. Больницу, которую я создавал много лет, сравнивали с землёй. Раненых с фронта везли прямо ко мне домой. Я оперировал здесь, в этой комнате. А там, – он указал глазами на соседнее помещение, – был морг. Я работал по двадцать часов в сутки. В моём саду хоронили наших ребят, которых я не сумел спасти. Эти доски на полу пропитаны их кровью насквозь. Кровью наших мальчишек.

Давид резко встал и подошёл к иконе, висевшей в углу. Он стоял ко мне боком, но я видел, как двигаются его губы. Гоча был бледен и не смел пошевеливаться.

Через некоторое время Давид вернулся за стол и продолжил.

– Ты хочешь знать, о чём я не написал? Ты чувствуешь, что я не сказал всё? Так я тебе расскажу. Писать у нас об этом нельзя, но говорить мне никто не запретит. Когда наши ополченцы отступали, я не смог уйти с ними. В доме оставалась моя парализованная мать, которую я не мог бросить. Всё произошло быстро, за один вечер. Передо мной появились эти люди. В такой же, как у нас, форме, с таким же оружием. Они волокли за собой раненых бойцов. Я не успел вымыть здесь пол, как в моей операционной уже лежали их покалеченные парни. Это были обычные мальчишки, понимаешь?

Давид встал и нервно заходил по комнате.

– Они точно так же, как и наши, были изуродованы осколками. У них точно так же торчали переломанные кости из-под обгорелого, прилипшего к телу окровавленного камуфляжа. Они так же звали на помощь своих матерей и плакали, не желая умирать в девятнадцать лет. Понимаешь ты меня?

Давид снова подошёл к иконе, и плечи его задрожали. Спустя минуту он резко обернулся ко мне и продолжил:

– Я окончил Ленинградский медицинский институт. Я давал клятву лечить. А они умирали на моих глазах. У каждого на шее был крестик и оберег, повешенный матерью в надежде на спасение. И я спасал. Я работал, как прежде, по двадцать часов в сутки. И их тоже хоронили в моём саду. Вот там, – он указал глазами за окно, – я не знаю, сколько в этом саду наших, а сколько чужих, мне некогда было считать.

Лицо Давида стало багровым, и большие чёрные глаза наливались какой-то неистовой злостью. Казалось, он был готов воткнуть нож в сердце войны, если бы у неё было тело. Если бы оно было, Давид точно нашёл бы в нём сердце, для меткого удара штыком.

– Мой отец был хирургом на Сталинградском фронте, – продолжил Давид. – Он говорил, что безошибочно отличал дезертира от героя при операции. Немецкие пули и осколки отличались от наших. Ему не составляло труда определить, выстрелом из какого оружия был ранен боец. А я вынимал одинаковые пули из людей, одетых в одинаковую форму, говорящих на одном языке. Из людей одной веры, которую все они предали, потому что люто ненавидели друг друга. Кто-то запустил эту цепочку злодеяний, и ненависть стала настоящей. А я перестал видеть между людьми разницу. Я лечил их, выполняя свой человеческий долг, и был жестоко наказан за это...

Я заметил, что женщина, приносившая вино, вернулась в комнату и присела у порога. Только теперь я увидел, что вся левая сторона её лица искажена последствием глубокого ожога.

– А потом вернулись наши, – продолжил Давид, и я почувствовал сарказм в его голосе, – вернее, наших там было уже меньше половины. Остальные наёмники из других стран. Они сочли всех, кто оставался в оккупации, предателями. Жгли дома, стреляли всех без разбора. Их ненависть не имела границ. Среди них я узнал одного лейтенанта, которого оперировал полгода назад после тяжёлого ранения. Теперь он был полковником и командовал расстрелами на футбольном стадионе, где казнили всех, кто казался им подозрительным или просто возражал против грабежа и насилия. Я же, лечивший врагов, был предателем номер один. Моя участь была решена, – глаз Давида задёргался, и он отвернулся в сторону.

Гоча нервно мят кисти рук, не находя им места. Он поглаживал ладонями колени, потом бороду и снова сплетал дрожащие пальцы в тугой узел.

– В моём доме оставались двое тяжело раненных бойцов, – произнёс Давид сдавленным голосом, – враги попросту бросили их при отступлении. Мне приказали отвезти их на тележке в парк культуры, где зарывали трупы, и сбросить в яму. Затем дали в руки лопату и приказали закапывать. Тот самый, спасённый мною молодой полковник приставил дуло автомата к моему затылку и посоветовал лечь в яму к своим пациентам, если я не захочу взять в руки лопату. А из ямы на меня смотрели с ужасом глаза человека, самочувствием которого я интересовался несколько часов назад. Человека, которого ещё утром я

укорял за не вовремя принятое лекарство и радовался, что его состояние стабилизировалось. Теперь я смотрел на него сверху, и в моих руках была лопата. А в его глазах была жизнь, за которую он цеплялся из последних сил, умоляя взглядом не убивать его. И я цеплялся за свою жизнь, потому что я не герой. Как все люди, я боюсь смерти, тем более глупой и напрасной. У меня не хватило духа лечь в яму рядом с ним, и я, зажмурив глаза, начал закапывать. Песок был сырым и тяжёлым. В нём попадались камни, и я слышал только лязг моей лопаты, ударявшейся о них. Этот звук до сих пор стоит в моих ушах. Иногда я слышу его по ночам, и тогда я бужу Динару и заставляю её громко петь мне.

Присевшая на пороге женщина с обожжённым лицом молча кивнула в подтверждение его слов.

— А после меня отволокли на проспект Героев. Он и тогда так назывался. В честь павших героев Великой Отечественной, когда и мы, и наши теперешние враги были по одну сторону фронта. Там меня, как и многих других, привязали к фонарному столбу. Мои руки были связаны с обратной стороны столба проволокой. Командовал всё тот же полковник, вчерашний лейтенант. А я вспоминал, как собирал по частям его ногу, вынимал осколки из живота и зашивал кишечник. Я до сих пор отчётливо помню его кишечник. Помню каждый сантиметр его бедренной кости, собранной мною, на последнем, оставшемся в моём доме штифте. А теперь он командовал расстрелом и не обещал нам лёгкой смерти. Все, кто висели на столбах левее меня, поэтапно были облиты бензином и подожжены заживо. Когда загорелась привязанная рядом со мной женщина, я понял, что жизни не спасти и лучше было принять смерть, оказав сопротивление в самом начале. Но разве я мог знать всё заранее?

Женщина с обожжённым лицом, сидевшая на пороге, прикрыла глаза руками и поднялась с места.

— Не слушай меня, Динара. Незачем.

Динара с тревогой посмотрела на Давида и молча вышла.

— В тот момент, когда я это понял, начался ураганный обстрел. Выбитые из города враги работали по нам «Градом». Я тогда уже отличал эту смертельную машину от других по звуку. Где-то сзади прогремел разрыв. Я увидел красные отблески в окнах дома напротив. Тут же эти окна стали пустыми, а меня как будто что-то ужалило сзади. Словно огромная собака укусила мои связанные за столбом руки. В ту же секунду я упал на землю лицом и потерял сознание. Потом, в госпитале, мне говорили, что фонарный столб сохранил мне жизнь, прикрыв мою спину от осколков. Но руки так и не сберегли. Хотя я говорил этим коновалам, что нужно было делать.

Давид снова вскочил и нервно зашагал по комнате.

— Они прислушались к моим словам, лишь когда спасали женщину, обгоревшую на соседнем столбе. Она осталась жива. Пойди сюда, Динара. Я не стану больше ничего говорить. Помоги мне надеть пальто.

Давид поднялся из-за стола и направился к выходу. Мы, как заговорённые, последовали за ним.

Во дворе дома, возле умывальника, были прибиты к стволу дерева опасная бритва и расчёска.

— Я многое делаю сам, — заявил Давид в ответ на удивлённые взгляды при виде приколоченной расчёски.

Динара обняла Давида за плечи и прижалась щекой к его затылку.

– Напиши там, как сможешь: у вас, наверное, разрешат, – сказал мне на прощание Давид.

– Попробую, – ответил я.

– А за больной зуб не беспокойся, – обратился Давид к Гоче, – он тебе ещё послужит, главное – не спеши удалять. Сейчас не болит?

Гоча удивлённо вытаращил глаза и отрицательно замотал головой.

– Вот и не будет больше, – заключил Давид.

Пропахшая соляркой жёлтая маршрутка задрожала ветхим кузовом и завелась. Мы ехали молча, и белоснежные вершины гор были по-прежнему прекрасны. Но сопки были где-то высоко, а обшарпанный салон маршрутки постепенно заполнялся пассажирами. Они не замечали нашего с Гочей молчания. В них кипела сегодняшняя свежая жизнь. Двое мужчин обсуждали, откроется ли после ремонта баня к ближайшим выходным. Женщины сетовали, что тётя Тамара перестала торговать на рынке сметаной. Одни говорили, что у неё заболела корова. Другие судачили, что к Тамаре привезли из города пятерых внуков на каникулы и теперь сметана ей нужна самой.

Я смотрел на пролетающие мимо кипарисы и вспоминал о военных складах, где мне прежде приходилось бывать. Там хранятся тысячи комплектов для систем залпового огня «Град». Они лежат там не напрасно. Когда-то снаряды будут выпущены. Пролетят ли они мимо внуков тётки Тамары? Кто из этих ребят за полгода станет из лейтенанта полковником? Им неизбежно придётся соприкоснуться с какой-либо войной. Будут ли на этой войне все пули одинаковыми или судьба подарит благоразумие будущим поколениям?

– Мне эта баня нужна, как воздух, – услышал я мужской голос позади себя, – без парилки у меня спину ломит. Это с войны ещё. Два осколка вынули, а третий – во мне. Теперь, после ремонта, баня наверняка дороже станет. А где деньги брать? Хорошо тебе: ты полковник, герой войны – у тебя мытьё бесплатно, – говорил незнакомец своему соседу.

– Знал бы ты, как я этого героя получил. За полгода из старлея полковником просто так не становятся. Я бы с удовольствием променял своё ветеранское удостоверение на твою нищету, – ответил хриплый басок позади.

Мне очень хотелось обернуться, чтобы увидеть этого человека. Но я не стал на него смотреть.

ДРУЖБА НАРОДОВ

Почти седой майор в отставке не сразу отвечает на мой вопрос. Кажется, что он сейчас не здесь. Мне непросто вытащить его из того мира, в который он ушёл с головой.

– Что, Дмитрий Алексеевич? Опять накатило?

– Не могу больше, Женя, домой хочу.

– Так иди. Я тебя на сегодня отпускаю. Только будь на связи, пожалуйста.

Я прекрасно понимаю, в чём дело, и лукавлю. Мне кажется, что моё лукавство может облегчить ситуацию.

– Нет, Женя, я на родину хочу. Там сейчас черешни зацвели и соловьи поют. Там, понимаешь, могилки у меня. Мамина могила – на южной стороне села, а батькина – на северной. Кто выше по речке жил, над мостом, тех хоронили на северной стороне, а кто ниже моста, того на южной. В колхозе так принято было.

– А что же, вместе нельзя было? Родные ведь.

– Да повздорили они в последний год. Мать на другую сторону села и ушла, к сестре. А там и смерть к обеим подкралась. Так и схоронили не рядом. Всё равно одно село. Там на обоих кладбищах всё одни родственники лежат. Я там про всех могу рассказать, кто кому кум, а кто сват. Про каждого знаю, кто чем отличился. Ты пойми – это же родная деревня моя. Болган называется, триста дворов раньше было. Понимаешь?

– Послушай, Дмитрий Алексеевич, ты же после родного села пять лет в военном училище в Харькове учился, потом двадцать лет на Байконуре в Казахстане служил да и в Питере уже лет десять. У тебя дом здесь. Два сына-красавца. Внучка в фигурном катании блещет. Я же видел её по телевизору. На что тебе это село в Приднестровской республике? Тебя там и не помнит уже никто.

– Не может быть, чтобы не помнили. Я там клёны сажал, и орех грецкий, и виноград. Всё это там есть. И могила матери. И батька там лежит. И брат мой старший Пётр там, в Болгане, один. Жена его Люська в том году померла, и он мне теперь часто звонит. Говорит, всё там как было, и клёны, и орех, и виноград. Денег только вот нет на лекарства. А у Петьки гипертония. Мне бы слетать туда на недельку, а, Женя?

– Ну, вон бумага в принтере. Пиши заявление на отпуск, я подмахну. Только как ты полетишь-то туда? Границы все закрыты – беспокойно теперь.

– Господи, да я до Стамбула возьму билет. А оттуда до Кишинёва, а там автобусом. Говорят, там с российским паспортом пропускают, если объяснишь, куда и зачем. Да кто меня не пустит? Я родился там и в школу ходил. Меня каждая собака в Болгане знает.

– Смотри, Дмитрий Алексеевич, собаки так долго не живут, вдруг поменялись уже, – пошутил я, но Дмитрий Алексеевич уже писал заявление на отпуск.

– Спасибо, Женя. Не волнуйся за меня. Ты же знаешь, наш брат служивый нигде не пропадёт.

– Ты поаккуратнее там, Дима. Будь осторожен, не мне тебя учить. – Мы крепко обнялись.

Спустя несколько дней Дмитрий миновал Стамбул, три таможни, две пересадки, и вот оно, дуло автомата молдавского пограничника, упёртое в твёрдую грудь седого майора на приднестровской границе.

– А что, разве Путин мне ничего не передал? – с хитрой улыбкой спросил пограничник, листая Димин паспорт.

– Да ты дальше листай. Там в конце, под обложкой, тебе от Путина записка.

Пограничник, быстро пролистав до конца, вынул из-под обложки паспорта пятьдесят евро и пожелал счастливого пути. Теперь впереди оставались лишь несколько десятков километров разбитых дорог на старом автобусе, и вот он – родной Болган.

Не соврал брат Петька. Родная деревня показалась Дмитрию краше, чем была. И ребятишки по-прежнему на улицах резвятся, и виноград кругом посажен, и бабы бельё на верёвках, как и прежде, развесили. Будто и не уезжал Митя Бертайло никогда. Словно не было всех этих лет. И войны будто не было, и страна одна-единая, как прежде. Вот-вот из-за угла председатель колхоза на своём УАЗе выскочит, притормозит слегка и отчитает молодых за то, что план по кукурузе не перевыполнили.

А река, всё такая же широкая, блестит на солнце, и черешни по берегам цветут. Где-то трактор тарахтит, и бабы пошли виноградные лозы подвязывать. А клуб весь обветшал, и окна его теперь чернеют пустотами. Ветер носит в них сухую солому. Кино теперь не крутят.

Брат Пётр сгорбился и потолстел, но глаза всё те же, живые, чёрные, как те камни, что искрятся в порогах родной реки, как домашнее вино из далёкой юности, молдавские глаза. В мать пошёл Пётр. Весь её род Илиеску такими глазами отличался.

Встретились братья, обнялись. По кружке самогона за встречу выпили. Вспомнили юность, сестру-москвичку, от которой вестей давно нет, соседей вспоминали, кто жив, кто нет, родителей помянули.

– Надо бы, Петя, на кладбище сходить, – подытожил Митя, переворачивая кружку вверх дном в знак окончания попойки.

– К мамке-то? Да это хоть сейчас пойдём, – охотно согласился Пётр. – Там на оградку сук толстый упал, мне одному не сдвинуть, а вдвоём-то в самый раз осилим.

Отправились на южную сторону села. Пыльная дорога повернула влево и вышла в поле. На небольшом пригорке показалось сельское кладбище. Митя не сразу понял, в чём было дело. Кладбище как будто сползло с пригорка и вылезло к самой дороге.

– Подожди, Петро, кладбище же раньше было на холме. Почему теперь вниз съехало?

– Чудак ты, Митя. Оно и осталось на холме, только вот разрослось видишь как.

Митя шагал между могил с фотографиями совершенно незнакомых ему людей и не мог отделаться от странного ощущения чужеродности этого места. До этого всё вокруг было родное: и дорога, и клуб, и река, –

а тут словно чужое всё. Через минуту Митя вдруг заметил, что среди захороненных людей почти нет женщин. Какое-то неприятное чувство серой отравой начало медленно заполнять Митину душу.

– Стой, Петька! – Митя резко остановился, вцепившись рукой в решётку могильной ограды. – Кто все эти люди? Почему я никого из них не знаю? Разве сюда возят с других сёл?

– Почему с других? Все наши. Ты фамилии читай. Вон Соболевы, а здесь – Мордолюк, дальше вот – Косованы, бабки нашей по матери племянники.

– погоди, брат ты мой! Я не знаю этих лиц. Никого не знаю. Что это, Петя?

– Да как же, Митя, ты их знать-то мог? Ты когда в военное училище поступать уехал, они все ещё в детский садик ходили. Вон Коля Косован, одноклассники твоей, Лучаны, сын. Помнишь Лучану Косован, любовь свою школьную?

– Да что же это, Петя? Почему все они здесь?

– Война, братишка, многих скосила, что поделывать?

– Какая ещё война?

– За независимость, ты что, забыл? Мы же непризнанная республика.

Как в тумане Митя дошёл до материнской могилки. Отодвинули упавший на ограду ствол. Протёрли от пыли пожелтевшее овальное фото.

Как с лица Богородицы, смотрели на Митю родные материнские глаза. С тревогой смотрели и любовью, как тогда, перед отъездом в училище. Смотрели так же, как прежде, в далёкие детские годы. Забыл уже Митя этот взгляд, а теперь вспомнил, и свело сердце болью, что не стоял он рядом с матерью в последние её дни. Лишил её этой последней радости – видеть младшего сына.

– Сволочь я, – выдал из себя Митя и вытер рукавом слезу.

Пётр сразу понял, о чём это, но промолчал. Что уж тут ворошить? Минут десять посидели молча.

– А помнишь дядю Степана, брата материнного? – начал Пётр, закуривая.

– Как не помнить? Конечно, помню. А что ты, Петя, закурил-то? Тебе же нельзя. Ты же бросил.

– Да ладно. Бросил, начал, что там. Так вот, кто точно сволочь, Митя, так это Степан. Ушёл тогда за Молдову воевать. Столько своих положил, сука. Живёт там теперь себе спокойно, гнида, – Пётр нервно сплюнул на землю и ещё раз глубоко затянулся папирсой.

– Как же это так, Петро?

– Ты, Митя, как маленький, правда. Я же писал тебе. Забыл?

– Да помню я всё. Только понять никак не могу: откуда вся эта холера на нашу голову?

Пётр, жадно затягиваясь, пускал дым в сторону. Его грубые, толстые пальцы нервно мяли догорающий окуроч.

– Надо в храм пойти, Петя. Поставить свечу за упокой мамы, – очнулся Митя.

– А вот это вряд ли получится, – сухо ответил Пётр, загасив сапогом окуроч.

– Неужто церковь нашу закрыли? Работала ведь даже при коммунистах!

– Она и сейчас работает, только не про нашу честь.

– Это ещё почему?

– Ох, Митя, давно ты на родине не был. Церковь на северной стороне села за мостом, забыл, что ли?

– Помню, что за мостом. А что там с ней случилось?

– Как что? Украина там же. Всё, что по ту сторону моста, – Украина.

– Ну так там всегда была Украина, и что с того?

– Дурак ты, что ли, совсем, Митя? Кто же туда тебя пустит? Они же самостийные теперь, а ты россиянин. И меня не пустят, потому как у меня украинского паспорта нет, а наш им не годится. По молдавскому паспорту раньше можно было, да, говорят, теперь тоже сложно.

– Постой, а как же мы тогда к батьке нашему на кладбище попадём?

– Да никак и не попадём. Я сам с тех пор там не был, как на Украине война пошла.

– Так война же в Донбассе, далеко отсюда.

– А им-то что? Все, Митя, враги теперь здесь друг другу. Донбасс за свою независимость воюет, а нам сюда прилетает. Пойдём-ка мы с тобой лучше баньку истопим. Тебе отдохнуть бы с дороги надо. Вид у тебя, Митя, помятый какой-то.

Всю дорогу до Петькиной хаты шли молча. Петру не очень хотелось говорить.

«Что судачить без толку? – думал Пётр. – Митя через пару дней улетит обратно в Петербург. У него там работа, квартира, машина, военная пенсия, дети, внуки. А я в Болгане останусь, возле перекошенной хаты и старого мотоцикла с деревянным ящиком вместо люльки. Зато воздух здесь родной. Черешни здесь мои цветут и виноград. Всё ведь ясно, о чём тут говорить?»

Митя шёл назад в полной растерянности. Ни река, ни виноградники уже не радовали глаз. Он смотрел на пыль, поднимающуюся с проселочной дороги от сапог брата, шедшего впереди, и думал: «Не может быть, чтобы среди этих прекрасных черешневых садов, среди знакомых с детства виноградников с людьми случилась такая страшная беда. Не может быть, чтобы в Болгане, где любой давал червонец взаймы до получки, где, постучавшись в любую хату, можно было получить горбушку хлеба и стакан молока, где звали всех соседей на крестины или свадьбы, произошло такое бедствие».

Не верил Митя, что один человек может не пустить другого человека на могилу родного отца. Может быть, где-то на другом континенте и бывает такое, но не здесь. Не в родном Болгане, где гуляли на октябрьские праздники всем селом и свадьбы всем селом справляли. И в соседней Рыбнице такого не может быть, и в Каменке тоже. Потому что в каждой соседней деревне есть родственники, одноклассники, сослуживцы. В каждой деревне есть клуб, куда съезжались на танцы со всего района, и девчонки знакомые в каждом селе есть. Поэтому не может быть, чтобы его, Митю Бертайло, кто-то не пускал за мост, до кладбища дойти и батьке покойному поклониться, только потому что там независимая Украина.

С этими мыслями вернулся Митя в хату брата и молча присел на табурет. Тем временем Пётр истопил баню. Из трубы повеяло приятным сладковатым дымком. В низине, у пруда, залился трелью соловей, а на треснутом стёклышке чердачного оконца заиграли отблески заходящего солнца.

– Слышь, Мить, что ты расселся-то? Сгонял бы до колодца, бидон воды приволок, а то ведь не хватит нам парку-то! – прокричал со двора Пётр, у которого предчувствие хорошей парилки уже развеяло тяжёлые мысли.

Митя покосился на алюминиевый бидон, стоявший в углу хаты.

– Я что, в руках бидон попру? Колодец-то по-прежнему возле Соболевых? Другого не нарыли? Может, у тебя хоть тачка какая есть?

– Мотоцикл возьми. Поставь бидон в ящик, что вместо коляски. Всегда же так возили, забыл, что ли?

Привычным жестом Митя завёл старенький «Восход». «Надо же, а руки-то помнят», – приятно удивился он, выезжая на дорогу и прибавляя газу. Поток свежего ветра ударил в лицо. Старое, давно забытое в замусоренной душе чувство деревенской удали разлилось по Митиным венам. Он прибавил газу. «Восход» отозвался рычанием и дёрнулся вперёд. Дворовая собачонка увязалась было с лаем за мотоциклом, но тут же отстала. Ветер шевелил седые Митины волосы и охлаждал колени.

– Эх, мать вашу, Болган родной! – вырвалось криком из Митиной груди на всю улицу. Давно забытый восторг от быстрой езды на мотоцикле захлестнул душу. Всё будто разом встало на свои места. Боковым зрением Митя видел улыбающихся вслед женщин. Кто-то помахал ему рукой с багровеющего в лучах заката поля. Из соседнего огорода слышался залихватский, ободряющий свист поддержки.

Да разве может быть, чтобы меня, Митьку Бертайло, к отцу родному на кладбище какая-то шпана не пустила? Всё это бред, страшный сон все эти паспорта и войны. Вся эта независимость – бред. Вот она, пыль родного Болгана, вьётся шлейфом за мотоциклом. Пыль родной земли. Покружится чутко и уляжется на место, как улеглись все волнения в моей душе. Всё ведь на своём месте, и река, и клуб, и кладбище никуда не делось. И я, Митя, никуда не делся. Вот он я, здесь, как и прежде!

Поддав ещё газку, Митя лихо взлетел на пригорок и, спустившись с него в низину, к мосту, увидел полосатый шлагбаум и три противотанковых ежа поперёк дороги, аккуратно выбеленных краской. Рядом старый фанерный щит с выцветшей надписью «Да здравствует дружба народов!» светил дырами, пробитыми в нём автоматной очередью.

– Куда прёшь, дед? Что, не видишь, пограничный переход закрыт? – выскочил навстречу молодой боец с автоматом на шее.

– Какой на фиг переход? Я тут всю жизнь ходил. Уйди с дороги, сопляк!

Понимая, что проехать всё равно не удастся, Митя слез с мотоцикла и подошёл к сержанту.

– Слышь, дед, не балуй. По ту сторону Украина. Там тебе шкуру спустят и нам заодно с тобой. Вертайся назад, – сержант поднял автомат на уровень груди и замер в ожидании.

– Да пошёл ты, сопляк, со своей Украиной... Я украинец, и отец мой украинец, и Болган с обеих сторон здесь мой. Имею я право на могилу отца ходить?

– Я не знаю, батя, кто ты такой, но туда нельзя.

– Чёрт с тобой, щенок! – Митя сел на мотоцикл и крутанул рукоятку газа. Вокруг пункта пропуска, насколько было видно, простиралась молодая кукуруза, никаких заборов Митя не увидел.

Одним рывком мотоцикл преодолел придорожную канаву и, подминая под себя молодые побеги кукурузы, обошёл полем постройку пограничного перехода и устремился на украинскую сторону.

Вырулив снова на дорогу, Митя неожиданно увидел пред собой странного человека в армейском кителе с погонами капитана и белых ночных кальсонах. Босые ноги и взъерошенные волосы говорили о неготовности человека к сложившейся ситуации. При виде мотоцикла

капитан рухнул на колени посредине дороги и развёл руки в стороны. Его глаза умоляюще смотрели на Бертайло.

– Остановись, дядя Митя, нельзя тебе туда! – прокричал капитан.

– А ты почём меня знаешь? – удивился Митя, останавливаясь перед ним.

– Да я в окошко тебя признал. Бертайло ты, покойной Илиеску сын. Я же помню, ты с третьей хаты по улице Победы, Петра брат. А я дяди Серёжи Косована сын, с Октябрьской.

– Серёги Косована? Хромого, что ли?

– Ну да, признал?

– Тебя не признал, а Серёгу как не помнить?

– Не ехай туда, дядя Митяй, огонь ведь откроют по тебе, да и нам потом достанется, греха не оберёшься, Христом Богом молю, не ехай!

– Да за что же огонь-то по мне? Я же токмо к батьке на могилку и назад. Не трону я их независимость.

– Всё одно – откроют, потому как ты – москаль, враг то есть.

– Да какой же я москаль? Я и в Москве-то ни разу в жизни не бывал.

– Москаль и есть, несмотря что Бертайло.

– Я майор Российской армии, а там в ней всё равно, кто Бертайло, а кто Иванов. А вот ты, щенок, где успел погоны капитана заслужить?

Косован поднялся с колен и зло посмотрел на Митю.

– Я за независимость воевал, ранение имею и погоны свои ношу по праву.

– Это с кем ты, Косован, воевал-то? С родной Молдовой? За которую мой дядька-подлец Степан Илиеску воевал?

– Так точно. Против твоего дядьки-подлеца воевал. За нашу независимость.

– Да ты же сам молдаванин, мать твою, как ты мог?

– А ты, дядя Митя, сам молдаванин по маме, что меня коришь?

В этот момент на дорогу из кукурузных побегов выскочил Пётр.

– Я так и знал, что ты сюда попрёшь! – завопил Петро. – Ну какого лешего? Я же тебе всё объяснил!

Пётр схватил брата в охапку и потащил назад.

– Ты вот объяснял, а я ни хрена, Петя, не понимаю, кто из нас кто?

– А что тут не понимать-то? Ты москаль, но по отцу хохол. Косован – приднестровец, но по национальности молдаванин. Я, как и ты, молдаванин по матери, но приднестровец по гражданству. Степан Илиеску, дядя наш, – просто сука, потому что воевал против нас, и плевать, какой он национальности. Что здесь непонятно, Митя?

– Мне одно непонятно, Петро, какая сволочь это всё устроила?

Петр, не понимая, заморгал глазами.

– Садись давай на мотоцикл, в баню поедем, там я тебе популярно объясню.

Митя послушно сел и обхватил Петра сзади. Старенький «Восход» дёрнул с места. Оглянувшись, Митя увидел Косована в ночных кальсонах, нервно пытающегося закурить сигарету, да старый фанерный щит с надписью «Да здравствует дружба народов!», пробитый пулями, как решето.

Владимир КУЗИН

Родился в 1964 году, образование среднее техническое (авиамеханический техникум) и незаконченное высшее (четыре курса Ивановского государственного университета, филологический факультет).

Работает в охране. Живет во Владимире.

ПУНЬКИНО СЧАСТЬЕ

(Бэль)

– Иди, выбирай, – Галина Викторовна отпустила руку своего семилетнего сына, и тот принялся обходить небольшие железные клетки с котятками.

Глаза мальчика радостно засияли, ведь он ждал этой минуты целую неделю. С того самого дня, как мама обещала ему купить зверёныша. Как часто, проезжая в троллейбусе мимо колхозного рынка, Славик вглядывался туда, где продавали котят! Как мечтал он о живом пушистом комочке, который станет его настоящим другом! Ведь это было совсем не то, что его бездушный плюшевый медвежонок!

Мальчик поочерёдно обходил каждую клетку и, наклоняясь над ними, наблюдал за котятками. Некоторые из них глазели на окружающих, другие чистились, а третьи безмятежно спали – очевидно, давно привыкнув к походам на рынок.

– Вот, – говорила меж тем Галина Викторовна продавщице, – донял меня: купи да купи котёнка... Я сначала не хотела: шерсть от него, грязь. А после подумала: уж лучше пусть сын со зверёнышем возится, чем тусуется во дворе с какой-нибудь шпаной, которая через пару лет его всякому дерьму научит...

Женщина-продавец поддакивала собеседнице и нахваливала свой товар – мол, у неё все животные чистые, блохи и глисты выведены, никто никогда не приносил котят назад...

– А персы у вас почём? – поинтересовалась Галина Викторовна, посмотрев на персидских котят, сидящих в корзине, устеленной мягкими тряпками.

– Которые помесь с обычными – по пятьсот... А чистокровные по тысячу двести за штуку... Разбирают очень быстро...

– Дорого, – посетовала Галина Викторовна. – Нам лучше обычного, но хорошенького...

– Таких у меня пруд пруди, – продавец кивнула головой в сторону клеток. – У кого кошки котятся, все мне тащат... Принимаю по восемьдесят

рублей за штуку – на еду, содержание... Почему бы людям не помочь?.. А отдаю их за символическую плату, кто сколько даст. Совсем бесплатно, говорят, нельзя: не приживутся у новых хозяев, примета такая...

Славик обошёл больше половины котят и вдруг остановился: в углу одной из клеток, прутья которой местами были покрыты ржавчиной, он заметил маленького худенького котёнка пепельного цвета. Тот лежал, опустив головку и подогнув под себя передние лапки.

– Эй... – позвал его Славик.

Зверёныш даже не шелохнулся...

Тогда мальчик присел и тронул его пальцем.

Котёнок поднял голову и поглядел на Славика. И мальчик прочёл в его глазах глубокую грусть.

– Дрыхнешь? – растерявшись, пробормотал Славик.

Тот не отрывая взгляда смотрел на мальчика...

– Ты чего такой хилак? – после некоторого молчания спросил Славик.

Затем подошёл к маме, запустил в её сумку руку и отломил небольшой кусочек сардельки. Вернувшись к клетке, он просунул угощение меж прутьев. Котёнок пошевелил ноздрями... ещё раз... затем поднялся на лапки и осторожно, с опаской ткнувшись носом в лакомство, взял его зубами и принялся жевать. Другие котята, почуяв вкусное, повскакали со своих мест, но им ничего не досталось...

Поев, котёнок начал облизывать свою лапку и чистить ей мордочку... Славик, улыбаясь, наблюдал за ним...

– Умылся? – спросил он котёнка через пару минут... Затем вынул из кармана брюк конфетку в шершавой обёртке и принялся водить ею по прутьям клетки... Зверёныш сначала с любопытством смотрел то на фантик, то на мальчика... А после – видимо, сообразив, что с ним желают поиграть, – начал хватать обёртку своей лапкой. Мальчик двигал фантиком вверх-вниз и вправо-влево по прутьям клетки, а котёнок старался уцепить его своими коготками... Наигравшись, он присел; и едва Славик погладил зверёныша по головке, тот несколько раз лизнул его палец...

– Мам, – позвал мальчик.

А когда Галина Викторовна и женщина-продавец подошли, он с горящими от восторга глазами показал им на котёнка:

– Он меня сейчас лизнул...

– Кто, Пунька? – удивилась продавец. – Вот это номер! А ведь думала, он у меня так и останется сонной тетерей... Я его у нашего подъезда подобрала, – обратилась она к Галине Викторовне. – Гляжу как-то, сидит этот кроха под дождём, съёжился в комок и дрожит как осиновый лист... Принесла домой... Ест он как дистрофик; пожует чуть-чуть, ляжет и уткнётся головку в пол... Настродался, видать... Наверное, долго один жил, без молока материнского, поэтому таким худобушкой и стал... Из носа несколько дней текло, пришлось максидином капать... Какая кошка по-сильней, начнёт его донимать... Пуньке бы в тепле и уюте пожить да с хорошими хозяевами... На авось сюда приношу, вдруг кто-нибудь возьмёт? Да куда там. Уже третья неделя никакого с ним толку... – Она махнула рукой. И дальше проговорила полушёпотом, почти на ухо Галине Викторовне – чтобы не услышал мальчик: – Чую, придётся его Лёньке отдать, соседу моему... Опять за чекушку... Он обычно стакан водки опрокинет, полное ведро воды нальёт и котёнка туда – плюх! Крышкой накроет, усядется на неё и сидит – пока, говорит, в ведре биться о крышку не перестанут... А что мне с такими делать, которые сбыта не имеют? Их знаете, сколько! Не превращать же квартиру в хлев...

Галина Викторовна поморщилась.

– Давай, выбирай... – и она слегка подтолкнула сына к другим клеткам. Мальчик постоял немного в раздумье... затем опять присел к Пуньке и протянул ему конфетку. Тот снова принялся с ней играть...

– Ну надо же, – покачала головой женщина-продавец, – прямо подружились...

– Ты что к нему пристал... – укоризненно взглянула на сына Галина Викторовна. – Гляди, сколько красивых котят вокруг – и рыженьких, и беленьких! Подвижных, пушистых, здоровых! Сдался тебе этот хилый и облезлый...

– Он будет жить со мной, – надул губы Славик.

– Спят? – повысила голос Галина Викторовна. – Чтоб мне по ветеринарам с ним бегать да кормить его с ложечки? У меня мало забот?..

– Я... – голос Славика дрогнул, – возьму только его... – Он кивнул на Пуньку.

– И здесь собираешься скандал устроить? – Галина Викторовна побледнела. – Не хочешь выбирать, тогда я сама...

Пока она ходила с продавцом меж клеток, Славик чесал Пуньке за ушком. А тот сладко мурлыкал...

– Тебя правда кошки бьют? – спросил он. – Будешь жить у меня? Вместе гулять будем, я тебя в обиду не дам...

Зверёныш принялся тереться головой о палец Славика...

Через некоторое время Галина Викторовна подошла к сыну с сиамским котёнком на руках:

– Смотри, какая чудная мордашка... – показала она Славiku.

Тот мельком взглянул на сиамского котёнка и продолжил почёсывать Пуньку. Который притих, словно что-то почувал...

– Ну, что скажешь? – спросила Галина Викторовна сына. – Сейчас зайдём в зоомагазин и купим ему миску и ошейник. Хорошо? А ты пока придумай ему кличку...

– Он мне не нужен... – пробурчал в ответ Славик.

– Что? – было видно, как Галина Викторовна теряет терпение.

– Он вон какой здоровяка, и без нас проживёт... – громче сказал мальчик.

Сунув сиамского котёнка в сумку, Галина Викторовна взяла сына за руку и быстро повела его за собой. Тот заревел.

– Не стыдно? – Галина Викторовна остановилась и наклонилась к сыну. – Ты мужик или баба?.. Больше со мной никуда не пойдёшь!

И она дёрнула сына за руку.

И тут Славик почувствовал страшный смысл слов, произнесённых женщиной-продавцом полушёпотом, но которые он всё же расслышал, – «в ведро с водой». И вдруг ощутил, что он, Славик, беззащитного Пуньку предаёт; что если сейчас не взять этого зверёныша с собой, его постигнет нечто ужасное...

Славик начал извиваться в руке матери. Сиамский котёнок выпал из её сумки и забился в кусты, где его вскоре настигла женщина-продавец... Галина Викторовна с силой шлёпнула сына по заднице, крепко сжала его ладонь в своей и почти волоком потащила его к остановке:

– Придём домой – получишь у меня ремня!..

Продолжая плакать, Славик обернулся: крохотный и невзрачный Пунька, вытянув свою шейку, напряжённо всматривался в удалявшегося от него мальчика...

ВАРЕЖКА

(Рассказ моей попутчицы)

Это случилось во время зимних каникул моего сына Вадика, ученика пятого класса.

Погостив в деревне у своей родни, мы собрались с ним обратно в поселок. А несмотря на ударивший к утру мороз, за прошедшую ненастную ночь выпало столько снега, что рейсовый автобус так и не пришёл. Наверное, водитель испугался завязнуть по дороге. Хорошо, сосед одолжил мне сани с кобылой.

А тут ко мне подошёл дед Матвей и попросил отвезти своего внука Илью в наш поселок к его тётке. Сказал, что они с ней неделю назад договорились, она ждать будет; его же самого так радикулит скрутил, что он вряд ли осилит путь туда и обратно... Я согласилась, потому что всегда жалела Илью, этого психически неполноценного, больного детским церебральным параличом десятилетнего мальчишку (от которого, слышала, еще в роддоме отказались родители). Тяжело было видеть, как по утрам на скрюченных в разные стороны ножках, со страдальческой гримасой на лице (видимо, каждый шаг причинял ему боль) Илья добирался до нашей церквушки и, встав у её дверей, протягивал дедову потрёпанную шапку для подаяния...

Усадив его рядом с Вадиком, я дёрнула вожжи.

В начале нашего пути погода была прекрасная. Однако вскоре, откуда ни возмись, налетел такой сильный ветер (и это при минусе тридцати градусах!), что невозможно стало взглянуть на дорогу: слезились глаза. Я принялась стегать лошадь кнутом, и та понеслась во всю прыть. И вдруг на крутом повороте сани повалились набок...

Пока я их подымала, выбилась из сил. Осмотрела ребят: кажется, не ушиблись... Вижу, у Вадика левая рука голая. Стала искать его варежку – да разве в таком глубоком снегу её найдешь? Минут через десять плюнула: надо было торопиться, поскольку дорогу (вернее, её чуть заметный след) почти замело, и мы запросто могли сбиться с пути и замёрзнуть в поле.

Я велела Вадiku засунуть ладонь в рукав шубы, и мы поехали дальше. Но через некоторое время услышала хныканье сына: оказалось, из-за тряски и качки саней ему приходилось постоянно хвататься за их края, поэтому его голая рука почти всегда находилась на ледяном ветру.

Что было делать? Я в любой момент была готова отдать Вадiku свою перчатку, однако не смогла бы на таком морозе обнажённой рукой держать вожжи...

Остановив лошадь, подсела к ребятам.

Илья смотрел на меня наивным до глупости взглядом; сын плакал, спрятав левую кисть в рукав шубы. Порывистый ветер пробирал меня

уже до костей, каково же было сидевшему неподвижно Вадик! Поэтому медлить было нельзя!

Почувствовав, как гулко забилося сердце, я стянула с левой руки Ильи его варежку (тот даже не сопротивлялся) и быстро надела её на ладонь сына. Затем, запихав обнажённую кисть Ильи в рукав его дырявого пальтишки, села на своё место и ударила кобылу кнутом...

«Пуškai я дрянъ, – думала в пути, – но я никогда не допущу, чтобы мой сын страдал». И, уверена, на моём месте точно так же поступила бы каждая нормальная женщина...

В конце концов, как бы жалко ни было Илюшку, ему уже не стать полноценным человеком, а значит, пользы от него будет людям – как от козла молока!.. По большому счёту эти убогие для общества – обуза! Не зря сейчас иные предлагают таких усыплять еще в материнской утробе.

А мой Вадик умница, хорошист. И хотя я частенько заставляю сына делать уроки силой, кричу на него – делаю это для его же пользы. Слава богу, в последнее время он начал понимать, что, вместо того чтобы тусоваться во дворе с мальчишками, нужно стремиться получить образование и хорошую профессию.

...Примерно через час остановив лошадь у посёлка, я сняла с руки Вадима Илюшкину варежку и, закинув её далеко от дороги в снег, строго-настрого приказала сыну молчать о случившемся. Затем повернула еле плетущуюся от усталости кобылу в сторону больницы: Вадик всё-таки обморозил себе переносицу, да и руку Ильи надо было показать врачам: сама я боялась на неё даже взглянуть...

В стационаре обоих мальчиков поместили в одну двухместную палату.

В тот же день я сообщила тётке Ильи, Нине Анатольевне, что её племянник умудрился потерять по пути варежку и теперь доктор говорит, что два пальца на его руке напрочь отморожены и их придётся ампутировать. Та немедленно стала одеваться...

Войдя с ней в палату, мы увидели на столе несколько пирожных, пустую коробку из-под конфет и недопитую бутылку пепси-колы. Вадик лежал лицом к стене и посапывал, а Илья смотрел на нас своим обычным младенческим взглядом. На его губах был шоколадный крем.

– Где деньги? – сразу подскочила к нему Нина Анатольевна. – Дед обещал с тобой прислать. А в пальто и штанах ничего нет!

И она принялась шарить по карманам его пижамы. Отыскав в них мелочь и несколько смятых десятирублёвых купюр, взвизгнула:

– Остальные прожрал?!

И дала своему племяннику такую оплеуху, что тот чуть не свалился с кровати. Я схватила Нину Анатольевну за руку. Трясаясь от негодования, та направилась к выходу, но в дверях обернулась к Илье:

– Чтоб в моём доме твоего духа не было! Мне тебя кормить не на что!

А когда она вышла, Вадик тут же достал из своей тумбочки недоеденный эклер и стал уминать его с нескрываемым удовольствием.

– Откуда это? – в недоумении спросила я.

– Представляешь, ма, у него, – кивнул сын в сторону Ильи, – в той варежке пятачок была. Тётка Нина всё равно бы эти деньги пропила, ты же её знаешь. Я и решил устроить нам с Илюшкой праздник живота. Только он, бестолочь, ничего не ест, даже котлеты за ужином не стал. Всё в какой-то пакетик складывает и под подушкой его

прячет, как Плюшкин. А губы я ему пирожным намазал, когда тебя с его тёткой из окна увидел. Чтоб она ничего не заподозрила. Неплохо сообразил?

У меня перехватило дыхание, и я поспешила выйти на свежий воздух.

– Ты во дворе осторожней, – бросил мне вдогонку сын. – Там одноухий пёс бродит. Говорят, этот урод вчера сторожа за ляжку схватил.

Всю ночь я пролежала, глядя в потолок...

А утром во дворе больницы увидела Илью. Со стоном опустившись на колени, он примял возле себя снег и стал вытряхивать на него из целлофанового пакета кусочки пирожных и котлеты. И дрожащая от холода облезлая дворняга (на месте правого уха которой виднелась спекшаяся кровь), приблизившись к мальчишке, с жадностью принялась за угощение. А когда Илья погладил её по макушке, она несколько раз лизнула его в щёку...

Эвелина АЗАЕВА

Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак Казахского госуниверситета. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири.

С 1998 года жила в Канаде. 14 лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». В 2018–2020 годы издавала газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде: «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Печаталась в журналах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Нева», «Дружба народов» и других. Дипломант I степени литконкурса «Мгинские мосты» (Петербург, 2021), спецприз издательства «Вольный странник» на конкурсе «Молитва» (Москва, 2022).

Живет в Санкт-Петербурге.

НЕДОБИТКИ И ИЖЕ С НИМИ

Канадская полиция, как обычно, вынырнула ниоткуда. Ощущение, что она с неба падает. Ну вот нет никого на дороге, ни с одной стороны, и вдруг видишь, что сзади сигналият, мигалочка работает.

Вика остановилась, прижалась к обочине и, забыв, как в Канаде принято себя вести в таком случае, взяла из бардачка права и страховку, вышла из машины и направилась к автомобилю полиции. Резкий жест стража порядка, сидящего за рулем, остановил. Он выставил руку ладонью вперед, что означало: не приближайтесь. Молодая женщина остановилась как вкопанная, даже покачнулась на высоких каблуках.

Она замерла и не видела, как изящно выглядит со стороны. Стройная, в черной водолазке и черной же юбке-карандаш, обтягивающей похожую на скрипку фигуру. Светлые волосы, заколотые наверх и спускающиеся вьющимися прядями по обеим сторонам лица, делали ее похожей на княжну девятнадцатого века. Так в Канаде не одеваются. А она одевается, хоть и живет здесь уже давненько. И от акцента не избавляется – а зачем скрывать, что ты русская?

Она стояла, прижав к груди руки с правами и страховкой, беззащитная, с вытаращенными глазами – удивилась, что полиция опасается ее приближения. Вот ее боязнь полиции имеет вескую причину. Пьяна. Была бы трезва, не вышла бы из машины, ибо знает, что нельзя, надо ждать, пока полицейский сам подойдет, и руки держать на руле, чтобы он видел, что в них нет оружия.

К ней приблизился рыжебородый полисмен. Ирландская кровь, наверное. В Канаде самые большие этнические группы – ирландцы и шотландцы. Полисмен был конопатым и сероглазым. Похож на принца Гарри.

Принц попросил документы. Она показала. Он стоял и слишком долго в них смотрел. Вика поняла, что понравилась ему и он думает, что делать, как подкатить. Но ей было не до того. Боялась, что он унюхает запах водки.

– Вы едете по дороге с односторонним движением не в ту сторону, – сказал он.

Женщина ужаснулась. Она живет в русском районе, далеко отсюда, там все дороги с двусторонним. В кои-то веки приехала в центр Торонто и совсем забыла, что здесь куча улочек с односторонним. Так вот почему из встречной машины ей прокричали: «Идиотка!» и мужик, выгуливающий собаку, показал средний палец... А она еще удивилась, что вежливые канадцы так себя ведут.

– Я больше не буду, отпустите, пожалуйста, – залепетала, – я живу в Северном Йорке, никогда сюда не езжу, заблудилась, пожалуйста, не давайте мне штраф.

А сама думала: «Только бы не почуял водку... тогда труба... русская, пьяная... права отберут и в газетах напишут». Он стоял, смотрел на неё, говорящую с акцентом, который ему казался сексуальным, и думал, что никак к ней не пристать – он при исполнении. С сожалением отдал права и посоветовал вести себя на дороге аккуратно. Не оштрафовал. Вика с облегчением села в машину, отогнала её на ближайшую парковку и решила посидеть в кафе – обильно поесть и попить, чтобы опьянение прошло.

* * *

Сидела и злилась на Наталью Петровну, эмигрантку белогвардейской волны, потому что это она заставила ее пить. Шантажом.

Вика, собкор российской газеты и редактор своей собственной, русской газеты в Канаде, узнала от других белогвардейских старушек, что больше всего о великой княгине Ольге Александровне, сестре Николая Второго, проживавшей в Торонто, может рассказать Наталья Петровна Шелегина. Именно в ее доме умерла княгиня. Вика позвонила старушке, и та пригласила в гости. Но как только Вика вошла, на столе появился поднос с двумя чарками и графинчиком водки.

– Я не буду, – отказалась Вика, – я за рулем.

– Ну, так я ничего не расскажу, – отозвалась старушка. – Вы не русская, что ли?

– Русская. Но я же за рулем!

– Ну и что? Выветрится.

– Не буду, извините.

– Тогда я не знаю, зачем вы приехали. Не буду ничего рассказывать.

И Вика сдалась. Старушка обрадовалась, и понеслось... «Водка-селедка». И зеленый лучок еще был, который они обмакивали в солонки, и черный хлеб, который в Канаде пекут, но он совсем не такой, как в России или Белоруссии. Черный по цвету, а не по вкусу. Крашеный, наоборот. Наталья Петровна рассказывала с удовольствием, как все старики, которых давно никто ни о чем не спрашивает.

– Ольга Александровна была скромной. Приехав в Канаду, она поселилась в небольшом доме поблизости от Торонто. Там и жила с мужем, офицером Николаем Куликовским. Он ей по знатности не ровня, но семья разрешила выйти за него ибо они очень любили друг друга. Он об Ольге заботился. Она же по хозяйству ничего не умела, и Коля до кон-

ца жизни сам все делал. Она так плохо готовила, что мы с подругами попросили, чтобы она перестала это делать, и ходили к ней в гости со своими блюдами, – засмеялась Наталья Петровна. – Зато рисовать любила, у меня есть две ее картины, – старушка вышла куда-то и принесла натюрморты. Акварели в нежных тонах, полные света.

– Она писала много картин, это спасало ее. Ольга не работала, а сыновья уже выросли, так что времени у нее хватало. Так вот, она была скромнейшим человеком – просила называть ее только по имени, не приседать и не называть высочеством.

Старушка помолчала.

– Или из боязни, – добавила. – Ей хотелось быть незаметной. Ольга до конца жизни боялась коммунистов. То, что сделали с семьей брата, потрясло ее. Она неохотно знакомилась с новыми людьми, жила тихо. Верила, что большевики могут и в Канаде достать.

Наталья Петровна показывала альбом с пожелтевшими фотографиями великой княгини, белых офицеров и православных торжеств в местном храме.

– Деньги у нее имелись, но небольшие. Однажды в Канаду приехала королева Елизавета, родственница, и пригласила Ольгу на яхту. Мы, подруги княгини, всполошились. Принесли ей свои наряды, приодели. Все на ней было чужое – платье, туфли, шляпка... И она пошла. Но и мы тоже были беженки – дочери белых офицеров, и наши наряды оказались настолько скромными, что у яхты Ольгу остановили и не хотели пускать. Ей пришлось ждать. Но потом все же пустили. Обратите внимание, она не скандалила, не плакала, а просто встала в сторонку и ждала – вот что значит царское воспитание!

– Королева помогла ей деньгами?

– Не знаю. Она не говорила, а мы не спрашивали. Но нарядов у нее больше не стало.

Вика вздохнула. Вспомнила, как царскую семью сперва пригласили в Лондон, а потом отказали в убежище. Историки до сих пор гадают, отчего да почему. Но когда не знаешь в чем дело, оно почти наверняка в деньгах. Вика прочитала, что в Первую мировую Россия отправляла в Британию тонны золота в обмен на оружие и экипировку. Англичане же деньги брали, а с поставками тянули. Дотянули до революции, которая списала долги. А Романовы стали для них теми самыми концами, которые удобнее всего – в воду...

– Ольга всю жизнь надеялась, что Анастасия выжила, – продолжила Наталья Петровна. – Об этом же везде писали. Встречалась с самозванцами, никогда не отказывалась, и всегда ее ждало горькое разочарование. А вот она мне подарила набор ложек и вилок! Смотрите! Вот – шкатулку, вот – запонки моему супругу.

Наталья Петровна показывала вещи, а Вика думала: умрет старушка, и неизвестно, как поступят с этими вещами ее сын. Он вырос в Канаде, и жена у него канадка. Эти вещи, вероятно, не имеют для них ценности.

– А вы не хотите подарить или продать все это музею в России? Я помогу связаться, – предложила Вика.

– Нет. Все достанется моему сыну.

– Он в этом что-нибудь понимает?

– Я объяснила.

Вика не поверила. Видела она, как старики умирают, а дети приходят и все их пожитки вывозят в секунд-хенд. Не только одежду, а вообще все. Альбомы с фотографиями выкидывают на помойку. После того

как Вика увидела это собственными глазами – вынос вещей и альбом на помойке, – она поняла, насколько детям не нужно все, что дорого родителям. И разлюбила фотографироваться, и поняла, что папка с ее статьями, которые мама любовно собирала, тоже полетит на помойку. Хотя сын любит Вику. Но что ему, выросшему в Канаде, делать с пожелтевшими статьями на русском языке?

– Особенно ничего не надо сыновьям, – соглашалась Наталья Петровна, разморенная водкой. – Дочери еще что-то могут хранить, а мальчики все выкидывают.

– Ну так, может, я договорюсь с музеем, они купят? – снова подобралась к историческим ценностям Виктория. – Или найду номер телефона, а вы туда позвоните и обсудите детали?

– Не отдам ничего в большевистские музеи!

Наталья Петровна поджала губы.

– Мне и название вашей коммунистической газеты не нравится, но ладно уж, – добавила.

Вика решила помалкивать.

– А умирала княгиня страшно, у меня на руках. Сыновья ее женились, жили отдельно, муж умер, и за ней некому было ухаживать. Мы взяли ее к себе. Она жила в нашем доме (старушка показала фото неказистого двухэтажного домика, на первом этаже которого располагалась парикмахерская). Мы занимали второй этаж. Одну комнату отдали Ольге Александровне. Приютил ее мой папа, офицер, он всегда благоговел перед царской семьей. Представить себе не мог, что в его доме будет жить особа императорской фамилии. Мы за Ольгой ухаживали, кормили с ложечки, а у нее были дикие боли и галлюцинации. Всегда на тему большевиков. Ей казалось, что на стенах появляются звезды, и она так страшно кричала! Говорила, что за ней пришли комиссары. Она сходила с ума. И умерла в болях и ужасе, на моих руках.

Вика невольно посмотрела на руки собеседницы. На них не было украшений, зато были вздувшиеся старческие вены. Наталья Петровна перехватила взгляд.

– Мы небогатая семья. А когда бежали из России, так и вовсе голые и босые... Сначала из России бежала мама с нами, детьми. А папу поймали красные, били. У него, когда он вырвался и приехал в Париж – мы сначала там жили, – на спине были следы от кнута.

– Вы жили в Париже?

Далее последовал рассказ о том, как папа работал на такси. Вспоминая, старушка разволновалась. Она смеялась, пела не известные Вике песни, в которых говорилось, как мы били шведов и ляхов, читала стихи, которые, как сказала, написал брат генерала Кутепова.

– Через столько лет вы сохранили любовь к России, – похвалила Вика Шелегину. Растрогалась.

– Я не люблю Россию, – обернула та к ней сухое, напудренное лицо.

Вика обомлела. Она никогда не слышала от русского человека таких слов. Эмигранты из СССР активно костерили Родину, но это были не славяне, не русские в полном смысле слова, а грузины, западнцы – украинцы из западных областей, а также приехавшая через Израиль публика. Русские же не хаяли. И даже по мелочи не критиковали.

– Как это не любите? – не поверила журналистка. – А что же у вас тут иконы, московские дворики на стенах?

– Я русскую культуру люблю, а не Россию. Она нас выгнала.

– Не она, а большевики! – возмутилась Вика. Но тут же смекнула, что ссориться со старушкой не с руки – надо чтобы интервью вышло. Оно не об отношении Шелегиной к России, а о великой княгине.

– Спасибо за рассказ, все было очень интересно, я вам пришлю прочитать перед публикацией, – сказала журналистка как можно более мягко, хотя все еще чувствовала себя ушибленной.

– Выпьем на дорожку!

И Вика с досадой выпила. Всегда бесило понимание о русском человеке как о пьющем, все эти «посошки» и бахвальство умением немечено хлебать, и даже сцена из фильма «Судьба человека», где русский солдат пьет стакан водки без закуски, не нравилась. Фильм замечательный, а сцена – нет. Понятно, что человек хотел напиться перед смертью, чтобы страха и боли не чувствовать, но в картине-то об этом не сказано, а просто положительный герой глушит стакан за стаканом. С таким же успехом можно гордиться, что получил дозу героина, а тебя не штырит, тогда как представители других народов сваливаются.

* * *

Сидя в кафе и трезвея, Вика вспомнила другую старушку – Воскресенскую. О ней в русской общине говорили с придыханием. Она в течение почти шести десятков лет являлась руководителем Русской культурной ассоциации. Под ее руководством проходили ежегодные балы, она издавала журнал «Свеча», наполненный, как сегодня бы это назвали, «пропагандой русской культуры», она помогала самому большому русскому храму в Канаде в делах приходской школы. Управляемое ею сестричество – тоже бабульки – бесплатно пекли пироги для приходских детей и варили борщи. Сама она долго преподавала детям русский язык и литературу. Это было самое настоящее служение, подвижничество. И какое же удивление ждало Вику, когда она узнала, что Ольга Николаевна Воскресенская воевала на стороне немцев и попала в Канаду вместе с ними, спасаясь от расплаты.

– В РОА служила, – рассказывали ей. – Власовка.

– Прямо людей убивала? – ужаснулась Вика.

– Нет, ей пятнадцать лет было, она машинисткой работала.

– Ну, наверное, потому и развела всю эту деятельность – чтобы искупить вину, – сообразила журналистка.

– Не скажите. Она восхищается Власовым до сих пор.

Вика не могла это состыковать. Она знала Ольгу Николаевну несколько лет. Поверхностно, но зачем знать глубоко лично, если, как написано на машинах канадской полиции, «поступки говорят»? Ей регулярно приходили приглашения от Воскресенской. Поднять российский флаг в одном из парков города в День России (пробыла старушка мероприятие!), на масленичное гулянье, на концерты детей из приходской школы. Журналистка ежегодно приходила на устраиваемый Воскресенской Русский бал. Билеты на него стоили недешево для иммигрантов – сто долларов, но Вике давали билет бесплатно, в обмен на рекламу торжества.

Действо это было уникальное. Его устраивали «обломки» Российской империи. Люди из начала XX века в России готовили торжество в начале XXI века в Канаде. В воздухе витало нечто, чего никогда нигде больше не увидишь и не почувствуешь. Вначале все чинно и тихо прогуливались в вестибюле, где были расставлены столы с книгами

о царском времени и православной литературой. Тут же благотворительная лотерея – это обязательное. Покупаешь вещи, которые сдали устроители – их личные, новые, но им не нужные, – и тебе дают номерок. Потом, на балу, крутят барабан и называют выигравшие номера. Победители получают в подарок тоже вещи устроителей, новые и тоже не нужные им, но дорогие и красивые. Можно выиграть даже норковое манто! (Которое в Канаде стоит куда дешевле, чем в России, ибо натуральные меха тут никто не носит.)

Вика, варящаяся в гуще советской русскоязычной общины, на семьдесят процентов состоящей из евреев, а на двадцать – из иммигрантов 90-х – ярых патриотов, русских людей, сидела на балу притихшая, с широко раскрытыми глазами. В зал врывалась публика в вечерних платьях – дети и внуки белоэмигрантов, приглашенные канадские деятели – послы, политики, депутаты. Зал снимали всегда огромный и торжественный, с лепниной и люстрами в позолоте. Было накрыто под сто небольших столов. На всех белые скатерти и скромный букет цветов – такой, чтобы собеседники не были отгорожены друг от друга. Столы круглые – чтобы каждый гость чувствовал себя равным другому. Так вот первое, что отличало эти торжества, – тишина.

Когда собираются советские люди, они шумят. Смеются громко, ссорятся, кто-то может резко встать и выступить, обругать что-то, а то и свистнуть. Речь «напрямки» тут в чести (а чего вокруг да около? Кого мы боимся?), а всякие «политесы» и церемонии – буржуазные предрассудки. Хоть и прошло двадцать с лишним лет после развала Страны Советов и среди эмигрантов немало тех, кто с Советами боролся, диссидентов, а пролетарское воспитание не выкинешь.

Эти же, «беляки» со своими потомками, – другие. Робеешь при них. Человек не унижает тебя, от него, казалось бы, не исходит угрозы, он спокойно на тебя смотрит и тихо говорит, но ты ощущаешь себя дворняжкой.

В русских ресторанах советской и постсоветской эмиграции ломаются столы. Для блюд не хватает места, и их расставляют в шахматном порядке – одно на края двух других тарелок. Это называется «полное накрытие». Здесь – нет. Сначала подают салат – горстку травы под соусом на середине большого блюда. Потом второе – тоже в небольшом количестве и довольно простое – картошка мелкая, круглая, например, с небольшим бифштексом. И в конце вечера – десерт: маленькое пирожное, кофе или чай. Критиковать, что ты заплатил сто долларов, а тебя даже толком не накормили, не приходит в голову. Понимаешь, что благородные люди едят, а не жрут.

Удивляли выступающие – они ничего не рекламировали. В советской русской диаспоре, приехавшей в основном через Израиль, каждый вышедший на сцену с любой темой так или иначе сворачивал её на свой бизнес и призывал воспользоваться услугами. Некрасиво, но действенно. Имеет же значение результат, не так ли? А в результате – деньги в кармане. Эти же, белая косточка и голубая кровь, говорили коротко, спокойно, не пытались нравиться и придерживались темы мероприятия. Можно сказать, они вообще не выступали, а большей частью предоставляли кому-то слово – послу России в Канаде, главе канадской партии, нескольшим российским военным, которые за какой-то надобностью оказались в Канаде и стояли теперь перед всеми в парадной форме...

Все чинно и благородно.

Рядом с Викой однажды сидел старик из царских кадетов. Совсем древний. Тихонько рассказывал ей, как учился в кадетском корпусе, пытался ухаживать – подлить вино, передать корзиночку с хлебом. Спросил, в какой газете она работает, и Вика постеснялась назвать громкое и славное имя своего российского издания, ибо имя было коммунистическим. Не хотела шокировать. Перевела разговор на другую тему.

Сейчас рядом сидел разухабистый толстый мужик с красной, круглой физиономией, маленьким носиком и свинными глазками. Хряк. Как он здесь оказался, неизвестно. Устроители продавали билеты всем желающим, но обычно покупала все-таки интеллигенция, а тут – какой-то матрос Дыбенко.

Хряк оказался действительно матросом. Бежавшим из СССР. В прямом смысле бежавшим. Он с упоением рассказал, как подготовил побег с корабля. Запасся чем надо, прыгнул в воду и поплыл. На их с Викторой столе стояло три бутылки вина на восемь человек, так Хряк, казалось, употребил их все и с налившимся кровью лицом пригласил её на танец. В атмосфере чинного благородства не хотелось никого обижать, и Вика пошла. Музыка с медленной сменилась на ритмичную, и они с Хряком заскакали. Она слегка виляла задом и танцевала «локтями», как все советские, не умеющие по-настоящему танцевать, а он обскакивал её мелким бесом вокруг. Несмотря на вес, был довольно вертким.

– И вы с тех пор ни разу не были в России? – спросила Вика, когда вернулись за стол.

– Что я там забыл? – весело ответил матрос. – У меня тут бизнес, выпускаю колбасы и сосиски. Да меня и КГБ не пустит, визу не дадут. Таких не пускают.

– Вы пробовали?

– Нет, другие пробовали. Нас же, когда мы перебежали, брали за широт местные спецслужбы, все из нас вытряхивали.

Вика не знала, что можно вытряхнуть из матроса торгового флота. Фарцовщика, как выяснилось из беседы. Но промолчала. Ковыряла ложечкой тирамису и думала про то, что в России не делают разницы между эмигрантами, для россиян все – просто уехавшие. А они такие разные!

Есть белогвардейцы, которые спасали себя и семьи, – они достойны уважения, особенно те, кто сначала сражался против большевиков, пытался спасти империю, и только потом уехал. Есть приехавшие после Великой Отечественной. Эта публика живет закрыв рот. Ничего не рассказывают о прошлом, с новенькими общаться не стремятся. То ли полицаи, то ли русские пленные, побоявшиеся возвращаться домой, то ли белые, переехавшие из Европы в Северную Америку, как княгиня Ольга Александровна? Неизвестно. Любят ли Россию? Выглядит, что да. Приехав в пригород Торонто, насажали берез столько, что поселок с канадским названием прозвали Березками. Добились, чтобы главную на то время улицу назвали Волгой. Храм православный построили и ходят туда, соблюдая праздники и традиции. Но кто знает, может, они, как Шелегина, любят только русскую культуру?

Третья волна – семидесятники-восьмидесятники. Переехавшие в Израиль, а оттуда в Канаду. Тут в большинстве своем дух либерализма, антисталинизма, антикоммунизма, восхищение Америкой, крики «мы живем в свободной стране!», преклонение перед Канадой и комплексы от понимания, что у них не тот английский. Среди них есть и пророссийские, процентов пятнадцать от общей массы. Эти яростно

за Россию, любят СССР. Их или родня за собой за границу утащила, или просто захотелось материально получше жить, но это наши люди, как определила для себя Вика. Читая однажды её статью, посвященную юбилею СССР (когда он давно уже распался), они рыдали, звонили по указанному в газете телефону и кричали о своей любви к покинутой стране. В голосах были подлинные горечь и сожаление.

– Вы наша Жанна д’Арк, – грассируя, сказала постоянная читательница Фрида. – Я жена советского офицера. У меня было всё – квартира, путевки, мы с мужем прожили великолепные годы в СССР, а теперь ничего этого нет.

Она не плакала, она выла в трубку. Вика тогда молча передала телефон своему водителю – тому, что развозил ее газету по магазинам. Потом попрощалась и отключила телефон.

– Что это было? – не понял водитель.

– Люди плачут по СССР.

И водитель кивнул. Он тоже недоволен тем, как повернулась история. В Москве он был инженером и выписывал «Науку и жизнь», а в Канаде стал развозчиком газет. И в почтовый ящик ему кладут только рекламные буклеты.

Один эмигрант сказал Вике: «Я рвался в Израиль, воевал с системой, но когда я отдал советский паспорт, у меня земля ушла из под ног». Другой: «Я жил в Израиле, Аргентине, США и Канаде, но лучше России ничего не нашел».

У евреев – патриотов России была примечательная черта. В спорах про Россию и США они твердо стояли на стороне России и защищали её яростно, приводя множество логичных аргументов. Но как только заходил спор о трениях между Израилем и Россией, они сникали, начинали обижаться непонятно на что, метаться, примиряя спорщиков. Нервничали и суетились. Одному такому патриоту России Вика как-то предложила чётко выразить позицию. Ей хотелось, чтобы он присягнул России. Думала, что припёрла к стенке. Но не тут-то было.

– Все будет хорошо! – с вызовом ответил он, блестя выпуклыми голубыми глазами и православным золотым крестом на груди.

– У кого? – язвительно спросила журналистка, подводя его к решению. Вокруг сидели все русские и православные. Масленица, собрались на блины.

– У всех! – вывернулся.

...И, наконец, четвертая волна. Бедные люди, славяне, хлынувшие на Запад после перестройки. Они поверили журналисту с букетом гражданств, который уверял в своих прямых линиях с США, что «американцы такие же, как мы», что Запад более не враг, ехали заработать, пожить хорошо, сколько получится, мир посмотреть, спрятать детей от войны в Чечне, спрятаться самим от бандитов, всюю орудовавших на территории бывшего СССР, спасались от погромов в республиках.

Ох, сколько горя спрятано в сердцах эмигрантов 90-х! Приезжают они в Россию нарядные, уверенные в себе, с долларами в карманах, многие успешны (это миф – что наши только «посуду моют», приехавшие в Канаду нестарыми людьми обычно лишь первые года два-три живут плохо, потом находят работу по специальности или переучиваются и занимают вполне хорошее положение, потому что русские эмигранты хорошо образованны и целеустремленны). И только самые близкие друзья знают, что за их миграцией стоит, как правило, беда. У Вики есть знакомая риелтор – русская красавица Евпраксия. У неё и

фамилия подходящая – Яхонтова. Так вот, Вика случайно узнала, что у красавицы бандиты убили брата и она с мамой едва спаслась тем, что буквально за три дня продали свой дом и сбежали в неизвестном направлении. Притаились и послали документы на эмиграцию.

Другая знакомая пережила в Киеве Чернобыль. С детьми. Дочка трех лет умерла от радиации, а сына мать решила спасти во что бы то ни стало. И ценой огромных страданий сделан был статус жителя Канады и ей, и ребенку. (Страдания были оттого, что не знала языка, не могла найти работу, бедствовали, ребенка отобрали. Потом вернули, но только когда стал совершеннолетним.)

Четвертая волна истово любила Россию. Ни разу не предала, не охаживала и жила с вывернутой в сторону Родины головой. К таким относилась и сама Вика.

* * *

Узнав о службе Воскресенской в РОА, журналистка не вынесла – пошла брать интервью. Старушка не отказала. И поведала вот что...

Родом Оленька Воскресенская была из Пскова. В роду у неё все священники – и отец, и дед, и братья отца и деда, и поколения туда, в даль веков... В тридцатые за всем этим мужским родом пришли комиссары и примкнувшая к ним голытьба. Те, кто, как рассказывала бабушка, все лето не работал, а зимой начинал помирать с голоду. Такие семьи подкармливали всем селом – кто картошки даст, кто масла, кто молока. К Воскресенским после революции эта голытьба пришла, пооткрывала сундуки и начала выбирать одежду. «Вы носили, теперь наш черед!» – сказали.

Так вот, комиссары пришли и кого утащили в тюрьму, кого расстреляли. Никого из мужчин не оставили. Сколько Оля помнила себя, мать и бабка – в слезах. Все кому-то посылки собирают и шепчутся. И Оле пальцем грозят: «Никому не рассказывай, что дома говорили. Никогда». Оля понимает. Она молится вместе с матерью и бабушкой за тех, кого еще не убили, и не любит своих одноклассников, которые говорят, что Бога нет, смеются над ней.

Надо любить людей, но Оля не любит. Не всех, а именно тех, что у нее в школе. И учителей, и учеников. У них все хорошо, а она – дочь «врага народа». Она слышала, как мама с бабушкой спорили, примут её в институт в будущем или нет. Бабушка говорила – не примут, а мама рассказывала, что знакомая, тоже дочь «врага народа», поступила, и не куда-нибудь, а в медицинский!

Оля училась на пятерки. В доме хранилось много книг, и она читала, читала... Так что отвечать в школе труда не составляло. Но семья жила с ощущением непоправимой беды. Как будто кто-то огромный, черный и волосатый, просунул гигантскую руку в их жилище, все в вязаных салфеточках и иконах, и вырвал сердце. Стоит под окнами и чавкает, пожирая его, а они сидят дома и трясутся, боятся выглянуть.

Мать и бабка ругали советскую власть тихонечко, чтобы Оля не знала, но она слышала, а чего не слышала, так сама понимала. «Бога нет, это научно доказанный факт», – сказала в школе учительница. Оля изумилась и не знала, что делать. С одной стороны, надо Бога защитить. С другой – это опасно, и так все повернули рожи к ней и скалятся. Ждут, что она, «богомолка», скажет... Она промолчала. Минута была упущена, а дальше учительница пустилась рассуждать на другие темы.

Оля пришла домой туча тучей, упала на кровать и плакала горячими слезами. Всё, всё ненавистно! И красные флаги, и глупые учителя, которые книг не читают, а шпарят заученное по учебникам, и сами манеры общества, в котором она находилась, – развязные, хамские. Шутки у мальчишек – ужасные.

Она не успела в сознательном возрасте застать тот мир, в котором прожили жизнь ее мать и бабушка. Но ей рассказали. О мире чистых, белых скатертей, колокольного звона и гостей, к которым обращаются «ваше благородие». Главное в этом мире было – расслабленные мышцы лица. В этом мире смотрели ласково, улыбались, дарили кукол и сладости в расписных жестяных баночках, привезенных из Петербурга. А нынешний мир Оли состоит из напряженных лиц, играющих желваков, каких-то постоянных клятв Ленину и партии, строгих и подозрительных взглядов. Мир этот беден на сладости и уж тем более на кукол. Оля дорожила своей старой, иностранной куклой с фарфоровым лицом и буклями, в пышном платье с кружевами. И ещё у нее был кувшинчик из толстого зеленого стекла со стеклянной же улиткой на крышечке. К пятнадцати годам она, разумеется, уже не играла ими, а просто любовалась.

Но украли. Приглашала она к себе тихую девочку из класса, хотела подружиться. Не заметила, как пропало сначала одно, потом другое. «Хамы», – сказала мать. «Голытьба», – подтвердила бабушка. И вздохнула. Оля знала, что бабушка подумала. «И за кого порядочной девушке замуж идти потом?»

Большевики закрыли храмы. Так что семья молилась дома, как ранние христиане. Закрывшись на все замки, занавесив окна толстым одеялом, чтобы с улицы свечи не увидели. А потом проветривали, чтобы запаха воска не осталось. И страдали. Страдали от грубости жизни, её нищеты, духовной и материальной, от вестей, что там и сям рушат церкви, от осознания, что у власти Зверь.

...Вика слушала Ольгу Николаевну затаив дыхание. Она не согласна, что Сталин – зверь, она отмечала про себя, что многие в то время жили без вот этого белогвардейского надрыва, а весело, с энтузиазмом работали, строили новое общество. В воздухе был разлит оптимизм, что отразилось в фильмах того времени. Много тогда возникло грандиозных строек, прекрасных книг, стихов... Но она понимала Воскресенскую. Не всем дано спокойно пережить крушение империи. А уж тем более семье священнослужителей – вечной патриотической закваске России. Страшно было их противостояние новому миру, страшно по своей самоотверженности и обреченности. Они стояли против троцких и свердловых, землячек и матросов Дыбенко – либералов того времени, мечтающих, как и нынешние либералы, сравнять империю с землей. Разрушить и построить на ее месте черт знает что.

Они, собственно, разрушили и сравняли. Пролили реки крови. Но те идеи, которыми они заманили народ в пекло и в которые не верили сами, а просто использовали для уничтожения Русской империи, – идеи о равенстве, братстве, власти народа, вдруг заработали. Независимо от них. Ибо их уже не было. Сталин раскусил соратников и пересажал, перестрелял. И лживые маяки стали маяками настоящими. И то, чем просто манили, русский народ поставил за цель и успешно к ней шел. И пришёл. Пусть с перекосами, недостатками, но если смотреть с высот всей истории мира, то СССР стал сбывшейся мечтой человечества. Где сын сапожника правил государством. Где дети селян могли

стать академиками. Где пропаганда защищала не интересы богатеев, а духовный мир человека. Звала его к учебе, самосовершенствованию, чистоте и честности в дружбе, любви, в труде. Как христианство. Вот ведь фокус-покус...

Вика ничего этого не говорила Ольге Николаевне, знала, что та не поверит. Воскресенская уехала из охваченного войной СССР и более там не бывала. В её памяти остались только лица родных женщин – заплаканные и запуганные. И чертовы линейки в школе, когда мальчики и девочки в школе вперемешку стоят, как скот в стойле.

...Немцы пришли в Псков и открыли храмы. Сказали, что освобождают землю от комиссаров. Расстреляли нескольких руководящих коммунистов. В том числе врагов Воскресенских, убивших мужчин Олиного рода. В семье Воскресенских не знали, что и думать. Возродилась надежда. Вдруг правда освободят? Тогда и Митю, младшего бабушкиного сына, могут из лагеря выпустить.

Сидели у окна все трое и впервые слушали колокольный звон. И – хвалили немцев. Улыбались. Говорили шёпотом, что нация культурная, плохого ничего не сделает. А все, что пишут советские газеты, – коммунистическая пропаганда. Надеялись на возрождение царской власти. Родственники царя убежали за границу, и немцы могут их вернуть. Мечтали о старой Руси, без коминтернов. А потом, летом 44-го, начались бомбежки, советские войска отбивали у немцев город. Битва велась ожесточенная, и однажды Оля пришла к своему дому, а дома-то и нет. Дымящееся пепелище. И погибшие её старшие женщины.

Пятнадцатилетняя девочка не знала, что делать. Куча кирпичей, кровь во дворе... Голова кружится, будто сон... Вдруг около нее оставилась машина, из неё вышла женщина в немецкой форме. Она позвала девочку, стоящую столбиком у того, что еще утром было домом, расспросила, что случилось, кто мать, кто отец, а потом увезла с собой.

Девочка знала немецкий язык. У нее в семье знали и немецкий, и французский.

Фрау Раупах привезла её в машбюро, накормила тушёнкой, напоила вкусным чаем с сахаром и объяснила, что Олю научат печатать и она будет тут работать. Показала маленькую комнатку с кроватью в том же здании, где располагалось немецкое командование. «Вот тут ты будешь спать».

И у Оли началась новая жизнь. Она ни о чём не думала, кроме как о смерти мамы и бабушки, ночью плакала, а утром вставала, чистила зубы, аккуратно причёсывалась и шла печатать. Это были прикозы, смысла которых она не понимала, потому что и печатая думала о своем. Однажды вчиталась всё же, печатая список приговоренных к расстрелу. Но не задело. Это не была её страна. Та страна, которую она любила, святая православная Россия, убита. А это, новое, не было дорого. Людей убивать, конечно, грешно. Но что она может сделать? Отказаться печатать и остаться без фрау Раупах, к которой привязалась, как бездомный котенок к ласковому хозяину? Приговоренным это не поможет.

Однажды приехал Власов, и их всех, персонал, собрали в большом зале. Генерал показался Оле очень красивым. Одетый в щеголеватый китель, он говорил умно, с примерами из истории, и получалось, что всё идет как надо: цивилизованное и доброе человечество в лице немецкой армии (а она уже убедилась в её доброте!) борется против жестоких и циничных коммунистов. Немцы выпустят из тюрем

политзаключенных (ура! Дядя приедет, и они станут жить вместе, хоть кто-то родной по крови) и возродят великую Россию. Империю.

Ольга Николаевна Воскресенская тогда не считала себя предательницей и сейчас не считает. О чем она Вике и сообщила. Совершенно спокойно.

– Кого я предала? Коммунистов? Я им не присягала.

– Но речь шла о существовании всего русского народа. Вы же потом поняли, что немцы лгали. Они вовсе не освобождать пришли, а поработать.

– Мне о том ничего не известно. Я не читаю советскую пропаганду.

– Деникин поддержал Советы, а ведь он белый офицер, сражался против большевиков. Но понял, кто прав, и встал за наших.

Воскресенская пожала плечами. Мол, его дело...

Вика ушла от старушки обескураженной. Вот как ответить, любит Ольга Николаевна Россию или нет? Она служит ей всю жизнь. Но какой-то другой России, которая была повержена в прах. А к живой, с плотью в миллионы сердец, с детьми и внуками, с будущим, она равнодушна. Свой народ, который надо поддерживать при любом строе, она не считает своим. И Вика жалела, что не сказала ей: «Убивали-то немцы не Троцкого, не Белу Куна, а рядовых русских Иванов... Вы что, не понимаете?»

А-а-а, «хамы». Смеялись над ней и Богом. Не простила. Имеет право? Этот вопрос Вика задала через газету. Прощаем Воскресенскую или нет? Она не стала писать наиболее болезненные для ветеранов ее ответы, но в общем и целом беседу передала.

Был шквал звонков. Звонили фронтовики, их дети. Набирали номер редакции и, даже не поздоровавшись, забыв обо всем от обуреваемых чувств, говорили сквозь зубы: «Не прощаем». И молчали.

* * *

Татьяна, подруга, затесалась в Ассоциацию Ольги Николаевны с благими целями. Объединить всех русских Канады, сделать общину сильной. Ну, чтобы как у украинцев или как у евреев – у тех комьюнити сильные, и своим могут помочь, и прокачать что-то в парламенте в пользу своей страны исхода. Советский человек же (Татьяна) – он очень верит в свои силы. Ему с детства говорили, что он царь природы.

И как же она потом смеялась!

– Я выступила у «белых» на собрании со своим предложением. И после меня все стали выступать. Говорили хорошо, мне нравилось, я им хлопала и считала, что дело уже в шляпе. А потом оказалось, что они все были против! Представляете? Просто они так вежливо говорят, так спокойно и доброжелательно, что до меня даже не дошло, что они ругают мою идею! Вот что значит воспитание.

На собраниях постсоветских русских, перемешанных с евреями, дым стоял коромыслом. Если кто считает другого неправым, так залп «катюши» ему в лицо! До драк не доходило, но ненавидели оппонентов яростно. Две участницы, которых Вика называла «Клара Цеткин и Роза Люксембург» – они всегда ходили парой, еврейки из Одессы, с павловопосадскими платками на плечах и длинными сигаретами в руках, – обозлились на Вику, что она ходила на Русский бал к Воскресенской. Они вообще «беяков» недолюбливали. За то, что и те евреев во время Гражданской не привечали.

– Незачем к власовцам ходить! – кричали. – Золушка, блин, нашлась! На бал ей захотелось!

Вика бы ответила, если бы не свалилась на плечо Татьяны от смеха. Потом бурно обсуждали, что русскоязычной общине отказали в проведении Дня Победы в канадском музее истории войны. Возмущались. Совещались, куда писать жалобу, Канада ведь союзница СССР, так почему кто-то противодействует совместному празднованию победы над нацизмом? Обстановку разрядил глубокий, почти левитановский мужской голос:

– И мы не дадим попирать наши русско-еврейские ценности!

Вика любовно смотрела на толпу эмигрантов, собравшуюся в подвале русского храма, оборудованном под концертный зал (потолки низковаты, но есть сцена и места много). Все с работы, уставшие, но пришли, чтобы спланировать празднование 9 Мая.

Кто-то тронул за плечо. Это была Роза Люксембург. Она посмотрела на журналистку небольшими, цепкими глазами за большими линзами и, наклонившись, тихо спросила:

– Любуешься? Цветочки?

– Не то слово.

– Лаемся только много меж собой. Переруганные все.

– А это потому, что мы Богу служим, а не дьяволу, – подала голос сидящая рядом работница церковной лавки Галина. Это была женщина лет шестидесяти, со светящимся изнутри лицом, с глазами добрыми и выражением лица сердечным. Голубица. Голос у нее молодой и нежный. – Как сатане служить – всем понятно, потому у злодеев разногласий нет. А к Богу идут разными путями, вот и спорят православные, как лучше.

В зале, может быть, не все христиане, но большинство. Евреев крещёных было немало. В том числе и Роза. Она год назад принимала участие в митингах против сексуального воспитания. И когда русские, приунывшие, стояли в толпе канадцев и переживали, что придется жить в развратной стране (если программу сексобраза не отменят), и говорили о том, что непонятно, как возвращаться домой – в России квартиры давно проданы, деньги проедены, она бодро успокоила:

– В монастырях будем жить! Я уже узнавала. Можно внести какую-то сумму на развитие и там поселиться. Возьмем в канадском банке ссуду и уедем с ней навсегда в Россию. Так что не пропадем!

Правда или нет, но всем стало легче.

* * *

Однажды позвонила Шелегина. Расспросила Вику, как она. Чувствовалось, что старушке скучно. Сказала, что читала статью про Русский бал.

– Вы организаторов прямо воспели, – сказала с иронией.

– Но такое мероприятие действительно трудно подготовить. А люди работают на энтузиазме, десятки лет. Двигают русскую культуру в массы. К ним даже Игнатъев приходил, плясал с женой «Калинку».

Майкл Игнатъев – глава либеральной партии Канады. Его дед граф Павел Игнатъев служил министром просвещения России, советником Николая Второго. В 1918 году деду удалось бежать в Европу, затем в Канаду. И там судьба семьи сложилась просто фантастическим образом. Сын Георгий стал дипломатом, представителем Канады в НАТО

и ООН. Внук Майкл возглавил либеральную партию страны и вполне мог стать премьер-министром, но либералы проиграли выборы консерваторам, и наполовину русский политик так и не «воцарился».

И вот он, Майкл, русский по отцу и канадец по матушке, ухватился «каралькой» за свою жену, сцепились в локте и давай крутиться то в одну сторону под «Калинку», то в другую... Кровь Голицыных, Мещерских, родство с Кутузовым – не выкинешь. Хотя и немолод Игнатьев, и русского языка не знает, а тянет к корням, видать...

– Воскресенская, что ли, двигает русскую культуру в массы? Прямо героиню из нее сделали. Неумеренно хвалите, – ревниво заметила Шелегина.

– Я стараюсь быть справедливой. Хороший бал – написала, похвалила. Его же не одна Ольга Николаевна готовила. Точнее, она его вообще не готовила – не тот уже возраст. Молодые эмигранты готовили. А про неё я и плохое писала.

– Это по какому поводу? – изумилась Наталья Петровна.

– Ну... тут выяснилось, что она в РОА служила.

– И что? Я тоже служила, и муж мой.

У Вики, что говорится, отпала челюсть. Она молчала, не зная, что ответить.

– И что? За что тут ругать? – продолжала Шелегина. – Я и с Власовым была знакома, сидела рядом с ним на одном вечере – забыла вам рассказать, он шутил со мной. Обаятельный был мужчина! А вы знаете, что моего мужа Сталин убил? Да! Поймали и расстреляли.

– Так он же за немцев воевал.

– Ну и что?

Шелегина не видела, как у Вики глаза на лоб вылезли. Журналистка растерянно пролепетала:

– Так... а что вы хотели?

Наталья Петровна захлебнулась от гнева:

– Вы считаете это правильным?! Не звоните мне больше!

Интересно, что все люди, работавшие на немцев, не понимали своей вины, как заметила Вика. Она не впервые встречала таких. Однажды её попросил о встрече старик, который говорил, что он ветеран, а льгот не имеет. Оказалось, он два года воевал, потом попал в плен, и немцы отправили его, азиата – то ли казаха, то ли татарина, – воевать в составе «Туркестанского легиона». И он воевал. Потом отсидел своё. А теперь хотел льгот – за те два года, что провел в рядах Советской армии.

Разговор проходил у него дома, еще в России. Взрослые дети ходили мимо отца с журналисткой и хмуро посматривали. Они не были согласны с родителем. Вика же, выслушав, объяснила, что льгот ему не будет, нечего и хлопотать, и ушла.

В другой раз, уже в Канаде, она приехала домой к пожилой женщине, которая говорила, что в России в 90-е всех пострадавших от сталинизма реабилитировали, а ее отца нет, и это несправедливо. Женщина приготовила журналистке рыбу – жирную, нежную, и хотя госте было неудобно, ещё ничего не сделав для человека, пользовавшегося гостеприимством, но не удержалась, рыбу съела. А потом выяснилось, что папенька дамы работал у немцев завскладом. И его расстреляли.

Женщина искренне не понимала, почему ее отца не реабилитировали. «Он очень хорошо работал до войны, вот его грамоты... Ну, работал на немцев, а что делать было? Семейно надо было кормить».

Вика пожалела, что съела рыбу. «Мне дочь говорит: не надо поднимать вопрос. А я считаю – надо!» – продолжала собеседница. Потом сказала, что единственная её дочь больна раком, и заплакала. И Вика пожалела её и объяснила, что вопрос о реабилитации отца действительно поднимать не надо. «Люди вас не поймут, только зря обнародуете, что папа у немцев служил, добавите горя себе и дочери». Та аргументам вняла и не обиделась, что статьи не будет.

* * *

Через несколько лет Татьяна, подруга Вики, продолжала стремиться к тому, чтобы объединить русскую общину. Всех – белых, красных, русских и евреев, верующих и атеистов. Она ходила вдоль парада «Бессмертного полка», представляющего собой длинную вереницу людей – в несколько тысяч человек, и сияла. Оттого, что удалось собрать столько народу, что они скоро пойдут по улицам города с советскими и российскими флагами, а также с канадскими, узбекскими, казахскими – в общем, с флагами народов, боровшихся против фашизма.

Пришли даже африканцы – руандийцы, которые воспринимают парад «Бессмертного полка» как антифашистский. Тут же сербы, греки. Тоже против фашизма. Татьяна руководила процессией. На голове пилотка со звездочкой, на груди георгиевская лента. И тут она заметила активистку, пламенную патриотку России и СССР Лену. С портретом Сталина. Подбежала:

– Убери, пожалуйста, сейчас «белые» придут. Дети их и внуки, я еле договорилась. Они не хотят и под советскими-то флагами идти, а ты тут Сталина выставила.

– Щас! – возмутилась Лена. – Победителя мы из Победы выкинем! Еще чего!

Татьяна принялась уговаривать, подошли и другие организаторы полка. Но Лена стояла на своем.

– Если без Сталина, то и без меня. Выхожу из «Русской лиги» и видеть вас больше не хочу. Ради каких-то недобитков я буду Иосифа Виссарионовича обижать? Да пошли они!

– Леночка, Гражданская война окончена, мы все – русские. Мы за границей, нам надо вместе держаться! – уговаривала Татьяна. – Церковная община большая, если они придут, у нас будет самый большой заграничный «Бессмертный полк».

– А я за цифрами не гонюсь, – уперлась Лена. – Эти ваши прихожане даже не воевали!

– Воевали, – влез в разговор ещё один активист, Игорь. – Одни не воевали, другие сражались вовсю. Во Франции было русское подполье, немцы многих молодых людей, детей белоэмигрантов, расстреляли. Детей из аристократических семей. Потом многие из Франции переехали в Канаду.

– А мне плевать на аристократические семьи, – мрачно посмотрела на него Лена. Она по сию пору была в КПСС. Не формально, а душой. Партия пала, а Лена оставалась ей верна. – Воевали – ну, молодцы. Но Сталина не отдам! – добавила.

Все поняли, что спорить бесполезно. Татьяна взяла её за руку и перевела в начало полка и поставила в самую гущу. Расчет на то, что «белые» придут, пристроятся в хвосте, как воспитанные люди, которые соблюдают очередь, и не увидят генералиссимуса.

И «белые» пришли. Внуки офицеров, которых большевики били кнутами, да не успели добить. Как и ожидалось, они тихонько встали в конце длинной человеческой вереницы. Женщины были в платках, потому что пришли со службы в церкви. Татьяна даже передвинула парад на два часа, чтобы они успели, так как даже по такой важной причине, как День Победы, от службы они отказываться не собирались. Были ей верны, как Лена Сталину.

«Бывшие» пришли без флагов. Впервые присутствовали на таком параде. Не знали, с какими знаменами идти. В их семьях любили только государя и ту, милую, великую, убитую императорскую Россию. Её флагов у них не было. И вдруг Вика увидела, что они вытаскивают иконы. Владимирская Божья Матерь, Георгий Победоносец, Троица...

Громко взмыла песня: «Этот День Победы порохом пропах!», и толпа отправилась в путь. Со Сталиным и всеми святыми, земле русской просиявшими. Они были на иконах, и в руках у людей – портреты фронтовиков.

Русское море, такое разное, такое непримиримое, такое избитое историей за последние сто лет, шло единым неторопливым шагом, подгоняемое несущимися из колонок песнями о войне, которая чуть не уничтожила их всех – и правых, и виноватых, и православных, и безбожников, и тех, кто за Ленина, и верных Романовым. Шли русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, евреи и все прочие, чьих семей коснулась война.

По бокам от парада шли с велосипедами молодые русские парни. Дети эмигрантов, правнуки ветеранов. Они были в форме военных лет, выписанной из России, с георгиевскими лентами. Обеспечивали музыкальное сопровождение. На велосипедах везли аппаратуру и бутылки с водой для тех, кому в пути захочется пить. Ребятам, выросшим в Канаде, родители с детства, каждый год, в мае, показывали документальные фильмы о войне. И хотя они не чувствовали все так остро, как родители, но считали себя русскими. А значит, обязанными быть здесь. Родители из толпы давали им указания по-русски – включить погромче, бросить бутылку, а парни отвечали по-английски.

Если бы кто-то забежал вперед и снимал первые ряды парада, он бы увидел Лену. Она уже забыла о конфликте и шла, чему-то широко улыбаясь и гордо неся портрет дорогого ей человека. У которого всю войну не гас свет. И который сказал, что генералов на рядовых не меняет. Который библейски пожертвовал сыном ради веры народа в справедливость и равенство. Эта вера была очень важна для Победы. Лена несла портрет человека, который оставил её страну с атомной бомбой, спасающей любимую Родину до сих пор, и после которого осталась пара стоптанных сапог и старый китель. Она любила этого человека как родного.

Если бы камера метнулась к середине вереницы, то увидела бы лицо Галины, работницы церковной лавки. Она – дочь советского военнопленного, побоявшегося возвращаться в СССР. Отец любил свою страну, но боялся сталинских «соколов». Она тоже любит Россию. У Галины, как всегда, светится лицо. Потому, что она предана Христу, который даровал России Победу.

Чуть дальше – Татьяна. Она сияет оттого, что сегодня ее любимый праздник и что ей удалось собрать такой большой парад. Она пенсионерка и не знает, чем ещё может помочь России. Ну вот хоть так... Парад покажут в новостях по российскому телевидению, и россияне уви-

дят, что эмигранты – не предатели, что судьба выкинула их за границу, но связь с Родиной непрерывна. Мысли о ней – ежечасны. И служение ей не требует пребывания именно в Воронеже, Туле или Новосибирске. На плечах Татьяны – невидимые погоны...

Об этом думает журналистка Вика. И у неё, и у бывшей харьковчанки Татьяны, и у множества других русских на плечах – невидимые погоны. Им никто не давал заданий, когда они уезжали за рубеж, но они сами нашли, разгадали свою миссию. И служат. Служат русские девушки, которые идут тут же, в толпе и которые организовали курсы русского языка для канадцев, и преподают его бесплатно, одновременно знакомя с лучшим в нашей культуре и разбивая стереотипы о русских. Служат мужчины и женщины среднего возраста, периодически проводящие сборы денег для детдомов Донбасса, а также собирающие посылки разным бедствующим людям в России (узнают о них из СМИ). Служит она сама, Вика, выпуская правдивую газету. Единственную такую на всем Североамериканском континенте. Ей страшно публиковать правду в стране НАТО, страшно на тысячи людей, среди которых потомки бандеровцев и даже самого их предводителя Степана Бандеры, жившего в Торонто, высказывать свои мысли, расходящиеся с официальным курсом, но она всегда ощущает невидимые погоны на плечах и преодолевает страх. «Мы не в изгнании, мы в послании», – говорила белая эмиграция. Вот и она – в послании. С честным русским словом наперевес.

Служит Алена – еще один организатор парада. У Алены был рак, потом ремиссия. И прямо перед парадом сказали, что анализы снова нехороши, но пока не ясно, рак вернулся или нет. Любая другая впала бы в отчаяние, передала бы дела другим активистам, а Алена дошла с мужем огромную георгиевскую ленту, которую сейчас несли, созвонилась с полицией, с мэрией – уладила все дела, касающиеся безопасности прохода по городу большой колонны людей. И теперь шла и сверкала красивыми глазами и яркими бусами, и смеялась, как будто нет над ней нависшей смертельной опасности.

У Вики, глядя на нее, слезы навернулись. Она испытала – в который раз – гордость за свой народ. «Цветочки».

Однажды, когда она написала в статье «великая Россия», ей стали звонить русофобы, лаяться. «В чем ее величие?» – кричали поклонники Шендеровича.

– Ну, территория великая? Великая, – отвечала Вика. – Победы великие? Великие. Культура великая? Великая.

Ее называли кагэбэшницей и грозили депортацией. А сейчас журналистка думала, что велика Россия потому, что у нее велик народ. Как ни мучают его, а идет, несет свои знамена.

А если бы оператор забежал в конец колонны, то увидел бы людей, несущих иконы. Им было трудно принять решение идти на парад. Советовались меж собой. Парад все-таки был советским. В честь победы Красной армии, против которой воевали в рядах Белого движения их деды. Красные, прежде чем стрелять в немцев, расстреливали русских. Или топили, как Колчака. И вообще виноваты в том, что «мы все здесь». Хотя судьба этих людей – внуков и правнуков – в Канаде сложилась благополучно, но обида за то, что род каждого из них изгнали с Родины, осталась.

Не все потомки белоэмигрантов пошли на парад. Но некоторые пришли. Потому что согласны с Татьяной – русским надо быть вместе.

Ну и погоны невидимые – они же у всех русских на плечах. Не случайно же Воскресенская больше половины века вместо того, чтобы наслаждаться благополучной канадской жизнью и забыть о Родине, которую покинула юной, преподавала в Канаде русский язык и литературу, выпускала русский журнал, тащила канадских политиков на блины...

Из-за нее, кстати, в среде эмигрантов 90-х годов произошло немало серьезных, больших скандалов и в итоге раскол. Татьяна, Алена и Вика говорили, что она уже старуха, пусть ее Бог судит. Тем более что к власовцам она попала ребенком, была с ними меньше года и всего-навсего печатала на машинке. Знали они и о благотворительности Ольги Николаевны. Всю жизнь она обустроивала новых русских эмигрантов. Приехавшие из СССР или из постсоветской России тыкались всюду как слепые щенки, получали оплеухи, порой сильные. Несчастных посылали к Воскресенской. Она давала приют в собственном доме, оповещала всю православную общину, что есть такой-то, ищет работу, не дадите ли? Пристраивала. Писала за них письма на английском в разные инстанции, возила по продуктовым банкам за бесплатной едой.

Одна ее питомица – Настя. Она приехала в Канаду, влюбилась, забеременела и была покинута мужчиной. Осталась на сносях без жилья, без денег. Приютила ее Ольга Николаевна. И кормила на свои кровные Настю и ребенка, пока тот не дорос до садика. Настя смогла устроиться на работу и лишь тогда съехала.

Она за Воскресенскую горой. «Плевать мне, где она служила, она мне как мать», – говорила. Вика тогда подумала, что Ольга Николаевна по этой же причине защищала фрау Раупах, забравшую ее с пепелища.

Роза Люксембург и Клара Цеткин были настроены к Воскресенской непримиримо. На собраниях говорили:

– Увидим – в морду дадим.

И это интеллигентные женщины! Одна скрипачка, вторая искусствовед.

– Слушайте, но ей пятнадцать лет было, когда она к немцам попала! – говорили им.

– А Зое Космодемьянской восемнадцать! Немногим старше, – отвечали подруги.

– Она из семьи расстрелянных священников.

– Зоя тоже!

Они яростно смотрели своими семитскими глазами. Вика подозревала, что им безразлично, что делала Воскресенская в войну, они просто ненавидели белых за антисемитизм. Проистекший из того, что многие видные революционеры были евреями. И начиналась свара, как будто Гражданская закончилась только в прошлом году.

Но потом помирились, потому что пришла общая беда – война на Донбассе, и надо было вместе вести работу: собирать деньги и посылки туда, писать листовки на английском и ходить, раздавать канадцам, писать в канадский парламент, требуя, чтобы Оттава не снабжала Киев деньгами налогоплательщиков, писать комментарии на английском к охаивающим Россию статьям в канадских газетах – рассказывать, как на Донбассе всё на самом деле.

Однако парадов все же стало два. Один – с «беляками», идущий от центра русского района до камня, установленного в память погибших во Второй мировой. Второй стартовал от памятника жертвам холокоста... В нем шагали Роза и Клара, но и сотни русских, не желавших идти вместе с «власовцами». Хотя ни одного власовца в первом параде

не было, ибо служившие в РОА поумирали в большинстве своем, а их дети, даже если бы пришли на парад, за отцов не отвечают. Но и их не было. Приходили обычные прихожане русской церкви, чьи предки служили в Белой армии.

Шагавшим в первом параде не нравилась отправная точка второго. «Что, одни евреи погибали, что ли?» – перешептывались. В общем, натворили большевики – через сто лет не расхлебать.

* * *

Это все было в марте и апреле. Бурные собрания. А в мае оператор, работающий на российское телевидение, снимал первый парад для новостной передачи. Этот парад стал самым большим в русском дальнем зарубежье. Впереди ехала машина с «танком» наверху – картонным, покрашенным в зеленый цвет, с надписью «На Берлин!». За ней шли люди с красными флагами и иконами.

Если бы большевики 20-х увидели эту толпу, они бы не поняли, что это за контра. И если бы Белая армия увидела – тоже не поняли бы. Действительно контра.

А священники – те, которых расстреляли, если бы воскресли и посмотрели, то ничего удивительного в такой толпе не заметили бы. Они бы сказали коротко и ясно: это народ.

Марина ГОРЕВА

Родилась в 1958 году в Дзержинске Горьковской области. Окончила Горьковский инженерно-строительный институт, высшее журналистское образование получила в Москве.

Работала в газете «Ленинская смена», была одним из создателей первого в России частного информационного агентства «Провинция». С 1992 по 2006 год работала главным редактором телестанции «Сети НН», автор и ведущая программы «Ночной полет», с 2006 по 2016 год работала главным редактором газеты «День города. Нижний Новгород». Круг интересов – краеведение, история искусств, история цивилизаций.

Живет в Нижнем Новгороде.

ГОЛУБАЯ ЛЕНТА

1

Последние два года были особенно трудными для Художника.

Все это время как проклятый он мотался между Санкт-Петербургом, где находилась его мастерская, баварским курортом Киссингеном, где поправляла здоровья его жена Юлия Павловна, и Парижем, где, по официальной версии, после успеха полотен «Суд Париса» и «Смерть Ивана Грозного» он работал над картиной «Вакханалия». А на самом деле в Париж его влекла Мария Алексеевна, Машенька, юная прелестница, в которой он познакомился два года назад на той самой Всемирной выставке в Париже, где его работы были удостоены золотой медали.

Юная подруга, напоминающая его жену в юности, хоть и не такая яркая, заворожала Художника своим вниманием, она словно растворилась в нем, жила его интересами, готова была восхищаться его картинами, его идеями, его замыслами

А жена, напротив, всегда обижалась даже на небольшую невнимательность по отношению к себе. Скажем, зайдет она в мастерскую, где работает Художник, и если он не обратит на нее внимания, не заговорит с ней, то нервное притоптывание туфелькой – меньшее из возможных проявлений ее недовольства. А тут вдруг охлаждение, разлука, его редкие приезды на курорт, его нерешительность и смятение. Художнику казалось, что жена догадывается о его увлечении на стороне. Потому такими натянутыми стали их встречи – и без того редкие, они теперь и вовсе не радовали...

Даже дети, которых он безумно любил и всегда так много и с удовольствием рисовал, теперь не приносили отдохновения его душе. Да и видел их Художник теперь редко, отчего сильно тосковал.

Словом, на личном фронте все было зыбко, непонятно и ставило перед проблемой столь ненавистного ему выбора. С одной стороны, Юлия Павловна, его жена, его муза, лицо которой он писал на протяжении семнадцати лет – со дня их первой встречи – на всех своих полотнах, тридцатидвухлетняя яркая красавица, родившая ему двух сыновей и дочь...

С другой – свежая, беззаботная, обожающая его, кинувшаяся в омут отнюдь не платонической страсти двадцатилетняя барышня, которая вскоре должна родить ему ребенка.

Он совсем запутался. Как все пятидесятилетние мужчины, он не хотел ничего менять в своей жизни. Ему казалось, что все как-нибудь образуется, само собой решится. И он вновь будет постоянно видеться со своими любимыми детьми Сереженькой, Леночкой и Володей и вновь будет писать их то в мастерской, то на террасе, то в поле, и вместе с родившимися в законном браке детьми ему будет позировать незаконнорожденное дитя. И каким-нибудь образом удастся примирить обеих близких ему женщин...

Но с каждым приездом к семье он чувствовал, что отчуждение и охлаждение только растет, а с каждым его визитом в Париж юная подруга становилась все раздражительней и требовала определенности.

Он искал успокоения в работе, прежде вполне удовлетворявшей его художническое тщеславие – его признавали мастером на родине, отметили в Париже, да и иностранные коллекционеры охотно покупали его экзотические «боярские жанры», в которых он изображал русскую старину изящно, стильно, изысканно, повторяя в образах многочисленных боярышень, богатых невест, полуобнаженных вакханок и наяд черты своей прелестной жены.

Но, честно говоря, такая живопись хоть и сделала его известным и приносила неплохой доход, все же не полностью удовлетворяла его. Уже много лет, как ноющая зубная боль, его изводила идея создать монументальное историческое полотно, изображающее один из самых драматичных и поворотных моментов Российской истории. Он уже и название для картины придумал – «Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к пожертвованиям», набросал сотни, если не тысячи, эскизов, но дело не шло.

Художник вымотался, устал душой от всех этих любовных и творческих метаний и терзаний. Он остро нуждался в отдыхе или хотя бы в смене обстановки.

И летом 1891 года он решил ехать в Нижний Новгород.

2

Он поселился на территории Нижнего базара, как и хотел.

Во-первых, историческое событие, которое он замыслил изобразить, происходило где-то здесь. И если не здания, то ландшафт, природа этого места сохранились с тех пор.

Во-вторых, место это было бойкое, богатое разнообразными человеческими типажам, колоритными персонажами, тут всякий годился в натурщи для героев задуманной Художником массовки.

«Небось, не так сильно изменились нижегородцы за триста лет», — размышлял он, глядя на Рождественку из окна своего гостиничного номера в Блиновском пассаже.

Внизу, на улице, кипела жизнь. Деловой квартал Нижнего — тут и конторы, и биржа, и банки, и телеграф, и рестораны, и дорогие магазины. А рядом, на набережной, — пристани и склады, пароходы, лодки, подводы, приказчики, работный люд, голытьба, мужики, женщины и дети. И каждый ищет, как добыть копейку, где подзаработать... Быть не может, чтобы отказались позировать!

Портретные наброски Художник решил делать прямо на улице или в своем номере, в зависимости от обстоятельств.

...Выйдя из гостиницы, он повернул направо. Шел, не торопясь, по улице к кремлю, возвышающему свои башни и стены над всем Нижним базаром, смотрел на фасады домов, слушал шум улицы, искал интересные лица.

Впервые за последние несколько месяцев Художника не тяготили его личные проблемы. Суматошная атмосфера улицы захватила его, увлекла. Он вертел головой во все стороны и так, наполняясь новыми впечатлениями, дошел до Почаинского толкучного рынка.

В обиходе его называли Ветошным или Балчугом. Чего тут только не было! Поношенная одежда, подержанная мебель, старое железо и прочие бывшие в употреблении товары. На прилавке одного из старьевщиков Художник заметил покрытый столетней плесенью подсвечник и старинный ларец.

Ах, как захотелось тут же зарисовать эти древности! И сам бородастый старьевщик словно просился в картину. Окладистая борода, умные глаза, ветхая одежонка, такой же ветошью прикрыты густые седые волосы...

...Художник вернулся на улицу Рождественскую и продолжил прогулку. Возле Гостиного двора он остановился. Его заворожил вид Ивановского съезда, так живописно спускавшегося от Ивановской башни кремля. Он вдруг увидел наглядную, почти готовую композицию картины, представил себе, как толпы людей заполняют это пространство, а центром композиции должна стать могучая фигура Минина, которая будет притягивать к себе и взгляды изображенных на полотне нижегородцев, и внимание будущих зрителей.

Довольный своей первой прогулкой по Нижнему базару, Художник вернулся в номера и взялся за карандаш.

3

Спустя несколько дней альбом уже был полон набросков. Старинные подсвечники и ларцы, несколько портретов старьевщиков с Балчуга, которых Художник изображал то юродивыми, то нищими, то крестьянами...

Вместо каменного собора на Ивановском съезде набросал бревенчатую церковку — он уже знал, что в начале семнадцатого века там стояла именно такая.

Пару дней назад Художник встретил на набережной у пристаней ватагу грузчиков. Там же он упросил крепких бородатых мужиков в присыпанных мукой рубахах позировать ему. Получились несколько интересных портретов. Вот седобородый мужик истово крестится. Вот

странник – плут и пьяница. Один мужик из ватаги оказался вылитый зажиточный купец – его лицо было важным и значительным. Другого Художник представил в образе мастерового.

Около ночлежного дома Художник повстречал молодого парня. Он беззаботно сидел на крыльце и зевал. Его открытое курносое лицо так и просилось на картину.

Художник вспомнил своего мимолетного знакомого купца Брызгалова. Они случайно повстречались на днях в ресторане Блиновского пассажа. Востроносое лицо, хитрые глазки и худошававшая фигура купца сразу привлекли внимание Художника – ну чистый подьячий! Его бы нарядить в подрясник, дать чернильницу и футляр для гусиных перьев, чтобы прошения писать!

Художник по памяти набросал портрет купца в образе дьячка. Получилось весьма убедительно. Надо будет уговорить Брызгалова позировать, решил Художник.

Размышляя о персонажах своей будущей картины, он механически водил карандашом по бумаге. Рука сама нарисовала лицо жены – огромные черные глаза, изогнутые брови, нежный румянец и кокетливый полуоборот. Он любил этот ракурс и это выражение ее лица – погруженной в себя, уверенной в своей красоте женщины... Прекрасная бо-ярышня вновь появится на его картине.

...На Софроновской площади Художник встретил пожилую женщину-поденщицу. Простое лицо, глаза потухли – видимо, от тяжелой жизни, руки привычно прячет под фартук. Вернувшись в номера, он набросал портрет этой женщины.

Но других женских лиц пока не было. И совсем не было детских портретов.

Художник было решил рисовать по памяти своих детей, но их ангельские лица и золотые кудряшки вдруг показались неуместными на будущем полотне.

С мыслями о своих дорогих и любимых Сереженьке, Леночке и Володе он бродил вечерами вдоль набережной. Но прогулки не успокаивали. Вновь налетала тоска и тяжелые думы о запутанной жизни.

Надо поскорее вернуться к работе над картиной, подумал Художник. Надо искать детей для эскизов.

4

Маленькую белоголовую девчушку он встретил около Бугровской ночлежки. Она стояла и во все глаза смотрела на проходящую по улице даму. Точнее, не на саму даму, а на ее затейную прическу, украшенную голубой атласной лентой.

Художник долго наблюдал за малышкой, а та все не отводила глаз от кусочка небесного атласа. Когда дама скрылась за углом гостиницы, девчушка вздохнула и пошла к реке. Художник отправился за ней.

На берегу, пока девочка ковыряла прутиком песок, а потом бросала в воду камешки, Художник смог ее рассмотреть. Небрежные, выгоревшие на солнце волосы, белесые брови и голубые глаза. Несмотря на свой оборванный вид, девчушка была такой светлой, словно умытой. Она наморщила нос, прищурилась, чтобы солнце не било ей в глаза, и снизу вверх посмотрела на Художника. Малышка явно ждала, что этот солидный господин с круглой бородкой с ней заговорит.

И он заговорил. Спросил, как ее зовут. Сашенька, ответила девочка. Но так ее только мамка звала. А теперь никто не зовет, мамка умерла недавно, а другие называют Шуркой.

Девчушка вздохнула, как-то совсем по-взрослому. Она не кокетничала, не выбивала слезу из солидного господина. Просто рассказывала о своей жизни. Но именно простота ее рассказа и потрясла Художника. Представить, что его дети могли бы оказаться на улице, одни, без помощи и заботы взрослых, он не мог. А эта пигалица как выживает одна, без матери?..

– Можно я буду звать тебя Сашенькой? – неожиданно для самого себя спросил Художник.

– А ты подаришь мне голубую ленточку? – поинтересовалась девочка. Он кивнул, и она милостиво разрешила: – Тогда зови.

– Приходи ко мне завтра в номера Блиновского пассажа, спроси Художника. Я тебе ленточку подарю и еще порисую тебя. Ладно? – попросил он.

Белоголовая согласилась.

5

На другой день девочка пришла с самого утра – видно, так ей хотелось получить голубую ленточку. А Художник позабыл о своем обещании, вернее, не успел расспросить горничную, где тут поблизости галантерейная лавка, в которой можно ленточку купить.

Сашенька расстроилась и собралась было уходить. Но он пообещал, что сегодня же непременно купит эту самую ленточку. А пока предложил своей маленькой гостье выпить чаю с баранками и немного попозировать.

Выпить чаю Сашенька согласилась. Оказалось, что она очень любит чай с баранками, особенно с маленькими.

– Вот с такими, – девочка соединила в колечко большой и указательный пальчики.

Горячий душистый чай и любимые баранки пришлись маленькой нижегородке по душе. Она раскраснелась и совсем перестала стесняться. Чай пила из блюдца, шумно прихлебывая, баранки хрустко кусала или макала в чашку.

Когда с угощением было покончено, Сашенька подошла к окну. Номер Художника был расположен под самой крышей, окна выходили на шумную и многолюдную Софроновскую площадь. Чтобы было лучше видно, девочка поначалу даже залезла на стул. А потом слезла с него.

– Боязно маленько, – объяснила она. – Тут у вас, дяденька, высоко.

Вид из окошка Сашеньке так понравился, что она долго смотрела на идущих по улице людей, на проезжающие экипажи, на фонтан Благотворителей.

А Художнику не терпелось начать рисовать. Он окликнул девочку по имени, и она повернула к нему голову.

– Замри! – воскликнул Художник и стал торопливо набрасывать застывшую в удачном ракурсе маленькую фигуру.

Потом они снова пили чай с баранками и разговаривали. Девочка совсем перестала бояться «дяденьку» и охотно рассказывала ему, как раньше она хорошо жила.

– Мы с мамкой снимали комнату на Кожевенной, у сапожника Ивана Тимофееча. Мамка шила всяким дамам что попросят, – Сашенька

вздохнула, вспоминая свою прежнюю жизнь. – Мамка добрая была, даже конфеты покупала! И вот это платье мне сшила.

Художник глянул на обветшавшую одежонку, но ничего не решился сказать по этому поводу, чтобы не спугнуть разговарившуюся девочку.

– Только она грустила часто, – продолжила свой рассказ Сашенька. – Это она папку вспоминала, говорила, что он...– девочка наморщила нос, вспоминая «мамкино» слово. – А, непутящий! Я не знаю, что это, я его не видела никогда. Только слышала, как мамка про него рассказывала и часто плакала. А потом заболела и умерла.

Сашенька вздохнула и присела на стул, подперев голову рукой. В ее маленькой сгорбленной фигурке было столько отчаяния, что, посмотрев на свою пригорюнившуюся гостью, Художник вдруг начал рассказывать ей о своих сыновьях и дочке, о том, что они любили проводить время в его мастерской, особенно старший сын Сережа, когда был такой же, как Сашенька...

При воспоминаниях о счастливом времени, когда еще не надо было разрываться между двумя женщинами, разлучаться с детьми, а с головой уходить в работу можно было не оттого, что одолели проблемы, а потому что полно планов и идей, Художник вдруг замолчал, прервав на полуслове свой рассказ, и предложил проводить Сашеньку до дому.

Девочка, очевидно, почувствовав, что чем-то расстроила «дяденьку», спросила:

– А хочешь, я завтра приду, чтобы ты меня порисовал?

6

Сашенька пришла на следующий день, они с Художником опять пили чай с баранками, потом он рисовал девочку в разных позах, набрасывал ее портреты и анфас, и в профиль, опять просил подойти к окну, обернуться и замереть вполоборота, облокотиться на ларец, наклониться к подсвечнику...

Он рисовал девочку с каким-то неистовым желанием что-то доказать – кому? что? И оттого, что Сашенька так сильно напоминала Художнику о его собственных детях, он все рисовал и рисовал эту белоголовую девчушку с курносым носиком, усыпанным веснушками, и выгоревшими на солнце бровями и ресницами...

В перерывах они снова пили чай и разговаривали. Обоим казалось, что они подружились. Может, потому что стали понимать друг друга с полуслова – девочка каким-то образом улавливала, как надо теперь повернуть или опустить голову, как положить руку, как улыбнуться или наморщить нос...

Иногда Сашенька робко напоминала Художнику про голубую ленточку, но он, поглощенный своей работой, торопливо кивал и обещал: «Завтра, завтра...»

Почти целый месяц Художник рисовал Сашеньку, позабыв о других моделях. А потом пришла телеграмма от его юной подруги с требованием немедленно приехать в Париж, потому что она вот-вот должна родить...

Раздосадованный и взволнованный, он стал в спешке собираться. Ему было наплевать на резкий тон телеграммы, на то, что приходится прервать работу над картиной. Ребенок, его ребенок родится совсем скоро! Вот это главное, а все остальное – нервы!..

Тем же вечером он уехал из Нижнего.

Утром следующего дня Сашенька, как обычно, пришла в гостиницу. Девочка начала было подниматься по лестнице, но ее остановил человек в ливрее и строго спросил:

– Юная барышня, к кому изволите?

– Я к художнику, дяденька. Вы же меня знаете, я каждый день сюда хожу. Он меня рисует, – пролепетала Сашенька.

– Нет твоего художника, уехал он, – сказал ливрейный. – Так что давай, иди отсюда!

От неожиданного известия девочка растерялась. Как уехал? Зачем уехал? Почему ей ничего не сказал? И, самое главное, он же ей обещал подарить голубую ленточку! Как же быть с ней? Он ведь теперь не сможет ей сделать подарок...

А вдруг он оставил ленточку в номере?

– Дяденька, пусти меня, я в номер схожу, посмотрю, нет ли там для меня подарочка, – попросила Сашенька.

– Вот еще глупости! – возмутился ливрейный. – С чего бы это солидному господину для какой-то оборванки подарочки оставлять! Иди отсюда подобра-поздорову!

Обида на такие слова вдруг выступила слезами на глазах девочки, сдавила ей горло... Но она не хотела, чтобы ливрейный видел, что она плачет. Сашенька бросилась прочь. Бежала, размазывая по лицу слезы, и все твердила: «Он обещал, он обещал...»

...Два дня девочка караулила возле парадного входа гостиницы – а вдруг ливрейный что-то напутал, и Художник никуда не уехал. А раз так, то он непременно пойдет гулять по Рождественке, заглянет на Ветошный рынок и на набережную, он сам ей рассказывал, что там много интересных типов. Что такое «типы», Сашенька не знала, но по тону, каким произносил это слово Художник, понимала, что это что-то очень нужное для него.

Не дождавшись своего знакомого на улице, девочка вновь решила пойти в номер Художника. Но ливрейный по-прежнему маячил у парадного входа в Блиновский пассаж. Надо было искать какой-то другой способ попасть внутрь.

«Главное, добраться до верхнего этажа, – размышляла девчушка. – А там уж я прошмыгну в номер, дверь-то я знаю...»

Теперь девочка ходила вокруг здания, заглядывала во дворы, искала лестницы для прислуги. В один из дней она заметила, как горничная со стопкой белья прошла в какую-то неприметную дверь в дальнем углу двора, и поспешила за ней.

По темному коридору девочка шла, держась рукой за шершавую стену. Повернула за угол и увидела на фоне окна силуэт горничной. Та поднималась по лестнице.

«Мне туда и надо», – обрадовалась Сашенька и опрометью бросилась вслед за девчушкой.

В спешке она споткнулась, что-то уронила. Загремели, падая, какие-то тазы, жестяные коробки... И сразу пустой коридор словно ожил – кто-то что-то закричал, кто-то высунулся из подсобок, кто-то поспешил в коридор, чтобы узнать причину шума. Защелкали выключатели, и жидкий желтый свет наполнил большой и длинный коридор.

– Ах ты, негодница! Ты зачем сюда пришла! А ну, пошла вон! – грозно раздалось над Сашенькиным ухом, и кто-то больно схватил ее за плечо.

«Батюшки, ливрейный!» – испугалась девочка, увидев краем глаза, кто ее поймал.

...Оказавшись на улице, Сашенька горько переживала свою неудачу. Как же ей попасть внутрь, в тот номер, где Художник рисовал ее столько дней, где они пили чай с баранками и разговаривали? Ведь там наверняка ее ждет подарочек, голубая ленточка, о которой она мечтала с тех пор, как увидела на Рождественской ту красивую даму.

8

Лето уже кончилось, зарядили дожди, а девочка вновь и вновь приходила к Блиновскому пассажи, кружила вокруг него, заглядывала во дворы, вглядывалась в лица прохожих...

Она уже ни на что не надеялась и приходила сюда скорее по привычке да еще потому, что днем ночлежка закрывалась, всех постояльцев выгоняли, и надо было где-то обитать до вечера.

...В один из дней в начале октября ее нашли во дворе Блиновского пассажа. Она сидела, прислонившись к стене, была сильно простужена, то и дело впадала в забытие и все шептала: «Ленточка! Он обещал мне голубую ленточку...» Пока бегали вокруг нее, пока решали, надо ли звать фельдшера, Сашенька слабела и все реже открывала глаза. О голубой ленточке она шептала до последней минуты...

9

...Художник работал над своей большой картиной еще несколько лет. Писал героев по эскизам из альбома и по памяти. До самого толстого, «Сашенькиного», альбома он добрался только через год после возвращения из Нижнего.

Он открыл альбом, увидел самый первый набросок – вот малышка стоит вполоборота у окна. Вдруг подумал: «А что если будет так – мать слушает Минина, а за ее подол сзади цепляется эта девчушка, она обернулась и с восторгом смотрит на груду только что принесенных кубков, ларцов и братин...»

Листая альбом дальше, он заметил еще несколько удачных ракурсов и решил также использовать эти детские портреты в других фрагментах будущей картины. Вот это восторженное личико девочки в косынке и эта серьезная мордашка наклонившей голову девочки пригодятся, да и вот эта фигурка тоже неплоха. Кстати, что у нее в руках? Цветы?

Художник вспомнил, как в один из дней эта девочка пришла к нему в гостиницу с ромашками.

– Нарвала по дороге, – объяснила она и попросила: – Раскрась их, а то они все белые, а у тебя красок вон сколько!

Он тогда улыбнулся забавной просьбе девочки и пообещал раскрасить цветы, но только не живые, а те, что нарисует. Тогда она старательно замерла, а он долго рисовал фигурку девочки с букетом в руках. Как же ее звали? Дашенька? Варенька? Нет, Сашенька!.. Славная девчушка, и как забавно она морщила свой курносый, веснушчатый носик!

...Уже несколько дней он не выходил из мастерской – картина начала складываться, рука словно сама водила кистью по холсту. Ни о чем другом, кроме картины, он не мог думать. Даже начавшийся бракоразводный процесс с женой Юлией Павловной его не отвлекал от работы.

Состояние, в котором он сейчас находился – когда все получалось, когда каждая творческая задумка тут же ложилась ровными мазками на полотно, когда нужный эскиз сразу же оказывался под рукой, когда не покидало ощущение, что получается, – он очень любил. Он ждал его, это было счастье, счастье творчества. Для Художника это был высочайший миг – наслаждения, удачи, восторга!

Лишь однажды, когда он прописывал фигурку белоголовой девчушки, держащейся сзади за шубейку матери, которая находилась неподалеку от центра композиции – могучей фигуры Козьмы Минина, что-то кольнуло в груди. На минуту Художник даже замер – у него вдруг возникло чувство, будто он что-то забыл. Но что? Помотав головой, словно стряхивая это наваждение, он вновь вернулся к работе.

10

...Картина, эскизы к которой Художник рисовал летом 1891 года в Нижнем Новгороде, была впервые показана в Нижнем Новгороде, на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 года в отдельном павильоне.

Одно из самых крупных произведений русской станковой живописи, написанных на историко-патриотическую тему (размеры холста – 698х594 см), вызвало большой интерес публики!

В 1908 году эта картина была приобретена Министерством императорского двора и подарена городу в связи с предстоящими торжествами в честь 300-летия династии Романовых.

Долгое время картина находилась в Гербовом зале Городской думы (позже – Дворец труда). А в 1972 году полотно было передано местному Художественному музею.

Рассказывая о картине, экскурсоводы сообщают много исторических фактов – о Смутном времени, о Козьме Минине, о том, что Художник работал над воплощением своего замысла более 20 лет.

О маленькой белоголовой девочке, которая когда-то подружилась с Художником и стала одной из его моделей, не вспоминает никто. А она все еще ищет свою голубую ленточку, которую пообещал ей Художник, но позабыл подарить. И по ночам в гулких пустых помещениях Блиновского пассажа порхает эфемерная субстанция, отдаленно напоминающая фигурку девочки лет семи в длинном сарафане...

Поэзия

Борис СЕЛЕЗНЁВ

Родился в 1953 году в Горьком. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал слесарем и механиком, водителем троллейбуса, литературным сотрудником в периодической печати, главным редактором газеты «Православное слово». Главный редактор литературно-художественного альманаха «Арина».

Автор 17 книг поэзии и прозы, а также множества публикаций в российской и международной периодике. Лауреат ряда поэтических конкурсов.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

ЭТО ПО ВОЛЕ БОГА – И ПЛАМЕНЬ, И ТУЧИ СМУТ...

Сочельник

Осыпает белой пудрой
Вечереющий настил...
Кто-то тихий, кто-то мудрый
В сердце радость опустил.

Мягкий свет упал на ветки,
Льнёт к душе живая тьма.
Чудом каменные клетки
Обратились в терема.

Запах ладана и хлеба,
И огни на образах...
И у всех под вечер небо
Отражается в глазах.

И отрадно так бывает
В тьме мерцающей, святой –
Это сердце овекает
Потаённой высотой...

* * *

Листья плавают в эфире,
Падают на твердь.
Где-то рядом в этом мире
Торжествует смерть.

В сумасшедшем листопаде
(Может, я не прав?)
Подойдёт тихонько сзади,
Тронет за рукав.

Сквознячком пройдёт по коже
До корней волос.
Станут в сотню раз дороже
Всполохи берёз.

В сотню раз дороже станет
Золотая твердь.
В этих чувствах не обманет
Лишь любовь да смерть.

Это будет, друг мой милый,
Это не секрет.
...И ударит над могилой
Запредельный свет!

Инокиня

Лес, поля да озеро,
Церковь у горы.
Дали подморозило,
Крупка – на вихры.

Горькою сторонкою
Мимо двух раkit
Инокиня тонкая
К всенощной спешит.

Молодая, робкая,
Да презрев тщету,
Убегает тропкою
К Господу Христу.

А рябина сладкою
Сделалась уже.
Помолись украдкою
О моей душе...

Помолись, любимая,
О себе и мне,
О братьях, что сгинули
В дальней стороне.

Да о русских воинах
Нашей всей земли,
Что в боях за Родину
В поле полегли.

Пёс

А пёс на войне – больше, чем пёс,
Он явно – небесный житель.
Меня из огня он в зубах своих нёс –
Мой верный ангел-хранитель.

Мой лучший товарищ, мой кровный брат –
Не бросил в бою солдата.
Меня протащил сквозь кромешный ад,
Туда, где свои ребята!

И снова кого-то спасти захотел,
На mine сам подорвался.
И ангел умер. И в небо взлетел!
А я на земле остался.

Мне за тобой бы бегом бежать
И бинтовать твои раны!
Но не пускает Родина-Мать
И ветер от ярости пьяный...

Матронушка

Горькая сторонуща,
Милостивый Спас.
Матушка Матронушка
Ходит среди нас:
В центре, на окраинах,
Где печаль да вой,
Рядышком с отчаянной
Головой.
С позднею красоткою,
Что гуляет зря,
И с монашкой кроткою
У монастыря.
Тропкой болью выжженной,
Там, где свет не мил.
С девочкой обиженной
У перил.
Там, где пьют до донышка
И в глазах ни зги...
Матушка Матронушка,
Помоги!

* * *

Белые звёзды летят на землю,
Под окнами горы
Из этих звёзд.
Ныне всей душою
Приемлю
Пост.

Тропы людские мягче и глуше,
Звон колокольный –
Печальный звон.
Чисто и строго
Замерли души
Возле икон.

Грозно канона Великого чтение,
Все на коленях стоят,
Как встарь.
Тихо над нами
Высокий священник
Уходит в алтарь.

Замер весь мир...
Люди и краски
Затемнены.
Долго ещё нам
До красной Пасхи,
До русской
Весны.

Родина

Осень широкой кистью
Красит пространства дня.
Ветер, октябрь да листья –
Это метель огня!

Это по воле Бога –
И пламень, и тучи смут.
Словно магнит, дорога –
Многие не поймут.

Многие не оценят
Русскую кость да крепь.
Но это ж такие звенья,
Это ж стальная цепь!

Тянет она и душит,
Многих влечёт ко дну.
Только родные души
Будто слились в одну.

Листья да комья глины,
Холод и боль сладка.
Взглянешь – и мы едины,
Родина есть пока.

Мария ВАТУТИНА

Русская поэтесса и журналистка, редактор, прозаик, драматург. Родилась в 1968 году в Москве. Окончила Московский юридический институт (ныне МГЮА) и Литературный институт. Работала юристом, адвокатом, журналистом. Является эссеистом интернет-портала «Современная литература», ведущей мастер-классов Зимней школы писателей Международного фестиваля искусств Юрия Башмета и Форума молодых писателей.

Автор пятнадцати поэтических книг. Печаталась в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Волга», «Новый Берег», «Современная поэзия» и других изданиях. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Международной Волошинской и Бунинской премии. Победитель Первого Всероссийского турнира «Красная площадь. Время поэтов» и обладатель титула «Голос нашего времени». Участница агитбригад, выступающих для воинских частей и в госпиталях в Крыму.

Живет в Москве.

УЛОВ

1

Вот я, калика смятенная:
Кто мой поход попустил?
Смотрит икона настенная –
Образ наклеен на спил.

Двор, золотые воротыца,
Дом повернулся кормой.
Благослови, Богородица,
На возвращенье домой.

Я ли не в страхе дрожащая
Немощь, тепличный росток?
О, Пресвятая дражайшая,
Завтра уже за Ростов,

В эту закрытую зыбкую
Зону декабрьских дождей –
С песней бравурной, с улыбкою –
О, за нее порадей.

Не онеметь бы от ужаса,
Не заблуждаться в сухостой.
Кружится, кружится, кружится
Жизни мотивчик простой.

Идут калики колонною,
Песен разносят слова.
Теплые дни переломные.
Самый канун Рождества.

22.12.23

2

Полна кровотоцин, как яшма,
Писала тебе по ночам:
– Скажи мне, там страшно? там страшно?
– Не страшно, – ты мне отвечал.

Я местных поэтов пытала,
Неместным смотрела в глаза:
От пороха и от металла
Какие спасут образа?

И местные мне отвечали:
Ну, мы ведь живём, ничего.
Неместные немо кричали
Сквозь всё своё естество.

По первости, видимо, штырит.
Неведение душу гранит.
Как будто и грунт уже вырыт,
И выбран надгробья гранит.

Но способ один есть отличный
Изъять этот низкий изъян:
От страха спасает циничный
Корыстный практический план.

Чтоб славу оставить потомку
Поверх ростовщических смет,
Везде собирает в котомку
Свидетельства века поэт:

По капле и с миру по нитке,
По светлому взгляду бойца.
Тебе, завезённой пиитке,
Считай, повезло слегонца.

3

Рвет пропеллер вышину,
Мнёт колонна тракт.
По дороге на войну
Пропадает страх.

Перед первым блокпостом –
Как рукой сняло.

Он отложен на потом,
Спрятан под крыло.

Чтобы спас, поддав жарку,
Прибавляя прыть.
Чтобы, поднабрав жирку,
Это не забыть.

А пока трясемся мы
На донецкий фронт,
Взяв у вечности займы
Безразличья понт.

Репетирует оркестр
Лучший шлягер свой.
И поэт глядит окрест,
Словно часовой.

4

Мы ехали долго в тумане сплошном,
Сходясь у постов, как в проеме ушном,
И снова гуськом и с разгона.
Стояли во мгле тополя нагишом,
Клубились туманы, хоть черпай ковшом,
До самого синего Дона.

До вечера в дымку был спрятан отряд,
И трудно в тумане нашаривал взгляд
Конечную точку похода.
Глядящая вслед мне от Яузских врат,
Спасибо Тебе, я узнала Твой плат
Во всю ширину небосвода.

5

Сойдась, как невидимых стад пастухи,
Обнявшись у камня завета,
Поэты поехали вдаль по степи
В различные стороны света.

Звезда над пустыней уже расцвела,
Мерещился дальний бубенчик.
И шарил контроллером БПЛА
В долине.
В пещере младенец,

Укрыт от разведчиков и от звезды,
В Марии, уставшей от долгой езды,
Еще обитал благодатно.
Но не было впредь ни Ему, ни волхвам,
Ни этим поэтам – словес пастухам –
Дороги обратно.

Изменится мир с этой ночи, и в круг
Сойдутся поэты – свидетели мук
И радостей люда простого.
И каждый напишет по четверти слов,
О том, как они собирали улов
Часах в четырех от Ростова.

6

Мы плыли в темноте,
Сведенной в абсолют.
Но что это – вон те
Сверкания? Салют?

Галактика Донецк
Вплыла спиралью звёзд,
Кружением колец,
Глазищами стрекоз.

Шел смерчем этот пляс
Галактики во мгле,
В себя вбирая нас,
Живущих на земле.

7

Едем по степи донецкой,
Мокрый снег и ночь в степи.
Мы читали в части Н-ской
Час назад свои стихи.

Был разрушен дом-громада,
Кроме парочки цехов.
Где набилась арт-бригада
Ради этих вот стихов.

Под финал зажгли «Лампасы»,
А бойцы всё шли и шли,
Словно мы боеприпасы
Им на точку подвезли.

8

Взрывы, и взрывы, и взрывы
Где-то в ночной глубине.
Нынче не будет поживы
Жадной до крови войне.

Что ты, какая война-то:
Фронт далеко, а не здесь.
Пять километров, ребята,
До, так сказать, ЛБС.

Бухает в граде закатном.
Горе, куда ни взгляни.
– Это не здесь, – говорят нам
Трое бойцов из «Родни».

Эт нездешние глыбы
Лупят из дальних мирков.
В городе плавают рыбы,
Служат, выводят мальков.

Только их глушат и глушат.
Чаша терпенья полна.
Ты бы приехал послушать –
Это ж еще не война.

9

Лампочки приглушены,
Тьма. Иршалаим.
Гаджеты погружены
В авиарежим.

Занавески сомкнуты –
Не дразнить гусей.
Выбран угол комнаты –
Для спасенья в ней.

Не разденусь дónага:
Выбегать-то как?
Сгину занедорого,
Так хотя б в портках.

Ляжешь под окошечком,
Слушаешь арту.
А проснёшься крошевом
В ледяном поту.

Теплое, уютное
Чредованье снов.
Ох ты, чудо чудное!
Это же Ростов.

10

Я вернусь и в упор к тебе подойду, ничо?
Положу тебе голову на плечо.
И скажу, что немного устала, недоспала.
У войны, скажу, два крыла.

Я была вчера еще в вечно спящем на вид
Граде надежды по имени «не прилетит».
И стоит он не на крови, что ни говори.
А на любви, скажу. На любви, скажу. Вот – бери.

Отойдя лишь на шаг, скажу, от войны,
Как же хочется, чтобы были мы влюблены!
Отлюбить за всех, скажу, кто не сможет впредь.
Потому что только любовь побеждает смерть.

11

Город, с которым переспала по любви,
Становится частью жизни и частью речи,
Воспоминаньем в старости, молодостью в крови,
Ожиданием встречи.

Ты был моим страхом, ожогом моим подвздошным,
Я спала на твоём плече.
Но сегодня в промежутке между прошлым
И будущим, в ноль часов, в леденеющий час Ч,

Ты расстрелян. Всадили в тебя терновый
Венец, кожу твою штробя.
И всё, что я загадаю на Новый
Год – это отмщение за тебя.

Елена КОЛЕСНИКОВА

Родилась в 1976 году в городе Кузнецке Пензенской области. Окончила музыкальный факультет Самарского государственного педагогического университета. Работала в школе. Музыкальный руководитель Центра ментального здоровья детей.

Публиковалась в журналах «Подъем», «Берега», «АлександрЪ», «Сура», в альманахах «Нить Ариадны». «Образ». Дипломант премии «Образ» (2022), победитель в Национальном поэтическом конкурсе «PoetFest» в номинации «Поэт года» (Санкт-Петербург, 2023).

Живет в Воронеже.

ЗА ТО, ЧТО С НЕБОМ – ТОЛЬКО О ВЫСОКОМ...

* * *

Тучка в небе – сизой горлицей –
Век ли лето летовать?
За межой – леса возводятся –
Золотая благодать.

К соснам дятлы крепконосые
Прясла* пёстрые крепят,
И все с гудом бродит осолонь
Ветер третий день подряд.

А в укромках крон берёзовых –
С ветром длиннополым в лад –
Душегрейные да слезные –
Песни певчие пищат.

Дождь кропило мочит в облаке –
Чечь по чести, чередой,
Брызжет щедро лес да около
Чудодейственной водой.

Упорхнула тучка горлицей –
Век ли горе горевать?
За межой – леса возводятся –
Золотая благодать...

* * *

Вольфрамовая нить перегорела –
Грозы стихает мутный кровоток,

* *Прясло* – часть поверхности стены храма, ограниченная двумя лопатками, пилястрами.

И тополя преломленное тело
Лежит на перекрестии дорог.

За то, что с небом – только о высоком,
За крыльев серебрящуюся хладь,
За то, что истекал багровым соком,
Он должен на закате умирать.

Еще волнением схвачены предсмертным
Едва живые складочки души,
Ещё.. А впрочем, завтра будет лето
Опять звенеть в ромашковой тиши.

Смотри, просвет – на целые полнеба –
Он снова твой – бери ж его, бери!
А мне – камней намоченные хлебы,
А мне – десятиструнные ручьи.

Вольфрамовая нить перегорела –
Оставь пустые клятвы и божбы –
Там – тополя преломленное тело
На перекрестии судьбы...

* * *

Почти не шаркая подошвами,
Сошлись над домом облака –
Гороподобно припорошены
Их круторёбные бока.

Сошлись, затеяв свару крупную –
Назрело, видимо, давно.
И вот по крыше что-то хрупнуло
И чем-то звенькнуло в окно.

И тишина повисла – каменно,
А люди думали: «Беда!
Опять наш город неприкаянный
Зальет осенняя вода».

Исчезло солнце за отрогами,
Автомобильный смолкнул гай...
Смотрю – малыш с глазами строгими
Балконный поливает рай.

В горшочке – зёрнышко горчичное*
Зеленым чудом проросло,
Но стонет крыша черепичная,
И в слезы плавится стекло.

И заключив в ладошки теплые,
Ростку на ушко зашептал:

* Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас (Мф. 17:20).

«Уйдут, не бойся, круторёбрые,
Я им по-доброму сказал!

Я попросил их по-хорошему».
Пролилось солнце янтарём.
А люди думали: «Погожие
Денечки этим сентябрём».

* * *

Выдержанной потчует водицей
Небо занеможенную твердь,
Мокнут в буровой пыли птицы,
Помысла лишённые взлететь.

По́ля подживающую рану
Принакрыли нежно зелена –
Что ж вы, золотые, спозаране*
Не хватились обмершей меня?

В гущину ростков свежерожденных
Запустило солнце пятерню –
Только я в становище потёмном,
Только я молитвы не творю...

Знаю, Боже, все тебе возможно –
Камнем я взываю от земли –
Мне из пыли этой придорожной
Плотяно́е** сердце сотвори.

* * *

Тропа песчаным ручейком
Светло струится под ногами,
Парным пахнуло молоком,
Хотя до дома далеко –
За грозowymi облаками.

Где у оврага над губой
Пучки белесые осинок,
И все журчит сама с собой
Речушка с тоненькой косой
С атласной лентой ярко-синей.

И свет – невиданный давно –
Сквозь облаков худое днище.
И солнца новое вино
Прорвав мехи, всему назло –
Устроит жизнь мудрей и чище...

* Спозаране – заранее.

** И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное (Иез. 36:26).

Игорь МАЛЫШЕВ

Родился в 1972 году в поселке Реттиховка Приморского края. Образование высшее техническое. Работает на атомном предприятии.

Автор книг «Лис», «Дом», «Там, откуда облака», «Номах. Искры большого пожара», «Маяк», «Корнюшон и Рылейка», «Сланские были и небылицы» и других. Прозу, стихи и пьесы пишет более двадцати лет. Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Москва», «Роман-газета», «Новый мир», «Юность», «Дружба народов». Книги входили в короткие списки литературных премий «Ясная Поляна», «Большая книга», «Русский Букер» и других.

Живёт в Ногинске, Московская область.

МГНОВЕНИЕ

Чёрный, как смоляное чучелко, кот сидит на дереве. Он притаился в гуще ветвей черёмухи и замер. Он охотник. Он тощ, поджар, когти его острее рыболовных крючков, мышцы твёрже дерева, шерсть гладка и бархатисто ласкова, глаза его — две луны. Кот замер, слился с корой, с неподвижностью ствола, с безветрием, которое вечно царит внутри черёмухового огромного куста.

Но вот шевеление, порх, и рядом с кустом пролетает воробей. Тело кота распрямляется мгновенно, будто выстрелившая пружина, пробирует в прыжке листву и стремительно несётся к взбивающей крыльями воздух птице.

Когти на передних лапах кота выпущены, солнце вцепилось в каждое остриё и хищно играет на них. Кот летит, прыжок его красив, стремителен. На шерсти его, на каждой шерстинке, иссиня-чёрной, тоже играет летнее предвечернее солнце.

Детей «запрягли» окучивать картошку. Они городские, но сейчас они в деревне, и помогать бабушке их священный долг. Дети расстроены. Но, положив тяпки на плечи, идут мимо большого, как колхозная скирда, куста черёмухи.

Мальчик спотыкается. Тяпка его, остро наточенная приехавшим сегодня дядькой, сверкая на солнце острой кромкой, летит его сестре прямо туда, где встречается шея с плечом и проходит яремная вена. Плечо сестры худое, вены лежат так близко к поверхности кожи, что она могла бы служить живым экспонатом для студентов-медиков.

Сын бабушки, дядя Коля, сидит на крыше и пытается придумать, как подтянуть чуть съехавший лист шифера. Он тянется, тянется. Держаться ему всё менее и менее удобно. Ещё мгновение, полу-, нет,

четвертьмгновение, нога его заскользит, сорвётся. Он в тапках. Тапки – не самая лучшая обувь, чтобы лазать по крышам.

На земле у стены дома, прямо под тем листом, который пытается подтянуть сейчас дядька, лежит борона – шипастая конструкция, брошенная здесь с весны местным трактористом. Брошенная шипами вверх. Борона густо заросла бурьяном и совсем не видна.

На детей с тяпками смотрит старик Крысанов. Он стоит рядом с бабушкой Марь Ивановой, и они ведут разговор о видах на урожай.

– Ничего не будя, – говорит уверенно Марь Иванна. – Всё посохня.

В голосе её слышна вековая крестьянская хитрость. Убеждая себя и остальных, что урожай погибнет на корню, она думает так обмануть судьбу. Это повторяется каждый год. О том знает старик Крысанов, знает сама бабушка.

Старик не знает о том, что в его ярёмной вене оторвался тромб и сейчас несётся к сердцу, к тонким лепесткам сердечных клапанов.

Тишину мягкого летнего предзакатного часа пререзает резкое истошное воробьиное чирикание. Когти чёрного кота трогают перья на хвосте птицы и, разминувшись, уносятся дальше. Недовольный истошный мямленье оглашает округу.

Девочка, в чьё плечо летит острым углом наточенная, светящая стерильной кромкой тяпка, вздрагивает, оборачивается всем телом. Рассекая воздух, сталь, поймав и тут же выпустив луч солнца, проносится мимо.

– Дурак, что ли? – вопит девочка.

Дядька, услышав чирикание и мямленье кота, вздрагивает, вцепляется в изгибы шифера. Из кармана его растянутых треников выпадают пассатижи, едут вниз и, исчезнув за краем крыши, звонко обозначают свою встречу с лежащей внизу бороной.

Старик Крысанов охает от громкого, раздавшегося прямо над ухом цвирка воробья, едва не ставшего жертвой кошачьего сафари. В старости Крысанов стал пуглив, вздрагивал от любого резкого звука или движения.

– Дурак, что ли? – слышит он крик девочки, чудом увернувшейся от наточенной тяпки.

Сердце старика сжимается и рвёт галопом, будто иноходец через поля.

Тромб, подгоняемый усилившимся током крови, влетает в клапан сердца, задерживается, застревает, но подхваченный напором, бьётся вверх, вниз, шевелится, поворачивается.

В глазах у старика темнеет.

Звук ударившихся о зуб бороны пассатижей звенит вдруг очень чистой и пронзительной нотой, заставляя старика вздрогнуть ещё раз. Он вздыхает глубоко раз, другой. Тромб поворачивается, и створки клапана пропускают его. Сгусток крови – несостоявшийся убийца – несётся, чтобы раствориться и уж более никогда не потревожить старика Крысанова.

Кот приземляется на лапы и начинает вылизываться. Морда его выражает равно и досаду, и презрение ко всем свидетелям его позора.

Воробей взмахивает крыльями и растворяется в мешанине солнечных лучей и листвы.

Мальчик, вздыхая, идёт за девочкой к картофельному полю.

– Нет, Марь Иванна, – говорит старик Крысанов. – Гидрометцентр сказал, погода будет хорошая. Дождь в меру и солнца в меру. С урожаем будем, вот увидишь.

НА ЛЬДУ, ПОДО ЛЬДОМ, НАДО ЛЬДОМ

Смотрел стрим. Один рыбак рассказывал в прямом эфире, как они только что упустили под лёд зимнюю удочку. Рыбак был изрядно пьян. Он радостно кричал в камеру, что какая-то дрянь, на самом деле он употребил другое слово, увела под лёд удочку.

Время тёмное. Декабрь. Лёд встал крепкий. Рыбак вёл стрим из утеплённой, судя по металлически блестящим пенкам, палатки. Посередине палатки меж выстланных смято-зеркальными поверхностями пенок выделялась чёрная дыра лунки.

Рыбак, легко одетый, похоже, в палатке было тепло, размахивал руками над чёрным зрачком во льду и пенял напарнику.

– Ну, как ты упустил? Не, ну как-то, а?

Напарник что-то невнятно мычал из неосвещённого угла.

На портативной газовой горелке стояла небольшая сковородка, и на ней что-то шипело.

– Вот они! Окушки! В сметанке! Шкворчат, дымят. Ах! – восторженно вещал над сковородкой рыбак.

В палатке играл то ли doom, то ли death. Видимо, рыбак – убеждённый металлист.

Шкворчало рыбе мясо на сковороде, играл doom или death, чернела лунка, в которой вздыхала живыми огромными лёгкими река. Я смотрел стрим и вдруг словно бы провалился в это чёрное пятно посреди человеческого уюта, переполненного человеческими звуками, запахами, светом.

Там, подо льдом, метался окунь, небольшой, с ладонь, который волочил за собой короткую пластиковую удочку.

Боль в верхней губе и непривычная, но как-то жёстко связанная с ней несвобода передвижений пугает и мучает рыбу. Окунь делает движения хвостом, плавниками, но тело не слушается. Он поворачивает в одну сторону, в другую, однако боль в верхней губе, распространившаяся на всю голову, не даёт повернуть. Тело стало чужим, непослушным. Картина мироздания рыбы рушится. Окушок мечется, задевая спинным плавником лёд, волочащаяся за ним удочка диктует свои правила. Он пытается нырнуть, но чужая сила снова выволакивает его наверх.

По льду распространяются вибрации, от которых он хотел бы держаться подальше. Эти вибрации, колебания и биения – музыка, что играет в палатке. Doom, death. Могучие, как боги, существа, поймавшие окуня на удочку и упустившие его, слушают doom и death.

У рыб нет ушей. Они слушают музыку телом, средней линией. Теперь окунь знает, как звучит музыка богов.

Каждый из нас хоть однажды чувствовал себя рыбой подо льдом, подцепленной на крючок пьяными хохочущими богами.

Счастье, что мы не понимает речи богов, а то бы услышали:

– У этого брюхо плохо вычистил...

– Окуня надо есть прямо со сковородки...

– Этот готов уже, снимай...

Боги вершат дела.

– Мелкий совсем. Может, отпустим? На кой он?

– Пусть полежит, потом в уху заправим.

Боги смешливы и веселы.

...Твоё тельце на сковородке.

– Это просто температура, – убеждаешь ты себя и пьёшь жаропонижающее, принесённое женой.

Нет, друг мой, это не температура. Твоя беда в том, что ты лежишь на сковородке и тебя поджаривают.

– Этих снимай, – слышится голос, – а этот пусть ещё подрумянится.

И ты лежишь на постели. У тебя всего лишь 39,7, не повод умирать. Да и врач успокаивает, говорит, если не помогут эти антибиотики, попробуем другие.

Возможно, антибиотики и помогут против сковородки, на которой ты лежишь, но не факт.

В обиталище богов играет doom. Голос судьбы. Ты слышишь его и хотел бы держаться от него подальше.

Окуню, ушедшему вместе с удочкой, ещё повезло. По большому счёту в палатке ад. Здесь вырывают внутренности, гудит огонь и пышет жаром раскалённая сковорода. Кричать бесполезно, рыбаки не слышат голосов рыб.

...Рыбак – алкоголик, и печень отправит его на тот свет через... Не скоро, но неизбежно.

Другой ходит время от времени с миноискателем по окрестным полям и лесам и однажды наткнётся на неразорвавшуюся мину.

Сработают поставленные жерлицы. Хищник станет добычей.

Потом однажды попадётся на крючок и охотник на наших рыбаков. Пусть он и обитает где-то высоко-высоко.

И тот, кто охотился на него, тоже. Через пару миллиардов лет.

И тот... Через период, для которого нет слова в человеческом лексиконе.

...Рыбак – неплохой человек. Сказал, что жена его торгует в местном торговом центре оружием – арбалетами, ножами, баллончиками с отравляющим газом.

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Год девяносто четвёртый. Я забил на учёбу. Пятый курс института, и я решил, что моё отсутствие на парах в первой половине сентября вряд ли станет таким уж криминалом.

Забавно, что я употребил слово «криминал». Время – весёлые девяностые. Мы в глухом селе Сланское, в четырёх сотнях километров от беспокойной столицы. Ты уже почти год скрываешься тут от люберецких и лыткаринских бандитов. На вопросы, что заставило тебя уехать из Подмосковья, отвечаешь «пошалила» и улыбаешься. У тебя великолепная улыбка. С ямочками на щеках, с искрами из-под ресниц. Тебе семнадцать, кажется. Ты одна сплошная радость и недоразумения. Недоразумения чаще всего приятные.

У нас роман. Я старше тебя года на четыре года и я влюблён. Ты чуть старше, чем ребёнок, и тоже влюблена.

Мы сидим на терраске дома твоей тёти. Терраска есть при каждом порядочном доме нашего села. Даже у некоторых непорядочных домов есть терраски.

Мы играем в карты. Мы – это я, ты, твоя мать и Андрей, наш друг детства и твой поклонник. У твоей матушки отпуск, Андрей – эпилептик, инвалид, у него пенсия и вечный отпуск.

Мы играем в дурака и слушаем Therapy?, локальную звезду девяностых. Одна из песен называется Knives – «Ножи».

– ...Кабан самый нормальный был, – рассказывает твоя матушка, глядя в карты. – Они там в подсобке магазина собрались, кореша Кабана (она называет ещё клички, ускользнувшие из моей памяти), и забили его ногами насмерть. Весь пол в крови был. Вышли из подсобки, думали, остальные парни только обрадуются, а парни их самих в фарш ногами замесили. Нет, Кабан был нормальный...

Она много лет отработала в лыткаринских и люберецких пионерлагерях, и так уж вышло, что через эту систему прошло множество будущих бандитов, в какие-то моменты составлявших славу и доблесть подмосковного криминала.

Мы с тобой играем, но мучительно хотим сбежать.

Закончив кон, я с выражением скуки на лице, а я всегда был никудышным актёром, зеваю.

– Пойду, подышу воздухом.

Призывно, но так, чтобы никто не заметил, смотрю на тебя. Ты потягиваешься (ах, есть ли у женщин более известное движение, призванное скрыть желание?).

– Да, пойдём, подышим.

На магнитофоне одна великолепная песня сменяет другую. Эту кассету для Андрея записал я, и я знаю, насколько это классный альбом.

Мы выходим из терраски, и щеколда ещё не успела упасть, как мы начинаем целоваться.

Мы влюблены, юны, ты скрываешься от бандитов, меня, как любого молодого человека в девяностые, тоже могут завалить, неважно, за дело или просто так. На этой тихой войне всех против всех инстинкты обостряются, жажда жизни накачивает все мышцы без исключения кровью.

Мы идём к пруду. Зачем? Просто так. Алогичным юнцам в алогичное время захотелось пойти на пруд, хотя мы могли бы предаться любви везде, в любом из закутков хозяйства твоей тётки.

Но это неинтересно. Мы спаривались уже во всех уголках этого хозяйства и поэтому, или просто повинаясь некоему желанию романтики, идём на Лягушачий пруд.

Падаем на крутой склон, и я набрасываюсь на тебя, как бультерьер на мясо. Извини, такое сравнение, наверное, унижает тебя, но юность – живое время. Сравнение с бультерьером меня тоже не очень-то красит.

Мы любимся страстно, мучительно. Крутой склон нехорош тем, что тот, кто сверху, обречён съезжать. Я съезжаю. Я взбираюсь, снова съезжаю и снова взбираюсь.

Что мешает нам подняться чуть выше и лечь на удобную горизонталь? Не знаю.

...Я подал тебе руку, мы спустились к мраморно-чёрному, с искрами звёзд, зеркалу пруда.

– Холодно, – смеясь и лаская зубами, сказала ты.

Зашли в пруд, вода чуть выше колен. Ты плескалась, вымывая из себя мою легкомысленную сперму.

Звёзды переливались, принимая мои сперматозоиды. Я обнял тебя и своей рукой сделал то, что начала ты.

– Хватит, – сказала ты.

Мы стояли в пруду, прижавшись друг к другу вздрагивающей плотью, и ноги наши сводило от холода, а всё что выше, вздрагивало и билось, перегретое страстью.

Отражаясь в глади пруда, кружились вокруг нас созвездия пояса зодиака.

Мы целовались и не знали, что жизнь раздаёт пряники только вначале, а потом всё больше кнуты.

Мы ели пряничную мягкость, передавали её изо рта в рот, из губ в губы, с языка на язык.

Последние астероиды Персеид, Персеиды – августовское явление, падали прямоком в пруд, брызги ложились на твоё лицо, и всё то, что оставалось открытым между свитером и водой. Белизна твоих, отданных мне так легко и просто, территорий светилась во тьме.

Я любил твои территории. Ты была моей по-настоящему первой женщиной, я не мог не влюбиться в тебя.

Мы вернулись обратно на терраску и снова сели играть в карты.

– Где были? – спросил Андрей, глядя на твоё лицо, светлое, умиротворённое, уверенное и прекрасное в этой сияющей уверенности.

– К Лягушачьему пруду сходили, – сказала ты.

Лицо Андрея говорило, что он не верит ни одной букве из сказанных тобой слов. Но тебе это неважно. Ты смотрела на меня, я на тебя. Твои серые глаза лучились радостью и верой в прекрасное завтра.

КОПАЮЩИЙ ЗЕМЛЮ

Андрей Иванович не был сельским жителем. Больше того, он был городским до мозга костей. Если быть честным, то всего лишь в первом поколении, но родился он именно в городе и крестьянского труда никогда не знал. Да и откуда бы главному редактору столичного журнала быть приученным к серпу и сохе? Нет. Бумага, перо – вот они и были его полем и сохой. Он приехал к родственникам в деревню, однако кипучая его натура не позволила ему сидеть на месте. Поскольку делать он особо ничего не умел, родственники, двоюродная сестра Ирина, крупная, дородная, как туго увязанный сноп, мать шестерых детей, и муж её, «пенёк пеньком», как говорила Ирина, но столь же крепко гожий к любому крестьянскому труду, боялись поручить ему работу, хоть сколь-нибудь связанную с острыми предметами. Сено кидать нельзя, не себе, так кому другому брюхо пропорет вилами, колоть дрова опять же опасно, отрубит себе чего, не больше, так меньше.

Накануне они с шурином хорошо поддали, а с похмелья Андрей Иванович становился особенно и бестолково активным, и поэтому Ирина, устав слушать его настойчивые просьбы дать ему хоть какую-то работу, колыхнув ведёрными грудями и отерев пот со лба – Ирина топила печь, – сказала:

– А знаешь, Андрейка...

В Москве любой, кто осмелился бы назвать этого сорокалетнего очкарика Андрейкой, тут же получил бы в уши самые громкие децибелы, какие слышал, но тут ситуация и распределение ролей были настолько иными, так что Андрей Иванович даже не заметил родственной фамильярности.

Ему тут нравилось. Чернозём, начало лета, всё благоухает и прёт в небо зелёными фонтанами. Ночами в черёмухе орут, будто злые духи, коты. Щавель растёт прямо во дворе, подходи и рви. Ещё фиалки... Какая-то разнообразность кустистых фиалок. Растут прямо здесь, у крыльца. Ещё анютины глазки и какие-то совсем неизвестные ему, городскому, цветы. Первый раз за городом, и столько открытий. «Это потрясающе!» – то и дело восклицал главный редактор ведущего литературного журнала страны.

Нет, ему и вправду здесь нравилось. Он трогал лепестки анютиных глазок, видел их мягкую непрочность, сиюминутность. Осторожно, будто инвалид или колченогий, забирался в шары черёмуховых зарослей. Внутри было неожиданно пусто. Белёсо-жёлтые, похожие на масло, пластинчатые камни лежали под ногами. Эта наружная плотность и внутренняя свобода изумляли его.

Он ходил с шурином на пруд. На пруду в тишине раздавались негромкие чмокающие звуки, отчего-то очень приятные слуху.

– Карась ряску сосёт, – говорил шурин.

«Зачем карасю сосать ряску?» – думал Андрей Иванович, однако, робея, как всякий городской житель перед деревенским, спросить не решался.

Увидел у заброшенного сарая дымок, без раздумий пошёл туда, но был остановлен твёрдой рукой шурина.

– Не надо. Там навоз тлеет.

– Что за навоз? Как тлеет? Можно посмотреть?

Шурин на секунду замешкался.

– Да можно. Если близко не подходить.

Где-то за два метра до чёрной ямы, из которой пыхало жаром, шурин остановил его, ухватив за рубаху.

– Хватит. Не дай бог, земля обрушится.

Из провала, по стенам и дну которого бегали красные огоньки, поднимался лёгкий дымок.

– Пойдём обратно, – решил шурин, не выпуская его рубахи из рук.

– А знаешь, Андрейка, – сказала двоюродная сестра Ирина и отёрла о передник руки, – а вскопай-ка ты мне делянку по краю огорода. Пошли, покажу.

Ирина выбрала в углу закуты лопату, что полегче, и, неся её, будто оружие, решительно отправилась к огороду.

– Здесь, – указала она. – Отсюда, – ударила она несколько раз лопатой, помечая границу, – досюда.

Выходило не очень много.

– Да тут ерунда, – поправив круглые очки-велосипед, сказал Андрей Иванович.

– Это целина, Андрюш, – укоризненно-уважительно заметила Ирина.

Копать оказалось и вправду тяжеловато. Перепутавшиеся корни трав торчали белыми жилами из творожисто-рассыпчатых комьев земли, что выворачивала лопата. Андрей Иванович разбивал вывороченные комки плоскостью лопаты, рубил ребром. Тяжкий труд. Пот лился ручьём по лбу, вискам, щекоча, стекал по затылку. Капли падали на очки. Он едва видел в какие-то моменты и вынужден был останавливаться. Хватаясь за спину, разгибался, стонал, но продолжал копать. Крестьянская кровь дала о себе знать, вскоре он приработался, превратился в машину, в крепостного тысячелетнего крестьянина. Копал, рубил, бил, копал...

Перед глазами мелькали белые корни, иногда попадались чьи-то норы.

«Интересно, как понимают все эти жители земли то, что сейчас происходит? Вот лопата перерезала корни трав. Клевер? Можжевельник? Мятлик? Что чувствует растение, когда рубят его корни? А потом, когда лопата переворачивает растение и засыпает его землёй? Ведь весь мир переворачивается. Что оно чувствует? Надеется ли на жизнь? Наверное, надеется... Все надеются».

Он выпрямился и, ухватившись за спину, некоторое время стоял, закрыв глаза на глядящее на него в упор солнце.

Боль в пояснице чуть отпустила, и жажда деятельности снова погнала его вперёд. Он трудился, копал, рубил траву, делая всё довольно нелепо, как и положено городскому жителю, впервые взявшему в руки лопату.

Ирина вышла посмотреть на него издали. Фыркнула в кулак и, прячась за ветками американского клёна и присев на корточки, рассмеялась в голос.

Андрей Иванович принял её смех за восклик одной из многих неизвестных ему птиц.

«Вот я выворотил гнездо шмелей, – размышлял он. – Бурые шероховатые яйца. Жаль бедных насекомых, искренне жаль. Я не маньяк, не садист, никому не хочу зла. Просто копаю, и мне на пути встретилось гнездо».

Заступ с отполированной до блеска кромкой методично входил в землю. Чёрную крупитчатую землю, изрытую корнями трав, деревьев. Обжитую шмелями, мышами, прочими животными и насекомыми.

Комья отрезались и отваливались, повинувшись острой стали. Рушилось всё, что создавалось годами, десятилетиями. Рассекалось, рубилось, разбивалось на частицы.

«Интересно, черви, как они воспринимают то, что происходит? Ты был один, и вот уже поделён надвое. Это плохо помещается в человеческое сознание. Но человек должен постичь всё. В том числе и мысли разрубленного червя. А растения, чьи корни я отрубая, что чувствуют они? Воспринимают ли как насилие или видят как какой-нибудь дождь? Шмели смешные. Я разрушил их дом, а они, пушистые, толстые, просто кружат над развороченной норой. Простите меня, шмели. Вышло ненамеренно. Это ведь, наверное, очень больно, когда разрушают твой дом? Интересно. В мире столько всего интересного. Но лично я не хотел бы попасть под лопату истории».

Лопата входила в плоть земли. Пот заливал стёкла очков. Ныла спина у копающего. Рушился мир шмелей, растений, кротов, мышей. Лопата ритмично вторгалась, перемалывала их мир.

– Стой! – заполошно закричала Ирина и, видя, что брат не слышит её, закричала снова и замахала платком.

– Что? Случилось что-то? – спросил он, выныривая из потока своих мыслей, с трудом выпрямляясь и держась за утомлённую поясницу.

– Что случилось, Ирина?

Она лишь махнула в его сторону рукой и указала на висящий на столбе репродуктор.

– Внимание! Говорит Москва! Передаём важное правительственное сообщение. Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, 22 июня, в 4 часа утра, без объявления войны...

СТАРОЕ ЗЕРКАЛО

Он приходил в краеведческий музей их маленького городка раз в неделю. Иногда чаще, иногда реже.

Красивый стройный старик с поредевшим, но всё ещё сохранившим элегантно-лихой изгиб чубом. Всегда в бежевом костюме, из нагрудного кармана торчит уголок платка в синюю клетку, идеально выбрит, усы без единого тёмного волоска подстрижены, будто по линейке.

Он проходил, не задерживаясь, сквозь все комнаты музея и останавливался в зале, где выставлялись вещи дворянского быта девятнадцатого века. Для знатоков мало интересного: буфет с закрывающимися на ключик створками, кресла, два стула, письменный стол. Несколько манекенов в женских платьях: талия в шнуровке, в юбках китовый ус, рюшечки, оборочки, прочий нафталин. На стене зеркало. Повешено на высоте чуть выше среднего роста, поэтому под небольшим углом. Деревянная рама с облупившейся краской, озеро амальгамы по краям иссечено чёрной паутиной трещин, знаком хаоса.

Старик останавливался перед зеркалом, опираясь на трость, и замирал. Лицо его при этом сохраняло живое, пусть и задумчивое выражение, глаза чуть заметно двигались.

Старик служил завучем в местной музыкальной школе. Уроков вёл мало, притом что научить детей мог многому. Правая рука его была божественна. Те, кто слышал его игру, говорили, что такую руку они видели всего у двух-трёх человек во всём Союзе, а вот левая, усохшая, едва-едва справлялась даже с несложными партиями.

Он много занимался сам. И по мере того как его правая становилась всё более и более фантастически-виртуозной, левая усыхала и действовала всё хуже и хуже.

Говорили, что виной тому пуля, которая прошла сквозь левую его руку, когда старик служил то ли у Деникина, то ли у Врангеля.

Впрочем, его не тронула ни победительная ненависть двадцатых, ни чистки тридцатых, ни их отзвуки в сороковых – пятидесятых. Он обучал редких учеников, выступал на местных концертах к 1 Мая, 7 ноября и Новому году.

Приятельствовал с бывшим белым генералом Слащёвым, когда тот преподавал на курсах комсостава «Выстрел», прообразе Академии Генштаба СССР. Был на его похоронах, когда «генерала Яшу», как ласково называли солдаты-белогвардейцы Слащёва, убил безумный еврей Лазарь Коленберг в отместку за зверства белых то ли в Николаеве, то ли в Крыму.

У него были самые странные знакомые в самых неожиданных, и поднебесно-высоких, и придонно-криминальных, стратах общества.

Но речь не о том. Каждую неделю он приходил в краеведческий музей подмосковного городка, смотрел в зеркало и видел там не старика, седого, пусть и со стройной спиной и жёсткими скулами, а себя семилетнего, с кудряшками, в шортиках и гольфиках с помпончиками на верёвочках, в матроске с воротником, в котором, казалось, затаились ветра всех морей, что ему предстояло переплыть.

Это зеркало увидело его, когда ему едва исполнился один день, видело, как он взрослел, как девчоночьи кудряшки сменились жёсткой юношеской щёткой, как детская припухлость щёк уступила место резким впадинам, обозначавшим разом и необузданные страсти, и готовность им следовать. Мягкая выпуклость глаз сменилась юношеской азиатской напряжённостью. Зеркало увидело бы ещё немало перемен в этом лице, но революция, война, экспроприации, снова война и лишь потом мир и покой. Волны мировых штормов, хлеставших через Россию вдоль и поперёк, вынесли старое зеркало в краеведческий музей, образованный в пятидесятых годах в подмосковном N.

Он сразу его узнал. Вот скол на раме, вот след от закрашенного сучка. Эта трещина в углу появилась после того, как отец швырнул в кота диванной подушкой.

Да, это оно, его зеркало, он сразу понял. Но сучки, краска, трещины – всё это мелочи, наносное. Важным было лишь то, что из зеркала на него смотрел шестилетний мальчик в матроске, с кудряшками до плеч, держащий в руке вырезанную из дерева модель яхты с полотняными парусами и нитяными вантами.

Мальчик был живой. Это о себе старик не каждый день мог сказать, жив он или нет, а мальчик был жив, смотрел тёмными глазами, крутил головой. Он мог лечь на спину, поставив яхту себе на грудь, мог читать книгу, писать что-то в тетрадь, положив её на колени и поминутно макая перо в стоящую рядом чернильницу. Он мог петь, читать стихи, играть с кошкой или собакой, пускать мыльные пузыри, скакать на одной ноге, плакать, смеяться, топтать ножкой... Он мог предстать любым. Но он там был, живой, настоящий. Старик был уверен в этом, как в том, падал ли снег, пока он шёл сюда, светило солнце или же город кутался в туман.

Мальчик был реален, как рукоять трости, что сжимала его рука, как запах одеколона, которым он пользовался после бритья, как твёрдость пола под ногами.

По груди, по сердцу старика текли то потоки кипятка, то ледяные струи.

Он смотрел на мальчика, на себя, и не видел ни редких посетителей, ни бабушек-смотрительниц, изредка заглядывавших в этот зал.

Раз в неделю. Иногда чаще, иногда реже.

«Что со мной? – думал он. – Так ли всё обернулось, как он хотел, этот мальчик? Как он мог. А ведь он мог многое, очень многое. Кто виноват в том, что я не осуществил всего, на что он был способен? Время? Люди? Я сам?

Но, боже мой, боже мой, в нём было столько всего! Это был короб самых причудливых семян самых экзотических растений, и кто виноват, что из сонмов и сонмов проросло всего лишь одно или два? Что задушило всё остальное? Время? Люди? Я сам? Или они и не могли прорасти все? Поле жизни не столь уж обширно, чтобы на нём расцвели все цветы, семена которых мы несём в себе при рождении. Так, нет?»

Он смотрел на играющего, музицирующего, скучающего мальчика в зеркале, и невыносимая нежность захлёстывала его.

Чужие люди, посетители и прохожие, шли мимо. Видели в зеркале седого, как снежное поле, старика, а он всё стоял и стоял.

Неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом, он научился ловить взгляд мальчика, они стали улыбаться друг другу, обмениваться взглядами, рассказывающими больше, чем иная часовая беседа. Потом они стали смотреть друг на друга не отрываясь. Старик и мальчик с глазами ягнёнка и моделью яхты в руке.

...Старушка-смотрительница, заглянувшая в зал, и посетители, шедшие через экспозицию, рассказывали разное. Старушка сказала, что он просто упал. Две посетительницы утверждали, что он сделал несколько шагов к зеркалу и даже коснулся его рукой и лишь потом рухнул. И только один ребёнок, девочка шести лет, сказала, что из зеркала вышел мальчик, взял старика за руку, повёл к себе, и теперь старик, наверное, в Зазеркалье.

Впрочем, ей, конечно же, никто не поверил.

КАРЬЕРА МЕРТВЕЦА

Доля эмигранта грустна и незавидна. И неважно, в какой стране он оказался.

Я глупый несчастный русский, сделавший кое-какой бизнес в девяностые и, едва за меня всерьёз взялись бандиты, ореховские или солнцевские, я уже и не вспомню, успевший вывести капитал в Грецию.

Сейчас я житель острова Халки, площадь которого примерно как три-четыре района Москвы. Я ни о чём не жалею. Я прихожанин местной церкви, я говорю по-гречески правильно, но с неизлечимым акцентом. Живу на проценты, мне хватает. Я никто, меня зовут никак. Все вокруг считают, что я серб. На приветствия сербов я лишь вежливо улыбаюсь и, не вступая в разговоры, отворачиваюсь.

В Москве у меня был банк с десятком филиалов, тысяча подчинённых, три секретарши-содержанки, профи в каждой из ипостасей, брюнетка, блондинка и шатенка. Была и жена, и двое детей – дочери. А теперь я официальный мертвец, и у меня даже есть могила.

Ещё есть посмертное существование, в котором я лишён жены, детей, секретарш-содержанок и бизнеса. Последнее особенно больно. Поскольку будь у меня бизнес, были бы и...

Впрочем, я не ною. Халки – прекрасный остров. Мой сосед купил «Ниву». Представляете? Стоит перед его домом. Иногда он даже ездит на ней куда-то. Когда я спросил его на своём «ужасном» греческом, зачем ему русская машина, сказал, что в юности читал Достоевского и с тех пор уверен, будто русские знают о жизни больше, чем остальные. Я лишь пожал плечами. Я человек без родины, без прошлого, без детей и без происхождения. Держусь от подобных вопросов подальше.

Я человек доживающий, много времени провожу в кофейне на набережной, куда паром каждый день привозит туристов. Туристы со всех мыслимых стран. Много говорящих по-русски. Много приехавших из России. Мне кажется, я могу по говору распознать тех, кто приехал из Москвы. Я бывший коренной москвич, мне кажется, я узнаю московский выговор из тысячи. Хотя, возможно, это иллюзия, приобретённая вдали от родины.

Конечно, я не вступаю в разговоры ни с русскими, ни с сербами, ни с кем бы то ни было. Я ничто, и я не для того растворился в пространстве, чтобы однажды какая-то случайная шестёрка узнала меня.

Уже тридцать лет как я здесь, я замер, я едва дышу. Через два на третий. Чтобы не заметили, не опознали, не завалили.

Но вы спросите, неужели у главы банка, перекачивавшего через свои филиалы активы Березовского, Абрамовича, чеченских полевых командиров, парней из ФСБ и совсем неизвестных мне структур, неужели у меня не осталось ни капли гордости и жажды власти? Осталось. Конечно, осталось. Я горд. Я всё ещё горд, как демон. Я выхожу на лодке в море, я мучаю пойманных рыб. Я не изжил в себе потребности управлять чувствами и судьбами живых существ. Но рыбы... Рыбы – ничто. Хладнокровные твари с пустыми глазами.

Я сижу за столиком возле кофейни. Я всегда один. У меня есть любимый кофейник, в котором мне варят кофе. Он отполирован до блеска, но кофе в нём самый обыкновенный, мне нельзя выдавать себя. Личный полированный кофейник – единственная роскошь, которую я могу себе позволить.

Я сижу за крайним столиком, спиной к остальным. Я вижу посетителей отражающимися в кофейнике. Кто-то мне нравится, кто-то не очень, некоторых я ненавижу с первого взгляда.

На каждом столике стоит ваза прозрачного стекла с собранными только что полевыми цветами. Такая милая провинциальная пастораль. Туристы любят.

Однажды я обнаружил, что выпуклый бок кофейника испускает изумительно яркие отражённые солнечные лучи. С тех пор я стал маленьким местным Аполлоном. Я повелеваю солнечными лучами.

Если турист мне не нравится, я чуть поворачиваю кофейник, бью ему по глазам болезненно ярким лучом.

Вы видели солнце острова Халки? Это солнце солнц. Оно жгучее, горячее, слепящее. Из-за него я сюда и приехал в своё время.

Я знаю, как его луч, отражённый полированной сталью, может бить в лицо. У меня было много времени, я хорошо изучил свойства стали и солнца Халки.

Я успеваю одним движением пальца чуть повернуть кофейник, ударить светом в черноту чужих зрачков и тут же отвернуть, так чтобы человек не понял, откуда пришёл удар. Он в растерянности оглядывает кафе, набережную, море. Море играет волной, бликует, искрится, слепит. Человек решает, что его ослепил луч солнца, отражённый случайной волной. Но через минуту новый луч бьёт по глазам, потом снова, снова. Пока он, наконец, не решает покинуть кафе.

Я ухмыляюсь. Я сижу спиной к нему, и спина не выдаёт моей заинтересованности в этой игре.

Но случается, пусть и гораздо реже, что туристы мне нравятся. Иногда это бывает просто потому, что мне импонирует их чистый русский выговор, иногда они бывают похожи на моих родственников – мать, отца, жену, детей...

Тогда я направляю луч солнца в вазу с местными полевыми цветами, и ваза вспыхивает мягким свечением. Переливчатое сияние, неизменно гармонирующее с цветами в сосуде, белой колокольной храма, лодками, качающимися у причала, но, главное, морем, то тёмно-изумрудным, то легко-голубым, то оставляющим ощущение стеклянной твёрдости, то мягкости одуванчикового пуха, неизменно трогает их зрение, и они за одно мгновение вдруг постигают и красоту и гармонию Халки, и завораживающую мифологическую притягательность Средиземного моря. Истина настигает их прямо здесь, на набережной острова, которого не заметишь на картах.

А я отворачиваю кофейник. Я прячу от них солнце. Счастья не должно быть много, иначе какое же это счастье?

Я взял новую карьерную высоту. Из председателя правления третьего банка России я превратился в представителя Аполлона, пусть и на неразлично крошечном острове Средиземного моря.

И даже если однажды моё прошлое настигнет меня и меня, распиленного на части, закопают под оливой или бросят в чемодане в море в компании нескольких камней, я буду знать, что кое-чего добился в этой жизни.

Возможно, сосед прав и русские знают о жизни немного больше остальных.

МИНОТАВР В ЛАБИРИНТЕ

В двенадцать лет меня отвели в лабиринт и оставили одного. Последнее, что я помню, – как жрец отпустил моё плечо и сказал:

– Иди вперёд. Когда сделаешь десять шагов, поверни направо.

– А дальше?

– Дальше я стану говорить тебе, что делать.

Я выполнил его первые указания, сделал десять шагов, повернул и оказался в полной темноте.

Стены здесь обладали странным эффектом: голос жреца звучал словно бы сразу со всех сторон.

– Сделай двенадцать шагов и поверни налево.

Я снова выполнил. Потом были ещё указания. Я выполнял. Голос становился всё тише, и, наконец, я понял, что больше не слышу команд жреца.

Я вспомнил его тёмную фигуру в прямоугольном, залитом слепящим солнцем проёме, попытался отыскать дорогу назад и не нашёл её.

Я был позором Пасифаи и Миноса. Вечным позором. Но Пасифая не могла допустить моей смерти. Она заказала Дедалу, мастеру, который сделал корову, спрятавшись в чьём чреве, моя мать была оплодотворена быком Посейдона, построить в Кноссе лабиринт, огромное здание в дюжину этажей вверх и столько же под землю, выбраться из которого невозможно.

Всё это рассказал мне, двенадцатилетнему мальчику, жрец, что привёл меня сюда.

Мальчик с головой быка, я вошёл в эти каменные дебри и исчез. Как все были уверены, навсегда. Раз в месяц сюда запускают юношу или девушку, и они становятся моей пищей. Я не испытываю к ним ненависти. Я, полубык-получеловек, живое свидетельство греха королевы, я урод, я нежить, но во мне нет ненависти.

Я живу среди камня и холода, я забытое зло, скрытый позор, пылинка, которую ветер непредсказуемости носит по лабиринту. Я знаю, какое эхо обитает на каждом из уровней, чем отличаются камни стен в каждой из частей лабиринта. Знаю камни, в которых прощупываются раковины моллюсков. Я находил здесь панцири улиток, где-то совсем маленьких, а где-то обломки огромных, с мельничным жёрнов. Мои пальцы стали очень чувствительными в темноте. Слух обострился до того, что я слышу, как сползают капли влаги по стенам на нижних, самых холодных ярусах.

Однажды, когда сюда запускали очередную жертву, вместе с ней влетел мотылёк. Я услышал его. Нет, я не стал его ловить. Я просто ходил за ним, разговаривал. Он стал мне другом. Жаль, я не видел его, но мне кажется, он был не больше подушечки моего большого пальца. Он порхал под каменными сводами ходов, и с каким же упоением я слу-

шал биение его крыльев. Я рассказал ему о себе и лабиринте всё, что помнил. Не знаю, насколько понятливы мотыльки и много ли он узнал из моих речей, важнее то, что бабочки недолго живут. Или на него так подействовала темнота. Я могу понять его, жить без солнца невыносимо и спасти может только надежда однажды выйти отсюда и отомстить.

Я много думаю о мести. Но кому я буду мстить? Матери? Она родила меня. Дедалу, создавшему лабиринт? Он орудие, и не более. Я оставил вопрос о мести до будущих времён.

Мотылёк прожил три дня и угас. Он опустился на стену, рядом со странным образованием, впечатанным в камень, то ли пальцем, то ли клыком, замер и больше не поднялся. Крылья его сложились и больше уже не разошлись. Я чутко прислушивался, но за три дня не услышал ни малейшего движения. Я тронул его крылья, они не вздрогнули и не шевельнулись. Мотылёк был мёртв. Я принял его. Да, живой мотылёк пах совсем по-другому. Сомнений не было, мой друг умер.

А потом в один из дней боги послали мне подарок, о котором я даже не мечтал. Пол подо мною вздрогнул, вздрогнули стены. Я упал, ударившись рогом о каменные блоки.

Такое бывает в наших краях. Быки Посейдона, мои родственники, бьют крутыми рогами о земную твердь и сотрясают её. Земная твердь довольно зыбкая основа, я, полубык-получеловек, знаю, о чём говорю. Удары вскоре прекратились, но через несколько дней, обходя бесконечные пути лабиринта, я обнаружил, что тьма в потолке верхнего этажа даже не светлее, нет, она не такая абсолютная, как везде. Я увидел меж блоков щель размером с атом или меньше, если только может что-то быть меньше. То был даже не свет, намёк на свет, тень от тени света, память того, кто однажды видел свет. И всё-таки он был. Я поселился возле того места. Клянусь, я видел пылинки, играющие в его потоке.

То был подлинно солнечный свет. Он разгорался, тускнел, иногда почти исчезал. Наверное, в это время наверху наступала ночь. Но когда свет тускнел почти до полного исчезновения, я знал, что вижу сияние луны и звёзд.

Однажды в лабиринт вошёл человек, который пах совсем не так, как остальные. Я уловил запах металла, холодной, остро наточенной бронзы. Ещё я услышал шорох, который не смог распознать. Я тихо, как мотылёк, подошёл сзади к пахнущему мужеством и жаждой битвы человеку, я встал у него за спиной. Я вдыхал его запах, как пьют аромат готовящейся в котле пищи. Я хотел понять, что за шорох сопровождает его. Я сделал шаг и понял, в чём дело. Под моей ступнёй лежала нить.

– Спасибо тебе, – сказал я, чуть отстав.

Он вслепую взмахнул мечом.

– Где ты?

– Я повсюду, – ответил я, и звуки обрушились на него со всех сторон, как и задумывал архитектор лабиринта Дедал.

Он наносил удары вправо, влево, но не мог определить, где находится источник звука.

Все годы, проведённые здесь, я безуспешно искал выход из лабиринта. Гений Дедал смог сделать так, что ни зрение, ни слух, ни чувствительные пальцы не помогли мне. Жертв заталкивали быстро, нарушив тишину истошными воплями, которые, заматавшись, не позволяли мне определить место, откуда они исходят, так же как и сейчас этому гостю с остро наточенным оружием.

– За что ты говоришь мне спасибо? – спросил он.

– Ты принёс с собой нить, и она, как я думаю, приведёт меня к выходу. Или входу, как хочешь. Я искал его все годы, что был заточён здесь. Но теперь всё кончено. Нить в моих руках, и я говорю спасибо.

– Я не враг тебе, – сказал он. – Я жертва и не хочу тебя убивать.

– Как зовут тебя?

– Тесей.

– Кто дал тебе нить?

– Ариадна, твоя сестра. Это она послала меня за тобой. Я люблю её и хочу на ней жениться. Приди, брат, обнимемся. Вдвоём мы сможем выйти отсюда.

Боги, как я обрадовался! Я кинулся к нему, забыв обо всём. Я хотел обнять его. И когда я падал в его объятия, мозг озарила мысль: «Он сможет выйти только через месяц, когда сюда приведут очередную жертву. Но чем он предполагал питаться всё это время?» И едва я осознал это, как услышал свист меча, рассекающего воздух. Я увернулся, схватил человека, назвавшегося Тесеем, за голову и резко повернул.

Я нашёл на полу клубок и, держа его в одной руке, а другой волоча за собой убитого врага, отправился туда, куда вела нить.

Нить привела к тому месту, где сидел, намертво вцепившись в камень, высохший мотылёк.

Дверь была здесь, и маленькая бабочка знала это.

Я смотал нить, положил клубок возле двери. Пристроил рядом меч Тесея. Когда дверь откроется, я буду наготове.

Я боюсь лишь, что солнечный свет ослепит меня.

Ариадна, иногда по нити, что должна вывести героя из лабиринта, приходит зло, от которого должен был избавить герой. По нити приду я, Ариадна.

Если меня не ослепит солнце.

Александр ОРЛОВ

Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 им. И. П. Павлова, Литературный институт им. А.М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная учеба», «Наш современник», «Подъём», «Сибирь», «Сибирские огни», «Юность». Автор сборников поэзии и прозы и книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси».

Лауреат всероссийских премий имени А.П. Платонова (2011), Ф.Н. Глинки (2012), С.С. Бехтеева (2014), Н.С. Лескова (2019), Д.Н. Мамина-Сибиряка (2020) и других, обладатель «Золотого Витязя», а также специального приза Издательского совета РПЦ «Дорога к храму» (2017).

Живет в Москве.

ШИРОКИЕ И ТЕСНЫЕ ВРАТА

Какая милость Божия, что у нас существует «железный занавес» от Запада. Не дай Бог, его разрушат. Нас задавят всякие секты, католицизм, протестантизм, разврат.

Игумен Никон (Воробьев)

Мы оба были рады встрече! Такой неожиданной и незапланированной. Как и двенадцать лет назад, Борис улыбался, но я начал замечать, что в его глазах нет той доброй энергии, того неуёмного азарта, которыми он ранее отличался.

– Давай ко мне за столик! – приобняв Бориса, предложил я.

– Давай... – как-то стеснительно ответил он.

Я стал смотреть на него более пристально, пока он пересаживался, а официантка переносила его тарелки с едой, бутылку минеральной воды и рюмку. Мне показалось, что он стал ниже ростом или очень сильно похудел. Вообще Борис в свои неполные шестьдесят лет выглядел более чем подтянуто, но сейчас он казался истощённым. Много лет после смерти жены он соблюдал все посты, но никогда это не сказывалось на его внешнем виде. Напротив, он всегда был подтянут, весел, а порой даже излишне строг с учениками. Сказывалось его военное прошлое. Подполковник запаса, поучаствовавший в первой и второй чеченских компаниях, был требователен в первую очередь к себе, родным детям, которых у него было двое, и ученикам.

– Как ты? Я слышал, что при новом руководстве у тебя всё сложилось и никаких отрицательных перемен не произошло, – начал я разговор.

– Да, всё в порядке, давай за встречу, – и, мгновенно стукнув по моей рюмке, Борис выпил всё до дна.

Мы одновременно выдохнули и закусили.

– Между первой и второй, как говорится, – и Борис вновь вдарил по моей наполненной им рюмке и залпом выпил ещё раз.

Он зажмурился и опустил голову, в этот момент я заметил, что его кучерявые волосы сильно поредели, а среди оставшихся уже было не найти даже остатка тёмно-русой природной шевелюры.

Борис поднял голову, снял очки и как-то печально улыбнулся мне, а потом сказал: «Жаловаться не на что, всё идёт хорошо. Сам ты как?» Он говорил, разливая по рюмкам водку. Всегда сдержанный и даже аккуратный в общении, бывший кадровый офицер Советской и Российской армий очень редко давал волю эмоциям, но об этом мало кто знал. Я видел его наполнявшим одну за другой рюмку, только когда он выпускал из школы своего младшего сына, у которого он был классным руководителем. Борис Станиславович Сарновский души не чаял в своих детях, которых он воспитывал один после трагической смерти жены. Дочь была старшей и окончила школу с золотой медалью, поступила на бюджетную форму обучения в МГУ, а в сына как в продолжателя рода были заложены самые смелые и амбициозные планы отца. Я дважды случайно встречался с семейством Сарновских в Новодевичьем монастыре, когда они во время Великого поста приходили на литургию и соборование. На них было радостно смотреть. В каждом движении этой троицы была некоторая сдержанность. На мой взгляд, отца воплощал глубину чувства во время службы, дочь – веру во что-то светлое, ожидающее в будущем, а сына – кротость и чистоту. Они были втроём и были едины. Сарновский-старший на протяжении нескольких лет поддерживал связь с заместителем директора начальной школы Ольгой Валентиновной Красновой. Это была прекрасная и дополняющая друг друга пара, но до официальных отношений они не дошли. Это был союз матери малолетней девочки, жены офицера, погибшего под Гудермесом, и овдовевшего подполковника запаса и отца двоих детей. Порой на них было приятно смотреть. Настоящие люди. Простые, честные, образованные и преданные своим детям. Оба боялись затронуть нежные детские души и поэтому не вступали в брак. Они ждали, пока дети вырастут, и не хотели травмировать и без того раненные сердца.

– Как Ольга Валентиновна? – перебил я затянувшуюся паузу.

– Оля всё так же, собирается на учительскую пенсию. Устала, да и выслуга у неё такая, что пора бы и себя поберечь, – Боря замолчал и предложил: – Давай ещё!

Мы выпили, и громкая музыка заглушила наш разговор, который не клеился. Пока играли мелодии прошлых лет, я вспоминал, как Борис Станиславович Сарновский каждый день в течение школьного учебного года по радио вёл исторический дневник о сражениях и героях Великой Отечественной войны. Вообще Боря был встревожен самой глобальной трагедией народоубывания нашей Родины настолько, насколько было это возможно. Он возил ребят в Брест и Волгоград, Ржев и Вязьму, Старую Руссу и Калининград, но более всего он был захвачен событиями Сталинградской битвы и был, как говорится, ходячей энциклопедией. Об операциях «Уран», «Малый Сатурн» и «Кольцо» он знал всё или почти всё.

– Можно и продолжить, – торопился Борис.

Мы выпили, и я уже стал понимать, что встретил своего бывшего коллегу не в самый простой момент в его жизни. Причиной этого состояния была трагедия всей его жизни, и если смерть жены он перенёс мужественно, то случившееся с его сыном было для него невыносимым.

— Когда жена умерла, я решил в Москву переехать, но один священник, который в войну в штрафбате воевал, сказал мне: придёт время, и ты окажешься в большом городе, но потеряешь самого любимого человека — того, кто тебе особо дорог, а человек этот сбежит от тебя и будет жить в Содоме, и мучиться и болеть ты будешь через этого новоиспечённого содомлянина. Как ты знаешь, жизнь у меня в столице сложилась. Квартиру я в Подмоскovie купил, работу себе нашёл по душе, любовь встретил, детей воспитал и образование им дал. Но слова отца Дмитрия на меня порой наводили страх. Я боялся и не понимал, как его предсказание может коснуться меня или моих близких. Где я, а где город грехов, в котором все жители для удовлетворения своих похотей не останавливались ни перед чем, насилие или принуждение было для них нормой. Я сам читал, что содомляне всех возрастов окружили дом Лота и требовали, чтобы он вывел гостей, то есть ангелов, которые пришли к нему на ночь, и хотели познать их. Читал я строки из Откровения, так там сказано, что Царства Божия не унаследуют блудники, идолослужители, прелюбодеи, рукоблуды, гомосеки, пьяницы и... Да только я-то здесь при чём! — стукнув по столу ладонью, воскликнул Сарновский.

— Тише, Боря, тише. Ты говори, только не шуми. Это на тебя совсем не похоже, — успокаивал я Сарновского.

— Ты понимаешь, о чём я? — внимательно вглядываясь мне в глаза, спросил Борис.

— Понимаю, — ответил я.

— Откуда узнал? — Борис отвёл взгляд и опустил голову.

— Скинули страницу Кости в инстаграме, правда, он теперь Кон или Конни, — я был краток, а как было иначе. Наш разговор для Бориса был адским испытанием. Я заметил, как его лицо стало пунцоветь. Он опять пристально взглянул мне в глаза, и я обратил внимание, что его голубые глаза стали серыми, словно выцвели от горя и слёз.

— Ты знаешь, я вначале плакал, и так много, так долго, но по ночам, чтобы Олю не тревожить, а потом стал молиться, а после бросил. Противно мне молиться за него. Он вроде и кровь моя, а чужой. Как мне его сыном считать? Мой прадед Январское восстание в Польше подавлял в составе Александровской бригады пограничной стражи, дед под Мукденom во время русско-японской был ранен, потом Перемышль брал, отец советско-финскую прошёл, Украину освобождал, войну в Вене закончил, потом бандеровцев к стенке ставил, я две командировки в Чечню оттарабанил, а он? Они же враги наши и рода человеческого, всех предков, прадедов и дедов, отцов и нас хотели хитростью и коварством раздавить, но мы выстояли, а дети наши не смогли, пусть даже и не все, но сколько их, сколько ещё в рабство разврата попадут? — Борис замолчал и закрыл лицо руками.

— Как так получилось? — аккуратно поинтересовался я.

— Ума не приложу! Костя же поисковик, он от меня всё перенял. Я так радовался, когда он мне рассказывал о поисковой работе, болел всей этой работой по увековечиванию памяти защитников Родины, в поисковые экспедиции уезжал, архивной работой увлёкся, а потом его как подменили. Мой сын и не мой. Стал замкнутый, вообще на меня внимания не обращал, всё больше в айфоне и ноутбуке проводил времени,

да и позиция его жизненная стала меняться. Это где-то после второго курса началось. В церковь ни ногой, вначале говорил, что занят, а потом – что не видит в этом смысла, что РПЦ – орудие путинской пропаганды, на митинги стал ходить, а там друзья его – все эти навалынисты, что сейчас по заграницам прячутся да страну нашу грязью поливают. Мне с ним не только спорить, говорить стало невозможно. Только не забывал напоминать об оплате за каждый семестр в университете. Потом пришёл и сказал, что у него готовы документы на выезд в США. Я тогда поверить не мог... Но так уж подумал, что, может, ему так лучше. Да и что я могу с ним сделать? Он учёбу закончил, английский у него в совершенстве. Ты же помнишь, у него раньше проблема с языками была, а здесь как по-русски стал разговаривать, я ничего странного в этом не увидел, хотя надо было бы задуматься. Но я же отец и любым достижениям сына рад. Давай освежим! – предложил Борис.

– Давай, – я согласился и разлил нам по рюмкам водку. Мы выпили, и, стараясь поддержать Бориса, я сказал:

– Помню, как ты его в школу привозил и отвозил. Всегда вы были вместе. На переменках он к тебе захаживал в школьный музей воинской славы. АКМ и ПМ любил разбирать. Ты себя всего ему отдавал, да и дочери. Боря, Борис Станиславович, ты не унывай, ты жизнь свою своим и чужим детям посвятил. Всё на благо страны старался сделать.

– Спасибо, но итог, как видишь, не самый счастливый. Костя мне написал, что вначале жил в Нью-Йорке, потом писал из Нового Орлеана. Писал, что удачно устроился. Я радовался за него, а потом мне переслали фотографии с его страницы в инстаграме. Я не поверил! Написал ему, а ответ мне пришёл уже в Боткинскую больницу, где я лежал с инсультом. Ничего не помню, помню только, как голова кружиться начала, ноги отнялись, тошнило сильно, носилки, гул сирены, яркий свет ламп в реанимации. Потом какая-то темнота и запахи странные, а потом отца Дмитрия Пескова увидел таким, каким я его запомнил. Он ко мне пришёл и перекрестил, так я на поправку пошёл. Предсказатель беды всю свою жизнь православным христианам отдавал, горестями и радостями нашими жил. Тратил себя на всех, а здоровье у него было не богатырское. Слеповат был старичок, диабет его мучил. Ему даже тяжело стоять во время службы было, а службы у него были особенные и длительные, да такие, что я в первый раз, когда приехал, хотел уйти, думал, не выдержу. Ты знаешь, о старце Дмитриии говорили как об ученике святого праведного Иоанна Кронштадтского. Мне рассказала одна прихожанка, что отец Дмитрий родился в простой семье, в Новгородской губернии. Его мать была беременна им, и как раз в это время к ним в деревню приехал святой Иоанн. На встречу к нему собралось народу уйма, но сам батюшка Иоанн подошёл к матери отца Дмитрия и протянул ей большую служебную просфору. Сам батюшка рассказал ей об этом и о том, что он родился в Рождество Пресвятой Богородицы, как только колокола забили к обедне. Так что его прозорливости можно доверять, – Сарновский произнёс это так светло и ясно, что, казалось, его грустное выражение лица меняется на глазах.

Я улыбнулся в ответ Борису, и, как мне казалось, это всё, что я могу для него сделать. Мы ещё раз выпили. Как тяжело ему было, передать, видимо, не получится. Его Костя, как оказалось, ещё в Москве на антиправительственном шествии познакомился с американцами из фонда «Свободная Россия». Один из них был политологом и взял шефство над Костей Сарновским. Помог ему в изучении английского языка,

познакомил со своим другом, а потом эти представители лидирующей страны свободного мира устроили отъезд Кости в США, где сын русского офицера в четвёртом поколении начал сожителем с одним благодетелем из Нью-Йорка, а затем с другим из Нового Орлеана. Так Константин Борисович Сарновский стал просто Конаном Сарно, гражданином США, активистом движения ЛГБТ. Всё такой же невысокий и спортивный, со своими опекунами в обнимку на пляжах Майами и Гонолулу, вечеринках в Чикаго и Лос-Анджелесе, «марше достоинства» в Нью-Йорке, игре в сквош, поездках верхом, митингах в защиту сексуальных меньшинств, он предстал перед презируемыми бывшими соотечественниками на страницах в социальных сетях. Последнее время Конан Сарно стал позировать с иконами, на которых под Покровом Пресвятой Девы Марии были изображены лидеры оуновцев Бандера и Шухевич, а до этого на фотографиях он обнимался с участницами панк-«молебна» в храме Христа Спасителя Москвы. Накануне нашей встречи с Борисом появился снимок Кости, на нём он крепко жал руку лидеру контркультурной группы «Церковь Сатаны».

– Давай отметим Отдание праздника Рождества Христова! – предложил Борис.

Мы проводили праздник Рождения Спасителя и несколько минут сидели молча.

– Снится мне последнее время, что еду я в Авдеевку к тому священнику и долго спускаюсь к его храму, который в яме находился. Вот иду я по этому спуску и храм вижу и купола, да только падаю постоянно то в грязь, то в лужу, то в снег, а главное, не могу никак дойти, а вокруг меня народу видимо-невидимо из Донецка, Макеевки, Краматорска, Славянска, Харькова, Мариуполя, Луганска, а вдалеке отец Дмитрий стоит и мне рукой машет, а потом я голос его услышал: «Терпи, терпи, всё сможешь, всё вынесешь...» – Сарновский замолчал, закрыл руками лицо и выдавил сквозь зубы: – Помолись за раба Божьего Константина, если сможешь, если непротивно... помнишь, как у Шукшина: «Нам бы про душу не забыть...», а Костя о ней напрочь забыл. Я теперь только на Господа уповаю и на внуков, дочка близнецов родила, Петром и Павлом окрестили, на них и надеюсь да на Оленьку, с которой три месяца назад обвенчались.

Я смотрел, как слёзы стекают по пальцам Бориса, и не мог сказать ничего...

Уже дома я думал о том, что сын русского патриота стал ещё одной жертвой посланников ада, а потом вспомнил об отрывке из книги «Заветное» композитора и философа Георгия Свиридова и прочитал: «Мазать Россию однообразной чёрной краской напополам с экскрементами, изображать или объявлять её народ скопищем дремучих хамов и идиотов, коверкать, опошлять и безобразить её гениев – на это способны лишь люди, глубоко равнодушные или открыто враждебные к нашей Родине и её народу. Это апостолы злобы, помогающие нравственно разлагать наш народ с целью превратить его в стадо и сделать послушным орудием в своих руках».

Марина СОЛОВЬЕВА

Родилась в Горьком. Окончила Горьковский медицинский институт и всю жизнь работает врачом – дерматовенерологом, онкологом, лазерным хирургом.

Автор романа «Усохни, перхоть, или Школа, которой больше нет» (Нижний Новгород: издательство «Книги», 2021), сборника рассказов «Разные двери» (2023), романа «Время неискушенных» (2024). Публиковалась в журналах «Нижний Новгород», «Сура», «Земляки», «Север», «Подъем», «Бельские просторы», «Традиции и авангард», «Русская мысль» (Париж). Рассказ «Переходный возраст» был переведен на китайский язык и опубликован в русско-китайском сборнике «Хочу в семью» (2023).

В 2023 году стала финалистом премии «Гипертекст» в номинации «Дебют»; дипломантом литературного конкурса «Петроглиф»; финалистом форум-фестиваля «Капитан Грей»; международного литературного конкурса «Данко». В 2024 году стала финалистом конкурса «Современный российский рассказ»; лауреатом международного литературного конкурса им. М. В. Исаковского «Связь поколений» в номинации «Малая проза»; дипломантом международного литературного конкурса журнала «Литерра Нова» 2023/2024. Награждена медалью «Федор Достоевский 200 лет».

Живет в Нижнем Новгороде.

ГОЛОС

– Снова ваш поклонник пришел! – хохотнула медсестра Оленька, заглянув ко мне в кабинет. – Сидит в холле, сосредотачивается, даже глаза прикрыл.

– Что, опять? Да он недавно был! Вроде все вопросы обговорили.

– Деньги за прием платит, значит, пусть ходит! – Оленька откровенно веселилась. – Опять заранее явился! Медитирует в кресле.

Мой пациент Степан Петрович Земляникин – симпатичный парень, 35 лет, с необычной пижонской стрижкой на темных густых волосах и модной элегантной небритостью Бандераса, всегда дорого и красиво одетый в стиле дефиле ведущих трендов, пахнущий бутиками и утонченностью мира фэшн, учтивый и улыбчивый да к тому же еще известный в городе ведущий популярной программы на телевидении. Ну как такой человек может остаться незамеченным? Он приходил ко мне на прием с завидной регулярностью и словно механизм, заведенный ключиком, почти автоматически повествовал ровным и хорошо поставленным голосом о своих несущественных, большей частью надуманных проблемах. Медицинский персонал давно перевел его в категорию постоянных клиентов и с интересом наблюдал за появлениями яркой звездной пер-

соны на небосклоне нашего скромного медицинского центра, обсуждая и до мелочей разбирая внешность, гардероб и манеры Степана Земляникина, а также его бурную личную жизнь, больше известную со страниц интернета. В клиентской базе напротив его фамилии бдительные администраторы давно установили примечание «особенный» с восклицательным знаком, видимо, предупреждающее о его некоторых странностях. Окрашено это слово было в зеленый цвет, что сигнализировало об отсутствии агрессии и опасности для окружающих. Каждый месяц, возможно и чаще, Степан Петрович записывался ко мне на прием, приходил заранее и ожидал в кресле с прикрытыми глазами.

— Ему, наверное, поспать негде или обеденный перерыв хочется провести в условиях комфорта! — не сдавалась Оленька с хитрой многозначительной ухмылкой. — А он вам ничего такого не предлагал? Подозреваю, что он в вас влюбился!

— Не говори ерунды, у меня двое взрослых детей, и я старше! — приструнила я разговорившуюся медсестру. — Я к нему за последнее время так привыкла, что отношусь почти как к родственнику. Да и он со мной искренен, у нас сложились очень доверительные отношения. Думаю, ему после разговора со мной становится легче. Бывает же такая зависимость, когда нужно, чтобы доктор, которому веришь, сказал, что у тебя все в порядке. А я и есть такой семейный врач с большим диапазоном возможностей, именуемым терапией.

— У нас тут один такой фрукт уже есть, ходит регулярно к онкологу показывать одну и ту же родинку на интимном месте. Тоже зависимость! Какая-то у нас клиника зависимостей, а нарколога и психиатра в штате нет!

Земляникин, которого я по его же просьбе давно называла просто по имени, сидел напротив меня в ярком салатовом бомбере, полосатых сине-зеленых укороченных штанах, кедах на нереально толстой подошве, смотрел чистым незамутненным взглядом светло-серых глаз и нес откровенную пургу, наспигованную нелепыми жалобами на каждую клеточку своего организма. Мне подумалось, что у яркой личности, выбравшей настолько веселые тона в одежде, априори не должно быть грусти, маниакального самокопания и тошнотворной придиристости к себе. Такой человек должен искрить, раздавая позитив направо и налево. А тут все разговоры сводились к тому, как он глотнул с напряжением или чихнул лишний раз, что где-то кольнуло или стрельнуло, а может, показалось. Это противоречие усиливало очевидные странности и наводило на разные мысли. Я снова просматривала его медицинскую карту с множеством анализов, все больше приходя к выводу, что парня с таким здоровьем нужно незамедлительно отправлять в космос.

— Что с вами происходит? Какое-то нагромождение исков к собственному здоровью. Депрессия? Вы как будто на жизнь свою жалуетесь! Что вам мешает быть счастливым? Какие мысли грызут? Неужели вам, молодому, красивому и успешному, нечем заняться? Вы же отравляете себе существование! — в какой-то момент не сдержалась я, на полуслове оборвав его нескончаемый словесный поток, но вовремя взяла себя в руки. — Единственное, чего вы не делали в этом году, это рентген. Я выпишу направление, хоть легкие — единственный орган, к которому с вашей стороны претензий пока не было.

— Вы правы. «От счастья до депрессии одна мысль»! Это еще Спиноза заметил. Извините. Восхищаюсь, как долго вы меня терпите. Честно говоря, сам себе противен.

Степан немного помолчал, словно собираясь с силами сказать что-то важное. Я уловила появившееся в воздухе легкое напряжение и не мешала ему.

— Я поздний и долгожданный ребенок, всегда был маминым любимчиком, — он начал медленно говорить, оценивающе и внимательно поглядывая на меня, пытаясь понять, не делает ли ошибки. — Когда в жизни всё для тебя и вертится исключительно вокруг тебя, то мало ценишь то, что имеешь. Это было нормой и обыденностью моего бытия. Сырники и горячие блинчики на завтрак, творожок и деревенская сметана с рынка, причем обязательно утренний привоз, тонкие ломтики свежей прохладной ветчины с белесыми прожилками жира и икра в хрустальной розеточке. Ко всему прочему не менее трех сортов вкуснейшего домашнего варенья и горячий свежеприготовленный хлеб собственной выпечки, который мама ставила в духовку ночью. От этого чудного дразнящего запаха, беспрепятственно заползающего ко мне в спальню, было так приятно просыпаться. Мне казалось, да что там говорить, я был уверен, что мама все это делает исключительно потому, что ей так нравится. Я считал, что она ранняя пташка и просто не любит спать по утрам, вскакивая ни свет ни заря и мчась на рынок в любую погоду, причем неважно, что за бортом, дождь, снег или ветер, — все в удовольствие. Она творила для меня завтрак, тихонько исполняя какую-нибудь известную оперную арию. У меня никогда не возникало сомнений, что её утреннее уютное пение принадлежало только мне и никому больше. Сейчас мои воспоминания о детстве — это запах горячего хлеба и ее волшебный голос.

Я никогда не задумывался, почему мама никогда не садится завтракать вместе со мной, а перекусывает позже, в основном доедая то, что осталось. Семья наша принадлежала к среднему достатку, но я всегда был лучше всех одет и мои запросы были в приоритете. Мама работала в оперном театре. У нее был чудный голос неповторимого тембра. Она умела очень хорошо им управлять, делая то хрупким и звонким, как хрусталь, то, наоборот, мощным и чувственным или нежным, обволакивающим, словно подшитым мягким бархатом. Я никогда не встречал голосов с подобной звуковой окраской. Ее богатое и сочное меццо-сопрано звучало как музыка, и слова становились совсем неважными. Когда мама пела со сцены, даже у меня, привыкшего к ней с детства, сразу просыпались мурашки и начинали свои забеги по всему телу. Глубина и мощь ее голоса потрясали и не оставляли равнодушных.

Звуки, летящие по утрам, перебиваемые время от времени глухим постукиванием посуды или легким хлопаньем дверцы холодильника, были совсем другими. Мне казалось, что если душа может петь, то она поет именно так, как мама по утрам: негромко и тепло, доставая до самого сердца.

В театре мама никогда не была солисткой и состояла только в хоре, объясняя это противоречиями то ли с главным режиссером, то ли с дирижером. Для меня до сих пор необъяснимо, почему такой талант не был оценен по достоинству, и о настоящих причинах я могу лишь догадываться. Помню, в детстве я даже немного стеснялся ее работы. Мне мечталось видеть маму на сцене под светом софитов, чтобы были аплодисменты и восторженные зрители, цветы и прочая атрибутика самого успешного успеха. Чтобы просто стоять недалеко и наслаждаться моментом. Увы, этого так и не случилось.

Отец много времени проводил в командировках, работая снабженцем на крупном заводе, и мало влиял на нашу жизнь своим присутствием или, что случалось чаще, отсутствием.

Я рос настоящим баловнем судьбы, таким мальчиком-мажором, у которого всегда было все самое лучшее. Только мысли, какими усилиями все это дается маме, мою голову никогда не посещали. Братья у меня получались гораздо лучше, чем отдавать. Ценить не получалось совсем.

Мама без усталости таскала меня с раннего возраста в музыкальную школу, и я весьма успешно обучался по классу аккордеона. Мамины гены пробивались, не обращая внимания на мою непроходимую лень. У меня получалось, и я даже какое-то время помышлял стать музыкантом, создав еще в школе свою группу. Мы увлеченно выступали на конкурсах, праздниках, в подземных переходах до тех пор, пока в моей жизни не появилось телевидение, которое вмиг отрезало все остальное.

В личной жизни тоже случались сложности, особенно если вдруг что-то начинало происходить не так, как мне хотелось. Я долго и трудно расставался с девушкой, которую любил, ну или мне так казалось на тот момент. Вернее, она со мной расставалась, а я изо всех сил этому сопротивлялся. Мои аргументы заканчивались, а ее точка зрения никак не менялась. От навалившихся переживаний, напоминающих бесконечное хождение по краю бездны с неминуемым крахом, я не соскочил с катушек, не ушел в себя и даже не запил, хоть попытки были. В очередном порыве гнева среди кипящих и бурлящих разборок я бросил фразу, что нездоров. Если конкретнее, то сказал, что у меня рак легких и жить осталось недолго. Вот такие родились искрометные фантазии на фоне полной безысходности. Да, был не прав, наверное, но цеплялся из последних сил, используя все средства, как на войне, и этим себя оправдывал. Сработало. И все поменялось, как по мановению волшебной палочки. Буря улеглась, а девушка осталась, окружив меня вниманием и заботой. Все капризы и сложности моего характера стали списываться исключительно на болезнь. Жизнь заиграла новыми красками. На этом можно было остановиться, но я вошел во вкус, и «Остапа понесло». Как говорится, гуляй, нога, швыряй песок! И я швырял налево и направо, с удовольствием наблюдая за реакцией друзей и знакомых. Неизлечимая болезнь, особенно онкология, – это как лакмусовая бумажка, своеобразная проверка на вшивость. И я начал проверять, как люди ко мне относятся, радуясь новым открытиям или проглатывая разочарование от того, что совсем не знаешь людей, которых, казалось, хорошо знаешь.

Некоторые звонили и предлагали помощь, неожиданно проявив участие в моей судьбе. Кто-то исчез из видимости совсем, а случайно встречаясь на улице, опускал глаза и старался побыстрее пройти мимо, ссылаясь на большую занятость. Я тогда только пришел на телевидение, но старт был довольно успешным, я уже начал делать свою программу. Некоторые недруги и оппоненты по работе вдруг приобрели такой сахар в голосе, что начали припудривать им содержание наших странненьких бесед о смысле жизни, все чаще заглядывая в будущее моего проекта и пытаясь себя туда непринужденно вмонтировать. Такие вот неожиданные повороты. Все это развлекало, иногда даже откровенно веселило, наводило на размышления и помогало жестко сортировать оставшееся окружение. Конечно, я заигрался, переступив черту в охоте за адреналином. На основе своих психологических опытов я планировал написать бестселлер, предвкушая его обязательный фурор. Это продолжалось до тех пор, пока моя девушка из добрых побуждений

не решила посоветоваться с мамой по поводу моего лечения и не сделала тот роковой звонок. Мама новости не перенесла. Обширный инфаркт. Она даже трубку после разговора не смогла положить, так и осталась сидеть с ней в руке, раздавая оглушительные короткие гудки в тишине квартиры.

После смерти мамы я узнал, что отец давно жил на две семьи, причем мы были вторым, не главным, скорее запасным, командировочным вариантом. Он быстро сменил привычный кочевой образ жизни на долгожданный оседлый, и я его больше не видел. С девушкой мы тоже расстались, потому что слишком много накопилось между нами неправильного, не позволяющего дальше быть вместе. Я остался совсем один. Больше не было запаха горячего хлеба, творога с рынка, нежности утренних песен. Депрессия, понимание, что попал в точку невозврата, и чувство чудовищной вины, замешанной на мальчишеской шалости и банальной глупости, придавили словно плитой. Поначалу мамин голос постоянно звучал в моей голове, и я мысленно беседовал с ней, вымаливая прощение. Это было такой тонкой ниточкой, соединяющей меня с беззаботным прошлым. Спустя время я стал забывать ее голос. Для меня это выглядело так, будто уходит часть души, а я ничего не могу с этим поделать. В один прекрасный момент ниточка оборвалась. Совсем.

В вашу клинику я позвонил случайно, нужна была справка для бассейна. Набрал номер и оторопел. Звучал мамин голос, завораживающий, певучий, манкий, с легким шелковистым придыханием. В голове случилось минутное помутнение, я даже сказать ничего не смог, трубку положил. А потом снова набрал номер, записался на прием и попал к вам. Ваш администратор Анна Павловна говорит голосом моей мамы, ну или очень, слишком похожим. Даже предположить не мог, что такие совпадения возможны. Дальше, думаю, объяснять ничего не надо. Я просто прихожу в вашу клинику, когда становится совсем тяжело и нет никаких сил удерживать баланс, сажусь на диван, закрываю глаза, слушаю голос и улетаю в свое самое счастливое время. И это лучше любой терапии, лучше любых лекарств, это вытаскивает и спасает. Я пленник прошлого, где все по-прежнему хорошо и мама есть. Я иногда думаю, что она специально привела меня к вам. Только пока не знаю, зачем. Может, чтобы всем этим поделиться? Кто-то из великих сказал, что твое тело движется туда, куда стремится твоя мысль. Поэтому я тут вместе с телом и мыслями! Извините, если утомил, но мне после этого откровенного монолога стало заметно легче, – Степан несколько виновато улыбнулся, пружинисто подскочил, поправив бомбер цвета свежего весеннего салата, взял направление на рентген и вышел, оставив меня наедине с его непростым, но честным рассказом и моими сбивчивыми разноплановыми впечатлениями, оставляющими мутный непонятный осадок от всего услышанного.

Его откровения не отпускали весь день. Меня штормило и постоянно отбрасывало на острые камни этой истории, искусно переплетающей рай и ад душевного состояния еще совсем молодого человека. Нарастало угнетающее чувство тревоги и ощущение обязательной неминуемой расплаты за слишком серьезные вещи, которыми шутить нельзя.

– У твоего пациента затемнение в легких. Боюсь, что прогноз плохой. Нужно срочно отправлять к онкологам! – в коридоре клиники на меня буквально налетел наш опытный и седовласый рентгенолог. – Фамилию его подзабыл, а снимки уже у тебя на столе.

Эту новость я восприняла почти как должное, словно уже была к ней готова. Вот он, кармический ответ Вселенной. Приклеил себе диагноз рака, теперь получи и распишись, даже локализация та же. За то время, пока я добралась до своего кабинета, в голове все смешалось в пенистый омлет, а потом друг за другом начали выпрыгивать соображения про обязательно прилетающий бумеранг, про материализацию мыслей и про то, что все мы архитекторы своего будущего. Я схватила в руки снимок с большим затемнением в центральной части, не оставляющий сомнений в грозном диагнозе, и именно в этот момент в дверях возник Степан Земляникин. Что-то в нем неуловимо поменялось. Может, поновому заиграли глаза или появилась совсем другая, открытая, лучистая улыбка. От него веяло умиротворением и спокойствием. Не было и намека на напряженность прошедшего дня.

— После вчерашнего протирания скелетов в моем шкафу будто оковы скинул. Мне давно не было так легко и хорошо. Спасибо, что выслушали. Иногда человеку просто нужен человек. Я проснулся другим, полным сил, открытым для творчества и новых отношений. И день сегодня такой замечательный, с утра все удастся. Только что дал согласие на новый интересный проект. Все хорошо, жизнь продолжается!

Я должна была ему все рассказать и не могла, только беспомощно улыбалась в ответ, сжимая снимок до побеления пальцев. Во рту сушило, а внутренний голос таинственным шепотком предлагал сделать это когда-нибудь в другой раз, но точно не сегодня.

— Мне ночью мама приснилась. Впервые за долгое время. У нее там все хорошо, и она совсем не сердится, — продолжил Степан. — Она пела мне, как в детстве, и я ей тихонечко вторил. Уверен, не просто так я попал в вашу клинику, и я, кажется, понял, зачем.

— Да, не просто так, — я собралась с силами. — Только пообещайте не волноваться...

Мой взгляд остановился в нижнем углу рентгенограммы на бумажной наклейке с данными пациента. Там была другая, незнакомая мне фамилия.

В кабинет быстрым шагом влетел рентгенолог и молча, немного суетливо, поменял снимки, вручив мне черно-белую картинку абсолютно здоровых легких.

— А я и не волнуюсь ни капельки. — Степан поправил рукой идеальную стрижку и улыбнулся. — Может, сегодня поужинаем вместе?

Мария ДАВЫДЕНКО

Родилась в 1988 году в городе Калаче-на-Дону Волгоградской области. Окончила журфак Волгоградского государственного университета, работала в газете.

Печаталась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Урал». Лауреат премии журнала «Царицын». Участник XIX и XXII Форумов молодых писателей России, Мастерской Ассоциации союзов писателей и издателей России в Смоленске (2022), Мастерской Захара Прилепина (2022–2023).

Живет в поселке Пятиморске, Волгоградская область.

АЛЁНКА АРЗАМАС

Она была готичкой. Её длинные волосы были чернее смолы: потребовалось несколько упаковок краски, чтобы добиться такого эффекта. Она прятала пирсинг, разделявший её ноздри, под шарфом с Весёлыми Роджерами. На улице стоял октябрь, но снег в Арзамасе уже покрывал зелёную траву и мрачное Алино пальто. Четыре утра, девушка в чёрном одеянии на улице Карла Маркса, фонари лениво освещали деревянные ставни занятных домов. Аля хотела бы в это время возвращаться с вечеринки в стиле стимпанк, но она шла печь хлеб и булочки. С такой работой нельзя тусоваться до утра: субкультура субкультурой, но деньги должны быть по расписанию. Нужно оплачивать бесконечные заказы с чокерами, каффами, кружевами, корсетами. Она представляла, что маскирует чокерами укусы вампиров, а каффы – эльфийские ушки словно дарили ей крылья.

В районе музея Максима Горького девушку посетил ужас. Она увидела, что на лавке сидит бесовское создание и таращится на неё. Аля присмотрелась: это была просто женщина с расквашенной физиономией. Аля раньше никогда не видела настолько повреждённых лиц. Оно переливалось всеми цветами радуги, но выглядело устрашающе.

– Дай закурить! – низким голосом сказала существо.

Аля сфоткала её на телефон и побежала по направлению к пекарне.

– Вот дура! – крикнула ей вслед женщина.

В пекарне Аля рассказала своей напарнице тёте Лиде об утреннем происшествии. Аля не могла остановить икоту, ей пришлось выпить два стакана воды, чтобы прийти в себя. Её отец часто шутил, что она померёт под забором, если не перестанет слушать Nightwish. Сегодня она ясно представила, что с ней могло бы случиться, не пеки она хлеб. Обычно Аля чувствовала себя неуютно среди нормальных людей, она

словно видела свою дефективность со стороны, когда общалась с кем-то. Всех интересовали реальные вещи – ипотека, семья, разводы, сплетни, а Але нравилась всякая фигня – красивые вещи, странная музыка, фатальные сюжеты.

– А давай выложим фотку в арзамасскую группу, – предложила тётя Лида, заградив собой стол для лепки. – А то она такая страшная, так пугает. У неё, наверное, есть родственники какие-то. Может, заберут её с улицы, сделают доброе дело.

Аля заметила на фотографии, что у бездомной в руках была шоколадка «Алёнка». В группе все сразу прозвали новую жительницу города Алёнкой Арзамас.

«Я её тоже видела. Испугалась до чёртиков!» – написала одна форумчанка.

«Она очень портит вид города! Нужно отправить её куда-нибудь!» – написал Арзамасский Старожил.

На следующий день у Воскресенского собора пропали цыгане-прошайки. Местные жители недоумевали: то ли цыгане испугались конкуренции Алёнки Арзамас, то ли затевали что-нибудь зловещее против неё. Аля, возвращаясь с работы домой, дала новой звезде города булку: всё-таки женщина была одета в кожаный потрескавшийся плащ и ботинки на высоченной платформе, напоминая готку. И цыгане пугали Алё больше.

– Люди тебе завидуют, – вещала Алёнка Арзамас. – Им не нравится, что ты живёшь и одеваешься так, как тебе нравится. Ты не следуешь их правилам. Но ты самостоятельная, ты можешь жить и без них.

«Как ты, что ли?» – подумала Аля.

Дома она смотрела «Эльвиру: Повелительницу тьмы». Постер Кассандры Петерсон висел у Али над кроватью. Её восьмилетний сын однажды пририсовал Эльвире усики и рога. Зная, как Кассандра выглядит в семьдесят один год, Аля сама считала актрису дьяволом. «Явно Алёнка Арзамас выглядит хуже в свои тридцать-сорок», – подумала Аля. Она вспомнила, что талия у неё теперь тоже не шестьдесят сантиметров, а лицо постепенно сползает вниз, словно таящее сливочное масло.

В комнату ненадолго забежал её сын Митька. Аля потрепала его за волосы, чмокнула в щеку и отправила обратно к бабушке – делать уроки. Аля знала, что она не самая лучшая мать, возможно, даже не в первой сотне. Жить, ей хотелось жить, хотя бы изредка, а сын не вписывался в систему её жизненных ориентиров. Она предпочитала сбавривать Митьку на мать. Та лучше знала, как обращаться с детьми. Аля давно смирилась с тем, что она плохо проявляет себя в этом качестве. Она плохо проявляла себя во всём, что бы то ни было. Она снизила потолки своих ожиданий. Теперь Аля хотела спокойно деградировать.

На следующий день в город приехала толпа китайских туристов. В музее Гайдара продавщице пришлось достать из закромов все значки, магнитики, кружки, творения местных умельцев. Ещё никогда в сувенирной лавке не было такой кассы. Китайцы скупили всё кофе в киоске. В ресторане они устроили банкет. В этот день в городе случилась удача. На арзамасском форуме написали, а не Алёнка ли одарила прибылью, может, не убирать её с улицы. Бездомная стала достопримечательностью. Аля не забывала вечером отдавать ей непроданный хлеб.

– Твой бывший не ценил тебя. Он считал, что ты ему всем обязана. Хорошо, что помер, – подбадривала её Алёнка.

«И откуда она знает про мужа? И что погиб на трассе!» – удивилась Аля.

На следующий день Дашка Миронова, которая долго не могла забеременеть, написала на форуме, что неделю назад её случайно коснулась Алёнка Арзамас, и вот теперь Дашка понеслась.

«Ведьма Алёнка!» – написала форумчанка.

«Интересно, а она лечит артрит?» – спросил Арзамасский Старожил.

«А сглаз снимает?»

Дальнобойщик Витька однажды побухал с Алёнкой Арзамас, а потом его словно закодировали. Ни капли спиртного не мог больше употребить. Его жена не могла нарадоваться и отнесла Алёнке весь самогон мужа. Двоечник Никита написал сочинение про Алёнку и получил «отлично». Родители Никитки не подозревали, что он в принципе способен формулировать предложения, и отнесли Алёнке кимчи по собственному рецепту: это уже было не кимчи, а просто маринованная с хреном цветная капуста, но Алёнке всё равно понравилось.

Аля тоже ждала какого-то маленького чуда. В библиотеке выступал более-менее известный писатель, по книге которого недавно вышел сериал с сыном знаменитого актёра. А Аля увлекалась прозой, мечтала написать готический бестселлер и разбогатеть. Она спросила совета у крамольного богохульного прозаика, с чего начать. Аля надеялась, что он будет глаголить истину в последней инстанции. Она заранее раскрыла рот от удивления.

– А вы найдите себе попа. Который бы вас понимал, просвещал, – изрёк тот.

– А что делать, если мой поп – епископ? У него нет на меня времени.

– Хорошо, что не митрополит.

– Он когда-то заставил меня исповедаться, причаститься. Он мне даже Новый Завет подписал!

– Надеюсь, что хоть не как автор.

Аля решила, что нужно попросить аудиенции со знакомым епископом. А скандально известный писатель продолжать болтать, и у Али засыпали амбиции. И ей еще никогда не было так уютно и спокойно. Она почувствовала, что от неё пахнет булками с маком.

На следующий день Алёнка Арзамас пропала с улиц города. Никто не знал, что с ней случилось: то ли она, как большинство чудес, отправилась в Дивеево, то ли её забрали родственники, то ли она попала в психоневрологический интернат. Она ни с кем не делилась подробностями своей непростой судьбы. Она так и осталась загадкой и местной легендой. Жизнь в Арзамасе продолжилась в прежнем русле. Алина съездила с сыном на экскурсию в Дивеево, выучила с ним таблицу умножения. Она пекла хлеб. Также пересматривала «Эльвиру» и слушала Nightwish.

А Алёнка Арзамас... Говорят, она была шизофреничкой.

ТОПОЛЬ-М

В каком-то паблике Максим прочитал, что тополиный пух выделяют только деревья-самки. То есть любая женщина доставляет проблемы, даже если она тополь, подумал майор. Недавно он связывался с женой, и та ещё раз подтвердила его теорию. Она решила его бросить. Не просто так, а чтобы уйти к его знакомому рангом пониже. Мол, он её лучше понимает, больше заботится и т. д. Она пятнадцать лет на полном его обеспечении, с маникюром, надутыми губами, двойняшками в детсаду и в лучших детских лагерях летом, а он о ней плохо заботится. Максим вспомнил, что у них на Алтае в отделении компы настраивал всё время милейший парень, разговорчивый такой, позитивный, душа компании, все следаки его обожали. А потом его обвинили в изнасиловании. Как так, Артурчик – милейший парень, а на него заявление. Артур сказал, что есть в одной юридической конторе парень один в один он, так это он насильник. Пришли в контору, действительно – даже стрижка каре как у Артурчика. Показали его потерпевшей, она подтвердила, что он. Отпустили одного, посадили другого. Но через неделю снова изнасилование. Прижали Артурчика, он признался – грешен. Угрозыск разочаровался в нём дважды. Вот сейчас Максим испытывал нечто подобное. Знал, что жена гуляет, но прощал, сам ведь в своих поездках длительных не без этого. Но сама же призналась, не подождала, когда всё это закончится, нашла время, когда он в Мелитополе. Видимо, зря он ей слал фотки с самых интересных мест преступлений, она просила его этого не делать. Но ему же хотелось поделиться с самым близким человеком. Не только же ей фотографии крабов размером с человеческую голову слать с Баренцева моря. Там Максим учился с группой следаков, которые решили переквалифицироваться в криминалисты, погружаться с аквалангом. Все мужики были за сорок, лучшие следаки России, решившие перейти на работу поспокойнее, ведь кораблекрушений не так много. Один мужик даже привёз с собой кота – как оставишь старого, он ведь с ним прошёл все командировки. Кот каждый день приносил им к палатке мышь, а лисица потом труп уносила и закапывала, не из соображений гуманности, а чтобы позже съесть. Кот гонялся за лисцей по всему лагерю. Вот сейчас жена напоминала ему ту лисицу. Лучше бы она тогда ему сказала, когда он был на побережье, в своём самом любимом месте на свете. Потом Максим подумал, что зимой Баренцево море понравилось бы ему меньше. Но летом он чувствовал себя там королём мира. Максим вспомнил, что его жена классный музыкант, а музыку в детском саду преподаёт из-за постоянных переездов. Талантливая, может, зря он её не поддерживал в творческом плане. Потом Максим вспомнил, что самый талантливый человек, которого он встречал, был режиссёр порно с Алтая. Однажды этому субъекту заказали детское порно, он похитил девочку, но так и не смог отснять материал.

Отпустил девчонку и бежал через тайгу в Монголию. Сейчас, наверное, снимает лошадей, подумал Максим, режиссёрский талант у преступника всё-таки имелся. Со всеми его работами отдел ознакомился. С тех пор Максим остерегался талантливых и теперь понял, что не зря. Хотя он тоже был в какой-то мере талантливый, главными своими талантами он считал исполнительность и толковость и то, что он соответствовал требованиям по физической подготовке.

Ближе к вечеру приехали «буханки», из которых торчали ветки деревьев с ещё зелёными листьями. Он проверил, не показалось ли ему, а то мало ли; сорвал несколько листьев. Он, конечно, психологически устойчивый, но вдруг жена его всё-таки довела не до добра. Максим напел: «Я не железный. Просто я терплю. У меня тоже есть сердце». Но он никак не мог вспомнить, где слышал эту навязчивую песню.

– Лучше бы ты посылки привёз, дроны там всякие, снаряжение, вкусняшки, – предъявил Максим водителю с позывным Механик.

– Так приказ свыше. Нужно засадить детский лагерь, маскировка.

– Почему деревья такие здоровые-то? Ничего поменьше не нашлось?

– Товарищ майор, я ж не садовник, саженцами не располагаю. Что валялось по пути, то и собрал – с корнями. Я скажу связистам, они посадят.

Максим понял, что ему сегодня нечем заниматься, везде все были распределены, а он им только мозолил глаза своими погонями. Ему захотелось хоть как-то отвлечься от мыслей о неверной. Максим взял лопату в руки.

– Я сам, – объявил он Механику.

– Зачем же, майор, вам таким заниматься? Парни быстренько высалят.

– Неси к аллее, кому говорят!

Механик послушно потащил первое дерево, куда ему сказали. Он с удивлением наблюдал, как майор ловко и с остервенением орудует лопатой.

– Что уставился? Жена от меня ушла. К другу.

– Так, может, лучше напьюсь? – предложил Механик и почесал большой живот.

– Не пью я.

– А, вы ж там в элите на ПП. Что ж с вами делать-то!

Он тоже взял лопату и окрикнул своего напарника. Дело пошло быстрее. Но догнать Максима они всё-таки не могли: ноги и руки у него были куда длиннее, да и мотивация сильнее. Многие поглядывали на них из корпусов переоборудованного детского лагеря и недоумевали, чем это занят майор, гроза преступности и Тополь-М в человеческом обличии.

Утром его не разбудили даже отдалённые звуки выстрелов и работающие ПРО. Он привык к экстремальным условиям, нормальная обстановка давно казалась ему чем-то из ряда вон, и тогда он нервничал. Он налил кофе в банку из-под кабачковой икры: свою кружку с фотографией жены он вчера разбил о бетонные плиты. Потом он вышел на улицу посмотреть на те три тополя, что они посадили вчера. Каково же было его разочарование, когда он увидел, что все до единого листики с них опали. Три голых дерева напоминали рассеченные столбы линии электропередач. Ещё Максим подумал, что мужики сегодня будут над ним смеяться: майор вчера сажал-сажал, да всё без толку, плохая

энергетика у него, видимо. Какой позор, решил Максим. Обычно все его начинания заканчивались успехом. И вот за пятом десятке неудачи стали преследовать его, испугался майор. Он ощутил, что теперь он один. Он и так часто был в отъездах, и семья воспринимала его как «приходящего персонажа», он понимал, что, когда уезжал, они вздыхали с облегчением, ведь он был строгим и рядом с ним нельзя было расслабляться, шуметь. А скоро он станет и официально не членом семьи. Будет возить двойняшек в парки развлечений, они будут быстрее бежать от него на аттракционы, он снова будет чувствовать себя чужим. Неужели его дом теперь только работа? Кофе стало на вкус ещё горше. Максим пожалел, что добавил четыре чайных ложки растворимого в банку из-под кабачковой икры.

В Москву майора перевели сразу после командировки. Квартира была рассчитана на всю семью, он готовился к переезду ещё до новостей о разводе. Ему было слишком просторно в трёхкомнатной, словно книгу упаковали в коробку для телевизора. Каждый вечер он ел на ужин суши из соседнего кафе. Теперь, чтобы увидеть мать или детей, ему нужно было лететь на самолёте. Но он привык быть там, где действительно нужен. На вопросы о его должности он всегда отвечал: «Это слишком сложно, чтобы объяснять». Ему было проще заниматься работой, а не рассказывать о ней.

Пикнул смартфон. В мессенджере Механик прислал ему фотографию тополей, покрытых листьями. «Принялись-то наши, родимые! Зря вы переживали», – подписал он снимок. Майор перелил морковный сок из пакета в фужер. Он улыбнулся и посмотрел на себе в зеркало: сейчас его улыбка не выглядела как судорога или растянутый жгут. Звонок от жены прервал его радостный момент.

– Скоро платить за Альбинины занятия фигурным катанием, – объявила она.

– Да проще сразу трубу денег пустить к её тренеру.

– Так ты заплатишь или как?

– Заплачу. А у меня тополи принялись. Те, что сажали в Мелитополе.

– Поздравляю. А у меня розы цветут в саду.

– Интересно, а человек может приняться, если его большого пересадить?

– Ты всегда такой, какой есть. Ладно, пока!

Сергей ХАУСТОВ

Родился в 1981 году в Харькове. Долгое время жил в Кайеркане (Красноярский край), затем переехал в Санкт-Петербург. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. Работал в уголовном розыске, подполковник полиции в отставке. Преподает историю и обществознание в средней школе и колледже.

Публиковался в журналах «Художественное слово», «Современные записки», «Север».

Живет в Санкт-Петербурге.

MODERATO

Praeludus

В новостях сказали, что-то стало не так с климатом. По крайней мере, так говорили по телевизору. А люди верили этому бездушному изобретению.

Он же научился выделять для себя в том, что слышит, главное, существенное. Находить то, что стыдливо пытались спрятать между строк.

Да, зимы в этом году как будто бы и не было. Природа отвела жалкому ее подобию всего несколько дней. Появились и исчезли мутные зеркала лужиц. Остальное время на улице было по-осеннему свежо и дождливо.

Но разве человек не стремился быть единственным центром Бытия и разве не он, изучая природу, систематизировал ее, выявляя закономерности и строя на их основе науку? И разве не человек, изобретая механизмы, пытался обуздать природу, заставить ее служить на благо себе и человечества?

Стоило ли теперь расстраиваться и строить новые гипотезы.

Intro

Он любил прогуляться перед сном, на исходе сумерек – этом мостике между днем и ночью.

Маршрут был привычным. Он мог пройти его с закрытыми глазами. Каждый поворот, наклон дороги, неровность асфальта были для него словно старые знакомые. В это время суток ему все было узнаваемо, и главное, никто не отвлекал его от мыслей.

Днем хаотичные люди заполняли улицы, и, нарушая привычный ритм, путались под ногами. Толкали его, но, столкнувшись, смущенно

извинялись и уступали дорогу. Такое привилегированное отношение раздражало.

На улице стал накрапывать дождь. Он прислушался и мысленно стал объединять капли-ноты в партитуру.

Консерватория... Прошло уже много лет. Преподаватели были в восторге от его таланта. Вкладывались в него и пророчили великое будущее. Он должен был стать гордостью учебного заведения, а возможно, и страны. Концерты, конкурсы, лауреатство, гранты, наконец. О чем еще можно было мечтать. Вселенная вращалась вокруг него.

Но дорожно-транспортное происшествие ударом руля в солнечное сплетение остановило вращение. Он очнулся в больнице, закованный, как куклолка, в гипсовый корсет. Попытался пошевелиться, но не смог.

Этот период своей жизни он вспоминал с неохотой и болью.

Перед глазами проплывали размокшие от слез и как-то стразу составившиеся лица родителей. Как же, их единственный сын не оправдал надежды.

Сдержанно-позитивные, отдающие фальшью, прогнозы врачей. Он их не слушал. Лежал и безучастно глядел в стену, предпочитая находиться в коконе своего сознания.

В памяти временами всплывали нестройные звуки сминаемого столкновением металла. Так звучит настраиваемый оркестр, пока он не собран волей дирижера в единое целое.

Дождь стал набирать силу. Это напомнило ему второй концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова. Такты, которые предшествовали крещендо – его любимому месту в произведении.

До этого капли дробно, мелкими перебежками, то ускоряясь, то замедляясь, падали на землю. Так люди, чтобы не промокнуть, спешат быстрее миновать открытые пространства.

Когда он зашел в крытую галерею Гостиного двора, мелодия стихла до пиано.

Под сводами, резонируя от стен, объемно раздавался ритмичный стук его шагов. Их дополняли и украшали шаги по-весеннему привлекательных девушек. И он вел свою сольную партию на фоне едва слышимого сопровождения оркестра.

Но вот по приближении к выходу из галереи звуки оркестра стали мало-помалу нарастать. Перед выходом он остановился, и его соло слилось с усилившимся ливнем. С неба – по асфальту, стеклам, козырькам магазинов, крышам машин – сыпались интервалы и аккорды. Стихия исполняла свою партию.

Ожидая, когда дождь поутихнет, он размышлял о том, как неразумно люди пользуются данными им, вернее, сорванными без разрешения с древа познания, возможностями. Впустую растрачивают украденное ими. Наверно, так и происходит с тем, что получено, хоть и под страхом наказания, но без должных усилий.

И он был таким, пока судьба не столкнула его лбом с самим собой. Тогда он, временами погружаясь в бездну отчаяния и опуская руки, смог-таки перестать жалеть себя и подняться на ноги.

Теперь он смотрел иначе на разнообразие окружающего мира. Раньше его сопровождала мажорная легкость. Теперь же жизненным ритмом стал умеренный музыкальный темп.

Поднятая нога замерла в воздухе... «Стоп! Этой трещины раньше здесь не было». Он уверенно перешагнул ее и продолжил движение.

Coda

Возле дома он остановился, еще раз вдохнул полные легкие увлажненного воздуха и вошел в подъезд.

Восемь ступенек до квартиры звучали приглушенно в скудном акустическом пространстве. У каждой из них было свое особенное звучание. С годами края сгладились подошвами «исполнителей», а поверхности покрылись щербинками. Некоторые из них фальшивили, вклиниваясь мелодичным диссонансом в общий музыкальный строй.

Пианино с такими же оспинными клавишами было у него в музыкальном училище. Оттачивая по вечерам технику или разучивая новое произведение, он старался взять ключ от кабинета, в котором оно стояло.

Садился, но открывать крышку не спешил. Настраивался, входил с инструментом в резонанс.

Так он сидел некоторое время, гладил темную лакированную поверхность, будто в предвкушении первого интимного опыта.

Подняв же крышку, некоторое время смотрел на клавиши, проводил по ним кончиками пальцев и, закрыв глаза, мысленно исполнял только ему слышимую мелодию.

...Со второго этажа, приплясывая и слюняво гутыкая, косолапо спустился соседский мальчик. Следом, вальсируя и визгливо лая, прыгала маленькая собачонка неопределенной породы.

Поднимаясь, он думал о том, что с Витей его роднит некая ущербность. Хотя кто может быть уверенным в том, что в той или иной степени не является ущербным.

Открыв дверь квартиры, он вошел в полумрак прихожей, освещаемой лунным светом, который проникал через незашторенное окно, и начал расстегивать куртку, но замер. В квартире было что-то не так. Он понял не сразу, что именно, и это насторожило еще больше.

Через мгновение его лицо расслабилось, и он улыбнулся. Конечно же, *кресло*. Он поставил его ближе к окну, чтобы читать и одновременно слушать звуки улицы, а когда уходил на прогулку, то забыл поставить на место.

Оставив в углу прихожей, слева от входной двери белую трость, он снял мокрую куртку и, уверенно приблизившись к креслу, вернул его на место. Ножки точно, словно в пазы, попали во вмятины на ковре.

Он провел рукой по книгам на книжной полке. И, как всегда, почувствовал приятные тактильные ощущения. Словно вся мудрость столетий через кончики пальцев вливается в него.

Не включая свет, разделся и лег в кровать.

Взяв с тумбочки книгу, он раскрыл ее на заложенной закладкой странице. Положив пальцы на похожие, словно точки на костяшках домино, буквы, углубился в чтение.

Поэзия

Николай СИМОНОВ

Родился в 1950 году в городе Горьком. Около полувека проработал судосборщиком и слесарем-монтажником на заводе «Красное Сормово».

Публиковался в нижегородских и российских газетах, журналах, альманахах, антологиях и коллективных сборниках. Автор двенадцати поэтических книг стихов и пародий. Лауреат премий журнала «Нижний Новгород» и имени Александра Люкина. В 2013 году за книгу «Великий Чудотворец» удостоен премии Нижнего Новгорода. Участник и дипломант двенадцати всероссийских фестивалей иронической поэзии «Русский смех», лауреат трёх из них.

Член Союза писателей России. С 2004 года возглавляет сормовское литературное объединение «Волга». Живёт в Нижнем Новгороде.

ИВАН, НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА

Поэма

I глава

Друзья, послушайте рассказ,
Что донесла молва:
В деревне жил Иван у нас,
Не помнящий родства.
Имел он мать, имел отца
И бабушка жива.
Полно родни у сорванца,
Но он не знал родства.

Ревёт сестра и злится брат, —
Всех доставал, урод.
То обдерёт он дядькин сад,
То — тёткин огород.
Отец ремнём его хлестал
За грубые слова...
Так постепенно подрастал
Не помнящий родства.

Но наступил военный год.
Есть в парне рост и стать...
И вот на фронт Иван идёт
Отечество спасать.

У матери на сердце грусть,
Но рада вся родня.
Иван сказал им: «Не вернусь.
Живите без меня!»

Без лишних слов, без лишних слёз,
От родственников прочь...
Три раза свистнул паровоз
И поезд сгинул в ночь.
Промчался поезд, сквозь туман,
Сквозь дым Отечества...
И вот на фронте наш Иван,
Не помнящий родства.

II глава

Пройдя учебный батальон,
Оставив сзади тыл,
Он через плац и полигон
В окопы угодил.
Он был не хуже всех в полку, –
Начальству потрафлял,
Хоть не был трусом, но башку
Зазря не подставлял.

Убить себя врагу никак
Он шансов не давал,
И после газовых атак
Обратно в строй вставал.
Людей валили в артобстрел
Снаряды и картечь, –
Но не таков был наш пострел,
Умел себя беречь.

Но мировой войне взамен,
Как из кошмарных снов,
Пришла эпоха перемен –
Крушения основ.
Дул революций грозный шквал.
Кипел борьбы котёл,
И Марксов интернационал
До армии дошёл

Здесь то на митинг, то на бой
Гремит призывный крик,
И часто спорят меж собой
Эсер и большевик.
Хоть покрутился на веку
Мудрёный паренёк –
От агитаторов в полку
Себя не уберёг.

От лозунгов в мозгу туман...
Гудела голова...
Братался с немцами Иван,
Не помнящий родства.
Читал мудрёные слова,
Опасные стране,
Совал листовки в рукава
Коллегам по войне.

Бунтарский дух проснулся в нём,
Что многих убеждал...
Он, с агитатором вдвоём,
С позиций убежал.
Перед крушением старый мир –
Во всём круговорот...
И вот Иван наш – дезертир,
И к Питеру идёт.

III глава

А в Питере – накал страстей,
Здесь люд на всё готов:
Народ из разных волостей,
Солдаты всех фронтов,
Матросы кораблей стальных,
Рабочий и батрак...
И вот Иван наш среди них, –
Освоился, никак.

Отрёкся царь, отрёкся брат
И дядя их родной,
А в Зимнем правят и царят
Временщики страной.
Вот залп «Авроры» раздался –
Начало их конца,
И в то же время начался
Штурм Зимнего дворца.

Ворвались с четырёх сторон,
Вояки – будь здоров!
Валили женский батальон,
Кололи юнкеров.
Вбежали в заседаний зал...
Сидят буржуй да князь...
И Железняк-матрос сказал:
«Ну, временные, – слазь!»

Раздался хохот на весь зал...
Все на язык остры...
«Слыхали – Керенский сбежал
В одежде медсестры!»

Молва Россией понеслась
До самых дальних сёл,
Что родилась Советов власть
А старый мир ушёл.

Но вновь беда, что не видна
И в самом страшном сне:
Идёт гражданская война
В расколотой стране.
Поднялся Дон: там белый стан
Деникинских полков...
И с Красной гвардией Иван
Пошёл на беляков.

Потом Чека, потом Урал...
Устал стрелять наган...
Видал ипатьевский подвал,
Сколь ревностен Иван.
За боем бой, за речью речь:
«Врагов нельзя простить,
Чтоб Революцию сберечь
И дальше в мир пустить...»

Не вышло бучи мировой,
Как ни мечтал Иван.
Осталась Русь одной страной
Рабочих и крестьян.
А пролетарии всех стран
Решили: «Видно зря,
Родства не помнящий Иван
Расстреливал царя».

IV глава

Мандат, инструкция, наган,
Мудрёные слова...
Идёт на родину Иван
Не помнящий родства.
Заданье надо выполнять,
А планов – целый воз:
В округе церкви разломать
И всех загнать в колхоз.

И вот деревня под горой
Родимая – ей-ей...
Навстречу едет брат родной
На тройке лошадей.
Кричит Василий: «Здравствуй, брат,
Шальная голова!»
Но вынул тут Иван мандат,
Что выдала Москва.

Но даже шапку брат не снял,
Не вышел из саней,
Родного брата не обнял,
А лишь хлестнул коней...
Пришёл Иван, собрал народ,
Как красный командир.
Они ему – про недород,
А он – про новый мир.

Но не осадить удалца,
Он, проявляя прыть,
Стал с сельсоветского крыльца
Им речи говорить.
А через год, он не с крыльца,
С трибуны говорил,
Как раскулачивал отца
И брата посадил.

В округе тридцать три версты,
Везде порядок нов.
Он посшибал с церковей кресты
И расстрелял попов.
Повсюду нового ростки.
Про старое забудь!
И пахут землю земляки
В колхозе «Светлый путь».

V глава

Иван, не помнящий родства –
Он далеко пойдёт.
Ни сватовства, ни кумовства
Давно не признаёт.
Дошёл в невежестве своём
До самого конца.
Родную мать не впустит в дом
И выгонит отца.

А сам живёт и сыт и пьян,
Гордыней обуян...
Продаст и купит за стакан
Непомнящий Иван.
Жизнь у Ивана – благодать,
Другим он – страшный сон...
Врагов народа выявлять
Уполномочен он.

Копал под этих и под тех,
И многих сдал уже...
Сидят Ивановы во всех
Гулагах протее.

Не виноват иль есть вина —
На всех лежат дела...
Но неожиданно война
Мир хрупкий взорвала.

А в грозный сорок первый год
Иван ещё — не стар...
Он, как член партии, — вперёд!
В полку он — комиссар.
Но давит враг, земля дрожит,
Иван конкретно влип:
Уже в июле полк разбит
И командир погиб...

Бредут солдаты на восток,
От вражеских атак...
Ну а закон войны жесток:
Ушёл с позиций — враг!
Иван решил, что в РККА
Он пулю бы словил...
Расстрел сотруднику ЧК —
Он полк не сохранил!

Иван от дум повесил нос:
Коль плен — там два конца:
Один — концлагерь и допрос,
И девять грамм свинца.
Расстрел за то, что — командир,
Не рядовой боец...
Носил со звездами мундир...
Но есть другой конец...

Не хочет голова его
Тернового венца...
Снял гимнастёрку с одного
Убитого бойца,
Чужой билет военный взял,
Вокруг себя взглянул,
Свои пожитки закопал —
И в сторону рванул.

VI глава

Бежал он лесом, словно лось,
Он в беге был неплох,
Но всё равно ему пришлось
Услышать: «Ханде хох!»
Но наш Иван — не Ганс, не Джон,
Не Жан и не Хуан
При документе при чужом,
Он всё равно — Иван.

Пусть с фотографией не схож,
С фамилией другой,
Он будет ложь лепить на ложь
И кривду гнуть дугой.
Он вынесет, смертям назло,
Войну, тюрьму, суму...
Ивану крепко повезло –
Кричали не ему.

Он понял: с немцами ему
Совсем не по пути,
Решил всё сделать по уму,
Но как их обойти...
Пролез болото – напрямки,
И озеро кругом...
И вот немецкие полки
На берегу другом.

В болоте лишь курлычет стерх,
Да шелестит рогоз...
Но кто-то фразу: «Руки вверх!»
По-русски произнёс.
Иван поднял. Вперёд ступил.
Он безоружен был –
Винтарь в болоте утопил,
А пистолет зарыл

Глядит: солдаты, командир, –
Команда – ого-го:
«А ну вылазь-ка, дезертир...»
И целятся в него.
«Не дезертир, видать, – агент!» –
А взгляд его, как нож...
Чекист взглянул на документ:
«Чего-то не похож...»

VII глава

По глине шли и по песку,
И бродом по воде...
Допрос в пути, допрос в полку
Допрос в НКВД...
Нашли три короба вины,
А оправданий – нуль,
Но агитатор с той войны
Отвёл его от пуль.

Он оказался при штабах,
Начитан и речист...
Большая шишка на фронтах
Полковник-особист.

А за Ивана он горой –
Не зря, мол, Зимний брал...
И вот отправлен наш герой
В гулаги, за Урал.

Там лес валил, там видел ад,
Трудом спасал страну...
Но вот, записанный в штрафбат, –
Отправлен на войну.
И там увидел ад другой,
Как скажет вам любой...
В могиле был одной ногой...
Санбат – и снова в бой!

Грохочет Курская дуга,
Исходит злом война...
Но мы уже громим врага,
Победы ждёт страна
Летит картечь, свистит снаряд –
Не выразят слова...
И вдруг он слышит: «Здравствуй, брат,
Шальная голова!»

И увидал Иван братка, –
Не видел век, кажись...
Два седоусых старика,
Рыдали обнявшись...
Злой рок Иванов нрав сломал,
Исправил естество, –
Он крепко брата обнимал
И вспоминал родство.

Александр ЛОШКАРЕВ

Родился 1993 году в Липецке. Окончил Липецкий государственный педагогический университет по специальности «преподаватель истории и мировой художественной культуры».

Автор трёх сборников стихов, публикаций в журналах «Петровский мост», «Веретено», «Подъём», «Бельские просторы» и других. Участник Всероссийских совещаний молодых писателей в Ульяновске, Уфе, Воронеже, Химках. Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости», Всероссийской премии им. Андрея Дементьева.

Живёт в Липецке.

МЫ ЕХАЛИ С НИМ ПО РОДИНЕ...

* * *

Был октябрь, и день начинал остывать,
воздух был, как пружина, упругий.
— Поднажми!
— Ну ловчей!
— Ну вот так, твою мать! —
разносилось повсю по округе.
Деловито сновали вокруг мужики,
трактор полз, пацаны не дышали...
Из объятий заиленной мутной реки
грузовик бортовой доставали.
Старомодно-квадратный, нелепый на вид,
он на берег залез, на пригорок —
и казалось, что небо сейчас засвистит,
дым завьётся из свежих воронок,
мессершмитты, как стая ворон, налетят,
мост разрушится, вспыхнув как свечка...

...И стоял грузовик, ждал — вернётся солдат,
чтобы брод отыскать в этой речке.

* * *

Мы ехали с ним по Родине,
шатало впотьмах вагон.
А сколько тем парнем пройдено —
о том ни словечка он.

Петляй да следы выкручивай,
а встретишься в лоб с бедой.
Он в хаки сидел – задумчивый,
казалось почти седой,
костыль дребезжал под полкою –
ноги от колена нет...
Дороги в России долгие,
на станциях яркий свет.
Мы начали – про родителей,
про тех, кто судьбой даны.
Слова серебрились нитями,
но не было в них войны.
Рыбалка была рассветная,
ночёвки с костром в глуши –
мы вспомнили много светлого,
а к главному не пришли.
Прощались без всяких «выстоим»,
он вышел под мокрый снег.

Свинец в его взгляде пристальном
правдивей историй всех.

* * *

В сети кривляются уроды,
страны стыдятся, скалят рот.
Весь этот гной копился годы...
Пройдёт.
Теперь не отсидеться с краю
и каждый виден без прикрас,
когда ребята умирают
за нас.

* * *

Разрослись новостройки до ужаса,
как бурьян в позабытом саду.
По оттаявшим в оттепель лужицам
в магазин на отшибе иду.
Продавщица Наташа, ну как же так?
Ведь тебе бы сниматься в кино!
Отдохни две минуты – такой пустяк,
никого больше нет всё равно.
Что припомнится за разговорами,
чуть развеяв над памятью мглу –
здесь стояли дома за заборами,
а жила ты вон там на углу.
Дома мать с новоявленным отчимом,
деньги мятые – пулей метнись.
С малых лет завывала по-волчье
одичавшая серая жись.
Лишь кассирша тебя видя, робкую,
всё жалела, вздыхала вослед

и совала вдогонку за водкою
леденцов, шоколадок, конфет...
...Все ушли в свой черёд, тихо, медленно
словно снег, навалились года...

— Оттого ты, Наташа, приветлива
и улыбчива с каждым всегда?

* * *

Улица, утро, нет фонаря – бог с ним.
Кошки и голуби топчут квадрат двора,
и рядом сидят, подставляя округлость спин
весёлому солнцу, тёплому как вчера.
Будет удача – хватит с лихвой ещё.
Что враждовать им – прошлое ворошить?
Ведь местный юродивый, Петенька-дурачок,
выкормит всех от широкой своей души.
Будет спокойствие, счастье и благодать –
маленький рай в необъятных краях Руси.

А дурачка за ухо оттреплет мать,
чтобы продукты из дома не уносил.

* * *

Воробьи кричали и глазели,
словно предлагая разговор
дремлющей измученной «газели»,
поутру захавшей во двор.
Слаженно, легко и неустанно –
некогда сгибаться от тоски –
я и парень из Узбекистана
ставили коробки и тюки.
Это длилось вечно и недолго,
плыл табак в сиреновом дыму,
а потом мужик в смешной футболке
окна заколачивал в дому.
Плакали, обнявшись в птичьей игре,
не пытаясь слёзы скрыть никак,
женщина со сжатыми губами,
девочка с медведем на руках.

...«Жигулёнок» цвета спелой вишни
их повёз неведомо куда.
Ты не раз придёшь сюда, малышка,
хоть и не вернёшься никогда.

* * *

Ржавое с чёрным – осень.
Меркнувший тихий свет.

Трактор, клюющий носом –
трассы в помине нет.
Жмутся избышек десять,
дальше овраг и лес.
Кто не уехал к детям,
тот выживает здесь.
Щурится баба Паша,
хлопоты всё в дому,
жизнь непростую нашу
клясть – это ни к чему.
Сев, опершись на руку,
ловит короткий сон,
вздрагивая от стука –
хода стенных часов.
Волнами раскачало
прежних времён уклад –
дочь городская стала,
вот бы старик был рад.
В людях теперь, при муже,
стало быть, жизнь права.
...Стынет нехитрый ужин,
клонится голова.
Ветер шумит по саду,
словно обретший плоть.
Всё будет так, как надо,
будет, как даст Господь.

Андрей КРЮКОВ

Родился в 1961 году в Москве. Окончил Московский институт управления им. С. Орджоникидзе. Кандидат технических наук, специалист по крупным проектам в области информационных технологий.

Стихи публиковались в журналах «Новая Юность», «Соло», «Москва», «Нижний Новгород», «Российский колокол», «Южная звезда», «Изысканная словесность», еженедельнике «Поэтоград». Лауреат литературного конкурса журнала «Москва» (2018), поэтической премии «Фонарь-2019» (номинация «Эпический жанр»). Автор сборника «Открытый слог».

Живет в Москве.

И НЕВЕСОМ ПРОЗРАЧНЫЙ СЛЕД...

Провинциальные стансы

В стороне от дорог, не похожих на истинный путь,
 А как будто светящихся вечного ада кругами,
 Неоглядный простор, что не спрятать и не зачеркнуть,
 От Москвы расстилается вдаль, как ковёр под ногами.
 Настороженно смотрит глубинка на стольный вертеп,
 Засылает гонцов, а они в этом пекле сгорают,
 Если выжил в Москве, если к подлинным краскам не слеп,
 Помни, чем ты обязан родному медвежьему краю:
 Где-то там Енисей, как шатун, бродит в тёмных лесах
 И трясёт этот лес на своих ледяных перекатах,
 И усыпана густо щепой вдоль пути полоса
 Лесовозных следов, исчезая в еловых закатах.
 А на дальнем краю, что свисает акульим хвостом,
 Звероловы жуют чайный жмых вперемешку с табачным
 И кидают прищуренный взгляд на недалёкий Восток,
 Карабин разряжая вослед облакам аммиачным.
 Океан, Хокусай, энергетика солнечных струй,
 Свет небес, опрокинутый в вечнозелёные волны,
 Песней в сердце проникни, срази же меня, очаруй
 И одну лишь мечту-красоту постарайся, исполни.
 Чтобы жить мне не там, где союз воровства с нищетой,
 И не с теми, кто тешится, глядя на это соседство,
 И не так, чтобы в бронзе сиять над гранитной плитой,
 А с любимой, в саду, созерцая счастливое детство,
 Где нет времени, только меняются краски шатра
 Над твоей головой, да звенят по кустам свиристели,
 Где высокое небо сигналист всю ночь, до утра,
 Да буран за окном не страшней озорной карусели.

На закате

Закат погружает весь мир в душноватый вельвет,
За дальним кордоном сверкает слепое предгрозые,
Прикроешь глаза – и сирень потеряет свой цвет,
Откроешь – опять салютуют лиловые гроздья.
Пока ты не спишь, ты как будто от бурь защищён,
Лежишь под покровом бездонного лунного свода,
В окне млечный сумрак зарницами перекрещён,
Их блики вокруг люстры вихрятся клубком хоровода,
Ход жизни вращением этим застигнут врасплох –
Сорвалось с цепей всё, что стыло на вечном приколе,
И мир, что от вспышек разрядов ослеп и оглох,
Из клетки дневной улизнув, развернулся на воле,
Не пол подо мной, а всходящая лесом трава,
Не рамки на стенах, а жалом разящие клумбы.
Гляди-ка, в углу будто мальчик с глазищами льва –
Он шкаф перепутал впотьмах с прикроватною тумбой.
Да это же я! Заблудился в превратностях сна,
Меня увлекают в пучину кораллов изгибы,
И эта рука, как всегда что-то знает она,
О чём догадаться в начале мы вряд ли могли бы.
Я крался к часам, я почти дотянулся до них,
Пока они, стрелки сложив, как крыла вилохвостки,
К портрету прижались, забыв в этих играх ночных
О тике и таке и скрипе почтовой повозки.
Все краски погасли, наевшись служить колдовству,
Их истинный смысл – лицедейство в картонных чертогах,
Едва ли замечен, спешу завернуться в листву
И там навсегда позабыть о счетах и итогах.
Задуты все свечи – в том мире не знают свечей,
Там щупают лица, когда шелестят о погоде,
Беззвучно мыча, забывают обрывки речей,
Из небытия возрождаясь в бесплотной зиготе.
Прогнать этот морок, пока не привыкли глаза,
Иначе их выест летящая с облака пудра,
На траверзе гаснет в последних поклонах гроза,
Скорей приходи, долгожданное бледное утро!

Любовь поэта

Когда твой шаг, едва касаясь
Проклятой тверди, как углей,
Затихнет вдруг, и ты босая
Среди громадин кораблей
Отыщешь парус, что надёжно
Под снега шапкой усыплён,
Скользни вдоль борта осторожно,
В ту щель, где, солнцем ослеплён,
Твой кэп на юте греет кости,
Он будет рад твоей весне –
Шепнет тебе о норд-норд-осте,
О воплях чаек в вышине,

О всех скитаниях по свету,
Где пропадал он сотню лет,
С тех пор, как ночью по навету
Расстрелян был один поэт,
Как между бездною и солнцем
Он огибал за рифом риф,
И рыб летающих червонцы,
В прыжках неистовых застыв,
Сверкали как разрывы ядер,
Приветствуя прибрежный кряж,
Как им махал весь дебаркадер,
Завидев галльский такелаж,
Как по ночам в безмолвном мире
К рулю вставал сам Асмодей,
И звёзды падали, как гири
За край земель, где нет людей,
Как комендант большого порта
Пил вместе с ним за хлебный фрахт,
Пил до последнего аккорда
Под смех чертей и «Гутен нахт»,
Как возвращаясь в город малый,
Искать твои следы у дюн,
Напрасно ждал, хоть парус алый
Ещё влечёт старух и юнг.
Не ведал он, что ты поэту
Свой выбор отдала в сердцах,
И зря он странствовал по свету,
Растаяв в бурных временах.
Не тот поэт, и место стёрто,
История сошла на нет,
Но кто-то бродит возле порта
И невесом прозрачный след...

Олег ЗАХАРОВ

Родился в 1961 году в селе Новоликееве Нижегородской области. Окончил Волго-Вятскую академию государственной службы. Учредитель и главный редактор издательского дома «Земляки».

Поэт, публицист. Автор книг «Кстохмы» (2006), «Нежданный гость» (2011), «Иронист.ру» (2016), «Есть повод!» (2016). Лауреат Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех» 2007 и 2012 годов. Призер международного литературного конкурса «Жизнь прекрасна!» (г. Аахен, Германия). Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси», литературной премии Нижегородской области им. А.М. Горького.

Председатель Нижегородского городского отделения Союза писателей России. Живет в Кстове.

ПАРОДИИ

Жили-были наречия

*Знакомые с детства тропинки,
Родные всем с детства места!
Осталось здесь всё по старинке,
Как прежде живёт неспроста!*

Татьяна Коньшина, Архангельск

Деревня, забытая богом,
Забытые всеми места.
Жила там одна недотрога.
А звали её – Неспроста.

И надо ж такому случиться –
Банально, конечно, но всё ж,
Пришёл к молодежи в светлицу
Влюблённый в неё Невтерпёж.

Прижался и дышит неровно...
Вдруг дверь открывают ключом:
Там мама – Некстати Петровна
С отцом – Невзначай Ильичом,

Сестрица Невовремя с другом,
Братья – Неповадно и Впредь:
От них и попал он к хирургам –
Такая вот вышла трагедь.

Простите, подруги-девицы!
Не ждите любовных атак –
Он был Невтерпёж до больницы,
А стал безнадёжный Никак...

Опоздал

*Наша ветреная повесть
На душе оставит след.
Вот уже уходит поезд,
А тебя всё нет и нет.
Я с тобою опоздаю
На последний паровоз...*

Александр Вулых, Москва,
«День поэзии XXI век». 2020/2021

На перроне как в гипнозе
Твой ищу я силуэт.
Быть пора мне в паровозе,
А тебя всё нет и нет.

До беспамятства влюбленный,
Не уйму на сердце дрожь.
Семафор уж дал зеленый,
Только ты всё не идешь.

Ах, попал я в переделку!
Боже, встречу ниспошли!
Вот уже и нашу стрелку
На путях перевели.

Поезд лязгнул виновато,
Покатился с горки вниз.
Вот куда он без меня-то?!
Я же всё же машинист!

Не учи учёного!

*Оберегает солнышко от холода,
Текут ручьи парного молока
Средь сказочно-большого очень города,
Плывут где ледяные облака...*

Ольга Фокина, Усть-Илимск,
филолог по образованию

Родной язык для нас всего основа.
А правила – не блажь и не пустяк.
Зависит смысл от часто места слова.
Филолог говорю я это как.

Парного молока ручьёв я близко,
Плывут где ледяные облака.

Из Усть я – Ольга Фокина – Илимска,
Там нет такого лучше знатока.

Я выросла в семействе книгочеев,
Начитанность мне с детства не даёт,
В отличие от всяких «грамотеев»,
Телегу ставить лошади вперёд!

Ноги

*В моей квартире пыль и нищета,
Облезлые обои и пороги.
Отсутствует веселье, суета...
По ней, блуждая, ходят мои ноги.*

*То шаркают, то шлёпают слегка.
То прыгнут вдруг по-детски обе вместе...*

Антонина Гурьева, Армянск, Крым,
«Литературная Феодосия-2023»

Проснулась как-то утром я без ног.
Пойти искать?
А чем?
Идти-то нечем.
Вдруг проскрипел предательски порог –
Похоже, ноги где-то недалече.

Прислушалась...
Включили в кухне свет
И у окна попрыгали как дети.
Прошлёпали из кухни в туалет.
Вот странно! –
Что им нужно в туалете?

Хоть дом на комнатухи не богат,
Боюсь, что ноги в страхе и в тревоге –
Они ж без глаз!
Блуждают наугад!
Зову их:
– Ноги-ноги-ноги-ноги!

Бегут!
Бегут, родимые, ко мне!
И тапочки несут.
Нет! В них несутся!
Какой знакомый топот в тишине!
Так радостно под звук его проснуться.

Жить начинаем с чистого листа.
Ещё наступит счастье в нашей келье.
В квартире были пыль и нищета,
А стали радость, пляски и веселье!

Призывы

*Царили вы в ночи, подобно орхидеям,
И колдовство от вас текло легко рекой.
И зачарован я, подобно гибким змеям,
Вы мне призывы делали своей рукой...*

Вячеслав Тихомиров, Нижний Новгород

Я вас спросил: хотите стать моею?
Готовы ли вы к радости такой?
А вы от счастья просто онемели
И лишь призывы делали рукой.

Сперва вы кулаком мне пригрозили.
Я понял, что любовь ко мне крепка.
Подали знак, что мой рассудок в силе,
Когда крутили пальцем у виска.

За голову схватились, как от счастья,
Смущенно хохотали, а засим
Сложили фигу: мол, горю от страсти —
Ведь фи́га так похожа на интим.

Потом на языке известных жестов
Мне средний палец сунули в лицо.
Тут всё понятно: в качестве невесты
Вы как бы намекнули на кольцо.

И всё же я ушёл от вас бесстрастно.
Ушёл я сам.
В ненастье и во мрак.
Коль сразу и на всё она согласна,
То что-то с этой женщиной не так!

Из будущих книг

Владимир СЕДОВ

Родился в 1953 году в Горьком. Окончил Высшее политическое училище МВД СССР имени Ленинского комсомола. Работал на заводе, в органах МВД, в научно-исследовательском институте, юристом, председателем фирмы «Русский клуб», министром культуры Нижегородской области.

Прозаик и драматург. Член Союза писателей РФ, председатель Нижегородского отделения Союза кинематографистов России.

Живет в Нижнем Новгороде.

«РУССКИЙ КЛУБ»

Фрагмент романа

«Оскар»

Любой актёр мечтает сыграть Гамлета.

Любая актриса – Анну Каренину.

А каждый режиссер – получить «Оскар».

Среди русскоязычного населения Америки эту статуэтку весом 3850 грамм, покрытую золотом, называют «Оскар Моисеевич».

Фильм «Обожжённые» кинорежиссёра Паратова имел большой успех в прокате и был номинирован на премию Американской киноакадемии.

А так как большинство эпизодов снимались в Нижнеокске и фирма «Русский клуб» помогала в съёмках, Паратов пригласил Глеба в Лос-Анджелес.

Ида тогда занималась двумя маленькими детьми и была беременна третьим. Поэтому Глеб полетел в Америку с Полиной Серебряковой, а не с женой.

– Я надеюсь, ты наконец-то родишь мне сына? – перед отъездом пошутил он.

– Теперь понятно, зачем ты летишь в Америку! Там, говорят, детей по заказу делают. Хочешь – сына, хочешь – дочь, – подхватила шутку Ида.

Она, может быть, и ревновала Глеба, но этого не показывала, считала, что любовь – это не чувство собственности, а понимание, что человек, которого ты любишь, тоже любит тебя. Этого достаточно. И для того, чтобы любовь двоих не погасла, нужна свобода. Ида давала Глебу такую свободу, понимая, что сердце его с ней.

В Лос-Анджелесе для российской делегации были забронированы номера в шикарной гостинице. Для Паратова – королевский номер, а для Глеба – апартаменты. Но Сергея Сергеевича пригласил на свою виллу Стивен Спилберг, и его номер в гостинице остался свободным. Он и предложил его Глебу. Балкон с выходом на океан и столько комнат, туалетов и кроватей, что можно было заблудиться.

Все были в приподнятом настроении. Единственное, что огорчало: было жарко. В России в феврале стояли приличные морозы, и в Лос-Анджелес вся делегация прилетела в зимней одежде. Женская половина ходила на пляж в купальниках и шубах.

К тому времени фильм «Обожжённые» вызвал большой интерес. Зрители плакали во время просмотра, пропуская истории героев через свои сердца. Причём плакали и в России, и в Америке, и в Европе. Кинозалы были битком.

В Лос-Анджелесе Глеба перехватила известная актриса Наталья Андрейченко. Она мечтала снять собственный фильм по мотивам русских народных сказок, а тут Глеб с деньгами. Она была красива, обаятельна и считала, что между мужчиной и женщиной, ищущими просветления, существует магнетизм.

И тут же притянула к себе Глеба.

Заметив это, Полина закрылась в королевском номере и впала в жуткую депрессию.

Глеб всегда относился к женщинам с уважением, не оскорблял, не обижал. Многие принимали это хорошее отношение за ухаживание, которое в их сознании превращалось во влюблённость.

Однажды в своём офисе Глеб увидел сотрудницу, которая плакала оттого, что её бросил жених. Он стал её успокаивать, посоветовал перестать плакать: и жизнь её сложится, и всё у неё будет хорошо – и свадьба, и белое платье, и кольцо с бриллиантом. И эта женщина после таких знаков внимания Глеба стала всем говорить, что Глеб Андреевич сделал ей предложение.

Андрейченко со свойственной ей энергией оторвала Глеба от делегации и три дня водила его повсюду, знакомя то со своим мужем, актёром Максимилианом Шеллом, то с Вилли Токаревым, то с Михаилом Шуфутинским.

Глеба закружило.

На очередном приёме к Глебу с Натальей подошёл Павел Лебешев, тоже из делегации Паратова, и сказал, почему-то глядя на Андрейченко: «В нашей гостинице закончился весь запас водки!»

– Что же вы так много пьёте? У вас горе какое или беда случилась? – пошутила спутница Глеба.

– Да нет, мы-то как раз и не пьём. Нечего. Всё выпила одна рыжеволосая дама, проживающая в номере Глеба Андреевича. Вот у неё, наверно, и горе, и беда в одном флаконе. А послезавтра церемония. Думаю, её придётся везти не в «Кодак-театр», а в госпиталь.

Глеб едва дождался конца приёма и, передав актрису в руки Максимилиана, помчался к себе в номер.

Уже светало.

В номере он нашёл свою помощницу в невменяемом состоянии. Быстро завернул её, полуголую, в простыни и поволок на воздух в прохладу океана.

Глеб зашёл в воду по пояс и опустил её извивающееся тело в Тихий океан. Та выскользнула из простыней и энергично поплыла от берега.

«Очевидно, Полина решила вернуться на родину через Дальний Восток...» – подумал Глеб. А она удалялась всё дальше и дальше. Копна её рыжих волос то появлялась, то исчезала в волнах океана.

Глеб испугался. Рядом стоял катамаран, он прыгнул в него и, судорожно работая ногами, стал догонять Полину. Ему это едва удалось. Та, уже почти без сил, зацепилась за край катамарана и еле-еле забралась на сиденье. Потом сжалась в комок. Глеб накрыл её своей рубашкой, и они поплыли к берегу.

Полина вдруг заговорила:

– Маяковский застрелился от того, что его не любила ни одна женщина, а особенно та, которую по-настоящему любил он. Я побывала в коже Маяковского в эти дни. Ты знаешь, что из всех ножей мира самый несуразный и уродливый – нож для снятия кожи.

Глеб удивлённо смотрел на Полину.

– Да-да! Для снятия кожи с живых существ. Он напоминает большой широкий скребок, один конец которого плавно изогнут снизу вверх, а на другом конце – короткая деревянная ручка, – объяснила она. – Несуразность и необычность наших отношений, после того как я тебя полюбила, вполне похожа на этот нож. Пройдя через них, я осталась без кожи. Без единого кусочка, лоскутка. Тело моё стало напоминать большой окровавленный кусок мяса с миллиардами пульсирующих капилляров. Даже слабый ветерок из кондиционера задевал мои нервы, раздражал меня и заставлял волноваться и страдать. А представь себе, что было со мной, когда я представляла тебя в объятиях другой женщины?

– Ты ревнуешь? – спросил Глеб.

– Нет, просто я представляла твой возбуждённый шёпот, твоё напряжённое тело в чужих жарких объятиях – кровь вскипала внутри меня. Тело распалось до безумного жара. Сердце рвалось на части. Обнажённые капилляры лопались. И кровоточили, и кровоточили. Но ты всего этого не замечал. Тебе было интереснее новое, необычное. От этих ощущений у тебя горели глаза. Ты не плакал, как я.

– Откуда ты знаешь: плакал я или нет?

– Нет. Ты улыбался, пил, хохотал, острил. У тебя повышалось настроение, ты балагурил. Мы оба играли в эту опасную игру. И так увлеклись, что даже не сразу почувствовали запах крови на моём теле и не сразу заметили, что оно – моё нежное тело – осталось без кожи. Если Господь хочет наказать человека за грехи, то отнимает у него разум, но не жизнь. А у меня он отнял и разум, и жизнь. Сколько это могло продолжаться? Сколько я могла прожить без кожи?

– Ты меня спрашиваешь?

– Нет, я знаю ответ: ровно столько, насколько я была уверена, что ты только играешь в эти игры. Но как только я поняла, что это не просто игра, нервы мои запульсировали, тело стало свиваться в жгут. Я мысленно ходила за тобой, оставляя повсюду следы своих окровавленных ступней. Разбрасывая вокруг себя страдания, злость и низость наших новых отношений. Ещё немного времени, и я никогда не вернула бы свою кожу. А нервы мои превратились бы в острые шипы, торчащие из моего обнажённого тела. И разум мой начисто бы стёр такие понятия, как любовь, верность, преданность. Мне стало страшно. И тогда...

Полина замолчала, зачерпнула ладошкой воду, протёрла ей лицо и продолжила уже спокойнее:

– Тогда я остановила себя. И сразу почувствовала, как у меня стала нарастать кожа. Пусть пока тонкая и хрупкая, но она уже не давала пач-

кать окружающий мир. Мир настоящей любви. Да, пусть я страдала. Пусть. Но я благодарна тебе. Этому времени. Благодарна за волнение, за муки, за любовь через страдания. За ад и рай одновременно. Спасибо... Тебе... Я готова, если тебе это надо, быть рядом столько, сколько нужно.

Глеб обнял Полину и, не зная, что сказать, просто поцеловал её руку.

В номере он заставил её принять тёплый душ, напоил горячим чаем и, укутав одеялом, уложил спать. Причём сидел рядом на кровати, пока она не уснула. Уснув, она отпустила его ладонь, которую сжимала, словно боясь, что он опять исчезнет.

Глеб больше не исчез.

Утром Полина попросила у него прощения. Глеб ответил, что это он сам должен просить у неё прощения.

Весь следующий день прошёл в подготовке к церемонии вручения премии «Оскар». Оформление, прокат смокингов, лимузинов. Парикмахеры, визажисты. Суета, беготня.

Ровно в четыре все были в холле. Там было много кинознаменитостей.

Паратов стоял чуть в стороне, но, заметив Глеба, кивнул и сообщил, что на церемонию Глеб едет не с ним: он в первом лимузине, а Глеб в шестом, но в зале сидеть будут рядом.

Стали подъезжать лимузины. Первым уехал Паратов. Потом – ведущие актёры и авторы фильма. Следом – композитор и команда киностудии. Наконец, пришёл и шестой лимузин, но какой-то весь потёртый, с шофёром лет под сто и пыльными фарами.

С Глебом и Полиной посадили ещё трёх администраторов, девушку-гримёра и десятилетнюю дочь Паратова – Машу.

До дворца, где должна была состояться церемония, пешком тихим шагом идти минут тридцать, но американцы без показухи просто не могут. Они перекрыли все ближние улицы, и ко дворцу со всех концов огромного города со скоростью раненого муравья стали стекаться лимузины, каждый длиной не менее десяти метров: гость должен именно приехать, а не прийти – за этим очень строго следили устроители.

В салоне было просторно, но душно. Хотелось пить.

Глеб открыл бар – виски, джин, мартини. Холодильник не работал, и всё было тёплое. Воды не было и льда тоже.

Полина сняла трубку внутреннего телефона и спросила водителя, почему не работают кондиционер, холодильник и почему нет воды? Тот улыбнулся и пожал плечами.

В смокингах и бабочках стало невмоготу. Открыли люк, и Глеб высунулся в него. Мимо бесконечного ряда чёрных, серых и белых лимузинов, обгоняя их, беспечно и весело шли люди. Они с удивлением смотрели на фигуру в смокинге, торчащую из люка лимузина.

Глеб от души рассылал всем желающим воздушные поцелуи, а особенно женщинам-полицейским, которых было вокруг великое множество. Вскоре ему надоело, и он спустился в салон. Там была парилка. Все попутчики уже разделись до возможного предела и болтали. Одна Маша, забившись в уголок огромного дивана, сидела и плакала: у неё в холле гостиницы пропало пальто. Глеб пообещал купить ей новое, но она рассказала, что жалко ей не пальто, а разноцветные стёклышки, которые лежали в кармане.

– Как теперь мне смотреть на солнышко? – всхлипывала она.

– Вот проблема так проблема у человека. Не то что у нас, взрослых: виски горячее, – со смехом объявил всем Глеб.

Прошло сорок минут.

Все утешались мыслью, что терпеть осталось недолго.

Прошло еще сорок минут. Казалось, что лимузин не едет, а стоит на месте. Сотни длинных раскалённых чудовищ в восемь рядов медленно и важно пробирались ко дворцу.

В других сидели радостные люди, у которых, очевидно, работали и холодильники, и кондиционеры. Они приветствовали всех запотевшими от холода фужерами с минеральной водой и «американским шампанским».

Один из администраторов тоже предложил выпить. От такого предложения Полину чуть не стошнило.

К исходу второго часа подъехали ко дворцу церемоний.

В глаза ударило солнце, а в душу – магическое восхищение праздником тысяч людей, которые облепили «Кодак-театр».

Глеб с Полиной очутились в огромном коридоре, где позировали для кинофотоиндустрии легендарные звезды Голливуда.

Трибуны по обе стороны этого великолепного коридора с красной дорожкой были битком забиты киноманами.

Папарацци было не важно, кто ты. Ты – на красной дорожке, и со всех сторон они кричали: «Посмотри на меня!», «Look at me!», «Regardez-moi!», «Schau mich an!». Глеб с Полиной тоже позировали, здоровались со Шварценеггером, Сталлоне, Аль Пачино и Де Ниро. Глеб даже поцеловал ручку Клаудии Шиффер и обнял Спилберга.

Затем они вошли в фойе зала, выпили холодной кока-колы и, разделившись, направились: Глеб к седьмому ряду по центральному проходу, а Полина – туда, где сидела основная киногруппа фильма «Обожжённые».

Место Глеба было третьим. Он сел, расслабился, взял программку, в которой было приглашение на банкет лауреатов премии «Оскар». И тут его как током ударило: «Что-то тут не так. Выходит, уже известно, какой фильм получит “Оскар”».

Глеб заёрзал.

Постепенно зал начал заполняться.

Подошёл Паратов.

Глеб показал приглашение на банкет. Сергей Сергеевич посмотрел на Глеба, как на ребёнка, и спросил:

– А ты что, сомневаешься в нашей победе?

Глеб тут же соорудил отрицательную мину, хотя так ничего толком и не понял.

И тут началось чисто американское шоу – с размахом, с помпой. Было интересно, особенно когда на сцену выехал огромный куб с красным роялем наверху, а невысокий Элтон Джон всё никак не мог на него забраться, чтобы спеть свою знаменитую «Песню песен».

Началось награждение лауреатов по номинациям.

Через сцену за «Оскарами» продефилировали все награждённые звезды.

В конце длинной церемонии ведущий вдруг объявил, что фильм «Обожжённые» стал лауреатом премии, и пригласил команду российского фильма на сцену, но драгоценную статуэтку дали только одну – режиссёру. Паратов принял «Оскар» и долго благодарил академиков, пока его вежливо не попросили пройти в зал.

Дальнейшее Глебу было уже неинтересно.

Паратов раздавал интервью и автографы, Глеб держал бесценный приз у себя на коленях, а все вокруг тянулись поддержать или хотя бы потрогать это сокровище.

Глеб каждого предупреждал:

– Осторожно! Он тяжёлый.

Люди, не слушая, хватали статуэтку, от неожиданности громко ойкали и чуть не роняли. И так продолжалось до бесконечности.

На банкете, который устроила Американская киноакадемия для лауреатов «Оскара», русская киногруппа Паратова оказалась между столами Тарантино и Стивена Сигала.

Тарантино, молодой и нервный, был недоволен церемонией и, быстро напившись, стал хулиганить и кричать.

Стивен подсел к русскому столу и стал пробовать пить водку по-русски. Он оказался рубахой-парнем.

Потом подошел интеллигентный Максимилиан Шелл со своей красавицей женой Натальей Андрейченко. Глеб расцеловался с Наташей. А Полина демонстративно расцеловалась с Максимилианом.

Паратов уединился с голливудскими продюсерами и обсуждал прокат своего фильма в США. А его золотая статуэтка свободно ходила по рукам. Глеб даже забеспокоился, как бы она случайно не потерялась, и краешком глаза наблюдал за этими перемещениями. После пятого перемещения «Оскара» по столам Глеб перестал следить за ним. Стало понятно, что Паратов каким-то образом просто притягивает к себе эту золотую статуэтку. И та, покочевав по залу, в конечном итоге всегда возвращалась к владельцу.

Гуляли долго и весело. Разъезжаться стали только под утро.

Можно было наблюдать очень забавную картину: когда собиралась уехать очередная компания звёзд, то на брусчатке у дороги, дожидаясь лимузинов, стояли, поблёскивая золотом и платиной, то две, то три фигурки «Оскара».

На следующий день был показ для американцев. Зрители искренне благодарили Паратова и восхищались его талантом. А Сергей Сергеевич на пресс-конференции после показа сказал немало тёплых слов о фирме «Русский клуб» за её большую помощь в съёмках фильма.

Во время банкета Глеб договорился с американскими бизнесменами русского происхождения о заключении сделок на поставку в Нижнеокск астраханской чёрной икры, вологодского масла и белорусских комбайнов. Но для их подписания надо было лететь в Нью-Йорк, и следующим вечером Глеб вместе с Полиной вылетели туда.

Прилетев, они стали обозревать достопримечательности, а после их затащили в популярнейший ресторан «Русский самовар», который содержал Рома Каплан, очень милый и общительный эмигрант. Ресторан был небольшой. С русской кухней, фирменной клюквенной настойкой и потрясающей джазовой музыкой Игоря Бутмана. В разгар веселья на стол принесли две бутылки дорогой водки, и официант показал на затемнённый угол ресторана, где за столиком сидели какие-то дяди в кожаных куртках.

– От зрителей, уже посмотревших фильм «Обожжённые».

– Кто это? – спросил Глеб.

– Наши, из России, но умеющие стрелять с двух рук.

Больше у Глеба вопросов не было.

Потом появился Фетисов, легенда советского хоккея. И только они все вместе распробовали подаренную водку и решили заказать ещё, как владелец ресторана сказал:

– Всё, ребята, баста!

– Рома, в чём дело?! – обратился Глеб к владельцу.

– С двадцати трёх ноль-ноль в этом городе запрещено торговать алкоголем.

Все дружно возмутились:

– Да ты что, Рома?! Да ты давай потихоньку, как у нас в России, чтобы никто не видел.

– Нет. Если поймают, мне придётся закрыть заведение. Так что гуд бай.

Расставались поздно, с целованиями.

На следующий день дооформили очень выгодные контракты, о которых Глеб договорился во время «оскаровского» банкета.

Глеб был доволен поездкой. Единственное, что огорчило по прилёте в Москву, – пропажа чемодана. Его по ошибке отправили в Пекин. «Ну что ж, это тебе привет от американского беса», – подумал он.

Хорошо, что всё проблемное рано или поздно заканчивается. Ты радуешься этому и не подозреваешь, что у тебя на пороге новая проблема, ещё более сложная, чем все вместе взятые до этого.

Расставаясь с Полиной в Нижнеокске, Глеб её спросил:

– Вот ты работаешь, работаешь. Ни семьи у тебя, ни мужа. Хотя на моих глазах тебе предлагали великолепные партии. Австриец в Вене – миллиардер, итальянец Фулио Тафони – у него на Сицилии замок, и даже князь Лопато в Париже. Что не пошла?

– Не знаю. Всё понимаю, но ничего с собой сделать не могу. Как ты думаешь, бабы русские после общения с такими, как ты, – подарки, внимание, лёгкая и весёлая жизнь, уважение, стихи, защита от всего, – смогут потом жить с другим мужиком?

– Не знаю, может быть, и нет. Но если нарожают детей, думаю, смогут.

– После мужиков, с которыми даже рядом побыть за счастье? Чушь. Не смогут.

Глеб вспомнил их совместную поездку в Париж год назад по финальному оформлению проекта на поставку оборудования в «Русский клуб» для выпечки французских булочек и круассанов.

Тогда, завершив все свои парижские дела, Глеб в прекрасном расположении духа вышел погулять на Елисейские Поля. Проживал он в небольшом номере на втором этаже отеля «Рафаэль». Идти было недалеко – отель стоял на авеню Клебер, метрах в ста от Триумфальной арки. Полина осталась в своём номере доделывать контрактные бумаги.

Глеб нашёл открытое кафе. Заказал чашку кофе и круассан и уже хотел приступить к приятной процедуре, как вдруг увидел своего земляка-приятеля, владельца Окского пароходства. Тот шёл мимо в компании пяти-семи человек, и Глеб, естественно, окликнул его:

– Егор! Коровин!

Тот, конечно, удивился, что кто-то посреди Парижа вдруг зовёт его по имени, но, разглядев Глеба, неожиданно очень обрадовался этой встрече. Даже как-то слишком уж обрадовался.

Земляк буквально выхватил Глеба из-за стола и, энергично дёргая за рукав пиджака, стал почему-то шёпотом спрашивать:

– Послушай, у тебя здесь, в Париже, переводчик есть?

Глеб кивнул головой, что есть, но не переводчик, а переводчица.

– Ещё лучше, – обрадовался Егор.

И пригласил Глеба вместе с переводчицей вечером на ужин, который устраивал его французский партнёр в одном из рыбных ресторанов.

Опасаясь, что Егор оторвёт рукав, Глеб быстро согласился.

Потом земляк всё так же шёпотом рассказал, какую роль он предназначил Глебу на этом замечательном ужине:

– Понимаешь, я тут, в Париже, был с переводчицей, а ко мне приехала жена. – И он показал на мощный тыл женщины, стоявшей впереди. – Я, естественно, переводчицу тут же отправил домой, в Россию, – продолжал шептать он, – а никто из русской компании, приглашённой на ужин, не знает французского.

– Хорошо, хорошо. Давай адрес, – подтвердил своё согласие Глеб.

– Но у меня к тебе ещё одна просьба: я представлю её, твою переводчицу, будто это моя.

Егор заметно заволновался и заговорил слишком громко, отчего тыл супруги, тут же выразил настороженность. Увидев это, приятель тут же сбавил тон:

– В общем, выручай, земляк!

Глеб ещё раз поклялся его выручить. И, придя в гостиницу, сказал Полине, не вдаваясь в подробности, что они приглашены в ресторан.

Вечером в ресторане Егор радостный встретил их и усадил посреди русско-французской компании за огромный, но почему-то пустой стол.

Тем, кто не бывал во французских рыбных ресторанах, здорово повезло.

Прежде всего всем присутствующим принесли по огромному белому клеёнчатому слюнявчику – местные официанты с тихой, но фанатичной настойчивостью завязали тесёмки на шеях; Глебу при этом слегка перетянули горло, и он понял, что с такой удавкой много не съест.

Все дяди и тётки за этим круглым столом сразу стали похожи на детсадовцев младшей группы.

Женщины чуть не плакали: под атрибутами французского рыбного этикета скрылись как прелестные ювелирные украшения, так и собственно женские прелести.

Так и сидели. Кивали друг другу головами, изучали трещинки и дырки на клеёнчатых манишках своих визави и ждали, что сейчас принесут что-то невероятное, большое, жирное, смачное, – и все посетители сразу поймут необходимость этих гнусных слюнявчиков.

Принесли. Подали каждому гостю по две копчёных кильки. Съели. Запили. Выслушали речь.

Следом – по одной дольке маринованного огурца величиной с мизинец. Съели и это. Запили. Опять речь.

Сменили приборы.

Принесли по три креветки под жёлтым соусом. Съели. Запили. Опять пошли речи.

И так далее в том же духе.

Настроение стало скучное и томное. Единственное, что согревало, так это тугое бедро Полины. За неё Глеб и предложил тост под какого-то морского таракана с ложкой уксуса – зря, что ли, она все предыдущие речи переводила?

Все вострепнулись, выпили.

И хотя приятель что-то с жаром нащёптывал в этот момент своей жене, показывая вилкой то на Глеба, то теперь уже на свою переводчицу, жена его пить не стала и закусывать не захотела.

После десятой смены блюд французы вдруг запели, и только тут все русские поняли, что к кильке и огурцам подавали вино, а не прокисший сок, чёрт знает из чего надавленный. Тут Егор, видя поскучевшие лица соотечественников, достал из своего кейса презент французскому другу – две бутылки водки.

Произнёсся великолепный тост. Выпили. До дна. И французы тоже.

Потом произнёсся ещё один великолепный тост. Выпили. До дна. И французы тоже.

Стало жарко. Все стали снимать опостылевшие слюнявчики, не спеша дожёвывая килек, лягушек и таракашек.

И тут кто-то предложил поехать в «Распутин». Все радостно закричали, запрыгали, захлопали, и Егор объявил, что он за всё там заплатит. Позвонил в «Распутин» и сделал заказ.

Ресторан встретил лёгким полумраком. Новым гостям был выделен кабинет в красно-бордовых тонах. Стол уже был накрыт чёрной икрой, солёными огурчиками, маринованными белыми грибочками, горячей картошкой кругляшами с дымком и замороженной, в маленьких айсбергах, русской водкой.

Тут же к будуару подошли девять седых скрипачей. А первая скрипка, старый Поль, поняв, что сейчас здесь будет жарко, заиграл так, будто это был последний день в его жизни. Музыканты играли вдохновенно, легко и дерзко.

Потом откуда-то вынырнули русские эмигранты, князья и графы. Особенно выделялся князь Лопато – высокий, седовласый красавец с элегантной тростью. Увидев его, Полина вдруг решила, что ей пора замуж и мужем обязательно должен быть граф, ну, на худой конец, князь.

Пили все и пели тоже все. Женщины отплясывали «цыганочку с выходом», мужчины щедро раздавали скрипачам деньги – вначале франки, потом доллары.

Егор, раздав всё из кошелька, снял с себя золотые часы и отдал Полю. Потом потребовал наличные у жены и после резко отрицательного ответа стал навязывать скрипачам свои кредитные карточки.

Старый Поль, извлекая из своей скрипки всё новые волны чарующей музыки, мило улыбался и вежливо отказывался от карточек. Егор от этого очень расстраивался. Повернувшись к жене и угрожая ей карточкой, он твердил:

– Вот наступит утро, откроются банки, наменяю франков... За малым не покажется!

На это жена равнодушно пожимала плечами и пожирала глазами сцену, где Полина и князь Лопато десятый раз били по рукам, клянясь друг другу в вечной любви.

К шести утра ресторан напоминал бивак усталых воинов в степи. По столам, креслам и кабинкам валялись в разных позах люди, но в основном французы. А в одном углу, как у походного костра, вокруг кучки самых стойких собрались скрипачи, официанты и все хоть что-то соображавшие гости ресторана. Пелись русские народные песни, да такие, что плакать хотелось и бить себя в грудь, и жалеть, и гладить кого-то по буйной голове-головушке.

Наконец утомились и самые стойкие. Стали выносить французов. Поминутно возвращаясь то за кем-то, то за чем-то, сильно поредевшая компания медленно двинулась по лестнице к выходу из ресторана. Разъезжались на такси. Полина решила проводить князя. Глеб не возражал, дал ей денег, а сам пошёл пешком в гостиницу. Утренний Париж – в лёгком молочном тумане – ещё красивее, чем вечерний. Редкие машины и редкие прохожие на тротуарах.

На следующий день Глебу и Полине надо было улетать домой, но Полина так и не появилась и не позвонила. Глеб решил лететь один. Сев в самолёт, он никак не мог по-хорошему уснуть. Болела голова. Мутило, и стоило ему закрыть глаза, как начинал сниться странный сон.

Во сне Глеба, голого, волокла на гильотину толпа скрипачей, официантов и поваров из рыбных ресторанов, все они были с головы до ног обвешаны лягушачьими лапками и креветками. Причём путь пролегал почему-то через палаты реанимации, где на койках рядами лежали вчерашние друзья-приятели, полуживые.

А следом бежала жена Егора. Она то и дело подскакивала к Глебу и под общее ликование больничных палат давала ему пинка под зад, приговаривая при этом: «Вот теперь тебе, милоч, за малым не покажется!» А Глеб, вырываясь, кричал что есть мочи, что это вовсе не он предложил ехать в «Распутин». Но тут же появлялся Егор и шептал в самое ухо: «Не отпирайтесь! Предложение исходило от вас, и вы это сделали затем, чтобы соблазнить мою переводчицу». И он, рыдая, начинал кредитной карточкой резать себе вены на левой руке. От такого кошмара Глеб раз за разом просыпался.

Настроение его совсем испортилось, мысли то и дело возвращались к Полине. Он понимал, что с ней ничего плохого не случится, если только она и в самом деле не выйдет замуж за этого Лопато.

Но этого не произошло. Полина вернулась в Россию через неделю и вышла на работу как ни в чём не бывало.

При воспоминании об этом парижском приключении у Глеба всё же заскребло на сердце, и он спросил Полину:

- А помру, что будешь делать?
- Попрошу похоронить в одной могиле...
- Да... Как у вас, женщин, всё легко и просто...

Сказал, а сам подумал, что это не женщины усложняют ему жизнь, а он сам ставит себе капканы, в которые потом и попадает.

Хотя... Каждая женщина имеет право на свою личную жизнь. Впрочем, как и каждый мужчина.

Ида встретила Глеба из Лос-Анджелеса тепло. Видно было, что соскучилась. Приготовила праздничный ужин, сама, как всегда, выглядела великолепно и детей нарядила.

Имея мужа серьёзного и известного, Ида очень тщательно, ежедневно и ежечасно следила за собой. И ей это удавалось. Глеб ни разу – ни ранним утром, ни поздним вечером, ни в сладкие минуты ночи – не видел Иду неприбранной.

Она не была ханжой, но и особого желания «звездиться» у неё не было.

На губернаторские балы, встречи, фестивали она с удовольствием надевала наряды от известных кутюрье и драгоценности, которые дарил Глеб.

Она видела и чувствовала, как этим был доволен муж и как другие мужчины тоже были очарованы её красотой и обаянием.

Что ж, Глеба всё устраивало.

Ида жила, словно королева.

Завидуя этому, что только не говорили о ней по углам её подруги и недруги. «Как часто люди бывают эгоистичны и жестоки», – думала Ида, когда до неё доходили эти нехорошие слухи. Но за делами и заботами о детях, о муже она переставала думать об этом. И опять жизнь продолжалась как всегда. Пусть не такая простая, как кажется всем со стороны, но с любимым и близким человеком, отцом её детей, мужем и хозяином фирмы «Русский клуб».

Ида считала, что без детского смеха счастья в доме нет.

А чтобы детский смех звучал постоянно, воспитанием детей должна заниматься мать. Это требует много времени, терпения и большой любви. Ида говорила: если мать будет мало говорить с детьми, то с ними начнут говорить чужие люди.

А Глеб же, у которого, как и у всех мужчин, отсутствовал инстинкт материнства, воспринимал детей как взрослых людей, только маленьких.

От любимой женщины необязательно нужен секс или приготовленный ужин. Память мужчины порой фиксирует не моменты любви и вкусный борщ, а проводы или встречи. Это всегда как шаг к счастью.

Глеб в момент самых горячих объятий, в секунду самой великой и сладкой близости начинал понимать суть и счастье жизни.

Всё живое на Земле и вся Вселенная были созданы для этого мига. Мига любви.

Ида никогда вслух не говорила про свои чувства, но Глеб слышал, слышал этот её внутренний голос всем своим сердцем, всей душой: «Как я рада, что ты пришёл живой и здоровый, мой милый, мой единственный любимый мужчина, люблю тебя, люблю».

С Глеба моментально сваливалась грязная шелуха дневных проблем, которая обволакивает всякого, кто связал свою жизнь с миром денег. Он как бы очищался в потоке радости и ласки, встречающей его. Внутри разливалось море тепла и спокойствия. И Глеб понимал, что это не чувство сладости, это – любовь. Чувство, которое человечество пытается понять и объяснить тысячелетия. И не может.

И не оттого, что оно, это чувство, непонятно людям, а оттого, что оно многогранное, индивидуальное и неповторимое, как и сам человек. Штучное создание Господа.

Дом был вотчиной Иды.

Ида всегда встречала мужа с хорошим настроением. Глаза светились. От её фигуры, движений, голоса исходили волны любви и ласки. Переступая порог квартиры, возвращаясь из мира жестокости и хаоса, Глеб попадал в мир стабильности, нежности и добра. Начинался он с поцелуя Иды, с тапочек, принесённых старшей дочкой, ласк второй и лепета младшей о том, как они ему рады. Всё это сразу успокаивало, и он был безмерно рад своему дому.

В семье Ида создавала свои традиции. Воскресные спектакли. Поделки к праздникам. Выпуски газет к дням рождения всех членов семьи. Дома обязательно жили кошки, собаки, птицы. Всё это требовало постоянного присутствия помощников.

Детям было строго запрещено хамить этим людям и смеяться над ними. Ида считала, что смех может обидеть человека сильнее, чем грубая брань. От этого обстановка в доме была доброжелательная. Хотя и не обходилось порой без ироничных шуток Глеба.

Как-то Глеб пошёл поцеловать дочерей на ночь.

Старшая, обнимая его, вдруг зашептала ему на ухо:

– Папа, а я знаю, кто ты...

– Кто? – опешил Глеб.

– Ты буржуй. Мне об этом тётя Тамара сказала.

Тётя Тамара – это Тамара Ивановна, которая помогала Иде по хозяйству.

– Ну, раз тётя Тамара сказала, значит, буржуй.

– А это хорошо или плохо?

– Для тебя хорошо, а вот тёте Тамаре будет плохо.

– Жалко тётю Тамару, её и так муж бьёт.
– Откуда ты знаешь?
– Она маме рассказывала.
– А-а-а... А мама не рассказывала, как я её бью?
– Ты? Маму?
– Да нет. Тётю Тамару за то, что она тебе глупости всякие говорит.
А младшая вдруг вскочила из кровати и бегом бросилась из спальни:
– Мама, мама! – кричала она. – А папа тоже тётю Тамару бьёт!
Улыбнувшись, Глеб подошёл к Иде и сказал: «Я скажу Майору, чтобы он уговорил мужа Тамары Ивановны».

Но бывало и так, что Глеб приходил домой злым, сердитым и грозным. И не сразу переключался на семью. Вот тут-то и срабатывало ещё одно важное качество Иды – терпение.

Она терпела и его сердитый взгляд, и громкий голос, и раздражение, и недовольство. Хотя она-то как раз тут была ни при чём. Но всё терпела и повторяла про себя: «Я всё тебе прощаю до тех пор, пока ты меня любишь». И, конечно, Ида поняла, что после Лос-Анджелеса отношения между Глебом и Полиной стали не только рабочие. Ида опять стала замыкаться.

Глеб любил Иду, но порой поступки его говорили об обратном. Казалось, он делает всё для того, чтобы жена перестала верить ему и разлюбила его. «Какая же я сволочь, – подвёл он итог поездки в Лос-Анджелес. – А сколько у Иды было потрясений и мук от этого!»

Но Глеб уже остыл к Полине и в один из дней, не выдержав самокопания, решил поговорить с Идой. дождался, когда дети ушли гулять с няней и она осталась на кухне одна. Он взял её за руки и, как была она с поварёшкой и в фартуке, привёл в зал, посадил на диван и сказал: «Всё, я вернулся. Прости меня, больше этого не повторится. Я понял, что люблю только тебя и буду с тобой всю жизнь».

Ида резко встала. Подошла к окну.

Повернувшись спиной к Глебу. Закрыла лицо руками, поварёшка со стуком упала на пол. Он вскочил, шагнул к Иде и одним движением крепко-крепко прижал её к себе. И тут Ида зарыдала так, что её всю затрясло. Кровь хлынула из её носа.

Кровь не просто лилась – она яростно пульсировала, повинувшись ударам её сердца. Ида забилась в руках Глеба как в лихорадке.

Это было страшно.

Тело Иды замерло, и она, затихнув и выскользнув из его рук, сползла на пол.

Глеб смотрел на женщину, лежавшую у его ног, на свои руки в её крови. В голове его помутилось, и он, потеряв сознание, рухнул рядом с Идой. Реальность исчезла, и его окружили упыри и вурдалаки. Они пока не трогали его, но, злобно шипя и гортанно лая, твердили, что вот-вот начнут терзать его на части. Кто говорил, что он сейчас напьётся крови досыта, кто рассказывал, как он будет резать Глеба на части, другие, сладко облизываясь, бахвалились друг перед другом, как они будут рвать на куски его душу. От этих ужасных посулов нечисти тело стало выгибать в дугу, как на дыбе. Он пытался кричать – звать на помощь, но вместо крика из его горла вырывались только хрипы. Вдруг стали появляться друзья и тут же пропадать – один за другим, бездейственно и безмолвно. Страх, что ему никто не может помочь, казалось, вот-вот сведёт его с ума, но тут он услышал голоса Иды и детей.

Дети, маленькие хрупкие девочки, сидя на каких-то ступеньках, закрыв от ужаса глаза, твердили, как заклинание: «Мы любим папу! Мы любим папу!» А Ида, полностью обнажённая, без страха, как разъярённая львица, бросалась на толпу чудовищ и кричала: «Не отдам! Я вам его не отдам!» Она пробилась к Глебу и накрыла его своим телом.

Сознание стало возвращаться к нему. Очнувшись и оглядевшись вокруг, он понял, что всё это кошмарное видение было бредом его воспалённого мозга. Но, по сути, Глебу через подсознание сообщалось какими-то высшими силами, что только любовь Иды и детей защищает его от ужасов мира.

Он лежал на полу на спине, рядом сидела Ида, голова его покоилась на её коленях, и она, переворачивая мокрое полотенце, обтирала его лицо.

Лицо Иды было в крови, и халат, и волосы. Она всё ещё всхлипывала, но уже не надрывно, а устало. Увидев, что Глеб очнулся, стала целовать его, гладить и шептать: «Я знаю, я верю, у нас всё будет хорошо. Я знаю, я знала, что ты меня любишь».

В голове у Глеба была странная лёгкая пустота.

Он осторожно встал, и, поддерживая друг друга, они пошли в ванную комнату. Там кое-как разделись и вместе встали под душ, смывая с себя слёзы, кровь и боль.

Потом Глеб целовал и ласкал Иду так, как никогда раньше. Она прижималась к нему и была бесконечно нежна. И хотя за все эти годы у них было очень много минут счастья, то, что они испытывали сейчас, не шло ни в какое сравнение с тем, что было прежде.

А кем Ида была для Глеба?

Возлюбленной?

Матерью его детей?

Просто женой, которая мелькает рядом и не даёт скучать?

После такого откровения Глеб понял: Господь к нему, как к не потерянному ещё до конца своему созданию, для постоянного присмотра и контроля приставил именно Иду. И вот теперь эта частица Бога наблюдает, помогает, предупреждает, оберегает и даже дарит наслаждение.

При расставании с Идой у Глеба всегда возникала тревога.

А вдруг что-то произойдёт, и больше не будет в жизни этого уголка счастья. А вдруг... А вдруг... И чем дольше длилось расставание, тем сильнее ныло сердце и душу глодали тревоги и страхи. Но, слава богу, это всё проходило, как только Глеб возвращался домой, к той женщине, которая была ему дороже всего на свете. Дороже всех побед, договоров, денег, пустых восхищений и случайных знакомств.

И было всё это оттого, что Ида относилась к Глебу с вниманием, пониманием и осторожностью. Она старалась его не расстраивать и не беспокоить по пустякам. Ида знала, что сердце Глеба здесь, дома. Поэтому без прямых расспросов понимала его настроение. Если сложно – она могла как-то его успокоить, поддержать или просто промолчать, перетерпеть.

Ида – всегда спокойная, ласковая, искренне любящая.

Дочки – добрые, весёлые и счастливые.

Глеб – надёжный, умный и сильный.

Тишина и понимание в доме, человеческие отношения без разборок и претензий – всё это давало возможность жить в покое. Их дом был неприступной крепостью и спасением в непростое время.

А мир вне семьи был жестоким и страшным.

Стихи по кругу

Евгений СТЕПАНОВ

Москва

Юноша шестидесяти лет

Н.

Юноша... шестидесяти лет,
Я смотрю на вьюжный белый свет.
Я смотрю, не много понимая...
Почему так коротка прямая
Меж землей и небом? Почему
Больше я тебя не обниму?

Средство от всех болезней

Беспомощность. Осенний грипп
Ко мне – точь-в-точь репей – прилип.
Болезнь впитав, как промокашка –
Чернила, – я вздыхаю тяжело.

Вот если бы – пускай на миг –
Стать всемогущим, как старик
Хоттабыч – полететь над склоном...
И вновь – как прежде – стать влюбленным.

Влюблен – уходят грипп, орви,
Плывет сквозь боль ладья любви,
И Танатос проходит мимо.
И жизнь светла неотвратимо.

Воспоминания о манхэттенской молодости

Неоновая радуга – до рези
в глазах, и жизнь в чужой стране.

И женщина загадочная, не-
много крейзи.

А «Taxi driver» Мартина Скорсезе,
Наверное, отчасти обо мне.

Зима

Душа взлететь пытается, спеша
Туда, где тишь и не всесильна боль.
Как говорят в Румынии – Asha.
Как говорят в Германии – Yawol.

Я боль свою пытаюсь превозмочь.
Мне очень нужно не сойти с ума.
А день мгновенно переходит в ночь.
А осень мигом кончилась. Зима.

Аэродром

Иду-бреду, угрюм и хром, но знаю, что душа крылата.
Земля – большой аэродром душ, улетающих куда-то.

Глобальна темень – глаз коли́. От стресса дергается веко.
Предназначение земли – курс подготовки человека

К полету (кабы знать куда?!). Не поумневший ни на йоту,
Иду сквозь боль и города – готовлюсь к долгому полету.

Евгений КУХТИН

Нижний Новгород

* * *

Что мне в жизни земной и превратной?
Я хочу возвратиться туда,
Где любви языком мне понятным
Говорит со звездою звезда.

Где ни горестей нет, ни печалей,
Я забуду, что был всем чужой,
Ибо Слово, что было вначале,
Станет мне путеводной звездой.

Полечу искрометной кометой,
Глыбой льда, что объята огнём.
Что жалеть мне оставленных где-то?
Что мне плакать? И помнить о чём?

В круг весёлый вступлю хоровода,
Что ведут во Вселенной мирах,
А желанная сердцу свобода –
Только отблеск чудесной игры.

И законы игры принимая,
Я отправлюсь в назначенный путь:
И предстанет Земля, возрастая,
Предо мной – и уже не свернуть...

* * *

Кто обойдён земной любовью, плачьте!
О счастье жить поёт средь звёзд Земля.
В саду ночном она твердила: «Мальчик...»,

Смеющаяся женщина моя;
Тяжёлые срывались с веток сливы
И глухо падали... И глупо плакал я.

И долгих лет медлительным отливом
Влекомый, я с тех пор чужой везде.
Жить на земле – учиться быть счастливым,

Когда уйдёшь к родной тебе звезде.
А мы живём, огня любви не зная,
С собой в разладе и с людьми в вражде.

А та, тебе когда-то дорогая,
Она, быть может, вспомнит о тебе,
Когда чертит склон неба, догорая,

Звезда. Мы все скитальцы по судьбе;
Нам на земле идти кругами ада,
Одна любовь нас выведет к себе –

И голос наш сольётся с хором Сада.

* * *

С лучшей долей повстречаться –
Что за голос мне пропел?
Мимо дома, мимо счастья
По нехоженой тропе

Вышел я, не зная страха;
Бурелом да смрад болот;
Надо мною вьётся птаха,
Речи сладкие ведёт:

«Проведу тебя сквозь дебри,
Пусть кружится голова,
И кругами ходят звери,
И дурманит трын-трава.

Но зато в краю счастливом
Ты забудешь мир тревог,
Под раскидистой ивой
Сон тебе навевает Бог...»

Так и вышло. Сплю сном чудным:
Вижу родину свою
И в сиянии жемчужном
Ту, которую люблю...

Вновь повеяло отрадой:
Всё, что хочешь, попроси.
Для желаний силы надо,
Я же выбился из сил.

Верю я: не буду брошен,
Пусть мой будет сон глубок.
И с улыбкою хорошей
Отошёл неслышно Бог.

Яков ШАФРАН

Тула

С Сергеем Есениным

Мы о прошлом так часто тоскуем
И мечтаем – вот если б теперь!
Но порой констатируем всеу:
«Много в жизни смешных потерь».
В дальний путь часто бодрой походкою
Мы идём и, встречаясь с бедой,
Я «люблю тебя, родина кроткая», —
Говорим, и не нужно другой.
Неприятие встретим вдруг снова —
Мол, не наш, но ответим скорбя:
«Ты моё васильковое слово,
Я навеки люблю тебя».
Иногда будет лишней крылатость,
Не мешала бы тишь нам да гладь —
«Где ты, где, моя тихая радость —
Всё любя, ничего не желать».
То искусство – в миру одиноким.
Повторю, зажигая свечу:
«Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звёзд учусь».
Искривляются времени оси.
Страшно, цель не достигнув, умру.
Слышу: «Глупое сердце, не бойся,
Уж лучше сгореть на ветру».

Виктория БЕЛЯЕВА

Ростов-на-Дону

* * *

Падало небо. Красный орал петух.
Перья ронял из пламени голубые.
Помню, одно поймал, и меня убили.
Но не всего, ибо добрые Сын и Дух.

Добрый Отец. Стали ангелы ткать мне сны.
Пахли они дождями, вином и жизнью.
Падали перья, но снились мне только листья
необратимой седеющей белезны.

СЛИВЫ

Возле русских ресниц
мои пальцы почти задремали.
Знать бы, что тебе снится?
Я в кружке с отбитой эмалью

молоко принесу.
Жадно выпьешь, не глядя, спросонья.
Брошу кофту на стул,
Обернусь для прощенья к иконе.

Сливы ветер сорвет.
За тобою закроются двери.
Вот и все. Вот и все.
И дано будет счастья по вере.

Аркадий ГОНТОВСКИЙ

Прокопьевск, Кемеровская область

Старушка

Дома темны, застыли тайнами.
Какой здесь год? Какой здесь век?
Какою давностью за ставнями
Дрожит и опадает свет.

Там у свечи старушка клонится,
Молитву шепчет образам.
А с образов глядит бессонница
В её усталые глаза,

За рубежи, за эхо летнее.
Она припомнит и вздохнёт.
И вздохом, долгим как столетие,
Свечу погасит. И уснёт.

Юрий ПРОНИН

Нижний Новгород

* * *

Всё мне кажется,
Всё мне кажется:
Где-то там, в синеве за рекой,

Всё разгладится,
Всё уляжется,
Обрету желанный покой.

Всё мне грезится,
Всё мне грезится,
Что пойду я гулять по луне
И смотреть на шарик, что вертится
В голубой немой тишине.

Погляжу оттуда, из Вечности,
Для которой нет суеты,
На пределы нашей беспечности,
На истоки нашей беды.

Олег ИГНАТЬЕВ

Москва

Кенар

Друг неженатый Гена
Жаловался не раз,
Что овдовевший кенар
Петь по ночам горазд.

Я, мол, и то и это,
Он же, как только ночь,
Так и давай до света
Ноты в зобу толочь.

Клетку сменил, а толку?
Петь стал ещё сильнее.
Самку достал! Да только
Стал он ещё чумней.

Что ему надо? Проса
Вместе с икрой намять?!
Знаешь что, Гена, просто
Надо его понять:

Ни за какую плату
Он не забудет смерть.
Кто не умеет плакать,
Тот начинает петь.

* * *

И мы бы с грустью не возжались,
И тьма за свет могла сойти,
Когда бы спали и распались
Земные путы и пути.

Но липу снова овевает
Сквозняк медовый, и пчела
В густых соцветьях забывает,
Что здесь работала вчера.

* * *

Держу свечу пред аналоем, смотрю на Царские врата.
Мне вспоминается былое, как жизни грешной маета.

Что наши страсти? Безрассудство с его смертельной тоской,
В которой люди не спасутся, не обретут святой покой.

Чем утешаюсь я порою, припоминая жизни вал?
Тем, что казённую строкою бумагу всеу не марал.

Стихи о фабриках и шахтах сгорели в топках угольком,
А вот о зорях и закатах звенят прибрежным тростником.

Хвалебных слов не так уж много в распоряжении моём,
Но большинство из них – для Бога, чьим откровением живём.

Звучит в повторах «аллилуйя», мир сердца радостен и свеж,
Как будто не свечу держу я, а край сияющих одежд.

Публицистика

Ярослав КАУРОВ

Родился в 1964 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт. Работал невропатологом, врачом линейной бригады скорой помощи, на кафедрах патологической анатомии, токсикологии. Доктор медицинских наук, автор 32 изобретений, 2 монографий и 1 открытия.

Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Правда», «Москва», «Литературная газета», «Юность», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «День поэзии» и других. Шеф-редактор литературно-поэтического журнала «Холм поэтов».

Член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Живет в Нижнем Новгороде.

ГОРОД СЧАСТЬЕ

*Глава из очерка «Юродивый нашего времени»**

Напоминаю, что некоторые факты и имена, названия населённых пунктов, а то и приёмы ведения боя изменены по понятным причинам. Но 99% информации здесь – правда.

Я. К.

Я уже представлял вам моего друга Юру Евстигнеева, мастера рукопашного боя, бывшего полицейского, ветерана Карабаха, Чечни и СВО на Донбассе, абсолютного бесребреника. Рассказывал о его наплевательском отношении к деньгам и чинам, о его талантах тренера, наставника, кулинара и верного товарища в бою. Даже о его болячках, которые он посылает ко всем чертям, и снова уходит на войну. В последнее время наш герой прошёл подготовку по минному делу и специалистом стал просто уникальным.

* * *

В июне 2023 года Юра услышал от большого знатока боевых искусств Серёжи Курушаева о человеке в батальоне «Скиф» (казацкая бригада «Терек»), который хотел бы видеть его (Юру) ответственным за боевую подготовку батальона. Тема интересная, батальон – это не рота, дело серьёзное.

* Начало см. «Нижний Новгород», № 5, 2023.

Приехал. Пообщались. Показал, что умеет, народу понравилось. Но руководили подразделением люди, в действующей армии сами не служившие, из прокурорских, боевой подготовке особого значения не придавали, не нужна она им была. Поставили бойцом в комендантский взвод.

Юра предложил сделать инженерно-сапёрную службу штурмовых подразделений – при Сталине были такие штурмовые инженерно-сапёрные бригады особого назначения (ШИСБр). Они занимались штурмом городов. При штурме Кенигсберга было 15 таких штурмовых бригад. Непреступная крепость Кенигсберг пала за три дня. Для создания такой службы нужен отдельный транспорт – несколько автомобилей, а лучше бронетранспортеров. На чём-то нужно ездить на задания. И три склада: один – для взрывателей, обязательно с электричеством, специально оборудованный; второй – для взрывчатки; а третий можно просто сарай для инструментов: лопат, ломов и прочего инвентаря.

Предложение так же не поддержали, и Юра остался опять рядовым.

Несколько раз подразделение пытались бросить на Клещевку.

Понятно, что противника нужно всё время беспокоить, не давать ему спокойно отдыхать в окопах (хотя попробуй там отдохни), заставлять нервничать, гадать: куда же будет направлен главный удар; может, он начинается именно сейчас, именно в этом месте. Сюрпризы на войне – «главное удовольствие». Однако методика бросать на штурм меньше людей, чем находится в обороне в распоряжении противника, – практика абсолютно провальная. А именно так погибло большое количество людей под Клещевкой. В конце концов, стали особенно опытных солдат прятать от посягательств начальников-бузотёров. А где на войне можно спрятать солдата? Ответ один – на передовой, «передке» по-простому!

Так для Терминатора началась самая проклятая война из всех известных – окопная. В дождь и снег, друг напротив друга, гниют в осклизлых или замёрзших окопах бойцы. Мёрзнут, проклиная всё на свете! То присыпанные снегом, то по колено, по пояс, по горло в ледяной жиже.

Напротив частей Терминатора со стороны позиций ВСУ стояли части, сформированные из наемников-поляков. Постепенно казаки стали отвыкать от украинской мовы и приучались слушать дикие крики (особенно когда поляки в праздники перепивали) на польском. А кроме поляков сколько мировой сволочи побывало на позициях врага: и французы, и немцы, и англичане, и американцы, и канадцы! Вся бандитская погань планеты служила наймитами у англосаксов, привыкших набирать пиратов на службу её величества королевы или короля Великобритании.

Как могли, на передке устраивали быт. Землянка, если её можно так назвать, строится так. Над уровнем дна окопа, причём чем выше, тем лучше, оставляется порожек. Это делается для того, чтобы вода и грязь не текли из окопа в жилище. Дальше нужно заглубиться – чем больше, тем лучше. Дальше идёт камера: на одного, на двоих, на троих. Некоторым везло, и делались настоящие землянки на семерых в несколько накатов, достаточно просторные. Но чем больше народа ходит в землянку, чем чаще её посещают, тем проще её раскрыть беспилотникам, а дальше – передаются координаты, и прилетает снаряд, ракета, дрон-камикадзе или ещё что-нибудь. Так что чаще роятся жилища на одного-двух бойцов. Высота как под столом. Жить можно, но это – нора, настоящая нора, в которой из потолка торчат камни и корни. О них, проснувшись

неожиданно и подскочив, Юра не раз разбивал в кровь голову. На пол стелется не просто пенка, а специальный, толстый, не пропускающий холод, довольно мягкий, пластиковый матрас: либо каремат (длинный прямоугольный лист из вспененных полимеров, другими словами – пенка с обилием пузырьков воздуха; по типу туристического коврика), либо пенопласт сантиметров семь толщиной. Юрин пенопласт пришлось со временем выбросить. Его совершенно сожрали мыши. Вход чем-нибудь занавешивается: брезентом, плащ-палаткой. Вместе с хорошим зимним спальным мешком создаётся быт. Выжить можно, но холодно всегда. Всё время жгутся окопные свечи. Немного они дают и реального тепла, но главное, в темноте психологически вообще хана. Могила как могила. Парафин после этого откашливается многие месяцы.

Вообще луганская земля устроена так, что первые верхние слои (60 сантиметров) – это чернозём, достаточно мягкий, а затем идет слой тяжелой, очень твёрдой земли, глинистой, с камнями и корнями (копать – сплошное проклятье). А чем глубже в неё вкопаешься, тем большая возможность выжить, и для небольших камер «свод» вполне нормально держит. Потолок, чтобы с него не капало, прикрыт полиэтиленовой плёнкой – и кто только не бегают, не ползает, не скачет по этой плёнке, периодически сваливаясь тебе на голову. Там постоянно сидело и занималось своими делами до пяти–девяти мышей. Мыши – это самые частые сокамерники. Кроме того: многоножки, пауки, червяки и жуки – все, кого разбудило подземное тепло. Спишь, а над тобой всё время кто-то шуршит и возится, внезапно падая на лицо или в консервную банку, из которой ты ешь. Однажды Юра проснулся от писка и визга. Зажёг свечу. На потолке за тонким слоем полиэтилена крыса ела мышь.

Как-то, после полутора месяцев бессменного сидения в окопе без бани, Юре стало мерещиться, что у него скоро заведутся вши!

Печку, как правило, не ставили. По тепловому следу, считанному тепловизорами беспилотников противника, удары тяжёлой артиллерии или ракет следовали незамедлительно. Если в землянке на несколько человек всё-таки задумывали поставить печурку, то дымоход выводили метров за двадцать-тридцать, да ещё и в несколько разных направлений, в зависимости от ветра.

Приличный дзот составлял середину позиций подразделения, от него, как лапки паука или как речки у озера, ветвились окопы, переходы, схроны открытые и скрытые, ложные и настоящие. Чем глубже, тем лучше.

«На войне нет неверующих!» – так сказал один боец в репортаже центрального канала ТВ. Вот и Юра под постоянным огнём и глазами неусыпных беспилотников почти постоянно молился: 400 раз читал молитву Богородице и 300–400 раз псалом 90 «Живый в помощи вышняго». В ледяной дождь, в пургу в постоянной молитве впадал в состояние своеобразного транса. Юра не знал, что в подобном состоянии когда-то находились православные монахи-исихасты на Афоне и их последователи. И его служение Родине, при постоянной молитве Господу Богу, приравнивалось к духовному подвигу избранных молитвенников за Россию и православие вообще. Но только так можно было пережить кошмары окопной войны.

Вообще на памяти Юры было много случаев мистической зависимости человека от воли Божьей.

Например, был боец, который не выпускал практически из рук, всячески баловал и оберегал уже довольно большого котёнка. Они были

неразлучны. Боец охотно рассказывал свою историю. Подобрал он котёнка совсем крошечным, больным, со шкуркой, вылезшей во многих местах, всего в запёкшихся кровоподтёках. Погладил, пригрел. Вдруг котёнок вырвался и убежал. Боец за ним. Выскочил из одних развалин, забежал за четвероногим беглецом в другие. В этот момент по дому, в котором они только что были, ударил снаряд. С тех пор парень котёнка от себя далеко не отпускал.

Или вот ещё. По линии соприкосновения на участке Терминатора наступлений нашей армии не предвиделось. Между позициями наших и поляков было 600–800 метров. На лесополосе со стороны поляков – 12 дотов. Дот – яма, над ней ставился железобетонный колпак, заброшенный накатами брёвен, мешками с песком и просто землёй; пробить такой сложно. Между позициями наших и поляков пролегла ложбинка с маленькой речкой. Лезть в неё и становиться голой мишенью для обеих армий, никому не хотелось. Кроме того, выше по течению речки находилось водохранилище, контролируемое поляками. Даже если захватишь кусок позиций на том берегу – откроют плотину, отрежут и сотрут с лица земли.

На этом месте до добровольцев стояла ЧВК «Вагнер».

Били всё время: и беспилотниками, и из миномётов. В один день Юра родился по второму разу дважды. Сначала он пошёл за салом. Руслан, позывной «Чача», был его добрым товарищем.

– Чача! Сало есть?

– Так – нет, а для тебя найдём! – улыбнулся боец.

Отошли в блиндаж. Через минуту ровно туда, где они только что стояли, прилетела мина из шестидесятимиллиметрового польского миномёта. Его особенность в том, что он стреляет почти бесшумно. Некоторые из молодых бойцов говорят, что слышат. Терминатор после многочисленных контузий не слышал ничего. Потом они померили расстояния – мина прилетела как раз между ними в 20 сантиметрах от их голов.

Через два часа Терминатор пошёл, извините, в сортир. После бариатрической операции на желудке для похудения (до нее Терминатор весил как два здоровых мужика) ходить по нужде приходилось довольно часто. В полевых условиях прекрасных дам нет. Туалет представляет собой яму, над ней две доски, чтобы в дождь не поскользнуться и не съехать вниз, четыре стойки и наброшенная на них маскировочная сеть. Через пять минут после того, как Юра завершил свои дела и ушёл, в стойку попала мина.

* * *

Сначала с обеих сторон велись миномётные и снайперские дуэли. Стрельнул – и срочно меняй место дислокации. Но с декабря 2023 года, видимо, резко пополнились запасы снарядов и других «игрушек» у наших – и поляков принялись утюжить тяжёлым вооружением всерьёз.

Экипировали бойцов хорошо, но тут и самому стоило проявить смекалку. К примеру, каски или шлемы. Самые лёгкие – это западного образца, пластиковые – много слоёв кевлара, задержат осколок, но пулю пропустят. Следующие – «Ратник» (на основе арамидных и сверхвысокомолекулярных полиэтиленовых волокон), как у Юры: и защитит, и шею не свернёт. Тяжелее – «Монолит»: надёжнее, но тут смотря какая шея; если «раскачанная», то пойдёт. И, наконец, тяжёлый группы «Альфа». Он просто стоит на плечах, – на голове не удержишь. Зато,

если попадёт даже пуля из автомата, после ощущения здоровенной встряски просто спросишь: «Кто был? Что надо было?»

Бронежилеты тоже разные. Тут каждый должен решить для себя. С одной стороны, тяжёлое изделие защитит лучше, но, если для тебя оно не по скелету и не по мышцам, ты начнёшь его часто снимать, а это ещё хуже. Так же и с каской.

На войне всё происходит вдруг. К тому же как ты в этом побежишь в наступление и как быстро сможешь при необходимости отступить?

Аптечка. 4 жгута Эсмарха. У Терминатора еще 4 турникета были пристёгнуты прямо к конечностям. И в полевой сумке – ещё 4 жгута. По правилам помощь товарищу оказывается из его аптечки и его жгутами. Мы ещё вспомним об этом в нашем рассказе.

Необходимо иметь несколько фонариков. У Юры было три: фонарик на пальчиковой батарейке, второй – на двух мизинчиковых, и аккумуляторный, самый мощный, который можно было включать как настольную лампу.

Прекрасный нож, в прошлый его военный поход выданный государством, с эбонитовой ручкой (если потереть можно подорвать заряд).

Естественно, автомат и четыре рожка – больше нет надобности: на местах всегда был запас вооружения. На каждую позицию – тепловизор или прибор ночного видения; 3–5 РКГ-3 (советская ручная кумулятивная граната для уничтожения танков), один РПГ-7 (ручной противотанковый гранатомёт). В каждом окопе по 5 цинков патронов на 4 человек. Вообще на позиции до 7-8 человек. Каждый третий боец имеет пулемёт, каждый второй – гранатомёт.

На роту было по 4 ПТРК с противотанковыми управляемыми ракетами «Шмель». Кстати, из такого в соседней роте, которой командовал Фагот, друг Юры, боец с позывным «Урал» подбил вертолёт «укропов». С Уралом Юра служил в соседях ещё в четырнадцатом году.

Кормили хорошо, но всё равно полевая пища приедалась. Особенно ценился вагнеровский сухой паёк: он был менее разнообразным, чем армейский (в армейском даже повидло водилось), но более вкусным.

* * *

Существовал негласный, но неуклонно соблюдаемый закон: захотел выпить водки – выпей, но с тебя штраф пятьдесят тысяч рублей. И пей сколько хочешь! Практически не пили, но случалось...

Был среди казаков боец, позывной «Полный». Мужик сухой, жилистый, высокого роста и очень резкий, быстрый. Однажды Юра заметил его пьяным. Подсел, разговорил поникшего товарища. Оказалось, что у бойца погиб в соседнем подразделении сын. Тогда Юре удалось вступить за него перед начальством. С тех пор Полный стал рваться в атаки не только со своим подразделением, но и с друзьями-соседями. Когда ходил на штурмы – резал врагов ножами.

И ещё раз довелось Терминатору увидеть Полного не пьяным, но поникшим. Узнал – у бойца погиб брат.

* * *

Война изменилась – теперь не надо долго маршировать до противника, не надо отыскивать поле для сражения, строиться в шеренги. Война придёт к тебе сама. И это очень нервует.

Вот типичный случай боевого столкновения «не сходя с места». Сидели в общем доте. Как сказал классик: «Кто кивер чистил весь избитый, кто штык точил, ворча сердито, кусая длинный ус».

Вдруг крик снаружи: «Баба Яга!».

Все повыскакивали из блиндажа в разные стороны, прикрывшись теплонепроницаемыми, с элементами фольги, одеялами. Открыли стрельбу по «Бабе-яге». Она сбросила мины чуть левее дота. Мины запутались в пяти слоях маскировочной сетки и урона особого не нанесли.

Стали стрелять из автоматов по «Бабе-яге». Подбили. А это большой промышленный украинский дрон-гексокоптер (с шестью двигателями), с большой грузоподъемностью до 50 килограмм и хорошей навигацией, мощной светодиодной подсветкой, переделанный под военные цели. Летает автономно, громко, как правило, не выше 30 метров – настоящая Баба-яга!

Тут к концерту со стороны поляков присоединился сорокамиллиметровый гранатомёт. По нашему беспилотнику-разведчику его выследили – уничтожили. Боец с позывным «Лис» – снайпер, воевавший раньше в «Вагнере», специалист по АГС (автоматический гранатомёт станковый, АГС-17 «Пламя» и АГС-30 – новый), – стал садить по наглomu пшеку-гранатометчику. Дуэль «Лис» выиграл.

Кстати, из мин для АГС-17 «Пламя» можно делать гранаты с добавочной осколочной массой – «Хаттабка». Выкручивается родной взрыватель, отверткой крестовой делается отверстие, вставляется взрыватель от гранаты и заливается взрывчаткой. К этому сооружается и прикручивается рубашка из болтов, гаек, нарезанной болгаркой арматуры. Мощнее лимонки во много раз.

А дронами в батальоне Юры кроме русских пацанов занимались три сирийца – студенты с медицинского факультета, будущие хирурги, решившие помочь нашим.

* * *

Вообще Юра приобрел там множество друзей и соратников. Люди были почти все необычные, геройские и колоритные.

Рим. Это и имя, и позывной. На полголовы выше Юры, с седой головой и бородой, похожий на деда Мороза.

Олег «Вещий». Они с Римом оба получили медали «За храбрость» вполне заслуженно.

Сибирский казак с позывным «Орша».

Виталик – «Шип».

Храбрая женщина, хороший снайпер с позывным «Фурия».

Андрюха «Мухич» из Севастополя.

Служил рядовым боец, который в предыдущей жизни имел чин генерала.

Вспомнился случай на отдыхе в переделанном пионерлагере, где жили в относительном комфорте и тепле. За столом собрались несколько из описанных выше бойцов.

Подразделению казаков придали натурального темнокожего бойца из Нигера, тоже студента. Звали его оригинально – Ваня. У себя на родине он был Мухаматом. Ваня рассказывал, что есть ансамбль «Маруся», в котором он выступал. Этот творческий коллектив полностью состоит из темнокожих студентов, приехавших из Африки. Певцы и танцоры выступали там в черкесах.

«Ну как тебе, Ваня, у нас?» – прозвучал дежурный вопрос. Ваня поёжился и уже в который раз ответил: «Бррр! Холодно!» Все засмеялись – показывал он это действительно комично.

В конце вечера казаки порешили, вынесли такое общественное решение: «Чернороссии быть!!!»

Но чаще происходили совсем не смешные, трагические случаи. О них позже...

* * *

Нередко казаки ходили на отдыхе в близлежащий городок с названием Счастье. Цветущий город, вокруг пруды, а улиц-то какие названия: Дружбы, Спортивная, Мира, Гагарина, Гайдара, Шевченко, Матросова, 8 Марта, Веселкова, Песчаная, Осенняя, Сосновая, Лесная, Первомайская, Республиканская, Центральная Донецкая, Майский переулок. Начинался город в пятидесятых–шестидесятых годах с частных домов и бараков, финских домиков и жёлтых сталинок в центре. В 60-х появились четырёхэтажки, в 80-х – белые пятиэтажки. Город строителей мощной Ворошиловской ГРЭС.

Недалеко пруды с охлаждающей электростанцию водой. Купаться можно, как в бане. В воде живут толстолобики и другая теплолюбивая рыба. Толстолобики там – настоящие бегемоты.

С 1901 года город украшал Свято-Екатерининский храм – подарок барина Петра Петровича Коваленского. Дом культуры с классическими колоннами, стадион.

14 июня 2014 года город Счастье перешёл под контроль украинских фашистов; 28 февраля 2022 года отвоёван ЛНР. Восемь лет издевательств и ада. Батальон «Айдар» особенно отличился в хамстве и садизме.

И Счастьё ещё повезло. Юра вспоминал Соледар и Попасную. В Соледаре добывали соль почти для всей страны (вы должны помнить эти пачки соли). Там были глубокие, очень красивые шахты. Сопротивление фашисты оказывали жестокое. При отходе они минировали дома, дороги, мосты. Идёшь по городу – ни одного целого дома. Если сохранился фасад, то обходишь дом с другой стороны, а там квартиры зияют без стен, как в анатомическом театре. Некоторые здания как будто перепилены гигантской пилой. Настоящий Сталинград!

А в Попасной остались только кучи битого кирпича в геометрически правильных местах, так, как были расположены дома.

В обстановке торжествующей случайности, наблюдая безумную пляску смерти, бешеным волком выгрызающей из живых, тёплых людей куски костей и мяса, очень хочется жить! Жить нараспашку, не задумываясь.

В Счастьё молодые девушки, оставшиеся без погибших и ушедших парней, поглядывали на солдат с интересом. У многих так складывались семьи, у многих – полевые романы. Но большинство солдат было семейных, а то и откровенно старых. Им бы сил и удачи хватило врага завалить и к семье живым вернуться. Так что пьянок-гулянок было немного. Хотя и за эти бесшабашные пьянки-гулянки корить товарищей не поворачивался язык. Жизни своим желаешь, только счастливой жизни.

Поразила Юру одна история. Прямо в сердце поразила, как осколок. Вместе с другими пришёл к казакам из Нижегородской области парень, как ни странно, Ваня.

Ваня из всех добровольцев, прибывших из России, отличался молодостью и скромностью. Был он двадцати лет, высокий, стройный (талиа как у девушки), русский. С тем нежным, легко краснеющим лицом, которое бывает только у деревенских. Подбородок был очень явно очерчен, как выточен из слоновой кости, и глаза в минуты опасности светлели. «Нецелованный» зовут таких с некоторой издёвкой в народе. Непонятно, как его отпустили родные, «телёнка такого», но храбростью он выделялся так же, как и застенчивостью. В окопах фашистов работал не только автоматом, но и ножом. Однажды провели грамотную операцию. Навалились всем подразделением и взяли у фашистов опорный пункт. И вбок по линии фронта бегом по чужим окопам взяли ещё несколько. Ванька был одним из первых и свою медаль «За отвагу» получил.

Оксана жила с матерью. Описать её красоту ни у кого не хватило бы таланта, хотя на Украине много красавиц. Белокожая, как алебастр; плоские чёрных глаз в пол-лица; полные алые губки; лёгкая точёная фигурка. И во всём этом неземном облике что-то волшебное, пугливое, ранимое, незащищенное, надломленное. Ещё несовершеннолетней фашисты украли её из дома. Страшно насиловали, увезли сначала во Львов, а затем – на Западную Украину и хотели продать за границу, в Польшу, а затем – в Великобританию, видимо, на органы. Так пропадали многие. Мать ездила за Оксаной, удалось её освободить.

Чуть счастливее закончилась история Киры Еремеевой.

И это ещё везение. Возле Песок нашли кладбище изнасилованных и убитых девочек пятнадцати-двадцати лет. Юра видел это захоронение сам. Некоторым из них айдаровцы размозжили головы, а две трети были убиты монтажной пеной, пущенной вовнутрь.

Дальше Оксанку спрятали так, что ни один фашист не нашёл. Несколько лет она не видела солнечного света. Вышла только когда город освободили наши. Всех боялась. Как Ванька наткнулся на неё, поздно вечером шляясь по Счастью? Одному Богу известно. Как заметил её красоту неземную? Как она впервые откликнулась на его молчаливое чувство? И цветы он ей носил (непонятно, как доставал), и под окном ночи простаивал, и матери понравился. Не мог такой не понравиться.

Сумел он как-то отогреть сердце девушки, страх её убрать, приручить. И стали они в короткие дни его отдыха жить в их маленьком домике. Никуда не ходили, разве что в садик посидеть, на закат посмотреть. Еды хватало. Ваня был большой книголюб, для дочки с мамой книги интересные доставал, читал вслух.

Юра, иногда проходя мимо заснеженного домика, видел их контуры на занавесках. Но чаще окна были наглухо закрыты.

Закончилась эта история закономерно и неожиданно, как и всякий финал на войне. Подразделение Юры, в котором был и Иван, вывели с передка на отдых. В домик Ксанки, как называл её Ваня, попал снаряд. Тот самый, из просвещённой, интеллигентной, чопорной Европы. Их тела разметало.

Еще в чеченскую Юра нашёл так своего товарища: нижнюю половину тела срезало как бритвой. Было впечатление, что друг вылезает из-под земли.

Вот и от Вани остались плечи и голова, а у Ксанки затылок срезало осколком, шею отсекло, но оба лица сохранились почти нетронутыми. Их положили на красный снег рядом. Белые восковые спокойные лица.

* * *

Добровольцы-казаки, с их постоянной утренней и вечерней молитвой; старые воины и молоденькие ребята, не уступающие опытным в храбрости; студенты-сирийцы, темнокожий боец Ваня, генерал, который пошёл на передок рядовым; снайпер Фурия – всё это безумно разные люди, но всё это говорит о том, что Россия непобедима! Дело не в национальности, хотя это тоже очень важно, дело в принципах жизни, которых в России придерживались столетиями. Придерживались, проигрывая из-за них. Но держались зубами, сердцем. И в результате всё равно в большом, в главном, выигрывали!!!

Эти принципы: Благородство, Милосердие, Верность, Честность, Бесстрашие, готовность к Самопожертвованию ради России!

Противники не поймут, что эти принципы привлекают таких бессребреников, как Юра. Любой национальности!

Такая армия – непобедима!

* * *

Уже когда Юра вернулся в Нижний, вдогонку узнал две скорбные новости. Первая – подорвался один из бойцов (позывной «Мастак») Юриного подразделения. Им поручили поставить на минном поле «МОНку» и камеру. «МОНку» поставили успешно с краю, а камеру нужно было расположить посередине поля, карт которого не было. Оторвало сразу стопу и кисть руки.

У другого казака при разминировании оторвало руки и нижнюю челюсть. Истёк кровью на месте.

И вторая печальная новость – дрон подорвал командира соседней роты, подорвал Фагота. Видимо, сбросил гранату. Командир был один, помочь ему оказалось некому. Ранение верхней части бедра. Полному человеку дотянуться до такой раны, а тем более наложить самому себе жгут и повязку-восьмерку, крайне сложно. Практически невозможно. Видимо, ещё и от болевого шока, и от сильного кровотечения он мог только переваливаться с боку на бок. Садисты-укронацисты сняли его смерть на видео; раскрасили чёрно-белое изображение, выделив алую кровь; подложили музыку и выложили в интернет. В ролике очень сильный человек страшно и медленно умирает, сам понимая это. Он мучается, но до последнего не сдаётся и, наконец, затихает, истёкший кровью. Даже если бы Юра не знал его как прекрасного, заботливого и храброго командира, впечатление было бы ужасным. Но видеть смерть своего близкого товарища!

Ни за что не прощать убийцам и изуверам! И тем, кто делал этот дрон, и тем, кто им управлял, и тем, кто снимал, и, главное, тем трусам, которые усмеваются над этим далеко из-за границы: из Америки, из Германии, из Англии, из Франции, давая деньги на войну и мечтая уничтожить Россию! Выявлять поимённо! Не прощать! Без срока давности, где бы они ни находились! Не прощать! Никогда! Вовеки!

* * *

Когда Юра вернулся в Нижний, его пригласили на характерное мероприятие. 8 Марта – вроде бы праздник. В Шахунье хотели поздравить мать убитого на Донбассе ещё в 2014 году казака.

А случилось это так. В бою за Новопавловск погиб Володя Шумков (позывной «Шум»).

На следующий день пошли за его телом. Тело нашли, но возвращаться не стали, а пошли в атаку. На злобе, на обиде, на ярости! За погибшего товарища!

Перед нашими были поляки. Двести пятьдесят человек наёмников. Не осталось почти никого. Хотя отбивались отчаянно.

Танк фашистов стоял замаскированным и выстрелил в упор. Экипаж трофейной машины (европейского аналога КамАЗа, вооружённого ЗУ-23 – спаренной зенитной установкой) выбросило, всех контузило, хотя, на счастье, никто не погиб, но этим же выстрелом убило Серёжу. Его нашли с расчехованной гранатой.

Серёжа Самодуров (позывной «Змей») был бойцом почти легендарным. Однажды они с другом (позывной «Чип») вывезли 500 раненых.

Серёжа получил 4 боевые награды за месяц.

Поехал Юра на электричке. Стучали колёса. Постепенно электричка пустела. Шахунья – самый дальний городок в Нижегородской области.

Юра стал вспоминать.

Раньше в этих лесах тысячелетиями жили черемисы (марийцы). Даже захоронение IX–XI веков обнаружены с тонкими украшениями посудой, латами, оружием. Кузнецы были отменные. Затем пришли русские. Народы смешались.

Первое поселение на месте современного города возникло в 1870 году. Сюда переселялись государственные крестьяне.

От древнерусского «шаха» – обман, Шахунья – обманщица. Деревня Шахунья, домов на двадцать, стала развиваться, когда задумали железную дорогу из Нижнего Новгорода в Котельнич. В 1912 году пришла первая партия проектировщиков из Нижнего. В 1913-м началось строительство железной дороги сразу из Нижнего и из Котельнича. Дорога шла по тёмным, глухим, дремучим ветлужским лесам. В трёх километрах от Шахуньи по проекту должна была возникнуть станция. В начале 1920 года построили вокзал. В 1924 году здесь была создана коммуна «Луч свободы». К 1927 году построено железнодорожное депо.

Городом Шахунья стала в Великую Отечественную войну в 1943 году – большая редкость. Но тогда в крупный железнодорожный узел было эвакуировано много народу. Даже норма была – 4 квадратных метра на человека, остальное отдай беженцам. Посёлок разросся и стал городом. Процветала молочная и лесная промышленность. В городе стадион, Дом культуры, школы, два музея, церковь Покрова Пресвятой Богородицы.

Дома в основном двухэтажные, но есть и районы четырехэтажек.

Юра невольно сравнивал два города – Шахунью и Счастье. Если бы не окружение (в Счастье в основном – поля, а в Шахунье – леса и болота), города напоминали близнецов. Советских близнецов. Но какая разная судьба! Шахунья-обманщица прячется в лесах, в диких местах, достать до неё врагу – руки коротки, а из неё выходят защитники России и громят гадов. А в Счастье – в который раз за столетие прут фашисты, суют рыла «просвещённые европейцы».

Юра невольно представлял, как бы Шахунья выглядела, будь тут война. Да так же, как и Соледар выглядела бы. Но это воображение разыгралось.

Встретил в Шахунье Юру дядя Валя. Валентин Михайлович Зайцев – атаман местного казачества. У него в просторном доме уже накрыт был стол.

С утра позавтракали картошкой с курочкой, пошли «на гараж». У атамана 5 междугородних автобусов. Ходит он по городу если не в казачьей форме, то по гражданке, но зимой – в папахе, а летом – в фуражке: «Чтобы не путали!» Зашли по дороге назад за свежим хлебушком. На широком дворе у дяди Вали аккуратный небольшой, но сильный кобелёк. На цепи, когда службу несёт – порвёт всех, кроме хозяина, как только с цепи снимут и почувствует себя не на службе – к друзьям хозяина ласков. Службу знает!

Пообедали куриной лапшой и сардельками с отварной картошкой. Терминатор в который раз сделал открытие: сардельки в Шахунье – советские, действительно из мяса. Хозяин не пьёт. Юра наливал себе из запотевшего графинчика. Солёные огурцы, помидоры, зелёный лук, сало – в любом количестве.

После обеда дневной сон.

Проснулись, попили чайку и пошли во Дворец культуры, он в городе большой, выдающийся. Там даже театральные коллективы свои.

Встретили их военком, ветераны-афганцы и ветераны-чеченцы.

Все вместе поздравили перед полным большим залом маму Таню.

Мама Таня – полная, хорошо одетая женщина с извиняющимся взглядом. Всю жизнь она работала дояркой. Поражали её доброта и интеллигентность.

В конце мероприятия казачонок Яшка, лет двенадцати, с таким невероятным мастерством показал приёмы фланкировки, что дух захватывало, создавалось ощущение стального облака вокруг него. Сначала – одной шашкой, перекладывая из руки в руку, потом – двумя нагайками, потом – двумя шашками. Подрастают новые воины. Не хуже прежних!

После был общий стол. Наутро Юра уехал в Нижний Новгород.

Александр ЛОМТЕВ

Родился в 1956 году в с. Пуза (ныне Суворово) Нижегородской области. Работал инструктором служебного собаководства, киномехаником, мастером по сложной бытовой технике, электромонтером, корреспондентом газеты. Окончил Арзамасский государственный педагогический институт. Как журналист, специализирующийся на горячих точках, неоднократно бывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Косове, Южной Осетии.

Прозаик, публицист. Автор ряда книг и публикаций в России и за рубежом. Лауреат премий «Патриот России», «Золотой гонг», «Серебряное перо», международного литературного конкурса имени А. Куприна, премии Союза писателей России «Имперская культура» им. Э. Володина.

Член Союза писателей России. Живёт в г. Сарове Нижегородской области.

УЖАС

Ровно 155 лет назад в провинциальном купеческо-богомольном городке Арзамасе Нижегородской губернии произошло событие, которое круто изменило жизнь и мировоззрение крупнейшего русского писателя Льва Николаевича Толстого...

Скособоченные домишки – первый этаж каменный, второй деревянный, гуси разговорчивой толпичкой отражаются в мутно-зеленом гайдаровском прудике, сирень шелестит под ветром жестяной осенней листвой, ласточки гоняют молодняк, готовясь к отлёту... купеческий старинный городок. Если бы не иномарка у крашеного забора да не тарелки антенн, там и сям прилепившиеся к красным крышам, – девятнадцатый век. Странно брести по кривоватым улочкам старой части провинциального Арзамаса и знать, что ровно по этим же улочкам мог прогуливаться сам Лев Толстой. Впрочем, не прогуливался – спешил по делам и по «попутному» Арзамасу, скорее всего, празднo не разгуливал, да и воспоминания об этом случайном в его жизни городке остались у него весьма мрачные...

Обычным погожим сентябрьским утром 1869 года великий писатель, любимый муж, граф, богатый помещик отправился в веселом настроении в Самарскую губернию для приобретения нового имения, «движимый любовью к семье и хозяйству». «Ехали на лошадях, весело болтали». Наступила ночь. Тут, кстати, и подвернулся тихий городок Нижегородской губернии – Арзамас. Здесь после трудной дороги писатель решил заночевать в плохонькой гостиничке в нижней части города.

То, что произошло той ночью, Толстой описывал не раз, и событие это вошло в историю под названием «арзамасский ужас».

«Я задремал, — пишет Толстой, — но вдруг проснулся: мне стало чего-то страшно. Вдруг представилось, что мне не нужно, незачем в эту даль ехать, что я умру тут, в чужом месте. И мне стало жутко. Я взял подушку, — пишет дальше Толстой, — и лег на диван. Когда я очнулся, никого в комнате не было, и было темно. Заснуть, я чувствовал, не было никакой возможности. Зачем я сюда заехал? Куда я везу себя? От чего, куда я убегаю? Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я вышел в коридор, думал уйти от того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачило все. Мне так же, еще больше страшно было.

— Да что это за глупость, — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь?

— Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут.

Я лег было, но только что улегся, вдруг вскочил от ужаса. И тоска, и тоска душевная, жутко, страшно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать».

В свое время, читая описание «ужаса», я удивлялся: ну, бывает — дурной сон, кошмар, депрессия... Отчего же событие это так поразило Толстого, что довольный жизнью, успешный, как бы сейчас сказали, автор величайшего романа в мире в один миг оказался в глубочайшей душевной растерянности. «Зачем мне все это, если смерть неизбежна?» — спрашивает он. Потом в «Исповеди» Толстой разовьет рассуждения на эту тему:

Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: «Ну, хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом? И я совершенно опешил и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну, хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, ну, и что ж?» Зачем это все, если смерть неизбежна.

После «арзамасского ужаса» писатель стал другим человеком. Он отходит от земных благ, отказывается от европейской одежды, приходит к мысли о ненужности писательской деятельности (правда, ему не удалось отказаться от литературы, и он создал еще много больших произведений, включая «Анну Каренину», «Воскресение», «Хаджи-Мурата») и погружается в размышления о смысле человеческой жизни. После «арзамасского ужаса» Толстой пришел к логичному осознанию: жизнь бессмысленна.

Но как же тогда живут миллиарды простых людей и не убивают себя, если жизнь бессмысленна? — спрашивает Толстой. И не отыскав внятного ответа, обращается к вере. — Во все продолжение этого года, когда я почти всякую минуту спрашивал себя: не кончить ли петлей или пулей, — во все это время рядом с теми ходами мыслей и наблюдений, о которых я говорил, сердце мое томилось мучительным чувством. Чувство это я не могу назвать иначе, как исканием Бога.

Дальше общеизвестно: Толстой погружается в православие, начинает посещать церковь и исполнять все обряды, «опрощаться», основательно изучает жизнь и учение Иисуса Христа...

Суть происшествия, и его последствия казались мне несоизмеримыми. До поры до времени...

Но что-то подобное происходит, очевидно, со многими людьми, невзирая на степень таланта, возраст, убеждения или интеллектуальный уровень. Отчего? Или для чего? Сигнал свыше? Указующий перст? Знамение? Ответов может быть много. Так или иначе, но мне довелось испытать нечто подобное, и я совсем другими глазами посмотрел на арзамасское происшествие...

До Аргуна я добирался сутки. Военный борт вместо того, чтобы лететь по маршруту Нижний Новгород – Моздок, волей неведомого мне начальника отправлен был в Саратов, где полдня простоял на взлетке с распахнутой «задницей» на ледяном январском ветру – грузили БТР, какие-то ящики, мешки и отчего-то письменные столы. Борт в Чечню был «крайним» в этом году, и его «завернули» еще и в Москву за новогодними подарками для «чеченского контингента», и там мы вновь несколько часов стояли в тридцатиградусный мороз, пока в брюхо Ила загружались замерзшие ёлки и тюки с подарками.

В общем, когда я вошел в теплую казарму аргунской комендатуры, я сам был похож на заледенелую ёлку, а в душе осталось единственное желание – рухнуть на койку поближе к печке и уснуть мертвым сном...

...Утренняя казарма поразила меня своей безлюдностью. Я шел по длинному гулкому коридору с зубной щеткой и бритвенным станком в кулаке, когда из-за угла навстречу мне вышла женщина. Черный платок на голове, черное платье, темное лицо. Чеченка? Она шла навстречу и, глядя мне прямо в глаза, широко улыбалась. Невольно я улыбнулся в ответ. Но, уже проходя мимо, вдруг осознал, что улыбка встречной – откровенно злобная и совершенно жуткая.

Я вошел в туалетную комнату, мимоходом подивившись, что в казарме оказалась чистая индивидуальная кабинка с хорошим умывальником и зеркалом. Запер за собой дверь на накидной крючок, достал бритвенный станок, поднял глаза к зеркалу и – чуть не задохнулся от ужаса, увидев в зеркале отражение женщины у себя за спиной! Смотрит из зеркала мне прямо в глаза и все так же жутко ухмыляется. Но я же запер дверь! Уронив бритву, резко обернулся – никого нет!

Боясь снова взглянуть в зеркало, протягиваю руки вперед, и тут что-то невидимое, но очень агрессивное и сильное стало меня ломать и душить. Весь в холодном поту, я сопротивлялся из последних сил и только твердил про себя: «Главное – не сойти с ума, главное – не сойти с ума...» В какой-то момент я вдруг четко осознал, что борьба идет не физическая, что это моя душа борется с чем-то, чему нет ни названия, ни определения, ни описания. Ужас и тяжесть борьбы были невероятными. Нечто вязкое, неумолимое и мощное, как удав, силилось проникнуть в меня, лишить меня воли, сковать тело, высосать мозг. Ледяной холод охватил меня до самой последней клеточки. И когда я понял, что легче умереть, чем потерять душу, – все пропало. С неимоверным облегчением я словно бы всплыл с огромной глубины и, открыв глаза, увидел лица склонившихся надо мной офицеров – соседей по кубрику...

Я встал с кровати и совершенно измочаленный пошел умываться. Коридор был абсолютно не похож на тот, что был в видении (просто не могу назвать это событие сном или кошмаром!), да и никакой отдельной туалетной кабинки в казарме, конечно, не было. Умываясь, глянул

в зеркало и обнаружил на шее, груди и руках пятна синяков... До сих пор я уверен, что нечто (все равно где – во сне или в другом измерении) пыталось отобрать у меня душу и что если бы я тогда сдался, утром меня нашли бы в постели мертвым...

Тот «аргунский ужас», пережитый в одной из чеченских командировок, и заставил меня по-новому взглянуть на происшествие, приключившееся с Львом Толстым в Арзамасе.

Уже потом, значительно позднее, копаясь в биографиях совершенно разных людей, я неожиданно обнаружил, что похожее событие произошло и с Николаем Васильевичем Гоголем.

В письмах друзьям из-за границы он жаловался на страшный приступ, случившийся с ним в Вене («болезнь», весьма похожую на «арзамасский ужас»). Он рассказывал о «нервическом расстройстве», раздражении и неопикуемой тоске, от которой не мог и двух минут остаться спокойным:

Геморроид мне бросился на грудь, и нервическое раздражение, которого я в жизнь никогда не знал, произошло во мне такое, что я не мог ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Уже медики было махнули рукой, но одно лекарство спасло меня неожиданно: я велел себя положить Ветурина в дорожную коляску – дорога спасла меня.

(1840 год, 30 октября)

Сопоставляя припадок в Вене с дальнейшим поведением Гоголя, с его завещанием, можно явно заметить, что он осложнялся и сопровождался страхом смерти. Совершенно ясно, что Гоголь в Вене явно пережил нечто весьма схожее с «арзамасским ужасом» Л.Н. Толстого.

Гоголевский «венский ужас», как и толстовский, имел огромное влияние на судьбу писателя. Заметно изменился после него тон переписки. Гоголя уже не увлекает Рим. Ему хочется дороги, дороги, дороги. Он не может получить удовольствия ни от Колизея, ни от величественного купола знаменитого собора Святого Петра, ни от других «южных» экзотических красот, его непреодолимо тянет в Россию. «Много чудного совершилось в моих мыслях и жизни». Все чаще и чаще встречаются с тех пор в его письмах искренние уверения в том, что работой его руководит Бог, а тяжкие испытания – на пользу, поскольку дают его слову «неземную, чудесную силу»: «Создание чудное творится и совершается в душе моей...»

Пережитый в 1869 году в плохонькой арзамасской гостинице «ужас» – «красный, белый, квадратный, раздирающий душу на части» – стал центром, из которого выросло все мировоззрение позднего Толстого. Это потрясение настолько отличалось от всего того, с чем приходилось писателю сталкиваться прежде, что все последующие приступы такого рода он называл «арзамасской тоской».

Позже, в 1884 году, Толстой начал писать повесть «Записки сумасшедшего», которую так и не закончил, хотя возвращался к ней с 1887 по 1903 год. В ней подробно описаны не только «арзамасский ужас», но и последовавшие за ним «московский» (после посещения театра в гостинице Толстой «провел ужасную ночь, хуже арзамасской... Всю ночь я страдал невыносимо, опять мучительно разрывалась душа с телом») и «ужас на охоте», когда на него «нашел весь арзамасский и московский ужас, но в сто раз больше».

Порой жизнь подбрасывает нам что-то странное, действительно трудно описываемое словами, что, может быть, и можно объяснить просто, но душа такого объяснения не приемлет. И человек меняет взгляд на привычную рутину, на суетность и бесцельность существования.

.

...Я вышел на незнакомой станции, пошел по перрону: нигде ни одного огонька, ни одного указателя, только состав черной стеной возвышался сбоку. Вышла из-за облака луна, и стало светло, как днем. И тут я увидел у себя под ногами... человеческую голову! Голова была припорошена снегом, но глядела прямо на меня живыми глазами. Задышавшись от ужаса, я обернулся на свой вагон, чтобы кого-нибудь позвать, но вдруг обнаружил, что все двери заперты!

И тут голова подняла брови и, ясно глядя мне прямо в глаза, сказала:

– Кому война, а кому мать родна... – а потом совсем не к месту, – как насчет завтрака?

Я вынырнул из бреда, задышавшись, словно из глубокого темного омута. Стучало в груди, стучало в висках, стучали колеса под полом вагона. Надо мной склонилась проводница:

– Товарищ корреспондент, как насчет завтрака? Вам сюда принести, или в вагон-ресторан пройдет?

Потом я сидел над утренним кофе, рассеянно смотрел на пробегающий за вагонным окном пейзаж и размышлял о том, какие шутки выделяет с нами память. Эту приснившуюся голову я увидел когда-то на плацу военной комендатуры в Аргуне. В «междусобойных разборках» боевики убили тогда местного эмира, а голову подбросили к мечети. Она валялась на площади, словно футбольный мяч, и мне с трудом верилось, что все происходит не во сне...

Эту запись я сделал через несколько лет после того, как увидел ту отрубленную голову в Чечне, когда ехал в сугубо мирном поезде в мирную командировку в Грозный. И поразило меня как раз то, что «во сне» ощущение ужаса было многократно сильнее, чем тогда, наяву... По неволе в сознании рождается «теория», что всё это не случай, не игры мозга и памяти. Словно в какой-то определенный момент жизни нечто свыше (из глубин ноосферы, быть может) напоминает: ты смертен! Подумай, кто ты? Зачем живешь? Чему учит тебя все то, что встречается тебе на пути? А чтобы мы не увиливали, не отворачивались, не отмахивались, облекает это в такие формы, что забыть и отмахнуться просто невозможно!

Валерия БЕЛОНОГОВА

Родилась в Дрездене, ГДР, в семье военнослужащего. Окончила Ленинградский университет. Работала в редакциях нижегородских и московских газет, в Государственном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Болдино», преподавала в Нижегородском госуниверситете им. Н.И. Лобачевского, Нижегородской государственной консерватории. Кандидат филологических наук, доцент, историк культуры, критик.

Автор книг «Выбранные места из мифов о Пушкине» (2003), «Болдинский ключ» (2009), «Что вам нужно в этом Нижнем? Город в зеркале литературы» (2011), «Забытая мелодия. Жизнь и труды Александра Улыбышева» (2016), «Открытый остров. Болдинские реалии и образы Пушкина» (2017), «Утренний человек Даниил Хармс» (2020), статей и очерков по истории литературы и музейному делу. Составитель и редактор нескольких сборников и монографий. Дважды лауреат литературной премии «Болдинская осень» (2010, 2018).

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

НА КРЫЛЬЯХ ВЫМЫСЛА: ВООБРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ И ЖИЗНИ ПУШКИНА

Главы из книги

К 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина

«Всякий талант неизъясним...»

Заглянуть в тайны литературного творчества, «развинтить», так сказать, механизм сочинительства, – разве не захватывающая задача?.. Если только разгадать ее в принципе возможно. Над ее решением задумываются не только литературоведы, но и любой думающий читатель. А как расценивают этот загадочный процесс сами писатели, «видящие» его изнутри? Поговорим о том, как относился к творческому таинству Пушкин.

Увы, но начать приходится с признания того, что сам он о процессе творения и тем более о своих собственных творческих «тайнах» – вообще говорил редко. Задаваясь вопросом, где непосредственно Пушкин ведет речь о процессе создания поэтического произведения, вспоминают обычно о прозаическом отрывке 1830 года «Не смотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы...». Он полон иронии. Но начнем с него и мы.

Да, действительно, здесь, говоря о своем приятеле-стихотворце, в котором, впрочем, довольно скоро угадывается сам автор, Пушкин дает описание действий сочинителя.

Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постеле с утра до позднего вечера, одевался наскоро, чтобы пообедать в ресторации, выезжал часа на три, возвратившись, опять ложился в постелю и писал до петухов. Это продолжалось у него недели две, три, много месяцев, и случалось единожды в год, всегда осенью. Приятель мой уверял меня, что он только тогда и знал истинное счастье. Остальное время он гулял, читая мало и не сочиняя ничего.

Несколько строчек этой пародийной «инструкции для начинающих» из болдинского отрывка, за исключением, может быть, упоминания о переживаемом поэтом счастье, не дают для понимания пушкинских представлений о таинственной природе творчества ничего. И, конечно, мнимые «преимущества», означенные в заглавии, не могут тут перевесить чашу всевозможных «невыгод и неприятностей», коим подвержены стихотворцы, как то: гражданское ничтожество и бедность, «вошедшие в пословицу», зависть и клевета братьев-писателей и прочее. Реестр этих неприятностей, сопровождающих поэта, собственно говоря, и составляет содержание отрывка.

Публика смотрит на него как на свою собственность; по ее мнению, он рожден для ее пользы и удовольствия и дышит для того только, чтобы подбирать рифмы <...>. Явится ли он в армию, чтоб взглянуть на друзей и родственников, публика требует от него поэмы на последнюю победу, и газетчики сердятся, почему долго заставляя он себя ждать. Задумается ли он о расстроенных своих делах, о болезни милого ему человека, тотчас пошлая улыбка сопровождает пошлое восклицание: верно изволите сочинять.

Тут узнаваема пушкинская манера вышучивания и пародирования сочинительства. Вот в таком тоне эта тема звучала в пушкинском кругу нередко – в дружеских разговорах, в письмах. Петр Вяземский вспоминал, например, как Пушкин в одном из странствий по России остановился пообедать на какой-то почтовой станции. Где появилась «барышня очень приличной наружности», которая, по ее словам,

узнав случайно о проезде великого нашего поэта, не могла удержаться от желания познакомиться с ним» и всячески выражала свое восхищение его талантом. «На прощание барышня подает вязанный ею кошелек и просит принять его на память о неожиданной их встрече <...>. Но не успевает он еще выехать из селения, как догоняет его кучер верхом, останавливает коляску и говорит Пушкину, что барышня просит его заплатить ей десять рублей за купленный им у нее кошелек. Пушкин, заливаясь звонким смехом, любил рассказывать этот случай авторского разочарования.

А в письме Антону Дельвигу, отправленном из Тверской губернии, где поэт осенью 1828 года гостил в имении Осиповых-Вульфов, Пушкин рассказывал о том, как принимали его местные помещики. Тут самоирония, связанная с так называемыми «плодами» поэтических трудов, доведена им до предела.

Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито* <...>. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович (Полторацкий, отец Анны Керн. – В. Б.) их взбудоражил <...>: дети! дети! мать вас обманывает – не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин – он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут, и всем вам будет по кусочку – дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать – их повезли, и они сбежались ко мне, облизываясь, но, увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили.

Что касается болдинского «Отрывка» 1830 года, он, как известно, частично вошел в писанную Пушкиным в 1835 году в Михайловском повесть «Египетские ночи» в качестве характеристики главного героя Чарского. В этой повести тоже есть ирония по адресу сочинителей. Например, в описании кабинета поэта, где царит беспорядок, «который обличает присутствие музы и отсутствие метлы и щетки». Но повесть содержит и вполне себе серьезное описание творческой работы главного героя.

Загадочная природа вдохновения становится главной темой повести о светском поэте Чарском и странствующем импровизаторе-итальянце. «Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее непрестанно. Итак, для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?.. Удивительно!..» – восклицает Чарский, выслушав в номере дешевого трактира импровизацию поэта-итальянца на заданную им тему. Возможно, в этой сцене нашло отражение восхищение самого Пушкина по поводу недоступного ему искусства поэтической импровизации. Которым владел, к примеру, его петербургский знакомец, польский поэт Адам Мицкевич. «Всякий талант неизъясним. Тщетно я сам захотел бы это объяснить...» – ответил итальянец на восклицание Чарского в повести.

Темы «творческой кухни» косвенно касался Пушкин в своих статьях о сочинениях товарищей (или наоборот «недругов») по литературе. В статье «Возражение на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”», например, полемизируя со своим лицейским другом, он высказывает соображение о рождающем поэтическую мысль вдохновении: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следовательно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных».

И все-таки критических статей мы здесь касаться не будем, поскольку журнальная критика – это всегда разговор об уже свершившемся литературном явлении, о том, как воспринимается оно в завершенном виде, пройдя через печатный станок. Нас же интересует, как видел Пушкин «химию» самого творческого действия – начиная с того волшебного толчка, когда находит на сочинителя «этакая дрянь (так называл он вдохновение)», и дальше.

* Цирковой пудель Мунито выступал в Карлсбаде и на других европейских курортах со своим хозяином-итальянцем перед публикой. Пес умел считать до десяти и отбивал числа лапой, различал цвета и буквы на дощечках, из которых складывал слова, угадывал карты. Он был куплен русским дипломатом Дмитрием Татищевым в подарок императору Николаю Первому и стал любимцем его величества.

А что открывает нам в пушкинском понимании творческого феномена его поэзия? Русской словесности пушкинского времени все еще свойственно было обилие поэтических символов и образов, связанных с античной мифологией. В юности классическим канонам энергично следовал и поэт Пушкин. Античные символы как условное обозначение процесса сочинительства появлялись в его стихах и позже. Правда, к началу 1830-х годов образы эти все чаще становились для поэта уже и объектом травестии, то есть «поэзии наизнанку». Как в поэме «Домик в Коломне», где в VIII октаве о некормленном рысаке читаем:

<...> Парнасский иноходец
Его не обогнал бы. Но Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живет, а хороводец
Старушек муз уж не прельщает нас...

А если серьезно... В «Египетских ночах» первая из двух стихотворных импровизаций итальянца, сочиненная в считанные минуты и прочитанная заказавшему тему Чарскому в трактире, – она как раз о подлинном творчестве. Чарский так и сформулировал заданную тему: «поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением»:

<...> Зачем кружится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон*,
Что хочет, то и носит он –
Орлу подобно он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона, избирает
Кумир для сердца своего.

Образ жадно ждущего ветра «корабля в недвижной влаге» в нем – явно перекликается с другим «кораблем», тоже олицетворяющим начало творческого движения:

Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

* Аквилон (по-латыни – орел) – древнеримское название сильного северного ветра. Он представлялся римлянами как мифическое божество, олицетворяющее силы природы.

Это знаменитый отрывок «Осень» («Октябрь уж наступил») из второй Болдинской осени 1833 года. В нем вся мощь пушкинского гения обращена именно к тому таинственному процессу, о котором мы говорим. От пробуждения поэзии в сознании поэта к последовательному воплощению смутных поначалу образов – в свободно льющиеся стихи. Его мысли о творчестве здесь развернуты. И выливаются в одно из самых совершенных в мировой литературе воплощений поэтического действия.

Перечитайте X и XI строфы. В них последовательно раскрывается «механизм» реализации вдохновения, появления и нарастания лирического подъема и воплощения долгих дум в стихах. Процесс дается стенографически точно:

X

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем –
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы быстрые навстречу им бегут,
И пальцы тянутся к перу, перо к бумаге.
Минута – и стихи свободно потекут <...>

Удивительно, но это стихотворение как будто «пишет само себя». Не случайно же один из исследователей назвал его «стихотворением стихотворения». Содержание его – процесс создания стихов.

Заключительная строфа «Осени» была сокращена Пушкиным, и в беловом варианте рукописи после «Громада двинулась <...> Куда ж нам плыть?» идет отточие. Тут было перечисление возможных направлений движения корабля, то есть направления полета поэтической фантазии, – «Кавказ ли колоссальный, Иль опаленные Молдавии луга, Иль скалы дикие Шотландии печальной» и так далее. Почему он отказался от него? Да потому, что чувствовал, что конкретизация «маршрута» ослабила бы лапидарность выстроенной им выразительной и предельно сжатой «формулы». Такой слог был характерен для высеченных в камне надписей (по-латыни – *lapidarius*) на древнеримских памятниках.

Поэтому же была вычеркнута и предполагавшаяся расшифровка «незримого роя гостей, знакомцев давних» – «стальные рыцари, угрюмые султаны, монахи, карлики»...

Постойте, но тогда выходит, что Пушкин сознательно выстраивал (для себя или для нас?) эту лаконичную формулу, своего рода алгоритм творческого процесса! Вяземский сказал как-то, что нельзя искать в пушкинских стихах «строгую и неуклончивую систему», и он прав, конечно. Но попробуем все-таки с известной степенью условности, конечно, пунктирно очертить этот «алгоритм», вольно или невольно намеченный в пушкинском стихотворении.

Итак, вот последовательность этапов: усыпление воображением – лирическое волнение мыслей и чувств – выстраивание незримого роя образов – бегущие навстречу им рифмы – неудержимая потребность зафиксировать слова на бумаге – свободное течение стиха – громада двинулась...

Заметим в скобках, что не стоит, разумеется, заблуждаться на тот счет, что знание этой формулы кому-то поможет стать гениальным поэтом. Взять, к примеру, хотя бы этап «бегущих навстречу рифм». Пушкин-то о рифмах, похоже, действительно никогда специально не задумывался. Они, кажется, и на самом деле, «прибегали» к нему вместе с поэтической мыслью, сами. Об этом говорят черновики, где следов подбора им рифмы почти не встречается. Громада двинулась...

Интересно, что Пушкин потом в «Египетских ночах» практически процитирует сформулированный им самим в болдинском стихотворении процесс, описывая момент творческого подъема у Чарского. Перед тем, как «дверь его кабинета скрипнула, и незнакомая голова <итальянца> показалась», Чарский «чувствовал то благодатное расположение духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами и вы обретаєте живые, неожиданные слова для воплощения видений ваших, когда стихи легко ложатся под перо ваше и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли. Чарский погружен был душою в сладостное забвение. Он писал стихи».

«Формула» процесса, с предельной честностью самонаблюдения зафиксированная Пушкиным в «Осени», почти не нарушалась и в других описаниях.

Так что же получается? Шутя и иронизируя над высоколобыми рассуждениями о творчестве и оставляя теоретизирование теоретикам, Пушкин умел, оказывается, решать сходные задачи осмысления того или иного литературного явления – литературными же, поэтическими, средствами.

Вернемся к мечтаниям, которые явственно рисовались перед Чарским в минуты, предшествовавшие поэтическому вдохновению. Слово «мечтание», если верить Толковому словарю В.И. Даля, в XIX веке было практически синонимом слову «воображение». *Мечтать – и значило «играть воображением, предаваться игре мыслей, воображать, думать, представлять себе то, чего нет в настоящем»*. Да, именно акт воображения, способность вызывать в сознании и произвольно комбинировать образы предметов и события, именно захватывающая автора власть вымысла («незримый рой гостей, знакомцы давние, плоды мечты моей...») – именно это всегда и играет у Пушкина роль первоначального импульса, первотолчка, запускающего собственно творческое действо. То есть именно вольный вымысел, продукт писательского воображения-«вымышления», и был для него исходной точкой замысла и творения. К вымыслу, каким видел его Пушкин, присмотримся повнимательнее.

Самые разные смысловые оттенки понятия «вымысел» звучат в его стихах и прозе. Это и ложь в скандальной поэме «Гавриилиада»:

С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он **вымыслом** хотел пленить еврея.
Он важно лгал, – и слушали его...

Это и метафора сказки в стихах, посвященных няне:

Наперсница волшебной старины,
Друг **вымыслов** игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны...

Это и «сказка – ложь, да в ней намек» в «Золотом петушке». Где, по мнению В.А. Кошелева, подчеркнутая установка автора на выдумку, небывальщину заостряла изображаемое событие. Это и «**нас возвышающий обман**», который «тьмы низких истин мне дороже» в стихотворении «Герой», где Поэту не важно, пожал ли на самом деле Наполеон руку больному чумой солдату. Важно, что Герой,

И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость...

В эпилоге поэмы «Руслан и Людмила», первого значительного и успешного творения своего, двадцатилетний Пушкин, по сути, уже дает описание творческого процесса.

...Я пел – и забывал обиды
Слепого счастья и врагов,
Измены ветреной Дориды
И сплетни шумные глупцов.
На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной;
И между тем грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..

Он молод. Идеи сладкого поэтического полусна, «опьянения» поэзией, своего рода «творческой лени» или игры в галиматью были близки «арзамасцам», к дружескому сообществу которых принадлежал юный Пушкин. То, что со стороны казалось пустой забавой, имело серьезный этический и эстетический подтекст. В том числе своего рода моцартианское начало. Спустя годы Пушкин скажет устами героя маленькой трагедии: «Нас мало избранных, счастливых праздных, Пренебрегающих презренной пользой, Единого прекрасного жрецов». Пушкин, как и другие члены Арзамасского общества безвестных людей, всю жизнь помнил его заветы «нравственного братства» и творческой свободы. И следовал им.

В юношеской поэме его отчетливо продемонстрировано, что в пушкинском понимании искусства именно вольный вымысел – первичен. Ум, лишенный крыльев воображения, эстетически несостоятелен. А уж сознательная установка на воспитующую роль произведения или, не дай бог, поучающую, – тем паче. Позднее Пушкин напишет: «Цель художества есть идеал, а не нравоучение». В зрелые годы понимание Пушкиным «химии» творческого процесса не изменится. Но обращение к художественному вымыслу как законной первооснове творчества станет более осознанным. Все чаще слово «вымысел» будет употребляться поэтом в качестве синонима художественного произведения как такового. Как в «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...») 1830 года:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над **вымыслом** слезами обольюсь.

Или как синоним таланта, силы творческого воображения. В письме П.А. Плетневу, например: «Кюхельбеккера “Духи” – дрянь; стихов хороших очень мало; **вымысла** нет никакого». Или в журнальной статье: «Поэма лауреата не стоит, конечно, поэмы Вольтера в отношении силы **вымысла**».

Мы уже приводили выше слова Пушкина о вдохновении как определенном «расположении души к живейшему восприятию впечатлений», к «соображению» понятий и их объяснению. В этих словах звучит не только четкое понимание процесса, но и трезвое отношение к этому процессу как к «рабочему состоянию». Значит, они предполагают и возможность привести себя в это состояние. Так что создание вымысла, то есть то самое «вымышление», которое «запускает» процесс творчества, по Пушкину, тоже становится сознательным действием. А как это происходит на практике? Как работает вымышление? Попробуем взглянуть поближе.

Мы могли бы привести немало случаев удивительной свободы и изобретательности пушкинского воображения. Например, создание с начала до конца выдуманной истории-пастиша «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», над которой работал Пушкин незадолго до последней дуэли. Этот случай интересен, потому что речь здесь идет о произведении журнальной публицистики. Но здесь выдумано все. Авторское вступление о потомках французской национальной героини Иоанны д'Арк, живущих в Лондоне. Письмо, принадлежащее одному из потомков героини, оскорбленному содержанием циничной поэмы господина Вольтера о его прабабке «Орлеанская девственница». По сути, это объявляемый с соблюдением всех светских условностей вызов и требование удовлетворения. Второе письмо, якобы автограф Вольтера, – ответ-оправдание автора «Орлеанской девственницы», Вольтер жалок в своем оправдательном письме. И резюме некоего английского журналиста, имя которого не названо, – о неблагодарности французов и их «презрении ко всему, что почитается священным для человека и гражданина». Да, это эпизод литературной полемики Пушкина с Вольтером, сочинившим кощунственную поэму о героине-девственнице. И все-таки форма, которую употребил в литературной полемике Пушкин, восхитительна. Пушкин доказывал, что возможности, которые предоставляет художественный вымысел для публицистики, беспредельны.

Но особенно показательным оказывается в разговоре о вымысле обращение Пушкина к русской истории. Тема истории России влекла к себе поэта. Еще в 1822 году в кишиневской ссылке он набросал «Заметки по русской истории XVIII века». Позднее он принял, по сути, предложение царя написать «Историю Петра». То есть стать в каком-то смысле «придворным историографом» (хотя и «не смел взять на себя это звание», по его словам), как «незабвенный» Карамзин ...

Как-то раз, делясь за билльярдом с Алексеем Вульфом своими историческими замыслами, Пушкин воскликнул: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей “Истории”, говоря об Игоре, Святославе! Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову <историю> – пером Курбского...». Здесь ключевые слова – «как мог Карамзин написать

так сухо»! То есть Пушкин уже тогда (а случился разговор в сентябре 1827 года) собирался писать документальную историю пером художника, давая яркие характеры и «живые» картины событий.

Через пять лет, в начале 1833 года он серьезно углубился в изучение событий Пугачевской войны. Кстати, занялся этой темой едва ли не первым. Само имя Пугачева было тогда все еще под молчаливым запретом. Екатерина «уничтожила даже древнее название реки, кои берега были первыми свидетелями возмущения, а яицкие казаки были переименованы в уральские», – поражался Пушкин.

Пушкин обратился к военному министру графу А.И. Чернышову с просьбой разрешить ему поработать с архивными документами, связанными якобы с жизнью принимавшего участие в пугачевских событиях генералиссимуса А.В. Суворова. На самом деле, не только с ней. Среди запрошенных им бумаг было и «Следственное дело Пугачева». И вот, уже имея под руками материалы Секретной экспедиции Военной коллегии Генерального штаба, Пушкин принимает решение. Работа пойдет в двух ракурсах – в научно-историческом и художественном.

Он не только изучал военные архивы, но и встречался с живыми еще свидетелями бунта. Он отправляется в конце лета 1833 года в путешествие в Поволжье и Приуралье. Больше четырех тысяч верст проехала тогда его коляска, три месяца его не было дома. Но параллельно с историческими изысканиями **уже тогда** шла и работа над повестью «Капитанская дочка».

Пушкин-историк выстраивал хронологическую цепь достоверных исторических фактов. Пушкин-художник воссоздавал своим писательским пером то, что Лев Толстой назовет позже «настоящей жизнью людей» внутри исторического события. И это было проникновением туда, куда иным путем, кроме как посредством писательского воображения, пути нет.

Начиная работу над документами Секретной экспедиции, Пушкин резко поменял первоначальный сюжетный план. Теперь главным героем был уже не Шванвич, историю которого он почерпнул из печатных источников, а капитан Башарин. О реальном Башарине, личности сложной и противоречивой, Пушкин узнал из следственного дела. «Пощажен Пугачевым» при взятии крепости, [произведен им капитаном и отряжен] с отдельной партией в Синбирск», – так записано в деле. Драматичная судьба Башарина будет отражена и в «Истории Пугачева», и в «Капитанской дочке», хотя имя ее главного героя еще не раз поменяется, прежде чем он станет Петрушей Гриневым. Для писателя были важны исторические детали. Реальный Башарин, например, был острижен в кружок по-казацки (знак перехода на сторону самозванца). Этой выразительной деталью будет наделен в пушкинской повести предатель Швабрин.

Но главное – это то, что в своем воображении Пушкин создавал уже и образ другого, «своего» Пугачева. Марина Цветаева в своем очерке «Пушкин и Пугачев» писала:

В «Капитанской дочке» Пушкин-историограф был побит Пушкиным-поэтом <...>. Пушкин нам Пугачева пугачевского бунта – показал, Пугачева «Капитанской дочки» – внушил. И сколько бы мы ни изучали и ни перечитывали «Историю пугачевского бунта», как только в метельной мгле «Капитанской дочки» чернеется незнакомый предмет – мы всё забываем, весь наш дурной опыт с Пугачевым и с историей, совершенно как в любви – весь наш дурной опыт с любовью.

Цветаеву больше всего поражало, как Пушкин, **зная** Пугачева исторического, – низкого и малодушного «зверя», из-за пустяка приказавшего удавить своего верного сообщника Дмитрия Лысова и расстрелять свою наложницу несчастную Лизавету Харлову с семилетним братом, – **зная** все это, как он мог написать «своего» Пугачева, мудрого и благородного? И написать его добрым, пожалевшим дворянского недоросля и отблагодарившим его за никчемный «заячий тулупчик».

...Это, должно быть, и есть тот самый «нас возвышающий обман», в который веришь сразу. Цветаева, кстати, ссылается на В.К. Тредиаковского, он тоже считал, что сочинитель «не лживец, ибо поэтическое вымышление бывает по разуму так – как вещь могла и долженствовала быть».

Опыт художественного постижения судьбы человека в рамках исторического события Пушкин использовал, обращаясь и к другим явлениям и персонам российской истории. «История Государства Российского» Карамзина во время написания трагедии о Борисе Годунове в 1825 году помогала ему постичь реалии и дух времени русской смуты, чтобы воссоздать «живые» характеры героев и «смуту» в их душах. И даже «услышать», о чем говорят между собой люди в толпе.

Но Самозванец его совсем не так однозначен, как у Карамзина-историка. Начиная работу над «Борисом Годуновым», Пушкин помышлял о трагедии без вечной любовной интриги, мечтал написать чисто политическую пьесу. И все-таки он «заставил» Дмитрия влюбиться в Марину. Любовь помогала оттенить необычный характер этой «странной красавицы», «бешено» честолюбивой. Но еще и потому, что «любовь весьма подходит к романическому и страстному характеру моего авантюриста», объяснял поэт. Сцену «Ночь. Сад. Фонтан» много ругали. Но именно в этой сцене была явлена важная грань пушкинского понимания истории. И именно Самозванец-романтик помог ему эту грань обозначить.

В решительную минуту, накануне выступления присягнувшего ему в Кракове войска, когда прозвучало уже громогласное «В поход, в поход! Да здравствует Димитрий», он ждет свидания. «Что значит сей неодолимый трепет? Любовь мутит мое воображение...» И это уже не привычная игра обманщика-лицедея на подмостках истории. Это как раз наоборот выпадение его из этой роли, он искренен. Он перед выбором – жить по законам, продиктованным исторической ситуацией, или оставаться Человеком? То есть мысль об отдельной человеческой судьбе внутри исторических катаклизмов и здесь – важнее для Пушкина-художника. Пройдет время, и историк Василий Ключевский в конце XIX века будет писать о Дмитрии Самозванце как о совершенно новом для XVII века явлении: «Это человек, в котором личность преобладает над сословным, привычным и традиционным. Он весь – нарушение традиции. Монах – и не верит в бога, государственный деятель – и руководствуется поэтическими мечтами». Не имея документальных подтверждений своим догадкам, но используя уникальный «инструмент» творческого воображения, Пушкин многое «узнал» об этом «плуте в своем приходе» и расстриге.

Многие (начиная с Анненкова) замечали эту удивительную особенность пушкинских обращений к историческим сюжетам – его странное как бы «присутствие» в происходящем много лет и даже веков назад. Он был скорее **свидетель** тех событий, чем их **историк**. Такая вот «машина времени». Но ведь то же поэтическое воображение двигало им и в его отношениях с **географией**.

Маршруты и адреса пушкинского воображения

В своих творениях Пушкин мог запросто оказаться в каком угодно месте. В основе лежала, конечно, еще и колоссальная эрудиция, «начитанные» знания о реальном мире его окружавшем. И все-таки главное и тут – дар воображения. Умение, оттолкнувшись от известных ему фактов, мифов и образов, **«досоздавать»** миры.

Что касается «адресов» пушкинских творений, написанных им хотя бы одной только Болдинской осенью 1830 года, к примеру, – то это и Мадрид, и Севилья, и Лондон, и Древняя Греция, и Вена, и Стамбул. Это кажется парадоксом, но, оказавшись «запертым» холерными карантинами в Болдине, он как раз и обретает всю полноту внутренней свободы и устремляется в самые дальние из своих воображаемых путешествий!

В «Каменном госте» поэт вложил в уста Лауры описание Мадрида:

Недвижим теплый воздух, <...> яркая луна
Блестит на синеве густой и темной,
И сторожа кричат протяжно: «Ясно!...»
А далеко, на севере – в Париже –
Быть может, небо тучами покрыто...

Что это, если не то самое **«личное присутствие»** поэта в тех местах и широтах, где происходит действие третьей маленькой трагедии?

Но в реальной жизни невыездному поэту оставались только путешествия по России. Следы многих пушкинских поездок по российским дорогам остались в «Путешествии Онегина», дописанном в Болдине в 1830 году. Частично оно вошло потом в окончательный вариант последней главы романа, частично – в авторские примечания и приложения. Тут Великий Новгород, Торжок, Тверь, Кавказ, Крым. В «Путешествии» пушкинского героя остались, наверное, лучшие поэтические воплощения Нижегородской ярмарки, любимого Пушкиным Крыма («воображенью край священный»). И тогдашней Одессы, торговой, шумной, разноречивой, самого европейского из российских городов. В пушкинском описании реальной Одессы явлен еще и ярчайший пример того, на что способно было воображение автора романа в стихах. Он встретился там со своим героем!

В соответствии с внутренней хронологией «Онегина» (а Пушкин уверял, что в «романе время расчислено по календарю») их встреча произошла в самом конце лета или в начале осени 1823 года в Одессе. Где ссыльный поэт незадолго до этого, покинув Кишинев, действительно приступил к службе в канцелярии начальника Новороссийского края графа М.С. Воронцова. Это не единственное появление «биографического» Пушкина в компании «биографического» же Онегина на страницах романа. Уже в начале первой главы поэт представил нам его «лично», несколько даже церемонно представил:

С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы

Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

Потом он поведал о его бурной петербургской жизни, в чем-то очень сходной с жизнью самого молодого Пушкина. И даже оставил известную автоиллюстрацию, где изобразил Евгения Онегина и его автора, беседующими на набережной Невы, «опершись на гранит». Своего рода «фотофиксация» их дружбы, важная для Пушкина. Кстати, на рисунке запечатлена биографическая деталь: в молодости Пушкин на самом деле носил романтические кудри, спадающие на спину.

С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм<...>
Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
Отец его тогда скончался.

И дальше на протяжении всего романа поэт рассказывает о своем герое уже только «в третьем лице», как бы со стороны. Объединяющее их местоимение «мы» уже не подразумевается больше. Рассказывать о герое романа как о своем знакомом в литературе дело нередкое. В последней главе автор, который впервые привел музу на светский раут, снова «увидит» своего приятеля.

Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
<...> Кто он таков? Ужель Евгений?

Но не подойдет к нему. Наконец, в самых последних строфах романа, рассказав о зарождении нового для Онегина чувства, о его письмах, о «болезни любви», которую мучительно переживал Евгений, и о последнем его свидании с Татьяной, — автор внезапно, «вдруг» простится со своим героем.

И здесь героя моего,
В минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда...

Он прощается и с Евгением, которого называет «мой спутник странный», и с Татьяной, и с читателем. Но прощается с ними, как и в целом со своим романом, — именно автор-повествователь, рассказчик.

В этом смысле одесская встреча Онегина с Пушкиным уникальна. Потому что в ней Пушкин, неожиданно встретившись со своим героем, становится на какое-то время не условно-литературным знакомцем его, как в других сближениях, а действительным персонажем своего романа.

Спустя три года, вслед за мною,
Скитаясь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне.

Дальше идет описание встречи героя с автором, который

<...> жил тогда в Одессе
Средь новоизбранных друзей,
Забыв о сумрачном повесе,
Герое повести моей.
<...> Каким же изумленьем,
Судите, был я поражен,
Когда ко мне явился он
Неприглашенным привиденьем,
Как громко ахнули друзья
И как обрадовался я!

Пушкин тут даже не рассказывает нам об их общении, ну мало ли о чем могут поговорить приятели, которые не виделись друг с другом больше трех лет (действие первой главы относится к зиме 1819–1820 гг.). Среди прочего Евгений, возможно, рассказал поэту и о событиях, пережитых им в имении умершего дяди, о которых потом пойдет речь в центральных главах «Онегина».

При этом Онегин ведь не прототип пушкинского героя, это сам герой, который живет и действует в романе. Такой же реальный в рамках произведения, как и автор, вернее, его лирическое «я» в «Евгении Онегине». С его авторскими отступлениями, воспоминаниями о молодости, о друзьях, с его размышлениями, остроумными замечаниями о том, о сем. И о своих знакомых или незнакомых, но живущих в той же среде и в том же времени. Это обеспечивает совершенно иной уровень «сближения» их в одесской встрече с ее почти **репортажным** началом. Рассказывая об Онегине, вспомнившем об авторе и приехавшем к нему, Пушкин будто **впускает** самого себя в пространство своего романа, уже не только как повествователя. Как делал это, впуская в это пространство своего читателя, а по сути, собеседника. Как впустил туда «горожанку молодую», читательницу, которая задумалась возле могилы Ленского и о нем, и о «пасмурном чудаке, убийце юного поэта». Как впустил своего друга Вяземского, который подсел на скучном балу к Татьяне «и душу ей занять успел». Пушкин рассказывает то о героях романа, как о своих знакомцах, то о себе самом, как о человеке и поэте, авторе «Руслана и Людмилы», например. То о своем читателе, с которым у него тоже особая связь.

Интересным наблюдением об Онегине поделился в своем комментарии к роману в стихах Владимир Набоков. Вернувшись в Петербург (это по внутреннему календарю романа осень 1824 года), встретив снова Татьяну, знатную и строгую, и запершись потом на всю зиму, влюбленный и отвергнутый, в своем «молчаливом кабинете», —

Стал вновь читать он без разбора <...>
Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего...

А ведь именно в ту зиму 15 февраля 1825 года вышла отдельной книжкой первая глава пушкинского романа в стихах. Вполне резонно предположить, что, «не отвергая ничего», он не пропустил тогда и новой книжки

знакового поэта, своего «доброго приятеля» Пушкина. Так что и самого Евгения Онегина нетрудно представить читателем «Евгения Онегина».

Привычные рамки наших представлений – это автор, это его герой, а это читатель – будто размываются, и создается особого рода единство, что-то вроде параллельной реальности. В зависимости от контекста и творческой задачи автор переходит из одного ракурса повествования в другой. И переход этот, благодаря силе пушкинского воображения, – всегда естественен и органичен.

В вымышленном мире «Онегина» вообще царит совершенная поэтическая свобода. На самых разных уровнях воображения. И на уровне яркой выразительной детали; как в примечании к описанию стремительной езды «неутомимых наших троек» в седьмой главе: «К... рассказывал, что, будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу». И на уровне «возведения» всего этого величественного сооружения, романа в стихах (не романа, романа в стихах, «дьявольская разница»!), единственного в своем роде произведения, не имевшего ни до ни после ничего равного себе по внутренней стройности, цельности и в то же время странному ощущению незавершенности. Что спустя сто с лишним лет позволило другому поэту, Анне Ахматовой, сказать: «“Онегина” воздушная громада, Как облако, стояла предо мной».

Но вернемся к неожиданной встрече Пушкина с Онегиным в Одессе, где они провели какое-то время в дружеском общении.

...Святая дружба! глас природы!!.
Взглянув друг на друга потом,
Как Цицероновы авгуры
Мы рассмеялись тишком...

В августе 1824 года Пушкина высылают из Одессы в псковское имение матери, а Онегин «пустился к невским берегам».

Недолго вместе мы бродили
По берегам эвксинских* вод.
Судьбы нас снова разлучили**.

...Интересно, а над чем «смеялись тишком» Пушкин со своим «неприглашенным привиденьем», уподобляя себя античным авгурам, жрецам-предсказателям, посвященным в некую тайну, в которую сами не верили и старались не смотреть друг другу в глаза, чтоб не рассмеяться? Над чем смеялись автор и его герой? Может, не только над относительностью «вечных» понятий, как «святая дружба» например. Может, немножко и над нами, читателями... И эта неподражаемая ирония пушкинская словно говорит нам, что граница между реально существующим и воображаемым, возможно, не так уж и непроницаема, как кажется.

Это к вопросу об особенных отношениях Пушкина с художественным вымыслом.

* Понтом Эвксинским именовалось в древности Черное море.

** Тут есть замеченное пушкинистами несовпадение романного времени с реальным временем жизни Пушкина. «Недолго вместе мы бродили», но прошел почти год до их «расставания». Возможно, этот год отводился несостоявшемуся путешествию Онегина по Европе?

Людмила КАЛИНИНА

Родилась в поселке Керженце Горьковской области. Окончила историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета, Высшие литературные курсы и аспирантуру в Литературном институте. Работает главным редактором газеты «Нижегородский университет».

Автор пяти сборников стихов и книги очерков «До слез любя страну родную...» (Аввакум, Н. Клюев, С. Клычков, Ф. Сухов, А. Люкин, Б. Корнилов).

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

«ПОМОГ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ»

Кто послужил моделью для изваяния А. Пушкина

45 лет назад, 4 июня 1979 года, в селе Большое Болдино Нижегородской области, отмеченном высшим творческим взлетом великого поэта, был открыт памятник А.С. Пушкину. Автор памятника народный художник СССР Олег Константинович Комов, архитектор Нина Ивановна Комова.

В наши дни место памятника поэту на территории литературно-мемориального и природного музея-заповедника А.С. Пушкина кажется безупречным и единственно возможным. Но слышала от сотрудников музея, что место намечалось другое, что установка памятника принесла множество хлопот и тревог.

Сначала определили площадку недалеко от входа на территорию музея-заповедника. Скульптор был против этого решения. Он наметил место на самой территории, под окнами кабинета поэта, недалеко от старой лиственницы, по воспоминаниям, привезенной и посаженной поэтом. Доставили гранитный памятник и плиты для ступеней, прибыл огромный подъемный кран... А споры все не утихали.

Тогда казалось, что виноват неуступчивый, резкий характер скульптора. Прошло время, и стало очевидно, что эта неуступчивость – следствие особого отношения автора к окружающей среде, подключенной к памятнику.

Старейший сотрудник музея-заповедника Валентина Фроловна Тюльнева бережно хранит семейные воспоминания. Она праправнучка Петра Александровича Киреева, писаря крепостной конторы Пушкиных в Большом Болдине, к нему доверительно обращался А.С. Пушкин при оформлении деловых бумаг. Ее дед, Иван Васильевич Киреев, тоже писарь, профессия передавалась по наследству, автор протокола крестьянского схода (1918 г.), на котором принято единогласное решение

сохранить дом и парк Пушкиных для потомков. Этот документ и настрой бывших крепостных крестьян Пушкиных спасли усадьбу от разорения. И еще одна заслуга Ивана Васильевича Киреева – он вовремя собрал и издал воспоминания старожилов о приездах А.С. Пушкина в Болдино.

Валентина Фроловна, волнуясь, вспоминает:

– Все, что связано с усадьбой Пушкиных, для меня очень значимо. Уговаривали скульптора отказаться хотя бы от тяжелых ступеней, но он упорно настаивал на своем. С замиранием сердца я и все мы, музейщики, наблюдали, как подъемный кран играючи подхватывает и перемещает огромные гранитные плиты. Кран кружил над домом, казалось, вот-вот грохнется на крышу. На развороте задел лиственницу, дерево закачалось, оторвалась одна ветка и рухнула на землю. Не могу передать, что почувствовала тогда... Прошли годы. С памятником все сжились, нам он сейчас кажется безупречным. И мы уже во всем согласны со скульптором. Благодарны ему за проявленную настойчивость.

Господский дом, старинный парк... Теплый осенний вечер, распахнутое окно кабинета. Кажется, поэт только что оторвался от работы за письменным столом, вышел во двор и присел на скамью. Он погружен в себя, стихи не оставляют его: поза, руки – все говорит об этом:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут...

Стихотворение «Осень» не печаталось при жизни А. Пушкина, написано в 1833 году, это третья, последняя его вдохновенная болдинская осень.

Олег Константинович Комов, его супруга Нина Ивановна, их сын-подросток вместе с поэтами направлялись в Болдино на открытие памятника А. Пушкину в день рождения поэта. В автобус вошел энергичный, плотного телосложения мужчина средних лет и сел на свободное место рядом со мной. Соседние два кресла он занял супруге и сыну, что это семья, можно было сразу понять по их общению.

Неожиданно сосед развернулся и уставился взглядом в мое лицо. Не успев спросить, что это значит, я услышала ответ: «Извините, у вас энергичный подбородок, это сейчас редко встречается и у женщин, и у мужчин, в основном какие-то изжеванные подбородки, невыразительные. Я скульптор Комов, а это моя супруга Нина Ивановна, мы работаем вместе». Нина Ивановна, высокая, изящная, миловидная молодая женщина, радушно улыбалась.

Портрет О. Комова типичный для скульптора: темная, седеющая, несколько взлохмаченная грива волос, пышная борода, выдававший виды кожаный пиджак и руки, крупные рабочие руки.

Словоохотливый скульптор рассказал, что он москвич, любил рисовать в детстве, потому поступил в художественное училище, увлекся графикой. Наверное, так и остался бы приверженцем этой техники, если бы ему, восемнадцатилетнему, не пришлось по воле случая ассистировать известному антропологу Михаилу Михайловичу Герасимову.

– Конечно, гордился перед товарищами тем, что работаю с самим Герасимовым, участвую в восстановлении личностей по черепам, что держал в руках череп самого Ярослава Мудрого. Тогда я пристрастился к исторической литературе, и это заслуга Михаила Михайловича, которого я очень ценил и хотел ему подражать. Он, прежде чем взяться за образ, изучал эпоху, бытовую среду, особенности личности.

Я знала, что завтра открывается памятник А. Пушкину. А сегодня в автобусе вместе с гостями праздника поэзии в Болдино едут создатели памятника, и впереди у нас пять часов дороги!

Оказывается, болдинский памятник третий в Пушкиниане О. Комова. Первый, в молдавском селе Долна, открыт в 1972 г., второй, в Твери, – в 1974 г. И в этом же году за работы, посвященные А.С. Пушкину, О.К. Комову присуждается Государственная премия РСФСР им. И.Е. Репина.

– Мы, художники, мало знаем о нашем великом поэте, гордости нации. Да, есть посмертная маска, есть автопортреты в рукописях, прижизненные портреты великих мастеров... Но маска – это ведь только лицо. Скульптура круглая, затылок, форма ушей... Важны все детали. Пишут, он был почти на голову ниже своей красавицы жены, но все-таки какого роста был А. Пушкин? Что известно о его характере? Судя по стихам, письмам, воспоминаниям, у А. Пушкина был искрометный, взрывной темперамент. Характер и есть самое важное при создании любого произведения. И в то же время надо избегать буквального следования деталям, это может далеко увести от истины.

В Пушкиниане О. Комова важна проработка и подключение деталей окружающей среды. А. Пушкину был 21 год, когда, путешествуя по Бессарабии, он около двух месяцев жил в имении знакомого в селе Долна. Скульптор не стал изображать поэта в домашнем или дорожном костюме, что, наверное, было бы уместно. Тогда он отступил бы от целостного образа поэта, ставшего уже известным в столице. Судя по репродукции, эта небольшая, выразительная скульптура возвращает нас в роскошный приусадебный парк, куда молодой столичный поэт вышел на прогулку. Он стоит в вольной позе, опираясь на колонну, какими украшались приусадебные парки.

Памятник А. Пушкину в Твери поставлен на берегу Волги, на городской набережной. Поэт при полном параде, возможно, собрался на ответственный прием. И вот приостановился, засмотрелся на текущую перед ним жизнь провинциального города.

Ко времени работы над болдинским памятником А. Пушкину О. Комов был уже опытным мастером. Меня интересовало, как скульптор выбирал модель для изваяния великого поэта? Олег Константинович рассказал, что поиск модели был долгим и непростым: «Присматривался к нашим тридцатилетним мужчинам, в этом возрасте А. Пушкин приезжал в Болдино. Небольшой, по современным меркам, рост и уверенная стать уже состоявшейся личности, выразительная форма головы и рук...» Это есть у наших мужчин, но, соглашусь со скульптором, как-то отдельно одно от другого. «Нервные, тонкие, сильные пальцы, узкая кисть – леплю с женских рук, они больше подходят для раскрытия образа творческой натуры».

И все-таки кто стал моделью?

– Помог его величество случай. На день рождения сына собрались его друзья, всем по 15-16 лет. Среди них – веселая девушка в брючном костюме, спортивного телосложения, с темными вьющимися волоса-

ми. Гибкая, решительная, раскованная в движениях, потом узнал, что занималась гимнастикой, она невольно притягивала внимание. Поворот головы, движение плеч и рук – все навеянное юной энергетикой модели, совпало с пластическим образом поэта. Неожиданная находка сама пришла ко мне в дом. Моделью для моего болдинского А. Пушкина стала эта юная москвичка. На заводе фигуру поэта уже готовили отливать в бронзе, а я медлил... Никак не удавались складки рукава. Я не выходил из цеха часами, замучил и рабочих, и модель. Но вот удача! Модель, одетая в мужскую рубашку пушкинской поры, присела, чтобы отдохнуть. И вдруг складки легли так, как мне хотелось.

Будучи профессором кафедры скульптуры Московского государственного художественного института им. В. Сурикова, где когда-то постигал науки сам, О.К. Комов учил молодежь, как он выразился, «работать не покладая рук, чтобы однажды поймать удачу».

– Мы совсем другие, и время наше другое. Мы не стоим, не сидим, не одеваемся, не двигаемся как в пушкинские времена. Мы не так воспитаны, у нас не те нормы поведения в обществе. Выход есть: надо, изображая, соблюдать меру, деликатность по отношению ко времени и человеку своего времени. Надо читать, надо учиться.

Есть свои особенности в работах великих мастеров, к таким мастерам искусствоведы присоединяют О.К. Комова, назвав его искусство яркой страницей отечественной скульптуры второй половины XX века: «Его скульптуры соразмерны зрителю, камерны, лаконичны по форме, дополнены историческими деталями, предметами, корректны контексту исторической архитектурной среды».

В июне 2004 г. выставочный зал Государственного музея А.С. Пушкина в Москве на Пречистенке показал выставку «Пушкиниана Олега Комова». В 2013 г. здесь же прошла выставка «Форма – пространство – цвет». Были собраны вместе работы отца и сыновей: Олег Комов (скульптура), Илья Комов (живопись), Алексей Комов (архитектура).

Работы О.К. Комова выставляются в Государственной Третьяковской галерее, музеях Киева, Смоленска, Твери, Красноярска. А нас, нижегородцев, радует, что одна из лучших его работ, памятник А.С. Пушкину, находится в селе Большое Болдино.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Родилась в городе Бугульме (Татарстан). Окончила Орловский государственный педагогический институт. Работала учителем, преподавателем кафедры русской литературы Орловского госуниверситета. Доктор филологических наук, профессор, историк литературы.

Автор трех монографий и свыше 500 литературоведческих и художественно-публицистических работ о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Ч. Диккенса и других классиков мировой литературы.

Удостоена золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» за книгу «Христианский мир И. С. Тургенева» (издательство «Зёрна-Слово», 2015), а также награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» за статьи-исследования творчества Ф. М. Достоевского.

Лауреат премий журнала «Зарубежные записки» (2014, номинация «Эссе. Литературная критика»), журнала «Наш современник» (2018, номинация «Литературная критика. Литературоведение»).

Член Союза писателей России. Живет в Орле.

«НЕТ ДРУГОЙ ДВЕРИ, КРОМЕ УКАЗАННОЙ ИИСУСОМ ХРИСТОМ»

Исполнилось 215 лет со дня рождения Н. В. Гоголя

Непреходящими остаются православные идеи христианского писателя о духовном возрождении России, воскрешении «мёртвых душ».

Гоголь остро ощущал свою нерасторжимую связь с Родиной, предчувствовал заповеданную ему высокую миссию. Он благословил русскую литературу на служение идеалам добра, красоты и правды. Все отечественные писатели, по известному выражению, вышли из гоголевской «Шинели», но никто из них не решился сказать подобно Гоголю: «Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?...» («Мертвые души»).

Он был воодушевлён идеей патриотического и гражданского служения: «Назначение человека – служить, – повторял автор “Ревизора” и “Мёртвых душ”. – И вся наша жизнь есть служба». «Писатель, если только он одарён творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде всего как человек и гражданин земли своей...»

Размышляя о Церкви, о православном и католическом духовенстве, Гоголь замечал: «Римско-католические попы именно от того сделались дурными, что чересчур сделались светскими» («Выбранные места из

переписки с друзьями»). Православные же священники призваны избегать тлетворного светского влияния и – напротив – оказывать душеспасительное воздействие на мирян через самоотверженное проповедническое служение Слову Истины: «Духовенству нашему указаны законные и точные границы в его соприкосновениях со светом и людьми. <...> У Духовенства нашего два законных поприща, на которых они с нами встречаются: Исповедь и Проповедь. На этих двух поприщах, из которых первое бывает только раз или два в год, а второе может быть всякое воскресение, можно сделать очень много. И если только Священник, видя многое дурное в людях, умел до времени молчать о нём, и долго соображать в себе самом, как ему сказать таким образом, чтобы всякое слово дошло прямо до сердца, то он уже скажет об этом так сильно на исповеди и проповеди <...> Он должен с Спасителя брать пример».

Творчество самого Гоголя имеет исповедальный характер, носит учительную направленность, звучит как художественно-публицистическая проповедь. Пророческие предвидения об общественно-духовном кризисе и путях выхода из него стали нравственным ориентиром не только для следующего поколения русских классиков, но и проливают свет на эпоху сегодняшнюю, звучат на удивление современно: «Я почувствовал презренную слабость моего характера, моё подлое малодушие, бессилие любви моей, а потому и услышал болезненный упрёк себе во всём, что ни есть в России. Но высшая сила меня подняла: проступков нет неисправимых, и те пустынные пространства, нанесшие тоску мне на душу, меня восторгли великим простором своего пространства, широким поприщем для дел. От души было произнесено это обращение к России: “В тебе ли не быть богатырью, когда есть место, где развернуться ему?..” В России теперь на каждом шагу можно сделаться богатырём. Всякое звание и место требуют богатырства. Каждый из нас опозорил до того святынью своего звания и места (все места святы), что нужно богатырских сил, чтобы вознести их на законную высоту» («Выбранные места из переписки с друзьями»).

Важно, чтобы мы всей душой осознали свою причастность всеобщему делу возрождения России, усовершенствования жизни, а для этого – учит Гоголь – необходимо осуществление простого правила, чтобы каждый честно выполнял своё дело на своём месте: «Пусть каждый возьмёт в руки <...> по метле! И вывели бы всю улицу». Эти строки из «Ревизора» неоднократно цитировал Н.С. Лесков, и нам не мешает вспоминать их чаще.

В «апокрифическом рассказе о Гоголе» «Путимец» Лесков вложил в уста героя рассказа – молодого Гоголя – заветную мысль о способности русских людей к быстрому нравственному возрождению: «а мне всё-таки то дорого, что им всё дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете <...> я ценю, я очень ценю! Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит!»

Велико было внимание Гоголя к тайнам бытия, разделённого на уделы света и мрака. Борьба с чёртом, с силами зла – постоянная гоголевская тема. Писатель ощущал действительность этих сил и призывал не бояться их, не поддаваться, противостоять им. В письме к С.Т. Аксакову 16 мая 1844 года Гоголь предлагал использовать в борьбе с «нашим общим приятелем» простое, но радикальное средство в духе кузнеца Вакулы, отхлеставшего напоследок чёрта хворостиной, в повести «Ночь

перед Рождеством»: «Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он – точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечёт, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад – тут-то он и пойдёт храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмёт. Мы сами делаем из него великана, а на самом деле он *чёрт знает что*. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: “Хвалился чёрт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньёй не дал власти”». Мысль о бессилии нечистой силы перед лицом твёрдого духом и стойкого в вере человека – одна из любимых у Гоголя – восходит к древнерусской житийной традиции. В «Повести временных лет» говорится: «Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом».

В то же время посрамление и одоление чёрта даётся совсем не просто, что и показывает Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Так, кузнец Вакула – религиозный художник – изобразил («намалевал») на стене храма побеждённого им беса. Высмеять зло, выставить его напоказ в комическом и уродливом виде – значит почти победить его. Однако в финале повести есть намёк на несмягчаемую силу чертовщины. В образе плачущего ребёнка воплощается тема страха перед нечистью. При виде изображения чёрта в аду дитя, «удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось к груди матери». Гоголь даёт понять, что демонические силы можно унизить, высмеять, спародировать, но, чтобы окончательно победить «врага рода человеческого», нужны радикальные средства иного порядка – противоположно направленная, высшая Божья сила.

Писатель обращался к исследованию глубин человеческой природы. В его произведениях – не просто помещики и чиновники; это типы общенационального и общечеловеческого масштаба – сродни героям Гомера и Шекспира. Русский классик формулирует законы национальной жизни и целого мира. Вот один из его выводов: «Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина!»

Болея душой за судьбу России, Гоголь, согласно его глубоко лирическому, одухотворённому признанию, дерзнул «вызвать наружу всё, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи, – всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубинную холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога». Для этого «много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести её в перл создания». Эти творческие жемчужины – несомненно, из духовной, Божественной сокровищницы Творца.

Основное свойство классики – быть современной во все времена. Так же, как и Новый Завет в каждое мгновение и для каждого остаётся новым, каждый раз заново обновляя и возрождая человека.

Гениальные гоголевские типы оживают и воплощаются постоянно. В.Г. Белинский справедливо размышлял: «Каждый из нас, какой бы он ни был хороший человек, если вникнет в себя с тем беспристрастием, с каким вникает в других, – то непременно найдёт в себе, в большей или меньшей степени многие из элементов многих героев Гоголя». Именно – «каждый из нас». «Не все ли мы после юности, так или иначе, ведём одну из жизней гоголевских героев? – риторически вопрошал А.И. Герцен. – Один остаётся при маниловской тупой мечтательности, другой буйствует а la Nodreff, третий – Плюшкин и проч.»

Путешествуя в пространстве и во времени, приспособливаясь к нему, гоголевские персонажи по-прежнему вполне узнаваемы и в нынешней жизни – продолжают оставаться жидоморами-чичиковыми, собакевичами, «дубинноголовыми» коробочками, петрушками, селифанами, «кувшинными рылами», ляпкиными-тяпкиными, городничими, держимордами и др. В современной чиновничьей среде, как в гоголевских «Мёртвых душах», по-прежнему «мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы».

Хлестаков в «Ревизоре» – это уже не просто нарицательный тип, а всепроникающее явление. «Этот пустой человек и ничтожный характер заключает в себе собрание многих тех качеств, которые водятся и не за ничтожными людьми, – объяснял Гоголь в своём “Предуведомлении для тех, которые хотели бы сыграть как следует “Ревизора”” – <...> Редко кто им не будет хоть раз в жизни». Не случайно Хлестаков кричит оцепеневшим от подобострастного ужаса чиновникам: «Я везде, везде!»

Открыв всеобъемлющую фантасмагорию хлестаковщины, Гоголь приходил к суду и над самим собой. Относительно своей книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846) он писал В.А. Жуковскому: «Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в неё... Право, во мне есть что-то хлестаковское». В апреле 1847 года в письме к А.О. Россет писатель каялся: «Я должен Вам признаться, что доньше горю от стыда, вспоминая, как заносчиво выразился во многих местах, почти а la Хлестаков». И в то же время Гоголь признавался: «Я не любил никогда моих дурных качеств... взявши дурное свойство моё, я преследовал его в другом званье и на другом поприще, старался себе изобразить его как смертельного врага...»

Мысль о Божественной сущности слова была основополагающей для Гоголя. Писатель обострённо ощущал священную сущность слова: «чувствовал чутьём всей души моей, что оно должно быть свято». Это привело его к основным убеждениям: «Опасно шутить писателю со словом»; «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними»; «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку». Эти афористически выраженные христианские писательские убеждения определили смысл главы IV «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями» и пафос этой книги в целом: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздаётся гнилое слово о гнилых предметах».

Как никогда актуальны гоголевские мысли об особой ответственности всех, кто наделён этим Божественным даром: со словом надо обращаться трепетно, бесконечно бережно, честно.

Незадолго до смерти – после посещения Оптиной пустыни – писатель изменился и внешне, и внутренне. По свидетельству А.К. Толстого, Гоголь «был очень скуп на слова, и всё, что ни говорил, говорил как человек, у которого неотступно пребывала в голове мысль, что “с словом надо обращаться честно”... По его собственному признанию, он стал “умнее” и испытывал раскаяние за “гнилые слова”, срывавшиеся с уст его и выходившие из-под пера под влиянием “дымного надмения человеческой гордости” – желания пощеголять красным словцом».

Монах Оптиной пустыни отец Порфирий, с которым был дружен Гоголь, в письме убеждал его: «Пишите, пишите и пишите для пользы соотечественников, для славы России и не уподобляйтесь оному ленивому рабу, скрывшему свой талант, оставивши его без приобретения, да не услышите в себе гласа: “ленивый и лукавый раб”».

Писатель много молился, виня и себя самого в духовном несовершенстве. «Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы, и с Богом за дело», – писал он накануне паломнической поездки по святым местам.

Учиняя строжайший суд над самим собой, предъявляя себе высочайшие духовно-нравственные требования, писатель являлся поистине титанической и трагической личностью и готов был пройти своим многотрудным путём до конца.

После его смерти И.С. Тургенев писал И.С. Аксакову 3 марта 1852 года: «...Скажу вам без преувеличения: с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя... Эта страшная смерть – историческое событие, понятное не сразу: это тайна, тяжёлая, грозная тайна – надо стараться её разгадать, но ничего отрадного не найдёт в ней тот, кто её разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к её недрам, – ни одному человеку, самому сильному духу не выдержать в себе борьбу целого народа, и Гоголь погиб!»

Главное – он сумел пробудить в нас «сознание о нас самих». По справедливому суждению Н.Г. Чернышевского, Гоголь «сказал нам, кто мы таковы, чего недостаёт нам, к чему должны стремиться, чего гнушаться и что любить».

В предсмертных записях Гоголь оставил «пасхальный» завет воскресения «мёртвых душ»: «Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелазай иначе, есть тать и разбойник».

Полная ожиданий и надежд Россия и сегодня всё так же обращается к своему великому сыну в поисках правды о себе самой. И недалеко уже то время, которое виделось Гоголю, «когда иным ключом грозная выюга вдохновенья подымется из облечённой в святой ужас и блистанье главы и почуют в смущённом трепете величавый гром других речей...»

Николай РАЧКОВ

Родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института. Работал учителем, журналистом в Арзамасе.

Творческий путь начинал в Горьковском отделении Союза писателей СССР. Поэт, автор более 30 сборников стихотворений. Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе Большой литературной премии «Алроса», всероссийской православной премии им. святого А. Невского, святого непобедимого воина Ф. Ушакова, лауреат Гран-при Всемирного славянского форума «Золотой Витязь», лауреат литературной премии «Болдинская осень».

Член Высшего творческого совета Союза писателей России, академик Петровской академии наук и искусств. Награжден медалью А.С. Пушкина (2009), удостоен благодарности Президента Российской Федерации (2019).

Живет в городе Тосно, Ленинградская область.

МЫ ШЛИ ЗА НИМ

85 лет со дня рождения поэта, прозаика, публициста
Юрия Адрианова (1939–2005)

У меня к Юре были особые чувства, ещё с юношеских лет. Впервые я услышал о нём, вернее, его, по радио. Я учился тогда в 10-м классе, жил в родном селе под Арзамасом. Включил как-то радио – и вдруг звонкий, напористый голос читает «Балладу...». Это читал Юра Адрианов. И вдохновение, с которым он читал, и эмоциональность меня буквально ошеломили. Ведь почти мой ровесник, ну, на три года он старше меня. А какие стихи!

На следующий год, когда после школы я поступил в пединститут, мы познакомились с ним в Горьком, ближе сошлись уже на студенческих вечерах, в литкружке у Бориса Пильника, в Доме учёных. Мы все тогда были одной командой – Юра, Саша Цирульников, Анатолий Вострилов, Валера Шамшуринов, Анатолий Гринес, Ирина Морозова и другие, десятка два молодых поэтов. Помню наши поездки в Кстово, в Семёнов, в Городец, где мы выступали со своими стихами. И Юра, конечно, был первый среди нас. Самый талантливый, самый-самый. Мы все были просто влюблены в него. О вечерах в Доме учёных и говорить нечего – это были праздники для студенческой молодёжи, а для нас – большая школа.

Довелось мне с Юрой не однажды бродить по Нижнему, поначалу я плохо знал город, он водил меня на Ошару, где в парке пели в ту пору соловьи в кустах, бродили с ним по улицам, переулкам города, он показывал мне свои любимые места. Юра был как-то по-особому затаён и нежен. Помнится, он был тогда безнадежно влюблён. И я не понимал, как может девчонка не влюбиться до смерти в такого красивого, такого талантливого, такого умного, такого...

Как-то, летом это было, я на каникулах жил дома, помогал косить траву, заготавливать дрова и так далее. Иду из магазина, вижу группу студентов возле дома Карпова. Подхожу: ба! Да тут все мои знакомые – Юра Адрианов (он был с этюдником под мышкой), Саша Цирульников и другие. Они тоже удивились: «Ты как здесь?» – «Так я же отсюда, вон там на Скучихе мой дом, приходите в гости...» У них был фотоаппарат, сначала мы сфотографировались. Я прибежал домой: «Мама, мама, мои друзья из Горького идут к нам, человек семь-восемь, вместе с профессором, надо чем-то угостить, они голодные...»

Угостить! Легко сказать. А чем тогда в деревне было угощать? Бедность неимоверная. Но мама наварила картошки, сбегала к соседям и подзаянля яиц, поставила на стол кринки с молоком, хлеб, огурцы и лук прямо с грядки, свежие, и – застолье вышло на славу. Сколько было шуток, смеха за столом, сколько разговоров о том, что они увидели и услышали в окрестных сёлах и деревнях!

А вечером в клубе студенты устроили вечер для селян. Юра изображал старушку, причём глухую. Он повязал платок на голову и выглядел просто уморительно. Он вообще был очень артистичен в жизни. Игрались сценки, подсмотренные в жизни во время странствий по сёлам и деревням. Помню, сельчане за животы хватались. И впервые в родном селе со своими стихами я и выступил тогда, на этом концерте. Меня Юра представил односельчанам как поэта. Несмотря на корявые вирши, успех был оглушительным. Когда отбывали из села, Юра сказал: «Эх, Коля, мама у тебя какая добрая, хорошая...»

И не забуду, как он помогал, когда тяжело заболела моя мама. Екатерина Ивановна – мама Юры – близко к сердцу восприняла моё горе, дала адрес одного народного целителя в Сормове, куда я возил маму. Может быть, потому она сумела прожить ещё несколько месяцев. Юра потом посвятил мне стихотворение под названием «Мать», он видел мои переживания, моё состояние, ведь я остался круглым сиротой. Не забуду его трогательного сочувствия. Потом и Юра сам лишился своей матери – главной опоры в его жизни. Это был не самый лучший период в его жизни, в творчестве. Увы, кое-кто в литературных кругах радостно злословили: «Испился... Пьёт по-чёрному...» Ах, зависть к таланту неистребима. Мне было обидно за друга, и я написал статью «Слово о поэте», которая так и начиналась: «Я люблю поэта Юрия Адрианова». Гена Косолапов поддержал и напечатал эту статью в «Горьковской правде». В ней я рассказал о том, как много он для всех нас значит, и выразил уверенность, что главные книги у него ещё впереди. Так и случилось!

Впрочем, не всегда всё было гладко в наших отношениях. Особенно в молодости.

Был случай, когда мы с ним здорово повздорили. Да что там повздорили – разругались! И надолго. На целый, наверное, год, точно не упомню. Он окончил университет и стал работать на Горьковском телевидении в студии молодёжного творческого объединения «Факел». Я ещё учился в институте на третьем курсе.

И вот на телевидении был объявлен конкурс молодых поэтов. Студенческий конкурс. Тогда это было модно. Юра, конечно, был в составе жюри, как младший сотрудник редакции он отвечал за проведение этого конкурса в прямом эфире под началом своих руководителей Рогнеды Шабаровой и Михаила Мараша. Только позднее я понял, какая это была сложная, ответственная работа, ведь они отвечали за каждое слово, прозвучавшее в эфире. А мало ли кто чего накуролесить может!

Цензура внимательно отслеживала эти передачи.

Конечно, жюри возглавлял старейшина горьковских поэтов Борис Пильник. Передача была живая, эмоциональная. Прямо по ходу передачи звонили телезрители и называли претендентов на первое место.

И вот, когда передача закончилась, было объявлено, что первое место заняла одна поэтесса (забыл её имя), второе – тоже сейчас не вспомню кто, третье – Николай Рачков. И был назначен день, когда победители снова выйдут в эфир и получают премии.

Но на эту победную передачу я не пошёл. Обиделся. Я уже понимал, что победительница никакая не поэтесса, это из разряда графоманов, умеющих бойко и громко декламировать пустоту. Тот, занявший второе место, тоже никакой не поэт, просто легковесный сочинитель.

Что, жюри не видело это?

– Ты понимаешь, что меня подвёл? – кричал Юрка, когда мы встретились на улице. – Это же эфир! Ты был заявлен. И ты не пришёл. Что мне было делать, кем тебя заменять? Всё, знать тебя не хочу!..

– А ты, – орал я ему в лицо, – ты что, не видел, кого вы там награждаете? Ты что, ничего в стихах, что ли, не понимаешь? Конкурс в балаган превратили!..

– Всё я понимаю! – ещё громче кричал он. – Да, да, твои стихи были лучше, не спорю. Но у этой барышни сотня знакомых и родни в Горьком, у всех домашние телефоны, они насели на них и высказывали с восторгом своё мнение о ней. А твоя родня – в Кирилловке, где ни одного телефона, а у твоих почитателей в Горьком телефонов оказалось меньше... И что я мог сделать? Один – против всего жюри! Согласился со всеми. Пильник решил, что не стоит палку перегибать – по нам ударит. Да и поэтесса почему-то ему нравится... Есть и в её стихах что-то...

– Эх, ты!..

– А ты!..

Так мы разошлись, обиженные друг на друга, и долго не встречались. У него была своя правда – я его подвёл на его работе. Тоже, называется, друг. У меня – своя правда, не смог, не захотел отстоять меня, мои стихи. Сам же признал, что они лучше.

Сейчас-то я, конечно, понимаю, что повёл тогда себя недостойно, как мальчишка. И действительно его подвёл. Ну, подумаешь, конкурс, ну третье место. Выступил бы, не облез от этого. Чего обиделся-то? Тщеславие взыграло. Знал бы тогда, сколько раз в жизни придётся мириться с несправедливостью... Эх, молодость!

Но хочу подчеркнуть: больше у нас с ним за всю жизнь таких ссор не было. Все книги, которые от мне дарил, начиная с первого сборника «Считайте годы по вёснам», содержали примерно одинаковые дружеские автографы. Приведу некоторые из них: «Коле Рачкову с дорогой памятью наших светлых, юных, умных и бесшабашных лет» (1976 г.), «Дорогому человеку, талантливому поэту и почти однокашнику Николаю Рачкову. Пусть свежесть юности нашей не покидает души» (1979 г.),

«Дорогому Коле Рачкову с памятью, которой больше двадцати лет, с любовью к его поэтической звезде и дороге» (1980 г.), «Другу моей юности, русскому поэту, которого искренне люблю, – Николаю Рачкову от “поэта ГГУ” достопамятных 60-х годов. Полистаешь – многое вспомнишь» (1986 г.).

Это он писал мне на своих книжках, когда я ещё жил в Арзамасе. Чувство дружбы было в нём очень сильным, может, ещё и потому, что время нашей студенческой молодости было самым счастливым для него в жизни.

Время шло...

Нередко мы с Александром Ивановичем Плотниковым, заявившись из Арзамаса в Горький, навещали Юру. Он тогда жил, как и прежде, после развода с первой женой в квартире своей матери на Ошаре, по улице Белинского. Его новая жена Наташа содержала в квартире собак охотничьей породы. Открываешь дверь – и к тебе бросается в первую очередь, как старая приятельница, белой масти борзая по кличке Метель. И кладёт тебе передние лапы на плечи – худая, горбатая и длинная. Ой, да что там. Сидим за столом на кухне, выпиваем, закусываем, а эта Метель и её такой же породы напарница подходят по-хозяйски к столу и указывают мордой на ту или иную тарелку. И мы кормим собак с рук. Кормим, пока не отойдут. Пока Юра не скажет: «Хватит! Пошли отсюда... Пить не научились, – шутил он, – а вот закусывать мастера...»

Сам он, одетый, словно какой-нибудь барин из великолепной повести Пушкина или как польский пан, в домашний архалук, а скорее пиджак, нарядно расшитый крупными вензельными петлицами (где приобрёл, не знаю), был очень театрален, красив и всегда необычайно разговорчив и остроумен. Мы читали друг другу новые стихи, критиковали или хвалили те или иные строки, пели русские песни, и кажется, что этому дружескому застолью у Юры не было конца. Потому как не мы одни приезжали вот так к нему, после нас обязательно объявлялись в его квартире другие гости. У нас-то хоть часто был повод навестить его: Александр Иванович, добрейшей души человек, доставал из богатых запасов своего подвала трёхлитровые банки огурцов и помидоров, большие кочаны свежей капусты, отборную свёклу и морковь со своего огорода – и всё это мы везли порадовать Адрианова.

Увы, многие заявлялись к нему просто с бутылками водки, и это вошло в привычку. Так вот за талант, за славу поэта, за широкую известность и всеобщую любовь приходилось расплачиваться этой пагубой. И никто не смог переломить ход этой жизненно-драматической ситуации. И когда он писал свои стихи и прозу – уму непостижимо.

Юру любили художники, и стены его квартиры были увешаны подаренными полотнами. Он и сам писал красками, хотя как художник ценил себя невысоко. Как-то я покритиковал одно из полотен на стене, заметил, что и сам Юра намалюет не хуже.

– Эх, Коля, много ты понимаешь в живописи, – вздохнул он. – Это тебе не стихи...

И всё же он очень любил писать красками. Занятия в художественной школе не прошли даром. Это увлечение он сохранил до конца своей жизни. Напишет этюд – и выставит на видное место в кабинете.

– Мне нравятся вот эти твои серые избы, – покажет важно рукой на свежий холст Пётр Еремеев, приехавший с нами из Арзамаса писатель-краевед.

Юра небрежно бросает:

– Нравится? Дарю.

Как-то и я расхвалил его только что созданный живописный этюд с ливнем берёзовых листьев на солнце и лавочку под ними. От холста ещё пахло масляными красками.

Юра недолго рассматривал свой шедевр.

– Неужели и вправду тебе по душе?

Я кивнул головой, заметив, как он внутренне доволен.

– Ну, раз так, забирай...

Я храню этот этюд его как память о нашей дружбе.

Сколько вот таких этюдов и пейзажей он раздарил своим приятелям – и не сосчитаешь. Щедрость Юры не знала границ. После его смерти Наташа издала альбом живописных этюдов вперемешку со стихами. И многие были удивлены, открыв в талантливом художнике слова Адрианове ещё и художника вдохновенной кисти.

После того, как я уехал жить под Петербург, мы стали видеться редко. Но книгами обменивались аккуратно. Я посылал ему все выходявшие у меня сборники, он присылал мне свои с тёплыми трогательными автографами, подчас и шуточными. Каждый автограф начинался: «Дорогому Коле...» Иногда переписывались, особенно потянулись друг к другу в последнее время. Его письма – это и крик, и боль души, и грустные раздумья о жизни и литературе. Храню их.

В 2001 году у него вышла книга лирической прозы «Нижегородская отчина». Это, на мой взгляд, не просто книга об отчине, с которой начинается Отчизна, это исповедь жизни и самого автора, и изумительно познаваемые рассказы о патриархальном Нижнем Новгороде, о городках и сёлах, о Волге и Оке, дотошно собранные исследования о знаменитых людях, которые проживали или посетили Нижегородскую землю, о писателях, художниках, музыкантах, артистах, о славных земляках, в том числе о современных литераторах. А какие впечатляющие этюды об Аввакуме, В. Дале, летописце Лаврентии, А. Улыбышеве, о декабристах. Сколько автор воскресил в своей книге полузабытых имён, верой и славой послуживших Отечеству! Читаешь вроде бы прозу, а какая поэзия таится в написанном. По сути, это книга о красоте земли Нижегородской и её людях, лирическое, я бы сказал, краеведение.

Он прислал мне книгу с таким автографом: «Другу юных лет, русско-му поэту, русской душе – Николаю Рачкову с добрым поклоном во дни его юбилея от “ошарского отшельника” – твой друг Юрий Адрианов. Сейчас в Арзамасе печатают мою книгу новых стихов 1995–2001 гг. “Пояс Богородицы” (400 стр.). Пришлю! Обнимаю тебя. Вспоминаю сцену Дома Учёных! Ю. А.»

Ой, да разве забудешь эту сцену, на которой мы когда-то выступали со своими стихами перед студенческой молодёжью, какая это была пора дружбы, радости, томительной жажды найти себя в поэзии...

Когда в Петербурге я был избран в редколлегия альманаха Петровской академии наук и искусств «Медный всадник», то решил обязательно порекомендовать стихи Адрианова к напечатанию. Позвонил, попросил прислать подборку. Он обрадованно согласился. Время шло, а письма со стихами нет и нет. Снова звоню. Просит прощения, обещает, что вот-вот немедленно вышлет. А время идёт. Наконец получаю долгожданное письмо.

Коля! дорогой! обнимаю тебя и падаю на колени. Виноват. Месяц «томил» рукопись. Наверное, опоздал. Жаль. Меня арзамасская

типография сделает идиотом. «Пояс Богородицы» не могут прошить шесть месяцев. Что там за умельцы? <...>

Коля! дорогой! Как только выйдет тираж, напишу внятно и подробно. Поклон супруге. Шама не видно. Он весь в выборах... Он не может без этого. За «Нижегородскую отчину» мне дали премию М. Горького. Кажется, первому, т. к. её на днях придумали.

Твой Ю. Адрианов. 3.06.2002 г.

Читая порывистый, подчас плохо разборчивый почерк Юры, я понял, в каком он состоянии находился. Не всё складывалось хорошо, сколько нервов ему стоило издать сборник новых стихов. И тут и там ставили подножку. Шамом он называл ещё со студенческих лет Валерия Шамшурина.

Когда сборник стихов «Пояс Богородицы» всё-таки был издан, Юра прислал мне его с таким вот автографом: «Собрату и другу юности моей, прекрасному русскому поэту Коле Рачкову, памятно, сердечно, с дружеским поклоном от Волги и Оки. Это самое “обворованное” издание в моей жизни.

Твой Юра Адрианов. Окт. 2002 г.»

Послал я ему альманах со стихами. В подборку я включил не только его новые стихи, но взял и из прежних сборников. Получаю письмо.

Дорогой Коля! Спасибо за «Всадника». Подборка прекрасная! И ты в неё включил стихи, посвящённые Шамшурину. Они – единственные, которые я написал в Питере! Это было в 1971 году.

Что за наказание эта буква Н в фамилии. Но её упразднили где-то в 1825 году в здании Сената, опять у вас же! Стал Адриановым. А я вспомнил 1964 год. Тогда с Шамом и братом двоюродным Андреем прибыл в Питер из Кижей. А в Питере у меня на почте был перевод на 50 рублей (!), и я там бился, потому что написано было: Андрианову. И мне не давали деньги сутки, какие это были страдания! Так что альманах я прочёл с интересом: ведь там родная история! Прочёл весь сплошь. Как дела у меня? Сижу на Ошаре, позваниваю, два месяца почти ничего не пишу, разве что три-четыре статьи за месяц...

Ну, да ладно! Губернатор обещает помочь в издании 2-хтомника стихов. Ещё раз спасибо за «Всадника». Обнимаю! Может, свидимся!

Твой Юрий Адрианов. 2.12.2003 г.

Конечно, надо знать Юру. В запальчивости он мог и наговорить, и написать невесть что. Потом остывал. И тем не менее понять его обиду, душевное состояние можно. Не привык он, всеобщий любимец, чтобы так вот по-хамски с ним поступали. И в делах, и в дружбе.

Пожалуй, на кого он мог без боязни опереться, кто не бросал его в трудные годы, это был студенческий товарищ Саша Цирульников. «Сашка – друг настоящий. Мне ещё мама говорила: смотри, Юрка, все друзья-приятели тебя бросят, а вот Сашка не бросит...»

Так и вышло. Именно Саша больше всех ходатайствовал за него во властных структурах, чтобы издавали Адрианова, чтобы присвоили ему звание почётного гражданина Нижнего Новгорода. И добился-таки.

Хочу привести некоторые отрывки из письма Юры, которое много раскрывает и в его запальчивом, обидчивом характере, и в той обстановке, в которой он жил в последние годы.

Коля! Дорогой!

Спасибо тебе, единственному, кто помнит о начальных наших годах... Я не был в Москве 16 лет! И ничего – живу! Что надо писать и что надо говорить я знаю и без тамошних споров. Я ведь к 1976 году, – когда Шама приняли в Союз, – уже пропил всё: был зам. секретаря писательской организации, был членом правления Союза писателей РСФСР, делегатом съездов. Меня тёща опозорила, обхамила, а я, оставив квартиру, вернулся в свой домик на Белинского к маме. А в 1978 году встретил Наташу, а в 1979 году, по осени, мы расписались. Ныне у нас будет в сентябре – 25 лет! Это начиналась вторая жизнь. Сызнова, начисто!

Счастлив, что мне, молча сидящему, повезло на губернатора. Он знал, что я не бегал по новым именам и молча жил по старым канонам. Это Ходырев знал, оттого и позвал меня к себе на приём. Всё это сделал Саша Цирульников.

– А что ты у меня ничего не просишь? – спросил Ходырев. – Все ко мне приходят – просить! Вот, может, какие-то книги издать...

– Да, но это дорого!..

– А сколько нужно?

Я помолчал, потом говорю: 150 тысяч!

Ходырев улыбнулся: «Ну, это мы сможем помочь!..»

Так начинался 2-хтомник. Через год получил деньги – 200 тысяч... У меня есть ещё рукопись одного тома! Но прежде хочу издать книгу «Провинциальные Гомеры». Это рассказы о нашем «гнезде», о Горьком, Кочине, Сухове, Пильнике, Люкине.

Ведь я не напишу – никто ныне не станет трудиться. А ведь у нас принимали – 60 человек! В моё время было – 15! Кого принимают – не ведаю. Всё девочки, девочки и мальчики с гонором, с голосом.

Молчу, живу и молчу... Я тут выпустил «Питомцев волжских берегов» – антологию поэзии. Сейчас что-то подобное создают. Шам звонил, просил меня в редколлегия. Ну, что же – пусть, буду.

Коленька, спасибо на добром слове!

Твой Ю. Адрианов. Н. Новгород. 2004 г.

Это одно из последних писем его ко мне. Во многом сумбурное. Но всё же оно немало проясняет его душевное состояние, его «ошарское затворничество» от того, что происходило в писательской организации.

Но хочу ещё раз заметить: Юра в минуты запальчивости и обиды мог написать и наговорить много чего, потом остывал, обдумывал сказанное, потом как ни в чём не бывало мог продолжать общение. Например, всё, что он писал мне о Валерии Шамшурине или Олеге Рябове, нельзя, мне кажется, воспринимать как аксиому, потому и опускаю это в письмах. Ведь обоим стихи посвящал, а с Шамшуриным его связывала дружба с тех же студенческих лет. Он всегда поддерживал его кандидатуру, как «своего», на выборах в писательской организации. Они могли и поспорить, и на какое-то время разойтись, «раздружиться», и всё же, несмотря на разногласия, их притягивало друг к другу нечто большее – свет юности, радостное начало, умение понимать степень таланта товарища, его значимость в современной, тем более нижегородской, литературе.

Мы нередко переизванивались, он в основном почти взхлёб говорил мне, сколько и чего написал, ему хотелось убедить меня, что он на высоте.

Хотя надо признать, что это ему удавалось всё труднее. «Провинциальные Гомеры», увы, не стала той книгой, которую он задумал, – много в ней напутано, много несправедливо субъективного, память его на сей раз подвела. Сказалась болезнь – и физическая, и душевная...

Наша с ним последняя встреча до сих пор не выходит у меня из памяти. Она оставила тяжкое впечатление. Я, приехав в Нижний, сразу направился к нему. Мы давненько, несколько лет, не виделись. Дверь открыла Наташа, она повела выгуливать собаку. Юра сидел в своей комнате за машинкой и печатал новый очерк. Увидев меня, обрадовался, засуетился, начал говорить о том, над чем сейчас работает, начал показывать книги, сваленные на полу.

– Сколько хороших книг пришлось продать в лихие годы, чтобы выжить, – сетовал он. – Больше всего жалею книги. Какие книги были. Да ты помнишь!.. Правда, кое-что осталось...

Он старался держаться молодцом, но... Господи, как он выглядел! Ничего почти от прежнего заводного, фрондёрски настроенного, Юры, блистательного остроумца, живого, весёлого поэта почти не осталось: поседевший, плечи сгорбленные, взгляд всё более задумчивый, грузная фигура выражала какую-то физическую обречённость. Он, правда, ещё пытался шутить по старой привычке, подсмеивался над собой, но я видел, чего это ему стоило.

Посидели мы ещё часа два, повспоминали, погрустили о многом... Мы договорились, что я напечатаю новую подборку его стихов в Петербурге.

Увы, этой своей подборки, уже в журнале «Всерусский собор», он не увидел. По разным причинам публикация затянулась, хотя стихи были уже набраны. И вот прихожу в редакцию узнать, когда она будет опубликована, а мне подают свежий номер с этой подборкой. «Какие стихи! – восхищались все. – Особенно “Отрок”, пророческие для России строки!..» Я обрадовался: сегодня же отошлю журнал Юре! И тут же в редакции совершенно случайно состоялся у меня телефонный разговор с Геннадием Красниковым из Москвы. «Ты знал поэта Юрия Адрианова?» Я опешил: «В чём дело? Мы друзья со студенческих лет. Вот держу номер журнала с его стихами...» – «А ты знаешь, что он умер? Я был в Нижнем, присутствовал на похоронах...» И последовал рассказ о случившемся...

Не буду описывать своего душевного состояния, близкого к шоку. В тот же день написал стихотворение «Юрий Адрианов» – на одном дыхании.

Ах ты, жизнь... Ах ты, дорогой мой друг Юрий Адрианов...

Я со студенческих лет во многом обязан ему, и, наверное, не я один, а многие сверстники, пишущие стихи тогда в Горьком, любовью к истории своей малой родины, к более глубокому постижению славных страниц городов и селений, любовью к Волге, к Нижнему Новгороду, к его патриархальной старине, к именам, которых было уже чуть слышно за гулом времени, но которые вновь зазвучали и в стихах, и в прозе. Адрианов вдохновенно воспевал полузабытое, пробуждал гордость в наших молодых сердцах к тому, на какой земле живём, какое наследство за плечами. И мы шли за ним, поднимая пласты исторической памяти, обжигаясь чудом находок и прозрений.

Он знал больше нас, у него была богатая домашняя библиотека, а в книжном магазине ему знакомые продавцы оставляли экземпляры редких букинистических книг, и он покупал их, несмотря на высокие по

тем временам цены. Он был энциклопедически образован – о чём ни спроси, всё знал. С рюкзаком и мольбертом в руках в составе студенческих экспедиций он обошёл большинство райцентров, городков, сёл и деревень в Горьковской области, глубоко вникая в предания и легенды родного края.

И нас заражал этим.

В Доме учёных, в университете, в пединституте им. Горького мы организовывали поэтические вечера, на которые буквально ломилась молодёжь. «Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне»... Да нет, не были в загоне лирики. Те же учёные приходили на наши вечера слушать стихи, те же физики читали стихи, хотели прослыть ещё и поэтами. Так было. И если это был вечер о творчестве Сергея Есенина или Бориса Корнилова, то каждый из нас, из начинающих поэтов, должен был выучить хоть один стих поэта и прочитать его со сцены. Так мы осваивали духовные сокровища отечественной поэзии.

А уж как читал Юра стихи! Это надо было слышать. Он просто так, встретившись со мной на улице где-нибудь напротив городского драмтеатра, мог остановиться и, то застёгивая, то расстёгивая пуговицу на моём продувном пальтишке, начинал азартно читать: «Выводите полки, выводите полки, выводите полки на Сенатскую площадь!..»

С крыш падали капли, блестя на солнце, и глаза у Юры светились таким торжеством, таким упоением!

Этого не забыть.

Не стало Юрия Адрианова, которого я так любил, который вместе с Фёдором Суховым и Виктором Боковым дал мне рекомендацию в Союз писателей. Но что значит – не стало? Есть его книги, его письма – значит, жив поэт! И будет жить. Он стал гордостью и нижегородской, и российской поэзии второй половины XX века!

Хочется привести строки из письма Валентина Распутина о Юре. Я написал ему в Иркутск, сообщил о смерти Юры. Вот что в ответном письме написал Валентин Григорьевич, великий русский писатель:

...Только из твоего письма узнал, что не стало Юры Адрианова. Я любил его, вот уж был поэт, подвижник своего Нижегородского края. Бывал я у него в Нижнем, он не однажды приезжал в прежние времена в Иркутск. И даже слабость его никогда не была неприятной, он жил с нею словно бы по-дружески. Но последние лет пятнадцать мы не встречались, хотя переписывались иногда. И вот – был и ушёл неслышно, по-русски, чтобы не доставлять хлопот. Вчера проезжал через Нижний (ехали со Светланой поездом), вспомнил, представил – и так горько и пусто стало на душе, что и слёзы набрались...

Юрий Адрианов

Погладив рукой бородку,
Глядя в своё окно,
Он признавал лишь водку
И не любил вино.

Непрочность славы изведав,
Одних лишь врачей боясь,

Нижегородских поэтов
Был он удельный князь.

При свете зари вечерней
Он благостен был и мил.
Но слушая скучно челядь,
Редко кого хвалил.

Одной поэзии данник,
Одну Россию любя,
От всей суеты
как странник
Он уходил в себя...

С грустинкой нежной во взоре,
Напомнив нам о былом,
Стихи в славянском уборе
Цвели за его столом.

Он черпал ковшом из братины
И читал лишь высокий слог.
Себя до конца растратил он,
Но душу свою сберёг.

Под листопадом грустным,
Лишь Музою осенён,
Он слишком был старорусским
Для барахольных времён.

Не торговался с веком,
Чтоб совести не избыть.
Он был таким человеком,
Которого не забыть.

О Слово!
Тебе служил он,
Земной исполняя долг.
...Крепких стихов дружина
Стоит,
как засадный полк!

Литпроцесс

Елена КРЮКОВА

Родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького.

Автор книг стихов и прозы, куратор и автор художественных проектов в России и за рубежом. Лауреат премии им. М. И. Цветаевой, Кубка мира по русской поэзии, премий журнала «Нева» за лучший роман года («Врата смерти», 2012), им. Горького (2014), им. И. Гончарова (2015), Международной литературной премии им. А. Куприна (2016), Международной премии им. Э. Хемингуэя (2017) и других.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

МЫСЛЬ, СЕРДЦЕ, ПАМЯТЬ

*О книге Владимира Малягина «Глас вопиющего.
Священный смысл несвященной истории»*

Что есть писатель? Прежде всего он – художник.

А художник – философ, мыслитель.

А еще и драматург. Мы творим пьесу, снимаем фильм жизни своей, жизни народа.

Русская публицистика и русская драматургия создавалась и создается истинными художниками. Говорю сейчас про лучшие, чистейшие, высокие ее образцы.

Владимир Малягин – из этой когорты, из этого войска Мысли Русской. Перед нами его книга «Глас вопиющего» (Москва, Книжный мир, 2023), и, читая ее, понимаешь – нет, мы не в пустыне, пока рядом с нами такие мыслители, раздумывающие и о жизни общества, и об истории Родины и Мира, анализирующие невыносимое и страшное и воспевающие великое и прекрасное.

Россия всегда славилась такими мыслителями. Традиции Достоевского («Дневник писателя»), Пушкина-публициста, Льва Толстого, немало времени отдававшего статьям, изысканиям, памфлетам, философским текстам, балансирующим между потаенной исповедью, религиозной пламенностью, плакатным воззванием и суровым обличением, продолжились в двадцатом столетии, и факел этот был храбро донесен и до века двадцать первого.

Открываем книгу Владимира Малягина – и сразу перед нами – одна из недавних мировых трагедий: уничтожение православных сербов

католиками-хорватами. Нельзя без дрожи, без ужаса читать эти страницы, где приведены документальные свидетельства зверств хорватов на сербской земле. Задаю себе простой вопрос, на который так сложно ответить: почему на земле живет ненависть? Более двух тысяч лет назад Христос говорил людям о любви. Что же с нами такое, где причина безумной, неизлечимой болезни ненависти в человеке? Владимир Малягин находит этому объяснение: ненависть, злоба, жажда уничтожить – это бесовщина.

Вот что вспоминает участник соревнования на скорость убийства сербов Жила Фриганович:

Началась бойня, уже через час по количеству убитых я заметно оторвался от других. В ту ночь меня охватило особое воодушевление. Мне казалось, что я словно оторвался от земли, что я попал на небеса: никогда раньше не ощущал я такого блаженства. За несколько часов мною было уничтожено около 1100 сербов, в то время как мои соперники закололи не более 300–400...»

Но Жила не победил. Победил другой усташ, Петар Брзица, убивший 1360 сербов и заслуживший прозвище «Король Сербосек». Видимо, его воодушевление и блаженство в эту ночь было ещё более сильное, чем у Жилы (и бес, владеющий им, видимо, был сильнее беса, вселившегося в Жилу). Из рук католического капеллана Петар Брзица получил в награду золотые часы, от военного начальства – серебряный столовый сервиз, от товарищей – жареного поросенка (и ведь всё это, я уверен, было награблено у этих же самых жертв, включая капелланские часы!). Столько, видимо, стоили жизни примерно десяти тысяч зарезанных сербов...

Итак, человек чувствует себя на небесах, на верху блаженства, убивая тысячами других людей – беззащитных и безоружных. Не знаю, как такое извращение называется с психиатрической точки зрения, но с духовной это – беснование, одержимость духом ненависти и злобы. И это – лишнее свидетельство, что в такие времена бесы выходят из ада и вселяются в людей. И люди становятся бесами.

Кстати, сербосеком назывался специально сконструированный нож, изготовленный на замечательном немецком заводе Золинген аккуратными цивилизованными немцами из первоклассной стали большой партией специально для вооружения усташей. То есть специально для убийства сербов...

Современный Мирь! Как уживаются в нем Божие и человеческое? Как сделать, чтобы человек – любой человек, а это значит, в результате ВСЕ люди! – могли припасть к стопам Божиим? Почему одно жизненное начало, непосредственно с Богом связанное, спасает живую душу и поддерживает ее ежедневное бытие, а другое, под прикрытием Божиего имени, уводит людей в бездны земного Ада? Владимир Малягин раздумывает над Адом на земле, сам не теряя из виду упования, силы Божиего Слова, музыки, мотивов Райского блаженства. И всемерно в публицистических размышлениях Владимиру Малягину помогает то, что он – драматург. Впрочем, литература вся – единое цветущее, благодатное поле. Идешь по нему, ладонью гладишь колосья, васильки, ловишь дуновение родного теплого ветра... Впиваешь, вдыхаешь счастье жизни. Счастье – жить.

Парадоксально, да, по контрасту, но это счастье ЖИТЬ, ЛЮБИТЬ испытываешь по прочтении этой первой, изумляющей нечеловеческим ужасом статьи книги.

Однако не только ужас телесного, физического убийства преследует несчастное человечество. Малягин не боится говорить о том, как люди в странах Запада спокойно и свободно растлевают своих детей, как этому преступному деянию помогают писатели, рождая на свет Божий книги (и книгами-то их назвать трудно, тяжело...) об извращениях, о патологиях, о бесовских наслаждениях – о торжестве порока: сиречь диавола, – как слово, священный Логос, становится на службу мерзости и разврату. Да, и об этом надо не только читать и думать – с этим, если достанет у нас сил, нужно бороться! На полях культуры тоже идет сейчас Битва Небесная.

Когда смотришь на кадры гей-парадов, то поражает одно: почему участники этих парадов, даже в самых гей-благополучных странах, так нервны и беспокойны, как будто за ними кто-то гонится, догоняет, чтобы наказать? Почему они, уже победив в США, Великобритании, Дании и т. д., всё равно и там борются за свои права? С кем борются?

Верующие люди прекрасно знают, с Кем.

И понимаешь: вера – не просто личное дело каждого человека, не просто святые традиции народа; вера – это направление пути, путеводная звезда, она ведет тебя, она горит над тобой, освещая твои радости и беды, и она же освещает (и освящает!) то, что тебе надо внимательно наблюдать в жизни, прежде чем сразиться с бесами новой эпохи, с гибельной ритмикой миропорядка, что так старательно выстроили поклонники безнаказанного порока.

«Но есть, есть Божий Суд, наперсники разврата!..» – воскликнул Михаил Юрьевич Лермонтов в стихотворении «На смерть Пушкина». Эти пророческие слова применимы к нашему времени в гораздо большей степени, чем мы могли себе представить. И Владимир Малягин, не раз вспоминая лермонтовские бессмертные стихи, задумывается именно над этой, спасительной жизненной позицией.

Малягин судит Запад, Атлантическую цивилизацию не только непредвзято – он рассматривает ее преступления, ее анти-Божескую направленность доказательно и убедительно. Есть факты, против них не восстанешь. Из узоров фактов складывается фреска истории. Да, история оказывается самой великой наукой, ибо все сущее находится *внутри* нее. История – наука о Времени, и Владимир Малягин напрямую занимается Временем, он его не просто изучает – проживает и переживает избранные мыслью его отрезки; не просто эмоционально воспринимает его события – а осмысливает их как художник: представляя себе Время как многослойную, многофигурную композицию, а не то, что происходит здесь и сейчас (либо происходило там и тогда...).

Образование никогда не бывает вненациональным, что бы нам ни говорили, какую бы лапшу на наши доверчивые уши ни вешали. Вписаться в эту американскую систему можно, только став врагом собственной страны, собственной веры, собственного народа. В качестве подтверждения этой мысли можно, кстати, посмотреть на многочисленные фотографии Горбачёва и Ельцина в масонских одеяниях, с масонскими знаками и орденами. Как говорит старая русская поговорка, Бог шельму метит... А с другой стороны, можно ли поверить, что эти недалекие демонстранты чужих символов действительно были допущены властями мировой политики к каким-то настоящим геополитическим секретам?

Кстати, масоны были у власти и в России. Сегодня как-то мало говорят о том, что Временное правительство в 1917 году состояло из членов масонских лож на сто процентов (они-то и свергли в марте Императора). Что получилось из этого краткого правления – не надо напоминать. Но надо понимать, что действовало это правительство никак не в российских национальных интересах...

Малягин размышляет о революции. О русской революции и о революциях, охвативших Миръ опасным огненным кольцом в XX веке. Троцкий, змеиное порождение революции в России, внезапно становится крайне актуальным в социокультурной жизни современного Запада, его лозунги, его идеи сейчас подхватываются, осуществляются, изучаются. Где полоса, граница, разделяющая в революции «хорошее» (перспективное, прогрессивное) и «плохое» (жестокое, схематичное, убивающее)? Идеалы революции никогда не осуществлялись. Моря крови лились и льются, если страна вступает в революционное пространство. Но где же пресловутая «золотая середина»? Где это великое строительство светлого, счастливейшего, лучшего будущего?

Но мировая революция действительно продолжается. Разжигаются войны, увеличивается настойчивость и наглость разврата и его пропаганды, всё явственней делится человечество на высших и низших. Революция продолжается, и это всем нам, каждому из нас (а также нашим детям, внукам, родителям) грозит гибелью. Особенно нам, и теперь уже не надо объяснять, почему.

И после этого мы будем повторять, что революция – это хорошо? Но они-то, высшие, надеются отсидеться на своих островах. А где отсидимся мы?

...А впрочем, и они не отсидятся. Рано или поздно очередная революция пожрет и их. Как она всегда делает со своими верными слугами, революционерами.

Владимир Малягин исследует феномен смердяковщины. Феномен отвратительного чужебесия. Не раз на страницах книги вспоминает нашего великого не просто писателя – мыслителя и пророка Ф. М. Достоевского и его знаменитую, трагическую «Легенду о Великом Инквизиторе» из романа «Братья Карамазовы». Так писатель сплетает снова и снова публицистику, философию, литературу и историю, заставляя нас задуматься о том, кто мы, куда идем, от чего нам надо спасти самих себя и детей и внуков наших:

...Так что же у нас?.. А наш гражданин ежедневно и ежечасно слышит о том (как и десять, и пятнадцать лет назад!), что свет миру воссиял с Запада, что оттуда к нам идут «общечеловеческие ценности» и что наши благодетели скоро будут здесь. На телеэкране или газетной полосе не меняется ровно ничего. Федор Павлович Смердяков хозяйничает на российских СМИ. «Отречься от Христа – не грех!..», «Человек имеет право убивать себя ещё во чреве матери!..», «Русский народ надо пороть-с!..», «Желаю уничтожения всех солдат!..» И наконец, главное – «Я всю Россию ненавижу!..

И всё же... Всё же удивляешься, когда слышишь в новостях по государственному каналу словосочетание: «Идеалы Майдана» (в смысле – «идеалы оранжевой революции»). И ладно бы в ироническом смысле! Нет – вполне серьёзно! «Идеалы Майдана»?.. То есть – идеалы предательства своей родины, идеалы смердяковщины, идеалы чужебесия? Это теперь наши идеалы? Тогда – горе нам...

Малягин вспоминает путч ГКЧП. Раздумывает о разных масштабах воровства, которое есть преступление, маленькое или большое, только,

разумеется, немыслимые масштабы олигархического воровства – ужасают. Он размышляет о национальном характере. О русском литературном герое. О покорении Аляски и Сибири, о Русской Америке, о владыке Иннокентии. О русофобии, которая является отправной точкой в невероятном дьявольском процессе – целенаправленном уничтожении, геноциде русского народа. О Второй мировой войне. О Петре Первом. Об Иосифе Сталине...

И перед нами в статьях-раздумьях встает, горделиво, неколебимо и мощно, весь Русский Миръ – с его феноменальностью и святостью, с его парадоксами и чистотой, с его сокровищами и безднами, с его страданиями и направленностью к поискам Лучшего и Светлейшего, с его жаждой счастья и трагизмом совершенных ошибок, с его невероятной жизненной и культурной силой. Владимир Малягин пропутешествовал когда-то в Данию – и от этого вояжа у писателя остались отнюдь не позитивные впечатления: он увидел в лицо мещанство, мелочность, холодный расчет вместо радушия, хитрость вместо искренности. Печально? Да. Но с этим часто сталкивается на Западе любой, остро и тонко чувствующий русский человек. У нас, в России, есть не только удивительная ширь и мощь земли, но и потрясающая (и такая родная, радостная!) широта и щедрость души. По контрасту с Западом ее ощущаешь сильно и безусловно, пересекая границу, возвращаясь на Родину.

Самого больного и насущного, самого необходимого и драгоценного касается в своих раздумьях Владимир Малягин – образования, воспитания. Кто придет после нас? Как преподать маленькому человеку великую человечность и непреложную правду, как открыть школьнику целокупно, истинно – всю историю России, Родины? Ведь то, что мы говорим детям в школах, формирует грядущее. «Сегодня – дети, завтра – народ», – сказал Никита Сергеевич Михалков. Владимир Малягин не боится открыто говорить о педагогических, образовательных проблемах – ведь наблюдается скрытая, подлая и опасная борьба и здесь, в этой сфере (да, в особенности – в этой, ибо то, каким ты воспитаешь, сформируешь народ в его нежном, предельно открытом, впитывающем знания детском возрасте, таким он впоследствии и будет!):

Не было в нас любви, было просто равнодушие. И это наше равнодушие сейчас обернулось многократно возросшей ненавистью и заставляет нас проявлять титанические усилия, чтобы разрушить ненависть и вернуть в отношения доверие и любовь. Я верю, что они вернуться, но это будет непросто.

И нам действительно надо воспитать новое поколение (а может, и не одно), чтобы увидеть новую Россию.

А ещё, чтобы эта новая Россия стала реальностью для наших детей и внуков, нам надо очистить авгиевы конюшни сегодняшней «российской» культуры, культуры отечественных русофобов и смердяковых. Этот главный карфаген мерзости и разврата должен быть разрушен. И чем быстрее, тем лучше.

И о культуре Малягин говорит. Прямо говорит. Смело. Жестко. Точно. Две беды в России есть – дураки и дороги, но и третья беда существует: отношение нашей власти к нашей культуре. Сложная эта связь! Драматическая воистину! Еще у Пушкина, перед порогом зрелости, перед всею его жизнью стояла эта дилемма: Поэт и Царь. Но в XX веке большая нас беда обхватила-обняла. Наши правители, увы, были некультурными людьми. Людьми НЕ-КУЛЬТУРЫ. Это и стало латентной

трагедией государства – и, разумеется, позволило представителям порочных западных культурных ареалов захватить «плацдармы» культуры сугубо русской, крепко-национальной, живоносной и Богоносной.

Где же выход? Где спасение?

Вы, начальники сегодняшней культуры, не можете применять насилие к тем, кто разрушает культуру («у нас ведь нет ни цензуры, ни идеологии!»), кто публично издевается в своих «постановках» над Достоевским, Чеховым, Гоголем? К тем, кто разрушает саму суть нашей национальной культуры? Или вы просто не понимаете, что происходит? Опять не верю...

Но понимаете или не понимаете, ваша задача – защищать российскую культуру от мерзости запустения на месте святе. Вы не можете и не хотите выполнять эту задачу? А зачем же вы тогда нужны народу? Не лучше ли вам пойти из государственной деятельности в частную жизнь, где вы сможете неограниченно наслаждаться тем «творчеством», которое вы же взрастили и поддерживаете?..

...Есть над чем печально подумать русскому человеку, читая эту книгу.

Есть что принять всем сердцем, радостно и долгожданно.

Жизнь одновременно и коротка, и безгранична. Владимир Малягин много всего доброго, верного, исполненного любви сделал в пространстве Русского Слова. Порадуемся же этой новой его книге – соцветию мыслей, рождающих вереницу мыслей в нас, созвездию чувств, что светить будут нам на небесах русской духовности, когда мы книгу закроем. Но мы унесем ее. В ладонях своей памяти. В живом, горячо бьющемся сердце.

Владимир АВЕТИСЯН

Родился в 1952 году в Армении. Окончил факультет журналистики МГУ. Заведовал отделом в районной газете, в настоящее время – директор сёминского Дома культуры «Радуга» Ковернинского района Нижегородской области. Свыше тридцати лет занимается культурно-просветительской работой на селе, краеведческими исследованиями, освещает в прессе проблемы сельской культуры, вопросы традиционного народного творчества, фольклора, художественных промыслов.

Опубликовал ряд книг о сельской культуре, народных художественных промыслах, сборник сказов «У нас на Узоле». Автор герба Ковернинского района (1988).

Живет в деревне Сёмино Ковернинского района Нижегородской области.

«Я – РУССКИЙ!»

О сборнике стихов Петра Родина «Стужа»

Что мне нравится у поэтов – это способность определять то, чего не уловишь прозой. И стихи Петра Алексеевича Родина убеждают нас: любая проза начинается с мыслей, приготовляемых поэзией. Представленные в этом сборнике стихи эмоциональны и добротны, искренни и точны. И неслучайно автор на основе своего духовного опыта делится мудрым советом:

Не называйтесь «поэтами»,
Слог доверяя листу,
Слово – оно, как водится,
Вызреть в сердце должно,
Чтобы потом хороводиться
С песнями заодно.

Воистину спешить в этом деле не стоит: «Поэты придут в свой срок», когда у них за плечами встанет время и пространство, пережитое и прочувствованное, – именно тогда его слово наберёт силу и сможет «хороводиться с песней заодно»!

Петра Алексеевича можно причислить к советскому поколению шестидесятников. Это было поколение интеллектуалов, чья молодость пришлась примерно на 1956–1968 годы. Именно тогда между «физиками» и «лириками» возник спор о первичности для общества этих понятий. Отсюда, из «оттепели» 60-х, зачинаются истоки поэтической лирики Родина. Далее они теряются в зелёных лугах его юности, у берегов величавой русской реки Ветлуги, где некогда проводил свои усердные труды преподобный святой старец Варнава – небесный покровитель Поветлужья.

«Поцелуемся с Ветлугой губы в губы» – восклицает поэт и ведёт нас к материнским своим деревням вдоль реки, там, «где легенды по округе ходят ветерками налегке...» Вспоминаются милые сердцу подробности, разбавленные ностальгией по прошлому. Безусловно, автор вышел из СССР, и в нём не стихает ностальгия по своей умершей великой стране – той трижды охаянной, но всё же благословенной и святой, рождённой в трудах и походах, в боях и победах русского духа! Та великая страна ещё живёт в его сердце и откликается смородиновым запахом родины. Уходят, умирают последние граждане той эпохи, пережив своё время. И автор считает своим поэтическим долгом рассказать о том, чем и как жили люди того времени, о чём мечтали, о чём пели. Сожаление не имеет смысла, бравировать цинизмом – не менее бессмысленно. Советская эпоха ушла в прошлое. Но именно в то благословенное время автор сложился как личность и обрел самого себя. Советское прорывается из залежей памяти и воздействует на его стихи едва ли не сильнее, чем прежде, только иначе: не присутствием своим, а отсутствием. Он чутко вслушивается в голоса поющих деревень по всей Ветлуге, где на свадьбах и народных гуляниях раздавались звонкие переливы гармонии. Что говорить, на Руси лучше гармонии инструмента не найдешь: под неё бабы и мужики пели и плясали, с ней и «резались» между собой озорными частушками. А уже после песен и плясок с новой силой закипала деревенская жизнь! Автор проводит нас по заветным тропинкам собственной памяти, собирает её, прихотливую и избирательную, выстраивает из разрозненных деталей. Нет, эти детали, пожалуй, не собрались бы вместе в поле его внимания, не стань советская эпоха прошлым. Он считает, что мы утратили самую большую ценность – свою Советскую Родину. Взамен получили море лжи, яркие фантики капитализма, в которые завернуты наши убитые души. Гибнут обезлюдившие деревни, зарастают бурьяном заброшенные сады и поля, рушатся старые родительские дома, вызывая в душе тоску и боль:

...Ты мне души, мой дом, не открывай,
Мой старый дом – изба с погибшим садом
И с огородом, тоже бывшим, рядом,
Где крышу сбросил кепкой наш сарай.

Приехал я на час или на два,
Минуя полустанки и столицы.
И допьяна хочу я здесь напиться,
Да так, чтоб не болела голова.

Пронзительно звучат слова лирического героя из стихотворения «СССР»:

А мы всё сидели
С приятелем Пашей,
И души сидели:
Страна-то не наша!

И нам не рыдалось,
Не билось посуды.
Сквозь мат прорывалось:
«Иуды, иуды»...

Остаётся только знать, помнить и любить всё лучшее, что было в нашей прошлой жизни, и на этих основах строить новую Россию, если мы не считаем себя иудами!

Особое внимание он уделяет природе родного края, описывая ее с удивительным мастерством и точностью.

К Русенихе берегом Ветлуги
Я иду заросшею тропой.
Под сосною ключик бьёт упругий
Из земли прохладной и сырой.

К роднику я припаду губами,
Сердце дрогнет от студёных струй.
И душевных сил он мне прибавит,
Деревеньки жаркий поцелуй.

О былом напомним Городище,
Тайны вековые все храня.
Русь моя, где ты светлей и чище?!
Краше уголка не знаю я.

Но вот рядом с мирными лирическими пейзажами появляется набатный зов поэта-патриота. В душу врываются пронзительно звучащие строки стихотворения «Я – русский!». Автор призывает: «Вслушайтесь в это слово!» Посмотрите, как всколыхнулся, как поднялся народ под силой воздействия этой фразы! Благодаря СВО на Украине мы воочию видим, как проснулось и показало свою мощь русское самосознание. Воистину русский – это не национальность, это состояние души! Ведь на территории России проживает около 200 наций и народностей. Многонациональность нашей страны закреплена в Конституции, и народы у нас скреплены не только русским языковым союзом, но и великим союзом душ и мыслей. Ты – русский, если твоё сердце для чести живо, если ты не хитришь и не держишь камень за пазухой, если любишь свою Родину, уважаешь её традиции, ценишь свою историю и память предков и, наконец, готов в трудную годину встать на неё защиту, как твои великие предки!

Я – русский!
Вы вслушайтесь в слово!
Я хмур и не речист.
И знайте, не будет иного:
С дороги смету, коль фашист!

И не праздного словца автор вспоминает о Куликовской битве и наших героических пращурах. В наше непростое время жгучим пророчеством звучат его строки:

А есть ли в толпе Пересвет?..
Кто выйдет навстречу
Батю, застившему свет,
На славную сечу?..
Нас ждёт изломе веков
Своя Куликовская битва!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Лев Зелексон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Басинский (Москва)

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Оренбург)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Санкт-Петербург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Владимир Седов

Наталья Суханова

Надежда Шевелилова

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и библиографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

Подписано к печати 04.06.2024.
Выпущено в свет 26.06.2024.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13